

Александр Владыкин

Талисман для «Яичницы»

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Талисман для «Яичницы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42746468

SelfPub; 2019

Аннотация

Я буду рад, если эта книга поможет кому-нибудь преодолеть болезнь, скрасит больничное время в ожидании вечных процедур. Эта книга для тех, кто верит в волшебство, кто не устал бороться с болезнями и другими невзгодами. Эта книга для любителей сказочных приключений.

Глава 1

Ведьмак жил не в лесу, он жил на пятом этаже хрущёвки, в, доме без лифта и коммунальных излишеств. Ведьмак был не стар, от силы лет двадцати пяти. И зимой, и летом ходил в свитере из колючей волчьей шерсти, одетом поверх голого тела. Он не с кем не общался, был нелюдим и полностью соответствовал своему прозвищу. Временами он пропадал, и надолго, но долгов за квартиру и коммунальные услуги у него не было, претензий от соседей тоже, поэтому считалось что он живёт, как все. Не пьёт, не буянит, дом не поджигает, да и ладно. К нему обращались те, кто что-то терял, он указывал на место где лежит утерянная вещь, а иногда, закрывал кулак правой руки, дул на него, и отдавал золотое кольцо, часы или мобильник хозяину. Это было чудо, покруче, чем в цирке. Некоторые люди, ведьмака, до обращения к нему, никогда не видели. У ведьмака были свои маленькие радости и свои слабости, но об этом никто не знал. Он любил гулять по городским улицам, когда на них никого нет: не пьяниц, ни автомобилей, не случайных прохожих, одни светофоры перемаргивались друг с другом. Собаки и кошки ведьмака боялись, его старались облетать даже летучие мыши. И тараканов в нашем доме никогда не было. Ведьмаку не нравилось, когда его дразнили дети и кто-то направлял ночью полицию и скорую помощь по его адресу. Не сомневаюсь, он наказывал шутников, и детишкам доставалось, особенно во сне. Город был маленький не перспективный, мо-

лодѣжь уезжала на заработки и тянула за собой всю родню, в нашем доме часто менялись жители, новые соседи не считали нужным здороваться, никто друг друга не знал, и, откровенно, всем было наплевать, кто и как живѣт. Поэтому, никто не помнил, как появился ведьмак. Мы жили с ним на одной площадке, почти не виделись. Соседская девочка с третьего этажа помогала мне с покупками иногда я нанимал её, чтобы она прибрала в квартире и вынесла мусор. Вот так и жили. Ведьмак иногда ходил на рыбалку, приносил рыбу, хорошую рыбу: судак, севрюга, осетрина. Он всегда делился уловом со мной. Я спрашивал его:

– Где купил?

Он всегда отшучивался:

– В Яузе.

Мы то знали, что река давно обмелела, и кроме московского мусора в ней ничего не водится. На улицу я почти не выходил, на костылях пол дня прыгать по этажам надо было, а в инвалидной коляске я только по квартире передвигаться мог, она стояла в коридоре, постоянным напоминанием о моем бессилии. Однажды ведьмак позвонил в мою дверь. Это было так неожиданно. Ко мне только женщина-почтальон раз в месяц звонит, когда пенсию приносит. Он попросил спички и немного соли. Я удивился, потому что сам, не раз видел, как ведьмак зажигал свечи, одним взглядом. Кто знает, может фокус такой, или ему для ритуала нужно? Покойная мать учила ничего из дома по вечерам не давать.

Только мне уже было всё равно, я уже ничего не боялся, и устал бороться с болезнью, и мысленно был готов к полной парализации. Сосед не уходил, мял спички и соль:

– Это я для уха. А не хочешь ли ты на рыбалку со мной поехать?

– Издевается? Не похоже.

– Как?

Я показал на коляску и костыли.

– Что-нибудь придумаем. Только ты, вот что, не удивляйся ничему, ладно.

Мы договорились на субботу. В субботу весь наш дом разъехался, кто на дачу, кто в Москву, кто куда. Я целых три дня улыбался, ожидая субботы, я знал, что этого не будет, это просто неисполнимо, а всё равно приятно. Я за свою жизнь, только раз на рыбалке был, это ещё, когда отец был жив. Он был военным, погиб в первую чеченскую войну, когда мне было шесть лет. Мать так и не вышла замуж. А потом я заболел. Энцефалит, и вот! Рыбалка, на ночь, с костром! Мне целую ночь снился сон, хороший, добрый сон, что я поймал сома, а он говорит:

– Поверь, Дэн, ты ещё ходить и бегать будешь.

Я упал с кровати. Мама говорила:

– Это от того, что ты во сне летаешь.

Сосед позвонил в дверь, только-только светать начало. Я не верил, это уже походило на розыгрыш. Пол часа я не мог добраться до двери, сосед стоял на подъездной площадке

со всеми рыболовными принадлежностями: от удочек и подкормок, до подсака с садком для рыбы, даже два кресла шезлонга было. Я проглотил все приготовленные обидные слова, больше раскрыв дверь. Сосед зашёл в фойе квартиры:

– Денис, ты ещё не готов? Я же говорил, что рано приду. А ты ещё даже не одет, а там комары, как вампиры.

Ведьмак помог добраться до шифоньера, а у меня для рыбалки даже одежды не было. Сосед понял, сбегал домой, притащил какую-то робу, и в течение пятнадцати минут с меня слепили что-то похожее на рыболова. Я всё равно, до последнего не верил. Ведьмак посмотрел на меня:

– А теперь, не удивляться, я такси буду вызывать.

Он посадил меня в центр комнаты, в раскрытое рыболовное кресло, парафином свечи нарисовал круг и стал петь древнерусские руны. Колыхнулась штора, кто-то появился в доме, ведьмак просыпал на пол соль и зажёл свечу.

– А теперь, сосед, закрой глаза и держись!

Я полетел, я чувствовал это. Мы полетели. Когда я открыл глаза, мы были перед рекой у шалаша, Ведьмак тушил свечу в стеклянном гранённом стакане, а на небе только начинало всходить солнце.

– Самое время клёва, и сосед схватился настраивать удочки, вбросил в реку садок, приготовил всё для рыбалки, даже успел подкормку для рыбы кинуть.

Я был, как в сказке. Эта река, этот наш полёт!

– Ты чего сидишь? Ищи себе место для рыбалки.

Я посмотрел по сторонам, мы забыли самое главное, мои костыли остались в квартире. У меня сразу пропало настроение. Я был лишён даже ограниченного передвижения, без костылей меня можно было только на руках перенести.

– Хватит сидеть, сейчас Огневица прибежит кухарить, а мы с тобой не одной рыбы не поймали. О, Сварог, опять лавровый лист забыл!

Я не понял, кто прибежит, но попытался подняться, и у меня получилось. Шатало во все стороны, а я как на детских ходунках, меня кто-то поддерживал невидимый и сильный. Я сделал шаг и чуть не упал в реку, вовремя меня сосед перехватил. Раздался девичий смех:

– Так вот какого ты мне жениха притащил? Он при моём появлении, сразу топиться побежал.

– Сестра моя – Огневица, не обращай внимания на егозу, язва ещё та!

Он приструнил малу. Я тайком осмотрел девушку. На вид ей было лет шестнадцать, одета совсем не по-московски, как артистка в платье до пят и крупные красные бусы на шее. Огневица заметила, что я за ней наблюдаю, засмеялась и довольная от того, что наделала много шума, убежала в чащу, собирать дрова для будущего костра. Сосед очистил для меня место и помог мне перебраться вместе с шезлонгом.

– На первый раз, мы будем вместе ловить на один подсак, пока ты освоишься, а то вижу, совсем ходить разучился.

Сосед одел наживку на огромный крючок, какого-то слиз-

няка или улитку без панциря, я даже таких не видел никогда, а он в траве, под ногами нашёл.

– Как река называется?

Спросил я Ведьмака.

– А разве я не говорил? Яуза.

Я оценил его шутку:

– Ты хочешь сказать, что деревня за бугром с деревянной церковью – это Москва?

– Молодец, соображаешь!

Тут у меня клюнуло, и я забыл про всё, про свою болезнь, про стеснение перед девушкой, про Москву и странный полёт. Сосед специально не стал мне помогать, оставил меня один на один с рыбой, сам с подсакom наблюдал за нашим сражением. Тут и Огневица подбежала. Знаете, как девушки в футбол болеют? Рыбалка то же самое, сплошные комментарии. Даже ведьмак улыбался, не верил, что у его шестнадцатилетней сестры столько азарта. Сначала рыба меня побеждала, и, если бы не Огневица, я бы давно бросил бы удочку, признав, что эта акула меня переломила. У меня не осталось сил. Но Огневица! Признаться, перед девушкой о своей слабости! Да я бы точно, лучше утопился. Наконец рыба сдалась, но у меня не хватило сил вытянуть её. Огневица выхватила удилище из моих рук, и они, вместе с братом, вытащили полутораметрового осетра. Нет, не вру, настоящего осетра. Потом клюнуло у соседа, потом опять у меня, но девушка настолько увлеклась рыбалкой, что забыла вернуть мне

удочку. После шестого осетра ведьмак остановил рыбалку:

– Два на уху, два Огневице в село, два мы домой заберём.

У Огневицы было приготовлено коромысло для рыбы, ведьмак выпотрошил рыбу в реку, вместе с чёрной икрой, подкормив хищных мальков, подцепил её на коромысло, и Огневица, забрав, причитающуюся ей рыбу, побежала в сторону села, называемого соседом Москвой. Фу, я расслабился.

– Меня Семёном зовут.

– Что?

– Ты не знаешь моего имени, наверное. Меня Семёном зовут.

Наконец, сосед представился. Моё то имя он знал, а я как все – Ведьмак, да ведьмак. Семён установил котёл для ухи, набрав воду прямо из реки, зажёл костёр, занялся рыбой, а я вспомнил, что пытался ходить. Руки и ноги трусились, мне не верилось, но я стоял, впервые за десять лет. Я стоял и плакал, как предчувствовал, что я завтра, и этого не смогу. Но пока, я учился ходить заново, падал, подымался, смеялся и шёл, пока не было Огневицы, мне, почему-то не хотелось, чтобы она видела, что я инвалид. Семён улыбался и варил уху, вместо лаврового листа нашёл горьковатые корни местных трав. Уха получилась знатная, жирная.

– А ну, посмотрим, что сестрёнка принесла.

И ведьмак развернул сельский тормозок Огневицы. Там был хлеб, круглый, большой, пахучий. Семён разломал его

по-крестьянски, руками, достал из дупла, спрятанные деревянные ложки и пригласил на уху. Настоящие рыбаки едят уху из котелка, не выбирая рыбу. Я впервые ел уху деревянной ложкой, непривычно как-то. Мне всё было непривычно здесь, всё казалось чужим, но одновременно и знакомым. Кому скажи, что ел уху из рыбы, пойманной в Яузе и сваренной на воде этой реки, за дурака посчитают. В Москве даже из крана, очищенную и продезинфицированную, не пьют, говорят – отравы. В столице центральной рекой считается Москва, в ней даже купаться запрещено, из-за мусора и канализации с водостоком, в реке весной так много химии и пластика, а летом пластик начинает цвести. Но самой опасной считается Москва-река, зимой на крещение, когда в проруби лезет разный люд, смывающий с себя всю грязь иноземных курортов. На крещение, в реке можно такую инфекцию подхватить, век не отмоешься. Не будем о грустном.

– Хотелось бы поближе на деревню Москву посмотреть.

Семён недовольно фыркнул:

– Ешь, ещё насмотришься. Набирайся силы от природы, а то шатает всего, не мышц, не здоровья.

Я и забыл. А есть я уже не хотел, инвалиды мало едят, лучше быть инвалидом детства, чем обжорой, придерживающимся нейтралитета в войне между холодильником и собственным весом. Семён пошёл в чашу:

– Пару рогатин выберу, а то возле реки медведя видели, бывает балует, и дровишек ещё припасу, костёр «хозяина»

отпугивает. Ночь не долгая, но холодная, ты только утром в туман не уходи, он тёплый, но потеряться можно, так что никто не отыщет.

А впереди была ночь, мы с Семой договорились, что не будем спешить возвращаться в воскресенье, хотелось ещё немного побывать на природе, моё тело ещё не надышалось радостью движения. Я не задавал ведьмаку вопросов, он вряд бы смог мне ответить на них, я просто боялся этих ответов. Спасибо, спасибо соседу за подарок! Спасибо за сказку с грустным концом. Я впервые в жизни, так не хотел, чтобы наступало воскресенье. Два осетра едва умастились в холодильник, мы вернулись в квартиру ещё быстрее, чем покинули её. Прибежала Огневица, что-то щебетала у шалаша, и вот. Сёма подал костыли и пропал. Нет ничего: ни Яузы, ни Москвы, ни рыбалки с осетрами. Я сидел у окна и бездумно смотрел на стекло, на душе было грязно, я злился на весь мир. Мне было грустно и обидно. Я чувствовал, я знал, что побывал в прошлом, только я не знал в каком веке, там, где была деревня Москва, в которой жила Огневица, на берегу большой и чистой Яузы.

– Что-то ты зачастил в наш мир. Не для того его Хорол создал, чтобы всякие Челстуги здесь ошивались. И за что тебе такие привилегии, подумаешь, пару посеянных к жизни вернул, всё равно, не каждый из них становится героем! Что на этот раз? Опять пропуск в закрытые зоны просить будешь?

– Мне нужен Волхв. Прошу совета.

– Ну, если Волхв? Тогда в очередь.

Мисл махнул рукой, и лес раскрылся, обнажив всех собравшихся на поляне перед жилищем Волхва. Челстуг поздоровался со знакомыми. Им приходилось раньше встречаться на перекрёстках миров. Мисл разбудил меня ночью, я знал, что Волхв приехал с открытия новых порогов времени, но не знал, когда он спит.

– Приветствую тебя, Челстуг! Давненько не было, с чем пожаловал? Что нашёл?

– Нашёл посеянного. Интересный экземпляр, десять лет наблюдаю.

– Чья реинкарнация?

– Боюсь ошибиться – Всевласа.

Волхв заходил по горлице:

– Не может быть! Если это действительно семя Всевласа, то после Ильи Муромца, это твоя вторая удача знахарь. Дед моего деда рассказывал мне сказы про Всевласа, это ещё до рождения былин. Мы даже не знали того, что богатырь оставил семя. А ты проверил?

– А, то! Вчера на рыбалку возил, в родовое поместье.

– Это то – на берегу Яузы?

Я кивнул.

– И как он выдержал?

– Как подобает! – Всевласу?

– Будем надеяться. Опять инвалид?

– Да, насекомое немощь, укус клеща.

– Сколько веков прошло, а мы до сих пор не знаем – кто против нас? Кому выгодно ослабление границ Руси? По что богатырей изводят подлым способом? Не до смерти, а до увечья, чтобы жил и не жил, а мучился.

– Что тебе от меня нужно, Челстуг?

– Замена нужна. Двойник.

– Не знаю, для Всеволового семени двойника не найти, но, если замена нужна, то есть у меня кое-какая мысль, приходи в следующую среду, что-нибудь придумаем.

– Ты уже начал Всеволода тренировать?

– Нет, только проверял. После замены начну, а то, кто знает, может не один я наблюдаю?

– Правильно. Контора Злыдня не спит! Аспид и Нежить, всегда под рукой и Неясыть в рукавичке. Они всегда опираются на законы Велеса, выкручивая нам руки. Это надо такое – все наши дела проверять, и это по Велесу, его книга – кодекс всего потустороннего мира. Может кто из конторы Злыдня и вставляет палки в спицы твоей телеги и ждёт, когда буйвол Челстуг упадёт на колени? Даже для проведения замены требуется их уведомить, они обязаны провести проверку, что замена произведена правильно и добровольно, без силового принуждения, иначе ничего не получится. Без проверки конторой Злыдня, замена будет аннулирована.

Волхв ещё раз предупредил меня насчёт среды, и картинка потустороннего мира растаяла, рассыпалась, как песоч-

ный домик, который строил малыш под надзором своей бабушки. Я знал, что на среду пропуск уже готов и как только настанет моё время приёма, меня Мисл выдернет в мир Хоррола, где бы я не находился. Две птицы – символа венчали герб Волхва – ворон Мисл и Горлиц, у Горлиц было два начала: женское – удача, судьба, любовь, и мужское – удар, вызов, излом. Ворон был встречающим – секретарём у Волхва, А Горлицу всегда работы хватало, в отличии от мудрого Мисла, он не был домоседом, мотался по временам и реалиям, и в потустороннем мире был редким гостем. Горлицу до всего было дело. При встрече Мисл постоянно ругал Горлицу, за низменную способность преобразиться в бомжа, нищего и везде у всех что-то канючить, вымаливать, выпрашивать, говорят, за «чекушку» можно было судьбу поменять. Не верьте, Горлиц мог и одаривать, а мог явиться в своём мужском начале. С Горлицем нам приходится встречаться чаще, чем с Вороном, мы к нему привыкли, поэтому не замечаем, а ворона можем увидеть, только перед смертью, кого он считал нужным предупредить, постучав клювом в окно. Клюв скользит по стеклу, издавая зловещий звук:

– Мисл, мисл, мисл... Готовиться поздно, секретарь волхва принёс пропуск в потусторонний мир, ждите – вам назначено.

Челстуг помнил тот момент – встречи с живыми символами Волхва, он не умер, он прошёл переход и узнал, что относится к посеянным – бессмертным, рождённым для подвига

и выполняющим, каждый свою миссию. Челстуг поисковик, найти героя, это тоже подвиг.

Глава 2

«Солнце» пролетело ночью, задев верхушки леса, задымилась соломенные крыши домов. Пожар до утра успел спалить село, со скотиной, с запасами зерна, с хворыми лежачими стариками. И на этот раз Думану повезло, огонь не задел его земляной дом. Как будто сам Род отвёл беду от жилища Думана. Селяне собрались на берегу реки и ждали рассвета, чтобы оценить полный ущерб от пожара, и найти хоть что-нибудь, уцелевшее в этом огненном аду. Пахло жаром и сосновой смолой, природа сама, как могла, защищалась от огня. Лесной пожар пробежал верхушками деревьев и потух на болотах, многочисленные ручьи и река, не дали огню спуститься вниз, а утренний туман, пригасил тлеющие головёшки и сухие ветви омель. Ветер уносил дым по реке, недовольным отголоском пойменных лугов, доносилось ржанье молодняка, пастухи были в ночном, они видели всё, лошади фыркали и пятились от дыма.

– Это было не «солнце», а скорее купол, огненный купол с крыльями дракона, он зацепился за деревья и упал за болотами, превратив их в пар. Потом был взрыв, сильный взрыв и хлопки, как сырые ветки трещат в костре.

Каждый из пастухов по-своему описывал происшедшее.

– А ты Фрол, что видел?

– Я? Ничего. Я спал.

– И взрыва не слышал?

– Какой взрыв?

Больше к Фролу никто не приставал, Волхву этого только и надо было, паренёк уже десять минут был под его контролем. Злыдень выпустил Неясыть. Волхв привлёк контролёров к поискам двойника, потусторонний мир считал Всевласа утерянным и его реинкарнация в одном из временных сегментах Земли – была чудом. Волхв и Злыдень не были врагами, скорее конкурентами. Они делили один мир, материальное с невидимым (Если Волхв отражался в зеркале, то Злыдень был за ним, за отражением). Неясыть полетела в сторону села, оглашая окрест ужасающими криками.

– Это покойники выходят на луг, выманивая русалок на танец, но русалки не хотят мертвяков и присылают вместо себя утопленниц.

Фрол пошевелился и под ним хрустнула ветка. Из тумана что-то вышло – с собачьей головой и с заячьими ушами.

– Я пригласить хочу на танец вас, и только вас!

– Мама!

И гурьба ребятишек, ломая всё на своём пути, ломанулась к селу.

– Ты не можешь без своих шуток, Аспид! Зачем малых перепугал?

– А вы почему без меня улетели?

– Но должна хоть какая нечисть остаться в потустороннем мире!

Неясыть сделала круг вокруг села, вернулась и примостилась на сухом дереве, возле шалаша пастухов.

– Ты видел его? – спросил волхв.

– Угу!

Волхв отпустил мальчика, и Фрол припустил за своими.

Волхв принял вид старца, наполненного мудростью веков и побелённого временем. На его плечах была сума, пахнущая кусками хлеба и луговой лапчаткой. Он отправился в село в образе знахаря, вместе со своими невидимыми попутчиками. Неясыть помог найти дорогу к жилищу Думана. Вокруг бегали какие-то люди, погорельцы рылись в своих бывших жилищах, никто внимания на старика не обращал. Волхв подошёл к землянке, постучал по косяку двери и попросил воды. Из землянки раздался глухой голос:

– День добрый!

– Проходи, бери, что нужно. Я бы и рад, но не могу.

Волхв вошёл в дом. Черпак и ведро с водой стояли на столе. Хозяин лежал на лавке, и по глазам было видно, что голоден. Волхв подал ему кусок хлеба и буженины. Подождал, когда молодой парень напьётся после сытного завтрака, чтобы вытянуть его на разговор.

– Так ты говоришь это на реке случилось, месяц назад?

– Да, там около моста вся молодёжь собирается. Меня толкнули в воду, вроде шутя, потом всё тело пронзила боль, и я потерял сознание. Ребята дотащили до дома, но я ничего не чувствую – ни боли, ни радости.

– А ты не видел, кто тебя толкнул?

– Вот в этом и самая главная каверза, рядом никого не было.

Старик обратился к пустоте:

– Невидимое. Это по твоей части.

– Я мил человек – знахарь. Твоя болезнь мне знакома, её нужно лечить силой духа и разума. А у меня уже не того, ни другого. Стар я стал. Жди, я в среду пришлю ученика своего, его зовут Челстуг.

И старик пропал, растаял на глазах. Из ночного прибежал брат, помог Думану повернуться на бок.

– Ты старика не видел?

– Какого?

– Знахаря.

– Нет не видел.

– А, что ты такой взъерошенный?

– Мы от русалок убегали.

– Что за день такой, село сторело, за мальцами русалки гоняются, знахари в воздухе тают.

С дерева поднялась Неясыть и с, холодящим кровь, криком, полетела в сторону леса.

– Угу! Угу! Угу!

– Ты выяснил, кто толкнул Думана?

– А, как же. Родная сестра твоего любимчика Челстуга.

– Огневица?

– Нет, старшая – Озорница.

– Тоже посеянная?

– Да, но не наша. Поговори в среду с Челстугом, может повлияет. Пусть хоть причину назовёт, кто надоумил посеянного искалечить.

Челстуг ждал среды, и Думан ждал. Но к Думану ночью пришла Озорница и окутала его приворотами и волшебством, он совсем забыл про знахаря.

– Я люблю тебя!

Шептала невидимая девушка во сне, – я никому тебя не отдам, ты мой, ты только мой и ничей! Странная это была любовь. Думан готов был побожиться, что он слышит слова и чувствует ласки девушки, он знает даже её имя, он разговаривает с ней. Она красивая Озорница! Она нравится Думану. Если это не козни старой ведьмы? Думан не знал – Озорница тоже была из этого клана, и раз в году обязана была посещать Шабаш, но она была молода – кровь с молоком, и впервые влюбилась. Она знала, что Думан из смертных, но сердцу не прикажешь.

Волхв всё объяснил ученику: замену нашли, только твоя сестра нашла его раньше и чуть не спутала нам все карты.

– Нам – это кому?

Челстугу хотелось знать, кто ещё замешан в его дела.

– Мне и Злыдню с Аспидом.

Челстугу это не нравилось, но таковы законы Велеса, может даже и лучше, что контролёры привлечены к поискам.

– А, с сестрой что?

И волхв рассказал о проблеме. Поговори с ней, иначе... Челстуг знал, что такое иначе! Счастья в этом мире им не будет. Озорница ждала брата, она уже знала, что он пришёл в их мир, пройдя через охрану и завороты. У брата был постоянный пропуск, выданный советом посеянных, с ним считались даже властители миров. Брата привел Неясыть, для этой шпионской птицы потустороннего мира, не существовало невидимости. Неясыть подвел Челстуга к девушке, и выполнив своё задание, потребовал оплаты от знахаря. Челстуг давно приготовил мышь. Птица была довольна, Челстуг не видел, как она спланировала в сторону реки, пролетела под мостом и исчезла за излучиной.

– Здравствуй Озорница, разговор есть.

Озорница не любила, когда брат начинал говорить с ней подобным тоном, она знала, что будет выговор, только не понимала, где проштрафилась. Вроде никому на хвост не наступала, ни с кем не ссорилась.

– Думана. Такого знаешь?

– Ах вот оно что! Я, вообще – то, взрослая девочка, между нами два года разницы, ты хоть и старший, не забывай, что мне – двадцать пять годков. И я, как любая женщина, замуж хочу, и чтоб было всё по-настоящему: с фатой и голубями. И детей хочу, и чтобы их было много.

– Ты знаешь, что он не посеянный? Совет не даст добро на ваш брак. Ты решила пойти путём наших родителей?

Они нарушили закон, но никто в совете не смог снять с них их миссии. Родители остались посеянными, но смертными. И если бы не было их, то не было бы нас, может в этом и заключалась их миссия. Ты умная женщина, всё понимаешь. Я предлагаю вам выход: переселиться в другой мир, не подвластный совету, там нет никого из миров созидания: ни Злыдня, ни Аспида, ни книги Велеса. Не работают там эти законы, и ты там будешь видима, и всё там будет так, как ты хочешь.

– Ага, а если я не понравлюсь?

– Кому?

– Думану моему.

– Понравишься, ты не можешь не понравиться. У тебя приворотов на несколько тысячу лет припасено, все косметологи Земли, тебе в подмётки не годятся.

Озорница заулыбалась, от брата комплимент заработать тяжело.

– И ещё. На Земле Думан будет ходячим и здоровым.

Озорница опять клюнула носом:

– Я не красивая! Уродина! Уведут жениха, прям из – под венца утащат!

– Кто это тебе сказал? Кто тебе такое в голову вбил?

– Сестра двоюродная, Водяница.

– Это она тебе подсказала жениха в реку кинуть?

– Угу. Калека он никому не нужен. А мне нужен.

Челстуг всё понял, воду ведьмы мутят, об этом волхва

предупредить надо. Если это будет связано каким-то образом с другими посеянными, то я ведьмам не завидую. Челстуг представил: Волхв передаст в совет, а совет обязует Злыдня всё проверить. Аспид всё раскопает, ой что будет! Надо будет Думана проверить и Озорницу ему показать. Челстуг не стал выдумывать что-то нестандартное.

– Я обращаюсь к Мислу за пропуском для тебя и Думана, и на вечер в пятницу, приглашаю вас обоих на рыбалку. Пора с будущим родственником познакомиться, да и с сестрой тебе стоит пообщаться, тоже уже невеста поди.

Озорница зарделась, только Челстуг этого не видел, его вызвал Волхв, и Мисл его выдернул из горлицы сестры. Ученик нашёл виновных в увечьях посеянных, это Волхва радовало.

– Ты оставил оберег для своей сестры?

– Для сестры, для её жениха и его братьев, и Неясыть наблюдает.

– Но Неясыть нам не подчиняется и меня не любит.

– Зато она мышей любит.

Я рассказал учителю о своих планах на будущее, и как собрался замену произвести, он обещал помочь с акклиматизацией двойников.

Денис несколько раз на день добирался до дверей Семёна, звонил, но того не было дома, больше недели уже отсутствовал. Дэн реагировал на любой звук в подъезде, он опять

приступил к оздоровительной гимнастике, с трудом нашёл, закатившиеся под диван, гантели. За окном был август, Дэн встречал проходящие из Москвы электрички, но Ведьмака не было. Дэн чувствовал, когда он ходит по лестничному пролёту, Дэн помнил звук его шагов. Он не знал, что хотел сказать соседу, каждый день, вспоминая время, проведённое на Яузе, ему снилась Огневица, её задорный смех. Дэн просто ожидал, чтобы пожать его крепкую руку, Дэн ожидал чуда. В тайне от всех, он мечтал снова побывать на берегу реки около деревни-Москвы.

– Ещё насмотришься – говорил Семён, – а Дэну не верилось.

Дэн засыпал в кресле, в однокомнатной квартире, а мечтал, что проснётся в шезлонге. Впервые в жизни он скучал, скучал за своим соседом, за взбаламученной девчонкой из деревни Москва, за осетриной, побеждающей в рыболовном «реслинге». Челстуг думал:

– Это не просто поменять времена для человека, окунуться в прошлое всё равно легче, чем вынырнуть в будущем, ты всё равно находишься в одной действительности, хотя меняется всё, даже вкусы и привычки. Организм защищается, старается забыть всё, что было в будущем, он просто не помнит того, что ещё не случилось, и забывает то, что уже произошло, а тут ещё время подбрасывает сюрпризы, кромсая историю по-своему усмотрению. Но всё равно – это в одном измерении и разницы нет, если чуть сместилась система ко-

ординат и ты, нырнув в Твери, вынырнул совсем в другом месте, там, где и людей никогда не было. А представь, что нужно поменять миры. Не всякий посеянный выдерживает временные катаклизмы.

Ученик Волхва мог только смягчить переход, но организм перемещённого должен сам справиться с нагрузкой, внутренне переболеть, смириться с потерей своего мира, тем легче будет реализовать себя в чужом. Челстуг думал, он рисковал чужими жизнями, поэтому выбирал одних посеянных, но тут был особый случай. Думан не был посеянным, и нужно было добиться его согласия на переход, в присутствии Волхва и Злыдня, два властелина могли быть свидетелями перед советом посеянных. В отношении людей, Закон Велеса безмолвен. Люди – это результаты войн между мирами, и они не из нашего клана. Челстуг поспешил к жениху Озорницы. Сестры не было, и знахарь огласил свой вердикт: – Болезнь твоя не простая, болезнь колдовская, чтобы излечить её, необходимо тебе покинуть село. Пока ты здесь, беда на всех жителей распространяется, то пожар, то потоп. Хорошо, хоть о этом земляки не догадываются, а как только до них дойдёт, что не с проста это – всё село в огне, а дом Думана цел, и это не первый раз.

– И неправда! Это я дом от беды спасаю. Заговорами и оберегами.

– А, ну, кыш отсюда, Озорница, негоже подслушивать, когда мужики мужской разговор ведут.

Девушка со смехом выскользнула из землянки. И Челстуг рассказал, почти всё о Денисе и другом мире, к которому очень тяжело привыкнуть, он чем-то похож на сказочный: в нём телеги без лошадей бегают, под землёй огромные гусеницы живут, а в небе железные птицы летают. А ещё он сказал, что Денис молод, одинок и тоже калека. Ему, чтобы выздороветь в наш мир надо, а тебе в его.

– Не смогу я там, непривычно.

– Я тебе помогать буду и Озорница. Назавтра я вас на рыбалку пригласил, там и увидишь свою наречённую.

Думан вздохнул:

– Как всё сложно. Всё заколдовано. Чтобы невесту увидеть, надо в другой мир перемещаться.

– Ты согласен на перемещение в другие миры?

– Конечно согласен, кто от такого откажется?

– Злыдень и Волхв, слышали?

– Слышать, слышали, но ты ничего об опасности не сказал, о риске перемещения.

– Да, Думан, не все выдерживают испытаний прохода. Много людей умирают при переходе из мира в мир. Но я выбрал щадящий вариант проверки, пригласив тебя на нашу Родину в Московию. При переходе и я и Озорница помогать будут. Ты подумай! Может откажешься?

– Без движения и без любви – это не жизнь! Я согласен.

– Ура!

– Озорница! Ты опять здесь?

Оба правителя ушли в потусторонний мир удовлетворёнными, вспоминая свою молодость. А я начал готовиться к завтрашнему переходу. Я волновался, Думан был первым человеком, проводимым мной, не представляю, что творится в голове Озорницы. Этот переход забрал все мои силы, Озорница хлопотала над человеком, её тело медленно приобретало знакомые мне черты. Мы с сестрой крутились в одних мирах, живя по законам Велеса. Она, с рожденья, была принята в клан ведьм, по желанию матери, посеянной от мастериц Хаоса, и в различных мирах становилась не видимой, я же, волей отца, был принят кланом птиц, и Мисл, и Горлиц были моими кровными родственниками, я, Челстуг, коршун в потустороннем мире, мы все были на службе у Волхва, и все были материальными, видимыми во всех мирах. Мы были детьми странных созданий, которые, вопреки всем запретам, создали семью. Нас воспитывала невидимая мать. Я чувствовал теплоту её рук, нежность поцелуев и прохладу дыхания, я слышал её голос, но никогда не видел. Отец был мощен и похож на скалу, он рано погиб, защищая город от оползня. Мама говорила – отец по жизни был тяжёл, как камень, но у него было доброе сердце. В нашей семье было четверо детей: Я самый – старший, Озорница, Огневица и Корчег. О младшем брате мы старались не вспоминать. Он был посеянный, но принадлежал к тёмному миру, враждебному нам. В тёмном мире были такие же жизненные законы, как в нашем, но перевёрнутые, они не признавали книгу Велеса и жили

по своему кодексу тёмного мира, и все подчинялись власти четырёх баронов. Я испытал дьявольскую перегрузку, защищая Думана при переходе. Человек был жив, а это главное. Озорница заставила его заснуть, иногда полезно иметь жену ведьму, на снотворном экономишь. Я улыбнулся. Огневица почувствовала наше проникновение и спешит к нам из деревни. Я первым встретил её. Радость на лице сестры, сменилась разочарованием:

– Я думала..., с прибытием семья!

Она побежала обниматься с Озорницей. У человека дыхание стало ровнее, он попытался открыть глаза. Перед ним сразу было две девушки: Огневица с броской причёской и красными волосами и Озорница в серебряном колдовском наряде с распущенными фиолетовыми кудрями.

– И кто из вас моя невеста?

Девушки обнялись:

– А та, которую тебе сердце подскажет, Добрый молодец!

Думан поднялся на ноги, сделал глубокий вдох и показал на Озорницу, угадал, а я бы не смог. Голоса у сестёр почти похожи были, но Думан признался мне: от невесты всегда пахло медуницей и голос был на пол тона нежнее. Огневица не расстроилась, за Дэна меня спросила:

– Твой двойник совсем на него не похож, стар уж больно.

Я подумал, рыбалка меня менее всего интересовала, мне нужно было, чтобы Думан здоровье восстановил после перехода, уже стоит и ходит, это хорошо, даже не заметил из-

менений в физиологии. Мне нужно время, чтобы провести инструктаж, сразу обоим – жениху и невесте. Им ещё через один переход пройти придётся, я их решил из Москвы, сразу на такси в комнату Дениса перебросить. А, пока:

– Огневица! А не хочешь ли ты со мной на Землю съездить, друга рыбака поведать?

Огневица завизжала от радости и повисла на моих плечах. Наконец, Озорница заметила, что жених стоит, сколько радости было. Думан закрутил её в вихре танца. Они кроме друг друга никого не замечали, мы с Огневицей провели ритуал, вызвали такси, и не прощаясь, превратились в огненный купол и маленькой, едва заметной искоркой исчезли из этого мира. Мы были в одном измерении, переместились из прошлого в будущее, для посеянных это просто, словно переступить через порог своей квартиры.

– Ух ты! Сосед мне прямо на голову свалился, а Огневица медленно опустилась на пол.

Я сидел в кресле и почти дремал, на улице уже успело потемнеть. Я не стал хитрить и делать недовольное лицо:

– Мол не рад неожиданным гостям.

Я был рад, вы не представляете, как я был рад! Огневица нашла веник, а мы с Семёном пошли на кухню потрошить холодильник. У меня был холодец из осетра, быстро соорудили яичницу. Потом Сёма помог сестре настроить душ в своей квартире, показал, как им пользоваться, и пришёл ночевать ко мне, поговорить надо. А я и рад! Мне давно многое

сказать нужно, а я никак не решаюсь: и про болезнь, и про одиночество, и про то, что у меня друзей нет, и про то, что они с Огневицей – самые близкие люди для меня.

Глава 3

Мы проговорили целую ночь. Я всё понял, я был согласен на любые условия, лишь бы быть здоровым. Семён предупреждал, что меня ждут опасности, ежедневные изнурительные тренировки и учёба.

– Тебе многое следует узнать, тебе придётся защищать мир, чужой мир, населённый людьми и не только, приготовься к тому, что ты никогда не вернёшься на Землю. Ты посеянный, мы примем тебя в потустороннем царстве, в клан Волхва, мы будем помогать тебе и Огневица, если посчитает нужным. Ты можешь поменять своё имя, выбрать тотемное животное или птицу, или рыбу и братья по крови тоже будут помогать тебе.

Неспешный соразмеренный ритм диалога гипнотизировал меня, я не заметил, как уснул. Мне снился дивный сон: я видел своего соперника, мы не были врагами, и по жизни шли вместе в одной упряжке, и если расходились, то не на долго, наши пути опять пересекались, и мы делали одно дело, но каждый по-своему. Соперник был похож на соседа, только выглядел моложе. Проснулся я на берегу Яузы, опять почувствовал прилив сил и приток крови к мышцам моих ног. Я встал:

– А Огневица где?

Из рыболовецкого шалаша выглянула девушка:

– Здравствуйте! А Огневица в деревню полетела, ей «цыпляток» покормить надо.

– У неё что, куры? Птицефабрика с фермерским хозяйством?

– Это у вас куры, а у неё маленькие дракончики. Фабрика не фабрика, а каждый посеянный должен своё дело делать. Ты кто?

– Я Денис.

– Это с Земли, который? А я – Озорница, мы с женихом будем жить в твоей квартире. А Земля какая – хорошая?

Я уклончиво ответил – разная, и люди на ней живут разные. Появился Семён, познакомил меня с проснувшимся Думаном и попросил проинструктировать молодёжь. Мне они задавали вопросы, и я отвечал, Озорница тут же всё запоминала:

– И насчёт пенсии, и женщины почтальона, я даже рассказал про девочку с третьего этажа, которая мне покупала продукты и иногда убирала в квартире.

Семён объяснил Озорнице, что немного вначале притвориться Думану надо, и имена срочно поменять:

– Ты будешь Алёной, а жених твой Денисом, я тоже на Земле не Челстуг, а Семён.

Озорница вспрыснула, смешным ей земное имя старшего брата, или жениха показалось.

– А документы, это ты сама уже на Земле сделаешь. Учти

Алёна, тебе многому научиться надо, на Земле денежная система, и интернет есть, правда у Дэна, кроме поломанного телевизора я ничего не видел.

Я хотел добавить:

– А ещё, у меня есть рабочий транзисторный приёмник, на батарейках, только самих батареек нет; но передумал. Семён готовил влюблённых к внедрению на Землю, как сверхсекретных агентов, оттачивая каждую мелочь. Боже мой, это для меня так просто на Земле, а самому внедряться как придётся? Если в этой «Московии», на промежуточном этапе

– у Огневицы, зверосовхоз в хозяйстве, целая «крокодилья» ферма, а что будет там, в том мире, который мне защищать придётся?

Я задал вопрос:

– Всё про Землю, да про Землю! А что меня ждёт в твоём мире, Думан?

Что я буду там Думаном, я уже понял.

– А в моём мире, там всё просто, нет никаких волшебных вещей, как у вас: ни автомобилей, не поездов с самолётами и теплоходами. Село, как село, лес с оборотнями, граничит с урочищем ведьм, они к нам почти не ходят, что только, по праздникам. Ну, есть ещё гоблины с копателями и река, в реке – хозяйство водяного, а мост наш – мы его с чертями строили.

– Ничего себе просто! Кто из нас ещё в сказке живёт? По его соображению все сёла такие – во всех мирах, граничащие

с урочищем ведьм.

Меня вымотал этот день, я проснулся в шалаше, все разлетелись, а про меня забыли, рядом по реке кто-то ходил, громко по воде стуча босыми ногами и подымая кучу брызг. Этот кто-то был похож на лягушку, на большую лягушку.

– Водяной, – догадался я.

На берегу кучка енотов гремела посудой, отмывая её до зеркального блеска. Небо начало сереть, взлохмаченные облака разгоняли последние солнечные лучи этого дня. Вдруг в небе сверкнула зарница, потом ещё одна, ещё. Через несколько минут собрался сверкающий клин, римской пятёркой, и стал удаляться в сторону горизонта.

– Рано. Ещё осень не настала, а стая жар-птиц, уже на юг подалась.

Я оглянулся. Никого не было.

– Ты кто?

– Аспид.

– Змея, что ли?

– Типа того, только змей, и невидимый.

– А что ты в моём шалаше делаешь, Аспид?

– Меня на охрану поставили, ты же за потусторонним миром приписан, значит мы отвечаем за тебя, пока не пройдёшь обучение.

– А где все?

– Кого ты имеешь ввиду?

– Ну, где Сёма, Думан, Озорница?

– Без понятия. А с ведьмами я не дружу.

И Аспид пропал вообще, перестал откликаться. Поздно вечером прибежала Огневица, я только подбросил ветки в костёр.

– Аспид здесь?

– Не знаю, был минут двадцать назад, а что случилось?

– «Цыплята» пропали, двух штук не досчиталась. Почувствовали отца в Московии.

– Эй, чешуйчатый, хватит прятаться. «Цыплята» у тебя?

Кто-то не удержался на дереве у реки и всей массой плюхнулся в Язу. Было такое ощущение, что кто-то уронил бегемота. Один-ноль в нашу пользу, и ты, второй, слезай – командовала девушка. Вскоре около нас было два маленьких чудовища, они головами лезли под руку воспитательницы, просили ласки.

– Хорошо, Аспид. Ты провожаешь их в «ясли» и будем считать, что ничего не было, и инцидент исчерпан.

Два бегемотика, с крыльями, запрыгали на берегу от радости. Невидимый Аспид повёл их в деревню.

– Вот так мы и живём. Привыкай Дэн. Не знаю, в каких мирах Аспид себе невест находит, но рожать они, почему-то сюда прилетают. Драконы – они в красную книгу записаны, а я из посеянных, моя обязанность растить их. Матери вскармливают молоком, первое время, потом улетают в свои миры, здесь для них пищи маловато, им стадо коров на неделю хватает, мы итак стараемся их подкормить, по возможно-

сти. Для малых Московия – это ясельный период, как только подрастут крылышки, потом мы их в другой мир отдаём, для созревания и обучения. Они проходят четыре мира совершенствования, прежде, чем стать взрослыми драконами.

– А дальше?

– А дальше они сами выбирают мир, создают семью, и, если не могут прокормить детей, обращаются к нам.

– И много таких «цыплят» в твоей птицефабрике?

Огневица заулыбалась:

– Две девочки и два мальчика. На следующей неделе воспитателям другого мира отдам. «Цыплята» пятиметровый забор, ради встречи с отцом, перелетели.

Странно это.

– Огневица, а Московия это что, инкубатор для драконов?

– Нет, ты неправильно всё понял. Московия – это учебный центр для начинающих, таких, как ты. Полигон для испытаний, здесь тебя учить будут, здесь ты и экзамены сдавать будешь.

Незаметно мы подошли к мосту. Огневица сказала:

– Назад с Аспидом пойдёшь. Он за тебя отвечает.

Я не стал спрашивать – как, все мы в этом мире, за кого-то отвечаем. Мы стояли с Огневицей над бурлящим потоком реки, под мостом река всегда набирает оборот, образуя круговороты и воронки, я дошёл почти до села, сам, и даже не устал совсем. Огневица улыбнулась:

– Привыкай. Это только начало, вернётся Челстуг, начнут-

ся настоящие тренировки. Силу и знания тебе набирать надо, если ты действительно из реинкарнации Всевласа. Планета твоего предка до сих пор свободна от посеянных, туда даже драконы не залетают, боятся. Мир Всевласа – это испытание характера, силы и смелости. О чём это я? Всему своё время, узнаешь сам от наставников. Только не верь никому, никто не вернулся с земель Всевласа, и никто не знает, куда делся он сам. Ведьмы не видят его не среди мёртвых, не среди живых, нет его в аду, нет и в Ирии. Странно, как тебя в живых оставили?

Мы с Аспидом вернулись к шалашу, я спутника, только по тяжёлому дыханию определял. Огневица говорила, что змею легче летать, чем ходить, но он не терпит одиночества, ему даже не собеседник нужен, а, чтобы был кто-нибудь рядом. Челстуг был занят, но Волхв помнил о своём обещании и прислал Горисвета – посеянный из былинных, его пограничный отряд стоял на дальних рубежах наших земель, на границе с тёмными мирами четырёх драконов. Горисвет был в отпуске, местом отдыха выбрал Московию, а, чтобы скучно не было его Волхв и нагрузил. Горисвет был моим первым тренером, и тогда я узнал, что в этом мире, кроме рыболовецкого шалаша, существует кросс и слалом, а есть ещё гири, штанга и турник. Последний – самый противный из перечисленных, потому, что стоит на месте, а ты крутишься, как белка в колесе и думаешь, что ты солнышко, а Горисвет говорит, что нет. Я спросил, как он определяет, он ответил – по запа-

ху. Смех Огневицы до самой деревни долетел. Я, чуть сквозь землю не провалился. Ему помогало меня тренировать всё местное зверьё: волки, каждое утро шли по моим пятам, на мосту ждали кикиморы с ушанами. Вы не знаете, кто такие ушаны? Ваше счастье! Нет, это не зайцы, и не кролики, даже не ослы с уланами, ушаны – это летучие мыши, величиной с маленького медведя. Вдоль тропинки ползали живые скакалки, не захочешь прыгнуть – прыгнешь, подальше от этого шипенья с пересвистом. Пара упырей, в боксёрских перчатках, ждала меня на конце каждого кольца, эти кенгуру болотные помогали мне выработать реакцию, так что лицо у меня постоянно было похоже на смесь апельсина со сливой. И таких колец, за день, мне надо было накрутить пятнадцать, каждое в три километра. Огневица иногда прибежала, обед приносила, я её по запаху хлеба определял. Прошло три месяца, пока я втянулся в этот дьявольский режим, каждый день считал, когда отпуск у Горисвета кончится. Я не знал, что его Волхв оставил до конца моей физической подготовки, когда я сам, по своему желанию, без принуждения одолею этот маршрут, не прилагая особых усилий, нокаутируя обеих упырей. Волхв сам принимал экзамен, застыв с секундомером в руках. Властелин потустороннего мира остался удовлетворённым, Горисвет тоже, на завтра мой тренер покинул полигон. Волхв дал мне пару дней отдохнуть, чтобы потом прислать нового мучителя. Кросс для меня остался, вместо утренней физической разминки, а для развития мо-

их мозгов, для меня, грозились мага привлечь. Вот придёт маг, тогда ты узнаешь, почём фунт лиха! Маг задерживался. Два раза прилетал Челстуг, но в мой учебный процесс он не вмешивался, у него на Земле своих проблем хватало, там бедному Денису-иномирянину доставалось. Челстуг рассказывал, как они, вместе с Озорницей, две недели не могли его в трамвай затянуть, а в метро три дня ловили, не могли вытащить. Эксперименты с самолётом, Челстуг оставил до лучших времён. Но больше всего Думан боялся поливальных машин. На Земле полигоном город Москва была, всё было терпимо, с переменным успехом, до появления поливалок, тогда иномирянина можно было найти в шестидесяти километрах от Москвы, на пятом этаже, под диваном. И чего он этих плюющихся драконов боялся? (Если честно, мне эти поливальные машины тоже не очень, хуже каруселей и аппаратов гриль, где голые курицы танцуют. Больше десяти лет на Земле, никак привыкнуть не могу). Я уже не смеялся, Горисвет мне рассказывал про козни тёмного царства и что эти изверги с пленными делают, прямо на границе, на глазах стражей, поджаривают пленников живьём, проткнув костяными копьями, как в микроволновке. Нервы не выдерживают. Войны Чертополоха заманивают стражей в ловушку, сколько народу погибло – тьма! Маг пришёл на пятый день со страшилками. Сам маг мне показался длинным неуклюжим, не опрятным, страдающим близорукостью и склерозом, он по пути умудрился потерять свой ботинок и

хромал в одном грязном носке, опираясь на волшебную палочку, больше похожую на рукоять от зонта. Страшилки были настоящими, отвратительными и леденящими душу. Они, по мере своего путешествия, превращались в каскадёров для фильмов ужаса. Здесь было всё: от покойников в гробах, до ангельских вампиров, они перекривляли ведьм, доводя их до бешенства. Мне запомнилась мышь, это явно был он, рискованный и по-хамски – нагловатый, он всегда появлялся неожиданно, и на такой скорости, что сразу не сообразишь, что у тебя бегают под ногами. Мышь любил пугать русалок и драконнес. Последние «Лебединое озеро» танцевали с криками, а русалки рвали друг на друге волосы, потому, что этот мышь любил появляться, как эксклюзивный штрих дамского мастера парикмахерского искусства. Особо мышь гордился своими зубами, они сразу бросались в глаза и были похожи на рентгеновские снимки дантиста, он при любом удобном случае, старался продемонстрировать улыбку пираньи. Когда мышь появлялся у реки, убегали все, даже водяной, над Яузой подымался столб брызг, но это ещё не значило, что впереди их не ждала какая-нибудь другая страшилка. И это был мой учитель, на первый взгляд, недотёпа какой-то. Я ещё тогда не знал, что, чем несуразнее выглядит волшебник, тем легче обмануть жертву и подчинить её чужой воле. У меня создалось впечатление, что мага все боялись и меня ему никто не представил, Аспид смылся с самого утра, а Огневица забыла, где шалаш рыболовный находится. Я уже два

часа бегая по кругу, а к шалашу никак не могу приблизиться. Чудеса какие-то! Зато я нашёл второй ботинок волшебника, захватил его с собой, вот и будет повод познакомиться. Я тогда не знал, что на обочине, если у тропинок есть обочины, я вместе с этим ботинком нашёл настоящего и верного друга, который везде сопровождал и защищал меня от всевозможных пакостей, приготовленных судьбой. Волшебник расположился в рыболовецком шалаше, бесцеремонно выставив мои вещи, тем самым дав понять – живи, где хочешь, а шалаш мой. Из шалаша выглядывали страшилки и корчили мне рожи, как неудачнику. Обидно.

– Это ваше!

Я подал волшебнику потерянный ботинок. Он, с радостью потянул, руки, наверное, узнав пропажу. Но ботинок зарычал, и открыл рот, из платформы торчали острые медные зубы. Маг оценил мои способности к волшебству, он уже почти коснулся пропажи, когда ботинок цапнул его за палец. Потом вырвался из моих рук, и с непонятным скрипом и лаянием, выгнал всех страшилок из шалаша и накинулся на волшебника. Тот кинулся отбиваться зонтичной клюкой, но ботинок явно побеждал, кусая мага за мягкие места. И волшебник не выдержал яростной атаки, побежал, вместе со своими страшилками и колдовским реквизитом, который не пожелал оставаться в одиночестве в рыболовецком шалаше. Не знаю, где этот инструктор фокусный спал, но утром из-за реки, раздались его крики:

– Убери Сапожаку, посади её на цепь, вырви зубы своей кусаке.

Наконец мы определились с принадлежностью этого существа, и я узнал её имя. Настоящие друзья всегда, почему-то находятся на обочинах. У Сапожаки была врождённая нетерпимость к волшебству, и любую иллюзионную картинку он ставил на место, доставалось всем, но больше – фокуснику. Невидимых, Сапожака тоже не любил, они сразу становились слышимыми, и старались, как можно быстрее, покинуть территорию, охраняемую ботинком. Волшебник пропал. За время проживания в тренировочном лагере, я успел подружиться с Водяным. Тот на следующий день, перед моей пробежкой, рассказал, что волшебник пожаловался в совет посеянных на не привитое зверьё, и ушёл в свои волшебные миры, делать блокаду от бешенства. Повезло Огневице, вовремя дракончиков сплывила. Совет посеянных объявил карантин в Московии на неопределённый срок, пока не разберутся, кто Магистра покусал. Сапожака выглянул из шалаша, он там себе место определил, у входа – не жарко, и всё видно. Водяной при виде ботинка заулыбался, а русалки устроили овацию. Сапожака, не привыкший к столь пристальному вниманию, засмутился и спрятался опять в шалаше. В этих местах он был героем; после драки с волшебником, его все, сразу зауважали, а он был не против, ко всем ласкался и старался подружиться. Огневица его сразу полюбила, он был такой потешный. Меня как-то спросили:

– А ваш, этот ботинок, он девочка или мальчик?

Честно, не знаю. Для него, думаю, это не столь существенно важно. Сапожака – он отважный и смелый, никогда не видел, чтобы он пользовался губной помадой или тенями для глаз, весь его макияж сводился к применению кремов, которые он изготавливал сам. Его мягкая кожа, всегда лоснилась от не броской спокойной маслянистой косметики. Мне за Сапожаку предлагали бешенные бабки! Только зачем они нужны – лечите вы этих бабок, от бешенства, сами: друзей не продают, не меняют, не покупают. Сапожака, в быту, был очень скромным, он не мог становиться невидимым, но мог хорошо маскироваться, старался избегать посторонних взглядов. Он всегда был рядом и первым приходил на помощь во всех случаях жизни; за лагерь можно было не опасаться, он никого не допускал в охраняемую зону, кроме Огневицы и Водяного. Челстуга до самого моста прогнал, когда тот решил передохнуть от навалившихся земных неурядиц. За невидимых молчу, они были наслышаны, появлением защитника у посеянного, через магистра волшебства, и без необходимости лишний раз в Московии не появлялись, а Волхв столкнулся. Сапожака не обращал внимание на регалии, ему было как-то всё равно, какое место занимал в мире, тот или иной нарушитель периметра. Волхв отделался легко: всего пузырёк йода пришлось потратить на прижигание ран и тремя днями лежания на животе. Он дал задание своим подчиненным – Мислу и Горлицу выяснить откуда в Московии

появилась такая злока, может потерял кто? Подчинённые Волхва, во все миры отправили запросы с точными приметами Сапожаки, но никто на это счастье не претендовал. Вернуть потерю не получилось. Волхв выходил из себя, впервые срывался учебный процесс из-за рваного кусачего ботинка. Волхв собрал тайный совет и совместными усилиями: Злыдня, Мисла, Горлица и Аспида создали план – как обучить потомка Всевласа и утихомирить Сапожаку. План был настолько секретным, что никто не знал о его содержании, даже Неясыть. Мисл, Горлиц и Аспид стали сразу реализовывать его в жизнь, не обращая внимание на пункты, подпункты, написанного на бумаге. Каждый день отправлялись секретные миссии в соседние миры, что они там решали? Кто знает? Но Злыдень и Волхв были довольны. Им не нравилось, что ботинок превратил Московию в закрытую зону, для попустороннего мира.

Глава 4

Прибыл Челстуг, попросил, чтобы я привязал Сапожаку: – Там наверху приготовили тебе испытание, если не получается научить тебя волшебству на полигоне, не один из магов не хочет связываться с твоей ботиночной собакой, то совет посеянных решил направить вас обоих в волшебные миры, на два месяца, учиться придётся по месту, только учти Дэн, волшебники не будут помогать, наоборот, а вам нужно будет разгадать их козни. Так что, сегодня ты спишь ещё в шалаше, а завтра..., я тебе не завидую

Челстуг исчез. Мне бы так! Вечером прибежала Огневица попрощаться, даже Водяной вылез из реки. Ботинок надулся и лежал на выходе из шалаша, о чём-то думал. Огневица мне подарила детский свисток, а Водяной – жемчужинку. Я спрашивал – зачем, а просто так, пригодится. Я не знал, что в волшебную страну нельзя идти совсем неподготовленным и секреты нельзя открывать, они сами откроются, когда надо. В эту ночь мне ничего не снилось. А проснулся я в цирке семёркой бубен, Сапожака был джокером, передо мной была вся колода карт, повёрнутая к нам спинами, мы готовили какой-то номер, карточный фокус, находясь на арене, а в зале, на местах зрителей сидели громадные тараканы и все щёлкали семечки. Под куполом цирка стоял сплошной шум от этого шелканья. Мне нужно было угадать третьего участника шоу, ошибка исключалась.

– Блин! Хотя бы подсказку какую!

Вспомнил, земную школьную программу – тройка, семёрка, туз. К чему бы это? Я – семёрка, Ботинок – джокер, он же туз, значит в нашем цирковом трио не хватает всего одной карты. Я пробежался взглядом по тройкам, выбрал самую стройную, с косичками. Шпрехшталмейстер развернул выбранную мной карту, это была тройка пик. Все остальные карты пропали. Ботинок запрыгал от радости:

– Ура! Угадали! Это была Огневица.

– В Московии всё равно карантин, ясли пусты и не скоро наполнятся, я решила вам помочь немного.

Я удивился:

– Это же волшебные миры! Ты так легко прошла?

Огневица прикрыла рот Сапожаке:

– Я же посеянная, и у меня пропуск от совета есть.

– А если бы я не отгадал и выбрал бы другую карту, предположим, крестового Валета?

– Тогда помогал бы крестовый Валет, только сомневаюсь, чтобы вам, скорее он работал бы на фокусника. Это мир волшебников, здесь вся карточная колода работает на фокусника, а мы втроём – против всей карточной колоды, против всего этого мира вместе со зрителями, и первый ход за нами.

Тараканы оставили в покое свои пакеты с семечками и начали аплодировать. Открылся занавес, и ноги сами понесли нас по наметившейся тропинке, скользящей змейкой за пределы цирка. Вдоль всей тропинки росли ландыши, и светлячки освещали нам путь. Слабый ночной ветер колыхал цветки и до наших ушей доносился шёпот:

– Нельзя, вернись, вернись, опасно!

Ботинок и Огневица дрожали от страха. Я бы хотел, чтобы страх дрожал, при виде нашей троицы, но как-то не получалось. И тогда я вспомнил старую школьную примету: чтобы не вызвали к доске, отвечать урок, о котором ты, не в зуб ногой, нужно сделать безмятежный вид и улыбаться. Чем больше улыбаешься, тем меньше вероятность, что тебя вызовут. А ещё лучше рассмеяться! Я забыл, что не на уроке. Сразу и ветер прекратился, и шёпот, и тропинка пропала

со светляками, включился свет, раскрыв цирковую арену, и зрители встретили нас овациями, заставив раскланиваться. Фокусник терпел полное поражение, и это нравилось зрителям. В мире волшебства ценили истинное мастерство, даже проигрывать нужно достойно, иначе и в цирк неинтересно будет ходить. Нас зрители никак не хотели отпускать, и тогда фокусник пошёл на запретный трюк, подменив джокер червовым тузом. Лучше бы он этого не делал! Сапожака, наконец, вспомнил, кто он есть! И что не дело нормальному ботинку в чьих-то рукавах прятаться..., он выгнал фокусника на арену и погонял его, как цирковую лошадь по кругу, закрепляя свой успех прицельными укусами. Это был аншлаг! Прилетела скорая помощь, забрала пострадавшего, на этом наше представление закончилось. Я проснулся в шалаше, меня Сапожака разбудил:

– Дэн, ты так стонал и кусал подушку, что я не выдержал.

– А где волшебные миры?

– Это тебе приснилось, Дэн.

– А где цирк?

Сапожака смотрел на меня, как на умалишённого.

– Но ты же говоришь! Ты умеешь разговаривать!

– Я и раньше умел, просто не было необходимости, раньше ты спокойнее был, и спал крепко. Надо будет попросить Огневицу, чтобы что-нибудь снотворного принесла.

– А она что, уже не тройка пик?

Сапожака покачал головой. Утром я не помнил, как про-

бежал кросс и проснулся от хука одного из упырей, а второй мне засветил под глаз. Я так и не понял, где меня носило ночью? Приснится же такое! Прибыл Челстуг, попросил привязать собаку..., блин! Они что, меня в петлю времени загнали? Это же уже было. Над Москвией раздались фанфары, на небе, из облаков, нарисовалась цифра – один. На шалаше сидел Мисл:

– Молодец! Первая загадка успешно пройдена. День перерыва, и продолжим обучение.

Сапожка среагировал, но поздно, Мисл уже растаял с громким вороньим криком, поддразнивая ботинок.

– Разве за всем усмотришь?

И Сапожка успокоился, высунув язык. К птицам он относился терпимее, только пугал, не скаля зубы. Огневица была занята, карантин кончился, привезли новых рожениц, значит скоро ясли будут переполнены. Аспид боялся на глаза Огневице попадаться, и как это он везде успевает, змей неугомонный?

Я пришёл в себя на дне лодки, связанный по рукам и ногам, рядом в мешке кто-то трепыхался. Наверное, Сапожка. Над лодкой висел пиратский флаг – перекрещенные человеческие кости под черепом, гребцы были оголены по пояс, между собой общались тайными знаками. Я плохо переносил качку, поэтому мне было не до наблюдений, мне только запомнилась татуировка на спине, сидящего впереди меня туземца с веслом:

– «Смерть найдёт каждого, переступившего границу острова Блинецов».

Лодка резко тормознула, встряв в прибрежный песок. Туземцы, не церемонясь, вышвырнули нас из лодки, как кучу какого-то тряпья. Моя голова ударилась о берег и вновь пришёл приступ тошноты. Я, наверное, кратковременно потерял сознание, очнулся от скрипа уключин, в рядом лежащем мешке кто-то скулил. Пираты не посчитали нужным развязать нас, оставив нож с костяной ручкой и тупым лезвием между мной и мешком. Море шумело, разбрасывая вместе с брызгами лохмотья белой солёной пены. На соседних скалах загорали кайманы, лениво смотрящие в нашу сторону, видимо, как дичь, мы их не прельщали. Весь залив пестрел от морских красивых полосатых змей, они охотились на блестящую рыбу с острыми зубами. Я, с горем пополам, развязал узлы на верёвках, опутавшим моё тело и уже начал тереть завязку мешка, когда на горизонте, на небе появились чайки. Первыми на появление птиц среагировали кайманы, они враз, кубарем, свалились со скалы в море и старались исчезнуть, раствориться в морской пучине. Но было поздно. Эти чайки были больше похожи на ангелов смерти, с белыми упругими крыльями. Их высушенные тела с собачьими головами летучих мышей – вампиров, как никто, подходили для этого ужаса, который я вначале принял за безобидных чаек. Эти птицы выхватывали добычу из глубины залива, разрывали её над поверхностью моря и глотали огромными кусками.

ми, не пережёвывая, их тела растягивались и увеличивались, как зоб пеликана, и насытившиеся монстры, улетали по одиночке, крыльями касаясь волн. И только, по чистой случайности нам повезло, что мы не шевелились и никто из птиц не обратил внимание на берег. Я от греха подальше, нашёл маленькую пещерку, вымытую приливами и перетащил мешок туда. Разрезать узел не получалось, я его, с трудом, расстрепал, чуть не сломав нож. Из мешка вылезло непонятное существо, похожее на волка, ходящего на двух лапах. Он даже внешне выглядел игрушечным: – растрёпанным и совсем не злым.

– Ты кто? Сапожака?

– Сам ты такой! Я Ула.

– Ты волк?

– Я Ула, и не ем ни бабушек, не Красных шапочек.

– А, где мы?

– Мы в волшебных мирах, рядом море Неудачников. Точно. Это вторая планета волшебников, и нам повезёт, если нас не выкинули на остров Близнецов.

Ула осмотрела берег, повсюду валялись куски мяса от кайманов, выроненные «чайками».

– Что здесь было?

Я попытался объяснить, но не смог. В крайнем случае Ула меня не поняла:

– Какие птицы? Каких крокодилов? А что такое змеи?

Я показал на море.

– Ты, наверное, не местный?

И Ула выхватила змею из воды, это шнурки, кто-то решил постирать шнурки. Действительно, шнурок не предьявлял никакой агрессии. Я вспомнил – мы же в волшебных мирах.

– А, почему море Неудачников?

– А ты считаешь, что тебе повезло, что ты оказался здесь, в чужом мире, и тебя чуть не съели птицы, с рожами летучих мышей?

Я промолчал.

– А где Сапожака?

Ула опять ничего не поняла. Сапожаки не было, мой друг не мог меня предать, значит пираты забыли его, либо в лодке, либо на корабле, по случайности, поменяв мешки и подбросив мне Улу. Значит не всё потеряно: Сапожака всю Московию заставил себя уважать, а с одним кораблём пиратов, я думаю он справится. У меня появился маленький призрачный шанс на спасение. Осталось только определиться куда мы попали и для чего нас пираты выбросили на этой земле. Ула выходила из себя:

– Слушай ты, неандерталец! Не знаю в каких землях ты рождён, до тебя, до сих пор, не дошло, что нам конкретно не повезло? Нас выкинули на знаменитом острове Близнецов, из-за него, наверное, и море назвали морем Неудачников. В наших мирах, даже дети знают про эти места, а ты, пришелец, хуже новорождённого!

– А близнецы – это кто?

И Ула мне рассказала легенду про возникновение этого острова.

– В начале было море, море было всегда, не было земель, не было волшебников – сплошное море! Потом поверхность моря закипела от сотрясений и появилось два одинаковых смерча, которые бороздили море, вымывая и выбрасывая донный грунт, за два часа они намыли остров, и открыли какую-то тайную дверь, море стало уходить и появились земли. Говорят, что всех животных, людей и растения принесли в этот мир эти смерчи. Они, с той поры, возникают ежегодно, где хотят и как хотят, одних забирают, других приносят.

– Тебя, наверное, тоже смерчи принесли?

– Не – е – т, меня пираты выкинули, вместе с тобой.

– Жаль! Значит мы с тобой не нужные.

– Кому не нужные?

– Никому не нужные, мы из тех, которых даже море не принимает.

– Море всех принимает.

– Нет! Вот смотри.

И, Ула надела коньки, валяющиеся на берегу, и поехала по гладкой поверхности моря, как по льду. Я подошёл, попробовал, зачерпнул пригоршню моря, по пальцам потекла вода.

– Ула, ты тоже волшебница?

Ула приблизилась:

– Нет, просто я родилась в этом мире, и привыкла к тому, что в других мирах кажется невероятным, неестественным. Здесь так, если что-то сильно захотеть, море выполнит желание: хочешь оно будет твёрдым, как асфальт, хочешь, превратиться в облако и корабли будут парить по небу, хочешь, будет бежать наперегонки с тобой по берегу, став маленьким ручейком. Море тоже живое, ему тоже поиграть хочется. Только, чтобы игры были добрыми. Море не любит волшебников. Волшебников никто не любит в наших мирах, они не честно захватили власть. Наш мир добрый, а с ними пришло зло – обман и подлость, они принесли раздор в этот мир, люди перестали верить друг другу. Волшебникам нравится, когда они кого-то обманули, они радуются, когда кому-то плохо. Волшебники боятся моря, поэтому и нанимают пиратов, чтобы избавиться от неудобных.

– Ула, ты хочешь сказать, что это волшебники распорядились выкинуть нас на этот остров? А зачем?

– В жертву близнецам.

– А близнецы – это кто?

– А разве я не говорила, близнецы – это два смерча, которые и создали этот остров, они каждый раз появляются в своих владениях и делают генеральную уборку, подметая и унося весь скопившийся на острове мусор.

Ула меня успокоила, по её представлению, мы были всего лишь жертвенный мусор для братьев-смерчей.

– Так что? На острове никто не живёт? Он не обитаемый?

– Не знаю, сама в первый раз тут. Ну, что волшебников здесь нет, это точно. Так что можно не опасаться не волшебства, ни колдовства.

Не знаю, если кататься по морю на коньках, Ула не считает волшебством, то для меня здесь всё было волшебно. А что Ула говорила про колдовство? Мы решили обследовать остров, покинув гостеприимный залив, в надежде найти какое-нибудь убежище от чисто плотных братьев. Особо беспокоилась Ула, она боялась, чтобы смерчи не затащили её в другие миры, в глубине души она надеялась вернуться к друзьям, в свой дом. Ула ничего не рассказывала о себе, но не задавала и наводящих вопросов. Это, наверное, было последствием политики волшебников. Для хорошего фокусника, достаточно твоего имени, чтобы выведать всю информацию о тебе. Но Ула гарантировала, что море не пропустит никого, имеющего дело с волшебством. И мы, не спеша пошли вглубь острова, подальше от прибрежного песка и усыпляющего шума волн. Я, в последний раз, оглянулся на море, но не корабля, ни Сапожаки там не было, нужно было надеяться только на себя и скорее искать убежище. На берегу мы были не защищены и представляли лёгкую добычу для близнецов. Но прибрежная полоса песка, заканчивалась песчаными скалами, с гнездовьями каких-то птиц. Всё-таки на острове была жизнь, если смерчи не смогли птиц утащить, значит и у нас был шанс. Пришлось вспомнить свою физическую подготовку. Улу пришлось нести в мешке, странно, но она па-

нически боялась высоты и абсолютно была лишена способностей к скалолазанию. В скалах было много мелких пещер, но они напоминали мне больше мышеловки, расставленные братьями, все пещеры были со следами ветровой эрозии. Я решил не задерживаться, карабкаясь вверх, навстречу неизвестности. Птицы были небольшими, похожими на земляных стрижей, не проявляли характерной для них агрессивности, при приближении к их гнездовьям. Всё же, я старался передвигаться осторожно, особо не тревожа островных жителей. Я боялся даже смотреть вниз, а, даже небольшая стая этой мелочи, меня запросто могла скинуть со скал. Я медленно полз, иногда мне казалось, что я держался за воздух, когда нога соскальзывала с очередной расщелины, но я руками и зубами держался. Чем выше мы подымались вверх, тем рыхлее казались скалы, чаще встречались осыпи, и окаменевший песок стал чередоваться с суглинками, появились плети корней первых кустарников. Самыми тяжёлыми были последние два метра моего подъёма, я полз, полз, а казалось, что стоял на одном месте, и только, когда нога ощутила под собой твёрдую поверхность, я понял, что мы победили. Это была первая, взятая нами высота на этом острове. Я посмотрел на море – оно было далеко внизу, спокойное, как зеркало, уходящее, со всей своей аквамариновой красотой, к горизонту. Волчок вылез из мешка, взглянул на море, и упал без сознания. Пришлось мне его перетянуть подальше от границы скал. Дальше была нормальная почва, с травой и прочей

растительностью. Я дождался, когда Ула очнётся от обморока, немного придёт в себя, и мы потопали в сторону темнеющего леса. Ула по пути находила съедобные грибы и ягоды, угощала меня. Странно, но за всё время наших злоключений, совсем не хотелось есть, чувство голода притупилось. Трава с кустарником незаметно перешла в низкорослый лес, потом деревья стали выше, но чувство тревоги не покидало меня, хотя за время нашего пути нам никто не встретился. Было такое ощущение, что за нами кто-то наблюдает. Вся местность была настолько ухоженной и чистой, что мне казалось, что это не лес, а парк, и мы вторглись непрошено в чьи-то владения, и хозяин недовольно наблюдает за нами. Я старался быть внимательнее, чаще оглядывался ..., и заметил, из-за деревьев за нами подсматривал маленький зелёный человечек, он незаметно передвигался по нашим следам, оставляя, только ему понятные, метки. Мне это не понравилось, не люблю слежки. Я развернулся и погнался за тайным преследователем, ничего не понимающая Ула, старалась не потеряться и не отстать от меня, включая свой волчий нюх. Я его уже почти догнал, но этот зелёный, подбежал к озеру и приподняв его край, как складку скатерти, нырнул в открывшуюся нишу. Я попробовал: вода была холодная, текучая, мокро

– Брр – р.

Подбежал запыхавшийся волчок:

– За кем ты гонки устроил, инопланетянин? Еле догнал.

– Да вот, за одним аборигеном, маленький такой, зелёный, следы за нами метил, веточки клал.

Ула насторожилась:

– Покажешь.

– Покажу.

– Ну, а где этот зелёный?

– Озеро, как штору отодвинул и пропал в озере.

Ула подошла к озеру:

– Так?

И повторила действие зелёного преследователя. Озеро поднялось, обнажив дно.

– Да, так он и убежал от меня.

– Вот уж, какой ты непонятливый инопланетянин, зелёного мы уже вряд ли найдём. Я же тебе говорила, что только нужно сильно захотеть, и вода будет тебе послушна.

Ула возвратила озеро в первоначальный вид.

– Теперь ты открыть попробуй.

Я пытался, но у меня ничего не получалось.

– О, о, откуда ты взялся на мою голову?

– Я землянин, и, вообще, меня Дэн зовут.

– Слушай «День» ты потренируйся, а я немного отдохну, пойду следы с метками проведу, распечатаю, а то, как бы какой беды этот зелёный не накликал.

Я начал тренироваться; хотеть сильно – это как, но на ум приходило лишь одно действие, хотеть сильно – это когда терпенье лопається. Ула не упускала из виду мои усилия, и

она, наверное, подсматривала мои мысли.

– Ты на правильном пути, землянин.

Я уже вымыл свои руки, лицо, готов был весь нырнуть в холодную воду, но у меня ничего не получалось. Ула смеялась про себя с этого землянина, опасаясь выдавать реплики. Вдруг из воды выглянул глаз, потом ещё один, появилась голова зелёного, и мне захотелось так его поймать, сильно захотелось. При моём приближении, этот коротышка прибежал к уже проверенному приёму, поднял участок озера и попытался скрыться в нише, но я успел, я не дал сомкнуться озеру и успел схватить мальчика за ухо, и вытащить его из-под воды.

Глава 5

Ула допросила мальчика:

– Он совсем ещё ребёнок, взрослые вчера ушли, по морю, на соседний остров, а его оставили. Ему скучно. А тут мы. Он наблюдал за нами, ещё когда мы по стенке ползли, и удивлялся, а почему вы не воспользовались лифтом?

– Ага, я понял, это игра такая – рядом лифт, а мы ползём, друг друга в мешках переносим, чтобы никто не догадался, что нас много, и птицы ничего не рассказали братьям.

Я посмотрел на Улу:

– Ты лифт видела?

– Нет.

Я повёл зелёного к скалам. Он оттолкнулся от края, и ласточкой, взвился над поверхностью, медленно, как дельта-

план, кругами, спланировав на берег. Ничего себе лифт! Я бы такое, ни за что не повторил. Вверх зелёный не стал подыматься, нашёл какую-то нору и провалился под землю. Это был первый гуманоид, встреченный нами на «безлюдном» острове. Мне, не солоно хлебавши, пришлось объяснять Уле, что малой меня, всё-таки, провёл, оставил «с носом» на верху скал. Этот лифт, был наподобие элементарных штук, рождённых в стране волшебников:

– Прыгать со скалы так же просто, как скользить по морю и прятаться под озером.

Но, если бы я, даже очень сильно захотел, и повторил подвиг зелёного коротышки, боюсь, одним неудачником в этом мире, стало бы меньше. Ула меня не отчитывала, малыш нас не боялся, нашёл для себя более интересное занятие, чем объяснять этим взрослым, как надо спускаться со скал. Ула опять подвела меня к озеру:

– А ну, попробуй ещё раз поднять край, может тот раз у тебя случайно получилось.

– Та, запросто!

И я раза три встряхнул эту водную скатерть. Ума, удовлетворённо, улыбнулась:

– Молодец! А по воде тебе побегать – слабо?

И волчок пробежала по поверхности воды.

– Главное поверить.

И я кинулся её догонять. Сначала мне вода показалась липкая, как клей, а сзади меня собирались кисельные лужи,

но потом, вся поверхность озера превратилась в балетную сцену, и хотелось танцевать, отражаясь в зеркальной поверхности водоёма, но мой взгляд скользнул по берегу, на котором собрались совсем не восторженные зрители из местных бобров, и вертели возле виска лапами, осуждая наше поведение и показывая на небо. Небо потемнело, нахмурилось, и я вспомнил, зачем мы пришли в этот лес, похожий на парк. Но было поздно. Сначала грянул гром, вдали зарождались два вихря.

– Бежим! – закричала Ула.

Пошёл дождь. Ула подняла край озера

– Прячемся.

И мы нырнули на дно. Удивительно, но здесь было сухо: вода была рядом, над нами, но нас не касалась, мы были, как в аквариуме, все видели, что твориться в озере, мимо нас проплывали стайки рыбок, ползали медлительные улитки, как фантастические змеи извивались пиявки, черепахи, похожие на камни, вертели своими уродливыми головами. Вдруг озеро сильно встряхнуло, наш аквариум чуть не рассыпался, на небо было страшно смотреть, даже через толщу воды, видны были оскалы чудовищных молний, летали вековые деревья и прибрежный песок.

– Не смотри в небо, – предупредила меня Ула, – встретишься взглядом с братьями, и мы погибли.

Я, вообще, закрыл глаза, постарался успокоиться и заснул. Проснулся в шалаше на берегу Яузы. Рядом никого не было:

ни Улы, ни Сапожаки, ни Челстуга. По реке ходил водяной, громко стуча лягушечьими лапами и норовил, чтобы брызги летели на шалаш. – Вставай землянин, хватит дрыхнуть! Спорим ты так не можешь, и водяной сделал шпагат на воде. Какой странный сон, мне снилось, что я танцую на воде и даже прячусь под озером от каких-то близнецов, которым нельзя в глаза смотреть. А может это не сон? И я поддержал водяного: мы с ним побегали по реке, до моста и назад. Водяной выиграл спор, я не смог сделать шпагат.

– А ты так можешь?

Я поднял полог реки и спрятался на дне. Я видел, как водяной топает своими лапами над головой, только он не понял, куда я делся и где меня искать. Я пожалел нечисть, выскочив за его спиной. Водяной перепугался, от неожиданности, и дал дёру вверх по реке. На прибрежной иве хохотал Неясыть, наблюдая за нашими играми. Жалко Огневица занята, и никому до меня дела нет. В шалаше я нашёл кусок свежего хлеба и немного ухи в котелке. Наверное, кто-то был из гостей, в моё отсутствие, вряд ли, чтобы это был Челстуг, река она общая, ничейная.

Думан не мог привыкнуть к земному имени, в его стране – Ден, это яйцо, а Денис – яичница. Думан всё понимал, но мозг отказывался воспринимать это имя. У этих землян, не язык, а сплошные ругательства. Челстуг обещал адаптер принести. С адаптером легче в этот мир вклиниться. Вот

Озорнице повезло с именем, Алёнка красиво звучит на любом языке.

– «Яичница», ты дома?

Это Алёнка пришла. У неё не получается ключом двери открывать, приходится мне швейцаром работать. «Коршун» не прилетал, как его по земному – Сёма, последнее время в потусторонних мирах ошивается. Провёл к нам интернет, оплатил за полгода, осваивайтесь. Приходится. С деньгами проблем нет, мой секретный карман, любую валюту напечатает и выдаст. Действительна в течении суток, потом исчезает, растворяется в воздухе. Документы – это по Алёнкиной части, хотя я до сих пор не пойму, для чего они – эти прописки, регистрации. Дурдом! С языком проще – Нам его Челстуг за ночь нашептал. Писать пришлось самим учиться. Мне тяжело было с интернетом освоиться, Алёнка мигом схватила, а я..., мне больше нравится за работой девушки наблюдать и картинки разные рассматривать. У нас такого нет. А вот телефоны, такси различные – это лишнее. Поначалу я боялся: автобусов, троллейбусов, поездов, потом понял принцип теплового двигателя. И зачем всё это, когда нас с детства учат на уроках волшебства, перемещаться за счёт внутренней энергии вспомогательных предметов. Глупо это всё. «Коршун» предупредил, чтобы мы тут не выделялись сильно, а я всё равно не удерживаюсь, когда на пятый этаж топать приходится, по периллам, наверх то быстрее. Конечно не без казусов. Вчера мелкий постучал:

– Дядя, на ваш балкон воздушный змей приземлился!

Я нажал на все внутренние кнопки аварийной сигнализации, спасая Озорницу, она через стены трёх комнат пролетела, чуть за периметр дома не выбросилась; я же в кевларовой защите, с мечом-кладенцом наперерез, но не нашёл никого, я всё внимательно осмотрел, не может никак, на нашем балконе, Змей-Горыныч поместится. Я к пацану: нет там змея никакого. А он в слёзы. Алёнка пришла разобралась, потом мне по интернету картинки этих воздушных змеев показывала. Семён рассмеялся, у него тоже, по началу, этих казусов много было. Конечно, не всё здесь плохо, кое – что и мне понравилось: музеи, например, и кинотеатры. Компьютер – это всё равно, не то: не тот эффект, не тот масштаб! А ещё мне понравился планетарий, красиво там, так спокойно, век бы сидел наслаждался, любуясь звёздами и галактиками. У нас этого нет, у нас и звёзд нет, что только в «Московии», и то, не так много. Москва нам уже с Алёнкой надоела, мы её вдоль и поперёк исходили, речек в ней много, но все грязные. В магазинах одно и то же. Нам не понравилось. Сема нас приодел по – современному, с Алёнкой возле компьютера спорили, какой фасон моднее и современной. Когда мы немного освоились, стали применять свои способы перемещения, это когда стоишь в Москве в Лужниках и представляешь свою подмосковную квартиру, а через пару секунд идёшь на кухню, чтобы включить газ и поставить чайник. Всегда завидовал Челстугу, он без спичек газ зажигает, одним щелчком паль-

цев, а у меня не получается, видимо урок прогулял. Алёнке нравится путешествовать – то в Гагры, то в Одессу. Она у меня красивая, но я за неё не боялся, я знал, что она обладает способностью высшего разряда ведьмы, даже сертификат есть, выданный Магистратурой волшебства. Ей нравился экстрим, и чем страшнее и нелепей ситуация, тем для Алёнки было интересней. Ей нравилось из жертвы превращаться в судью, она сама определяла наказание, и сама помогала отбывать приговор. Я знал, что для ведьмы не существует запретов, каждый развлекается, как может. Семён занимался лечебной практикой, он у нас был по знахарской части. Я уже и забыл, что был не здоров и прикован к лавке. У нас стали появляться друзья, мы уже успели примелькаться в этом маленьком городке. Алёнка подружилась с девочкой с третьего этажа. Не так уж страшна эта Земля, как по началу казалось!

Я уже привык просыпаться в другом измерении, и не понятно – может я сплю? И продолжаю видеть сны? Я очутился в огненной стране. Ничто так не символизирует танец, как огонь, вокруг меня действующие вулканы, потоки магмы наплывают друг на друга и срываются вниз – в океан, оставляя после себя груды искр и причудливые застывающие фигуры на поверхности. Я на единственной площадке, свободной от огня, он ещё сюда не добрался, но это дело времени, огонь метр за метром начал отвоёвывать территорию, спихивая меня в пропасть, приглашающую слабого человечка в свои хо-

лодные объятия. Мне нужно пройти через огонь, я это знаю, но как? На этот раз рядом никого, и подсказать некому.

– Проглоти жемчужину. Проглоти жемчужину.

Я вспомнил за подарок водяного и по подсказке внутреннего голоса, протолкнул эту гладкую овальную пилюлю в пересохшее горло. Сразу, вокруг меня забурлили водяные фонтаны, превращаясь в гейзеры от жара, это давало минутную передышку, не более.

– А что, если сильно, сильно захотеть? Не то. Нужно пройти по земле, ещё до появления пламени. Надо попробовать! Получается удержать время на доли секунды, а потом – огонь, этого достаточно, чтобы сделать пару шагов и не ожечься. А, была, не была!

И я побежал по возникающей под ногами, тропинке. Сзади меня был ад. Со стороны это смотрелось, что я выскочил из огня, но выскочил! В этом месте огня не было, в этом месте была скала и дверь в скале. На скале сидел Мисл и противным вороньим голосом оглашал:

– Двери закрываются. Следующая остановка – «Москва»!

Я уже знал, что проснуться мне предстоит в шалаше. Не верилось, что и это испытание мне удалось пройти, не без помощи водяного, но всё же. Меня разбудила Огневица, уложила спать своих беспокойных подопечных добралась до шалаша и гусиным пёрышком начала щекотать мой нос. Я проснулся от чиха, а ещё от того, что кто-то над головой гун-

досил:

– Вставай лентяй! А то, ночью в самый костёр залез. Холодно было?

– Сапожака! Я его увидел, только раскрыл глаза. Где же тебя носило?

– О, это долгая история. Вечером расскажу.

Огневица полетела в деревню, к своим дракончикам.

– Сапожака! Как я рад тебе, если бы ты знал. Сегодня, вообще, день удачный, все собрались у шалаша. Челстуг с Земли пожаловал.

– Мне Неясыть говорила, что видела, как ты ночью из коста вышел?

– Было дело.

– Значит ты прошёл испытание огнём. Нужная дисциплина. Без этого, никак со Змеем-Горынычем не справиться. И сосед щёлкнул пальцами вызвав огонь.

Как это он делает? Челстуг заметил мою заинтересованность:

– Хочешь, научу! Представь себе огонь, войди во время огня, когда он горит. И занеси его на кончики пальцев.

Челстуг снова щёлкнул пальцами:

– Вот так!

Я попробовал. Получилось, только пальцы ожёг. Сосед рассмеялся, каким-то газом охладил мой ожог:

– Да не так близко, выдерживай расстояние. Если потренироваться, то огненными «снежками» кидаться получится.

А ещё я знал человека-ракету. Огонь – это большая сила!

Я попробовал ещё.

– Ура! Получилось!

Дослушать историю Сапожаки не получилось, он только начал рассказывать про свои увлекательные приключения на корабле пиратов. Меня, уже не церемонясь, выбросили в непонятной проекции неизвестной страны. Сначала я не понял, здесь было абсолютно открытое пространство, в воздухе висели крупные водяные капли, вдали блестели массивные зеркала, а небо было, как нарисованное. А потом появился холодильник, большой промышленный агрегат, в котором есть всё: и мороженное, и пирожное, и варенье, и печенье, даже то, чего не хочется. Но первый же мой шаг, к заветным лакомствам, завершился падением. Я перецепил, не знаю, за что, но упал и чуть не сломал себе шею. Раздался чей-то смех, я был не один, кто-то смеялся над моей болью. Я вспомнил, как на Земле, чиновники издевались над моей беспомощностью, требуя собрать всевозможные справки, доказывающие мою инвалидность, для получения права на выплату минимальной пенсии. Я поднялся, но в меня запустили комком грязи, испачкав лицо, грязь застряла в волосах и застыла горячей смолой. Теперь уже смех никто не скрывал. Смеялось само пространство, дёргались от смеха водяные капли, звенели вибрирующие зеркала. Тогда я решил убежать из этого места, но кто-то подставил подножку, и я въехал носом в толстое стекло. Стекло было прозрачным,

и мне пришлось применить усилие, чтобы заметить отблеск стеклянной стены, разделяющей это пространство. И я их увидел, они прятались за стеной, для меня она была не преодолима, а они проникали сквозь стекло беспрепятственно. Они отражались в стекле и были похожи на детей с грязными взрослыми лицами. Это были призраки с плутоватыми улыбками, и длинными неухоженными волосами. Я под ногами нашёл что-то похожее на трость волшебника или на обломок бильярдного кия и гребень, обыкновенный деревенский костяной гребень, которым хвосты и гривы лошадям расчёсывают. И я начал охоту. Эти невидимки ещё в водных каплях отражаются. Поймаю хоть одного, расчешу, как положено и всего в грязи изваляю. Невидимки что-то заподозрили, я спрятался за водную каплю, и через отражение, наблюдал за проказниками. Они время от времени пробегали мимо, но я старался не шевелиться и слился с поверхностью. Невидимки злились, но не могли понять, где я спрятался, для них я был невидим в отражении лучей света, в капле. Капля всё материальное искажала и превращала в фантастические образы. Меня она превратила в вытянутую кляксу с фиолетовыми разводами. Привидения начали меня искать. К капле они боялись близко подходить, видимо знали, что она делает их видимыми. К их разочарованию, я пропал. К моему разочарованию – они были не материальны и трость проходила через их фигуры, как через туман. Тогда я понял с кем имею дело и изменил немного тактику, я из трости и

двух шнурков сделал петлю-ловушку и стал, не спеша прохаживаться вдоль стены, время от времени услаждая призраков музыкой расчёски по стеклу. Им так нравилось, они уже не знали, чем уши заткнуть, я жалел, что у меня ластика нет. На обратном пути меня ждала целая дюжина материальных ног, готовых к применению. Я применил ловушку и успел захватить в плен несколько приведений, связав их за ноги. Остальные убежали и боялись высовываться из-за стеклянной стены. Но мне пока и этого хватит. Картина получилась странной, всё это скопище призраков, было похоже на связку протезов или сломанных манекенов. Я приступил к основному плану своего обещания, посадив первое же попавшееся приведение на камень, перед водяной каплей, и невзирая на плач, на жалобы, стал причёсывать гребнем, волосы росли до самых пят, я их заплёл в косички. Итак, эту процедуру я провёл со всеми пленниками. Потом, как обещал, я вывалял всех в грязи, сделав на время обозримыми и материальными и отпустил на волю. Думаю, желание делать пакости у них отпало. Привидения с рёвом кинулись через стекло, но стена грязнулей не пропустила, но у невидимых были другие каналы проникновения за кордон материального, они появились с другой стороны стены. Если бы вы видели, как разбегались их соотечественники от этих страшных глиняных монстров, с коровьими хвостами вместо волос, с копытами из грязи, норвящие всех испачкать своими грязными руками. Вдруг я заметил, что в каплях открылись ок-

на и двери и из них выглядывали странно одетые личности, похожие на гномов. Они не скрывали своих улыбок, им нравилось, что кто-то проучил призраков. При этом, детей в окнах было больше, чем взрослых. Они крутились и танцевали, перекивляя грязнулей. Возле двери, один из гномов не удержался и упал с высоты на поверхность. Я успел его перехватить. Это был взрослый житель, с кучерявой серебристой бородой. Эти аборигены были такими маленькими, что помещались на моей ладони. «Гном» уцепился за мой мизинец и боялся свалиться с ладошки. Я его спросил:

– Ты кто? Как тебя зовут?

«Малыш» пропищал в ответ:

– Это страна капель, а мы народ этой страны, сильный, страшный и независимый!

Я посадил это «страшилище» в его каплю. Меня тормозил Сапожака:

– Я уже третий раз рассказываю, как я от пиратов ушёл, а ты всё отрубашешься и спишь, своим храпом слушать рассказ мешаешь.

Передо мной сидел водяной, он тоже был чем-то похож на этот капельный народ, такой же сильный и страшный, только зелёный. А жители страны капель, не имели имён, они отличали друг друга по оттенкам. Свет в этом мире был важнее звука. На тахте из веток сидел Аспид и подслушивал, что здесь творится, он думал, что его никто не видит, но слуга Злыдня отражался в глазах водяного, как в зеркале. Ох, и до

чего же он уродлив, и за что его драконессы любят? Челстуг уже улетел, он ненадолго прилетал в «Московию». Вскоре толпа перед костром рассеялась, и мы остались с Сапожакой вдвоём. Не знаю, свежий воздух тому виной, у реки, или что другое, но я так устал, глаза сами слипаются. На этот раз меня пожалели, дали отдохнуть. Я проснулся в родном шалаше, в уголке тихо сопел Сапожака, на небе догорали редкие звёзды. Мне нравилось спокойствие этого мира, Сапожака научился отличать друзей от недругов и не бросался с лаем на слуг потустороннего мира, были мелкие конфликты, не без этого, его птицы любили дразнить, а Неясыть, даже еду воровала из-под носа. Сапожака не обижался, никто не знает, как он пополнял свой энергетический баланс, даже мудрый Мисл. А Неясыть он специально подкармливал, знал, что ей даже охотиться некогда.

Глава 6

Появился Волхв, сам пришёл, без охраны и свиты секретарей:

– Первая стадия обучения закончилась. Теперь самое основное – путешествие по мирам. Пока, на время обучения, у тебя свободный допуск, с запретом попадания в закрытые миры, тебе туда ещё рано. Во всех мирах тебя будут контролировать, до этого, ты был пассажиром при посаженном, а теперь тебя будут учить перемещаться самостоятельно. Ты удачно справился с обучением у волшебников, под руководством Улы. Даже я не верил в этот проект. Теперь перед то-

бой стоит новая задача, я верю в тебя, гляди не подведи.

Потом прибыл Челстуг и представил существо не от мира сего. Это Линод, он странный немного, но лучший специалист проникновения в миры. Его трудно понять, но ты постарайся, пожалуйста! Линод совсем не был похож на человека, это скорее было издевательство над человеческой физиологией, он, даже в разговоре перекиривлял нас. При первом же нашем знакомстве, он превратился в пародию на меня: его ноги стали короткими, тело отличалось мощным торсом бодибилдера, руки были до земли, а лицо, моё лицо, опухшее с перепоя, с идиотской улыбкой больного шизофренией. И это был мой новый тренер, где его «Коршун» откопал? Линод постоянно что-то бурчал под нос, мог запеть или засмеяться. Но тут, на беду, принесло любопытного водяного, его всегда тянуло к людям, но в этот раз, он появился в неурочный час. Линод резко переключился на новый объект для пародирования. Не знаю, что мог за несколько секунд показать ему этот сверх гениальный путешественник, но я впервые увидел покрасневшего водяного, одновременно, от стыда и от обиды. Водяной нырнул в речку и больше не выныривал, распугав стайку русалок. Этому Линоду до всех было дело: Сапожаку он довёл до бешенства, досталось и Челстугу. Сапожака кинулся защищать своё достоинство, он попытался укусить противного пришельца, Но Линод, одним движением конечности, разделил голенище с челюстью, фактически разорвав ботинок пополам, заставив обнажённую плат-

форму кусать то, что осталось от ботинка. Бедный Сапожака! Мне его было жалко. Его так, ещё никогда не унижали. Линод подмигнул мне, всё стало на свои места, Сапожака, в ужасе, побежал через мост в деревню, жаловаться Огневице, и чтобы она ни в коем случае не ходила к шалашу. Челстуг, при первой же возможности, тоже смылся. Остались мы с Линодом один на один. И занятия начались.

– Прежде всего надо знать, куда ты хочешь переместиться, зачем, как и в каком виде. Нужно хорошо представлять, чего ты хочешь и хотят ли этого другие?

Тренер оборвал свой урок на пол мысли и запел, на манер оперного певца. Ему кто-то ответил, подхватив эту же арию. Урок тут же был прекращён и Линод куда-то засобирался, его ждали. Пусто стало возле шалаша, непривычно, тренер своими пародиями всех разогнал. Я потом сообразил, это Линод делал умышленно, чтобы держать в секрете тайну перемещений. Каждый путешественник имел свой почерк, плагиат на перемещения не допускался. По почерку можно было специалисту определить, кто твой учитель, и как ты не заметай следы, всё равно вычислят, даже к какому клану ты принадлежишь. Перемещаться самостоятельно могут только посеянные, людям это не дано. Мне очень хотелось знать, к кому это поспешил учитель, но любопытство в этом мире не приветствовалось, особенно, по отношению к Линоду. К тренеру привыкнуть было тяжело, из-за его эксцентричности; нет, к песням и смеху без причины я почти привык, но

то, что он постоянно меняет образ и старается напугать до заикания, с этим были проблемы. Как вам понравится, если тренер вышел на занятие в образе аллигатора, а через пару минут он уже королевская кобра, это из тех, кого я знаю, а бывают ещё и другие образы – чужие и не менее страшные.

– А сейчас мы будем учиться ориентироваться на местности, и тренер превратился в гиену.

– Наша задача определить нахождения зон, связанных с другими мирами. Местные жители сторонятся их, говорят, здесь живёт сила. Народ пропадает. А мы будем искать, где находятся эти зоны. Пропадать не советую, всё равно найду. Зона – это аномалия для природы, всё в ней не так: не правильно светит солнце, разбрасывая тени от предметов в различные стороны, не правильно растут деревья, как бы, убегая из зоны, зону стараются покинуть все, здесь нет комаров, муравьёв, только прямая космическая энергия, изгибающая время. Зона – это не дверь, открыл и пошёл, зона – это накопитель, в котором малейшее нарушение баланса, приводит к открытию портала в другой мир. Каждая зона должна созреть, прежде чем разродиться энергией. Я научу тебя определять готовность зоны, чтобы не торчать в одном месте сутками, в ожидании перехода. Но пока, определение аномалий, иной раз, зону легче почувствовать, чем определить визуально.

И тренер превратился в огромного зимородка, и как живая ракета взвился в небо:

– Полетели!

Я помахал руками, но остался на земле. Линод сделал пару кругов, перед тем, как приземлиться.

– Ты что, летать не можешь?

– Да и не умел никогда.

– Да! Недоработка.

И тренер вызвал Волхва, просто выдернул его из потустороннего мира и подвесил в воздухе, во избежание травм. Волхв, возмущался, надувал щёки, пучил глаза, ругался, читал заклинания и вертелся, как сосиска в гриле. Линод выключил звук и стал ждать, когда «волшебная» энергия закончится у одного из властелинов потустороннего мира. Наконец Волхву надоело кувыркаться над поверхностью, он сдался и попросил опустить его на землю. Линод включил звук, и убедившись, что в эфире тишина, приготовился к диалогу. Начал сразу с нападения:

– Вы почему мне даёте для обучения неподготовленный материал?

Волхв не ожидал атаки:

– Как? Землянин прошёл волшебный минимум, есть заключение комиссии и подпись Улы.

– Подопечный не может летать.

– Как так, не может летать? Да у нас дети учатся этому раньше, чем начинают ползать!

Учитель перебил властелина:

– Это у вас. Не забывай, что он землянин. А на землян

наложено ограничение на передвижение в пространстве, которое они успешно пытаются нарушить, любым способом.

Волхв задумался.

– Понял! Со всех волшебников, Ула единственная не умеющая летать, из-за страха высоты, она больна акрофобией, и это неизлечимо.

Линод вернул меня на доработку, как бракованное изделие:

– Нет ничего хуже недоделанных волшебников.

Волхв вызвал Челстуга, чтобы посоветоваться – кому меня сплавить. В этих мирах нет специализированных учителей для полётов, дети, под присмотром старших, сами овладевают этим искусством перемещения, проблема заключается в том, чтобы хватило у наблюдающих за детьми, терпения и реакции, чтобы избежать ненужных падений и шишек на голове, со слезами, истерикой и всеми вытекающими последствиями. Пока мои надзиратели спорили между собой и искали крайнего, я вспоминал, как моя мама рассказывала сказки, и в сказках ведьмы, колдуны и волшебники могли летать и мгновенно передвигаться в пространстве. Значит жива была память генетическая. Я, будучи парализованным ребёнком, так мечтал стать одним из этих волшебных существ, и моя мечта сбылась. Наконец Волхв с Челстугом успокоились, нашли между собой консенсус, и мне тренера – самого ленивого и жирного со всего волшебного мира.

– Отныне, господин землянин, вами будет заниматься ми-

стер Сэндвич, надеюсь ни у кого нет возражений?

Блин, да этот Сэндвич даже во сне мог передвигаться, только летая. Он, вообще, был похож на воздушный пузырь и всё время спал. Так, в перерывах между сном и едой и проходило моё обучение.

– Возьми палку. Почувствуй, почувствуй её энергию. Она полна внутренней энергии, накопленной, когда она была деревом, каждая веточка, каждый листок аккумулировал энергию солнца, энергию ветра, энергию жизненных сил земли в это волшебное изделие. Как ты называешь его землянин? Швабра? И как ты думаешь, для чего она предназначена?

– Для мытья полов.

– Не правда, – Это самое лучшее приспособление для полётов в воздушном пространстве.

Вот смотри. И толстяк оседлал полумойное средство. Он без разбега совершил вертикальный взлёт и вылетел в форточку, вместившись всеми своими габаритами. Сэндвича можно было не ждать назад, он обязательно где-нибудь свалится и заснёт до момента голодания. У него было только два осмысленных состояния, на которые он отзывался с охотой – спать и есть. При мне, группа подростков, вместе с садовой лавочкой полетели в колледж. А я? А я сколько не пытался: доска она и есть доска, никакой энергии я не чувствовал и летать у меня никак не получалось. Появился Челстуг:

– Ну ты тупой! С отличием школу волшебства закончил, а летать не можешь.

– Сам ты тупой.

За меня вступился Волхв.

– Вспомни, как самого по частям собирали в мире горгулий. Тут думать надо. Постой! А с него запрет сняли на воздушные перемещения?

Они с Челстугом вылупились друг на друга с открытыми ртами. Пришлось опять собирать совет посеянных и добиваться разрешения на снятие запрета. Бюрократия проникла даже в эти миры, запрет с меня снимали две недели. Сэндвич, за это время успел улететь подальше от нерадивого ученика. Но он, после снятия запрета, мне уже не нужен был. Я полетел сразу, без всяких швабр и метел, во мне, за время моего вынужденного лежания на Земле, столько внутренней энергии собралось! Волхв позавидовал, такие данные на весь волшебный мир, только две сущности имеют и те не материальные.

– Ты извини, по нашей вине так вышло! Поздравляю тебя с приобретением ещё одного полезного навыка. Потренируйся на мгновенном перемещении, пока Линод занят. Теперь, думаю, у него не будет претензий к защите, прокурор дотошный!

Я понял, нужно представить то место, куда хочешь переместиться и очень сильно захотеть. И я переместился – в чебуречную в Москве. Сам не понял, как так получилось. Пришлось добираться до родного города: где на электричке, зайцем, где в свободном полёте вдоль посадок. Уже было темно,

поэтому я приземлился на балкон пятого этажа своей квартиры, перепугав Озорницу. Как у неё получается через стены проскакивать, не пойму? Наконец разобрались, меня узнали и впустили в комнату. Напоили чаем, и я всё рассказал молодожёнам. Думан смеялся, как же ты так опростоволосился? Ага, сам бы попробовал! Методом втыка, самоучитель в действии. Сюда то я добрался, а назад не знаю, как. Надо будет соседа ждать, Семёна. Я уже и так старался и по-другому, но никак в Московию не могу попасть. Самое главное, что я на Земле не калека. А что, если представить кого-нибудь из Московии: Сапожаку или водяного. Нет, не выходит. И я представил Огневицу. Открыл глаза в бане, и меня девочки лупят шайками и вениками с писком и криком, облили с ног до головы и вытолкали за дверь. Во угораздило! Но я в Московии! Перемещаться мгновенно я побоялся, чтобы ещё куда не угодить. А до шалаша долетел за считанные минуты, обрадовав своим появлением Сапожаку с водяным. Они в шалаше «козла» забивали, кто-то научил их этой азартной игре.

Волхву не нравилось выглядеть смешным в совете, для этого есть подчиненные. Челстуг уже полчаса меня обрабатывал:

– Скажи, Дэн! Как ты смог попасть на Землю, в обход запретов и не имея специального разрешения?

Я ничего не скрывал:

– Тренировался в моментальном перемещении, предста-

вил себе комнату, и вот..., запах чебуреков меня сбил. Очутился в Москве в чебуречной, оттуда домой в пятиэтажку.

– Ты представляешь, что ты натворил, весь совет на уши поставил. Ведь Земля входит в запретные миры, там совет такие барьеры нагородил, вход по специальным разрешениям единицы имеют, а тут является недоучка землянин и проходит в запретный мир, как нож сквозь масло, нарушая все законы перемещений. Ты точно, зонами переходов не пользовался?

– Да нет же, говорю тебе. Я даже не знаю какие они. Линод ничего не успел рассказать.

– Я всю местность вокруг шалаша обыскал, нет там зон перехода, не мог ты из шалаша в Москву попасть.

Челстуг выходил из себя, как будто я его обманывал.

– Не веришь? Давай я опять попробую, на твоих глазах.

И я представил нашу пятиэтажку и голубей, гнездящихся на крыше. Лучше бы, что-нибудь другое представил, а то устроил в голубятне переполох своим появлением. На этот раз я был осторожен, ни каких полётов среди белого дня, спустился по лестнице в подъезде, как дисциплинированный житель, выплёвывая голубиные перья и пух, набившиеся мне в рот и сел во дворе на лавочку, ожидая Семёна. Челстуг появился только через полчаса:

– Ну ты даёшь! Я до самой деревни почти добежал, чтобы тебя догнать. А назад ты тоже так добрался?

– Ну, нет.

И я рассказал соседу про баню и как меня девушки встретили. Семён ржал, как лошадь.

– Нужен ориентир – живой ориентир.

Водяного Челстуг забраковал, очутиться в холодной реке, это хуже, чем в бане. Сапожака – непонятное существо, вроде не живое, но хуже собаки – злое и с характером.

– Он тебе не рассказывал, как пираты с острова колдунов от него убежать пытались?

– Не получилось у меня эту историю дослушать. Вот выберу время, когда закончатся эти учения-перемещения, и мы наговоримся с ним. Я всё хочу узнать откуда он такой взялся и как в Московии очутился?

Больше одушевлённых и живых в шалаше не было. Надо было рисковать, я опять начал думать о Огневице, и очутился на тахте в шалаше, рядом с ней и Сапожакой. Этот раз Челстуг стартовал за мной следом.

– Ну, что? Теперь веришь мне, что я не врал?

– Теперь верю. Неправильно всё это, всё не так, и он скорчил такую мину! Выразив своё несогласие с моими перемещениями.

– Приедет Линод, пусть разбирается. И вообще это не моё дело, некогда мне. У меня совсем другая задача. Вот пусть Линод и объясняет совету, как ты летаешь в запретные миры за чебуреками. А я пошёл, у меня срочные дела.

Челстуг явно выглядел расстроенным, он чувствовал себя ничего не понимающим болваном, на лице всё было напи-

сано без слов. Волхв, через Неясыть, подглядывал за всем, что твориться в Московии, в нетерпении потирая руки. Это он подставил Челстуга, на случай, если возникнут вопросы у совета, только ситуация с посещением Земли посеянным из рода Всевласа, не имела решения. Землянина даже наказать не за что, он ничего не взламывал, ничего не нарушал. Парню захотелось полакомиться чебуреками, а вы голову ломайте. Дождёмся Лиода, а совет, всё равно собирать придётся. Нарушена защита, надо исправлять, но Волхв не знал, что именно и как исправлять. Технологии перемещений устарели, с полётом этого землянина рухнуло всё, система защиты в первую очередь. А если кто-то решиться напасть на наши миры, имея на вооружении новые технологии? А мы абсолютно беззащитны, и все наши запреты, замки, заборы, границы – это блеф, туман, мираж. Между мирами бродят полуголодные орды вакуумщиков, кошмар! Волхв не любил вспоминать о встрече с ними, он был юн, его впервые взяли в отряд, стражи обходили периметр, воины были молоды и полны энергией, соревнуясь друг с другом. Командиры не пресекали их незатейливые игры, ещё недавно сами были такими. Всё случилось, когда вышли на открытый участок за пределы защиты. Врага не было видно, ничто не сигнализировало о нападении, их силы резко стали таять, словно вампиры высасывали энергию из молодых тел. Волхв бежал, он никому не признавался в своей трусости, он успел перенестись в один из своих миров, и рухнул обессиленный

наземь. Это, наверное, его и спасло. Погиб весь отряд, вакуумщики не оставили даже оболочки, выпив всю энергию тел, без остатка. Осталось в живых двое: он и младший Телур. Телура успела накрыть защита. Тогда вакуумщики не смогли проникнуть через защиту, попав во временную петлю с выходом в одну из рождающихся чёрных дыр. А сейчас, кто его знает? Телур ещё успел описать вакуумщиков – это были живые сущности, состоящие из сгустков чёрной энергии, она клокотала внутри этого ужаса, порождения бездны. Ничто, не один из страхов вселенной не мог сравниться с этими пожирателями энергии. Телур умер через два дня, травмы, нанесённые вакуумщиками, были не совместимы с жизнью. Вакуумщики были самой страшной опасностью, соседствующей с нашими мирами. Единственно, что нас спасало от этой напасти, что они по умственному развитию были, как насекомые: абсолютно слепые, без каких-либо отростков и конечностей, по своей форме напоминали кометы, жили колониями, как термиты, и подчинялись коллективному разуму. Мы слишком мало знали о них, контактировать с вакуумщиками было глупостью, мы старались избегать их, скрывая резерв энергии наших миров. Учёные совета подсчитали – эти твари могли сожрать все наши миры за несколько минут, ни оставив ничего: ни песчинки, не камня, ни капельки росы. Пока защита справляется! Волхв решил, не дожидаясь Линода, уведомить совет о происшествии с новичком. Иногда промедление стоит жизни, было опасно, очень опасно. Ог-

невица набросилась на Дениса, за то, что в женскую баню наведывался, без разрешения. Водяной пытался заступиться за друга – досталось обоим, пришлось от разъярённой ведьмы по реке удирать, еле за мостом оторвались, Сапожака, дипломатично, не влезал в драку:

– Любой маленький мир, лучше большой войны, он это понял давно.

Пришлось друзьям сидеть в камышах и ждать, когда Огневица в деревню пойдёт, кормить свою «птицефабрику». Водяной возмутился:

– Не правильная эта Огневица, как её драконы терпят, вдруг что, в драку кидается, не разобравшись в сути вопроса, а может быть Денису другого выхода не было, как вынырнуть среди купающихся ведьм.

Глава 7

Лиода вызвали в совет, он, как предчувствовал, спешил завершить свои дела. Совет последнее время лихорадило, он собирался в полном составе, чуть ли не через день. Мы много не знаем, что творится в мирах, ну и хорошо. Только когда отзывают из заслуженного отпуска, это плохо, потому, что в совет, по пустякам тебя дёргать никто не будет. Лиод не знал, что может случиться, он даже предположить не мог, что это коснётся землянина. Этот ученик был настолько сырой и неумеха, даже летать не мог, кому расскажи – не поверят. Но то что ему пришлось выслушать в совете – этому не мог поверить Лиод. Он получил задание, вышел на воздух

и начал крутить головой, он не знал, смеяться ему или петь?

– Я понимаю, мы живём немного не в обычном мире, но не на столько!

То, о чём ему сообщили в совете, было абсолютно лишено логики.

– Этого не может быть.

Подошёл Челстуг:

– Чего не может быть?

– А, потому что, не может твой подопечный перемещаться в мирах, не используя переходы.

– Может. Я тоже так думал. Может, ещё как может!

Лиод верил Челстугу, он тоже был когда-то, учеником сумасшедшего мастера. Значит, всё сказанное на совете – правда, и пришло время самому мастеру подучиться, освоить новую технологию переходов, и выдать готовое решение о её применении или запрете. Лиод не верил, что землянин, что-то придумал, более прогрессивное, чем существующие переходы. Но, в любом случае надо учиться. Он задержал немного Челстуга, «Коршун» вечно куда-то спешил:

– А правда, что твой подопечный проник, без допуска, в запретный мир?

«Коршун» кивнул и исчез, не стал прерывать начатый ритуал, посчитав этот разговор лишним, не нужным, не стоящим потраченного времени. Лиод расхохотался, он, когда его что-то нервировало, всегда смеялся. Лиод не спешил встречаться с учеником, его бесило то, что по заданию сове-

та они поменялись местами, теперь землянин должен учить мастера новому способу перемещения.

– Чему может научить этот неумеха?

Лиод запел. Но если не везёт, то не везёт во всём – ни одной самки в округе, никто не ответил на призыв самца. В Московию он решил наведаться с утра, а пока время было подумать над тактикой взаимоотношений с землянином.

Нас притащили в какое-то помещение, я не мог видеть, только слушал, так, не развязывая, в мешках и оставили. Сапожака продолжал рассказ про свои приключения в волшебной стране. Мы с Огневицей, прижавшись, друг к другу с замиранием слушали его пугающий рассказ. Вдруг Сапожака прислушался:

– Кого там ещё несёт?

По тропинке к шалашу шёл странный человек: в пиратской тельняшке, заправленной в брюки-клёш, с повязанным на шее красным платком и с бараньей головой. Сапожака, судя по его каблукам, мелькающим в середине моста, сразу узнал этого типа. Огневица, мгновенно превратилась в ракету и на первой космической скорости догоняла ботинок по пути к деревне. Я, наверное, оказался самым заторможенным из обитателей шалаша. Мне бежать уже некуда было, баранья голова перегородила вход и засмеялась. Только тогда я узнал Лиода. Это, наверное, был самый страшным из его безобидных образов. Вскоре ему надоела баранья голо-

ва, он сменил её на свиную, потом на голову инопланетной саранчи, на этом успокоился с выбором образа, и готов был вести диалог. Линод оставался верен своим принципам, всех свидетелей разогнал. Потом пошёл опрос:

– Как, да что?

Я дважды повторяться не привык – отправил к Челстугу, пусть «Коршун» растолковывает этому иномирянину, что такое чебуреки и как это пахнет. Линод абсолютно был лишён осязания, он даже дышал не так, как все и был похож на антирекламу табачных изделий. Линод рассмеялся, ему не понравилось, как критикуют физиологию непревзойденного мастера перемещений, потом он запел на непонятном языке, по-моему, это была ария Фигаро из оперы «Севильский цирюльник». Тут же из реки вынырнула целая капелла русалок и продолжила арию, под руководством дирижировавшего водяного. Это было так красиво и неожиданно! Пришла очередь краснеть Линоду. Он понял, что водяной раскусил его. На этот раз Линод смылся из шалаша, под смех обитателей рыбного царства и аплодисменты Сапожаки с Огневицей. Я понял – это был спланированный, коллективный отпор кривляке. С этих пор, стоило только Линоду появиться в Московии, как его все и везде встречали пением арий: птицы, лягушки, коровы и даже маленькие дракончики. Совет пошёл на уступки маэстро, Линод пожаловался, что не может никак сосредоточиться на перемещениях, и совет дал добро продолжить обучение в другом мире. Линод выбрал мир ис-

порченного времени. В этом мире ничего нельзя предусмотреть, большинство математических задач не решаемы из-за капризов часов: Поезд из пункта «А», не может попасть в пункт «Б», потому, что часы остановились и никто не знает, когда они пойдут. В одном классе уже два часа перемена, а в другом никак не закончатся занятия. В учительской висят три комплекта контрольных часов, и каждый показывает своё время. В этом мире нельзя верить будильнику, он, когда нужно, может не сработать. Проспать опоздать – здесь, это нормальное явление. Хозяйки никогда не пользуются таймерами, а тренеры – секундомерами. Когда я впервые пересёк границы этого безобразия, называемого миром испорченного времени, я удивился, увидев людей, идущих по своим делам, и бегущих на месте, они были похожи на мимов пантомимы, но, когда я увидел, как едут троллейбусы, не двигаясь не на сантиметр, такси – на месте, спешащее в аэропорт. В воздухе, самолёты, подчиняясь законам обратного времени, летят хвостами вперёд, на место своей стоянки. И в этом мире живут люди, они привыкли так жить, их это устраивает, они никуда стараются не торопиться; спешить глупо, об этом даже дети знают. Именно из этого мира, вошла в нашу жизнь поговорка:

– Поспешешь – людей насмешишь.

И в этот мир меня притянул Лиод, он его считал оптимальным для проникновения в любую из проекций вселенной и внутренних миров. Я уже два часа сидел в кафетерии и

наслаждался вкусом и запахом местного кофе, чашечка была стандартной, маленькой, у меня уже был полный живот, а кофе всё не кончался, и не кончался. Линод в двух шагах от столика, два часа не мог добраться до своей кружки. Я видел, как тёк пот по его лицу, как он захлёбывается слюной от жажды, но я ему помочь не мог, по законам испорченного времени. Этот мир больше был похож на ловушку, я не представляю, как и куда Линод планировал перемещаться отсюда, можно было попасть в такое древнее прошлое или в далёкое будущее выбранного мира. Мне бы не хотелось переместиться поближе к истощенному от голода динозавру, в прошлое, или к охотникам на материальных существ, в будущем. А Линод – точно не от мира сего. И я сдался, больше я кофе пить не мог, боялся представить последствия этого чревоугодничества, я представил Честлуга, или Семёна, или как его? И очутился в пятиэтажке, в комнате своего соседа, в кухне за столом с этой вредной, нескончаемой чашкой в руках. Семен только зашёл в квартиру, увешанный пакетами и сумками. Наконец, я допил кофе.

– Арабика?

– Что Арабика?

– Нормальные люди на Земле, здороваются, а не на голову сваливаются!

Я въехал:

– Нет, не Арабика, из мира испорченного времени, но скажу вам, не плохой, довольно-таки, не плохой кофе, я целое

ведро выпил.

Сёма начал располагать покупки на кухне, а я, чтобы ему не мешать, решил посетить соседнее помещение – после кофейный спаситель. Боже мой! Как хорошо на Земле, всё привычно и время правильное, и трамваи не тормозят и сливной бачок работает как нужно, а не когда захочу.

–Нет. И не уговаривай! С этим Линодом, я больше работать не буду, видеть его не могу, с его пародиями и хохотом. Фигаро здесь, Фигаро – там, солист оперный! И в мир испорченного времени возвращаться не собираюсь. Объявляю бойкот. Так совету и передай. Пусть забирают своего маэстро. Нет, я не против сотрудничества, пусть вместо Линода дают кого-нибудь другого, более адекватного, что ли?

Линод был не против замены, сославшись на то, что не может понять, какими каналами землянин пользуется при перемещении, здесь замешана мистика, связанная с какими-то чебуреками, а мастер – сторонник научного обоснования вторжения в чужие миры. Он ушёл из проекта, оставив тайный подарок для «Яичницы». Адекватной оказалась Ула, её прислали на замену Линоду. На этот раз дизайнеры изменили всё в её образе, я Улу узнал по голосу, у неё был неподражаемый тембр и такой скороговоркой, выстреливая 600 слов в минуту, могла общаться только Ула. Ула была довольна, что я её узнал в этом образе. От волчка в Уле не осталось ничего, даже ушей. Внешне, новая Ула была похожа на двенадцатилетнюю земную девочку, с косичками и

чуть заметной задиристой курносинкой, глаза были серого цвета, лицо – овальное, правильной формы, без выпуклых скул. Предыдущий путешественник настолько меня приучил к преобразованиям, что я даже не интересовался тем, как Ула превратилась в человека. Ула тоже была довольна, что этим грозным мастером переселений оказался я. Её в совете так напугали принципиальным землянином. Дэну не терпелось покинуть административный мир, в котором ему официально представили Улу, чтобы показать подруге своих друзей, ожидающих землянина в шалаше, на берегу реки, в которой живёт настоящий водяной. Сегодня в Московии был знаменательный день, Огневица презентовала новый выпуск дракончиков, ясельный выпускной бал. Дэн спросил Улу:

– Ты перемещаться можешь?

– Немного, а что?

– Ну, тогда в Московию, догоняй!

И вместо Яузы, с шалашом и Сапожакой у входа, Дэн снова очутился в мире испорченного времени. Следом приземлилась Ула:

– Ну, и где твои друзья?

Потом посмотрела вокруг: рядом была площадь, за площадью дорога. На площади стояла высокая башня с часами, которые шли задом на перёд, отсчитывая прошедшее время и люди шли также, задом на перёд, спеша в покинутые недавно кровати, никто из них не помнил: откуда они вышли. По дороге ехали автомобили в покинутые ими гаражи со вклю-

ченными габаритами и на задней скорости.

– Куда ты меня притащил?

– Знакомься, это мир испорченного времени, – я представил волшебнице место нашего приземления.

– Слышала о таком?

И Ула засмеялась. Я закрыл глаза – если сейчас запоёт что-нибудь оперное, то это уже эпидемия! Но нет, пронесло.

– Нам в школе волшебников рассказывали о таком, но я не верила, думала небылицы с домыслами. А он, оказывается, существует – этот мир! Интересно, как тут люди живут? И разве можно в этом мире жить?

Я махнул рукой на площадь:

– Смотри! Весь мир, у твоих ног! Можешь даже интервью взять у прохожих.

Ула не клюнула на моё предложение, под села на лавочку, к школьникам, оставив меня в трёх шагах, шагающим на месте. Волшебница разговорилась с мелкотой, показав им пару незамысловатых фокусов. А я всё топал и не мог остановиться, пока какой-то мальчик не подал мне руку и не помог мне сойти с тротуара, похожего на тренажерную беговую дорожку. Я огляделся, переводя дух: мы находились в парке, вплотную подходящем к центральной площади города. Всё было правильно – и деревья, и аллея, и фонари около лавочек с мусорными урнами, только голуби летали вперёд хвостами, показывая высший пилотаж, и весь парк состоял из двигающихся тротуаров, эскалаторных лестниц и вращающихся

турникетов. Не знаю, кто этим управлял, но всё работало наоборот: по тротуарам, невозможно было идти, они возвращали тебя назад, а по лестницам невозможно было подняться. При этом, если кто-то сверху пытался спуститься до нашего уровня, на эскалаторе мгновенно включался реверс, выбрасывая незадачливого пешехода на площадь, словно грудку мусора. Все ждали какой-то «час пик». Сработал бой на башенных часах и город превратился в муравейник: люди уже не двигались по одиночке, всё механическое колдовство остановилось и люди – потоками, разлились по поверхности, передвигаясь, хаотично во все стороны. В этом движении была своя – веками выработанная логика, чтобы переместиться из пункта «А» в пункт «Б» нужно было выбрать свой поток, и тебя толпа сама внесёт туда, куда надо. Нам некуда было спешить, я понял принцип перемещения аборигенов. Они жили не по часам, но зависели от совмещения часовых стрелок; предупреждённые боем часов, они в течении нескольких секунд делали то, что многие не могли сделать за неделю, имея нормальное время и все условия для труда. Ула тоже что-то выпытала у школяров, но обменяться информацией не получилось, стрелки на часах разошлись, «час пик» закончился, тротуары медленно начали двигаться в сторону площади. Ула сказала, что в этом мире, если хочешь куда попасть не в «час пик», то нужно двигаться, не наступая на тротуары, дороги, эскалаторы, ни в коем случае не пользуясь транспортом, даже велосипедом и самокатом. Нужно передвигаться

по обочине, чтобы не заметил полицейский. Он тебя оштрафует в «час пик». В этом мире есть свои законы, которые нужно знать и не стоит нарушать. Поэтому все сознательные граждане ждут «час пик». Я согласился с Улой. Мне не давала покоя мысль: – Как мы очутились в этом мире, ведь я хотел попасть в Московию. Я поделился ею с Улой.

– Не знаю. А давай попробуем в «час пик» телепортироваться из этого мира.

Так я узнал, как по-научному, на языке волшебников называются перемещения в другие миры. Я, как никогда, ждал боя неправильно идущих башенных часов, сигнализирующего о «чаше пик», и с первыми ударами, я оказался в Московии, Ула переместилась со следующим боем часов, по моим следам, ей пришлось нарушить закон мира испорченного времени, и пробежать по обочине, в поисках зоны перемещения, выдержать получасовой диалог с полицейским, пока он не надоел волшебнице, и она его превратила в индюка, на полчаса. Ула признала, что мой способ перемещения является более передовым и безопасным, чем научный классический. Об этом, незамедлительно, было доложено совету. Совет не торопился объявлять о обучении новой форме перемещений, с лёгкой руки Улы, названной телепортацией. Любая мысль должна созреть. Совет не хотел менять своё же решение:

– Посеянный от семени Всеволода нужен был им, как стражник, они и готовили его для стражи.

Поэтому было решено, что Ула должна, во что бы то не стало, овладеть этим новаторским способом перемещения и в дальнейшем быть мастером телепортации, чтобы обучить ему других посеянных. Об этом через Честлуга уведомили и землянина, и Улу. Денис был не против, начались тяжкие дни обучения. Уле тоже нужно было многое объяснять, пока были свободны ясли, землянину помогала Огневица и её сестра Озорница иногда прилетала из Подмосковья. Не знаю, почему эти иномиряне так боялись чебуреков, пельменей и котлет по-киевски? В их представлении, это были такие монстры! Пока Озорница не взяла Улу с собой в Москву, и в первом же кафетерии, не угостила её этими блюдами. Ула, Озорница, и Огневица, знали друг друга по школе волшебников, кроме того, две сестрёнки входили в состав управления малым Шабашем ведьм, и они постоянно сталкивались друг с другом. Правда Денису об этом, совершенно не обязательно было знать. Должны же быть, какие-нибудь, девичьи тайны! Ула успешно овладевала перемещениями по новому методу, ей вообще всё давалось с поразительной лёгкостью, чего не скажешь о Денисе. «Яичница» куда бы только не отправлялся, всегда попадал в миры испорченного времени, в некоторых городах его уже узнавать начали и здороваться. Волхв подсмеивался:

– А может ты там себе невесту заимел?

Ему было смешно, а Денису, хоть плачь! Ему в Московии не давали покоя подруги-волшебницы:

– Посмотри внимательно, может ты что-то выронил, или потерял в тех мирах. Уж больно это на волшебство смахивает. Поделано тебе. Кто-то просто издевается над тобой, закрепив тебя за миром испорченного времени.

– Честное слово! Этот мир мне уже родным стал, я перерыл все карманы, ничего я не терял, не было у меня привычки носить с собой что-то лишнее.

Огневица злиться начала:

– Я тут жду его в шалаше, вместе с Сапожкой и Водяным, а он по чужим мирам прохлаждается.

Денис не оправдывался, сам не понимал, как это происходит. Огневица грозилась бабу-ведунью нанять, чтобы разрешить этот вопрос раз и навсегда. Она, тайком, и сделала это; выбрала время и посетила соседнее село с вотчиной Думана.

– Приворота на этом красавце нет. Денис – ну и имечко! Не могли родители пристойнее назвать? У него выкрали подарок и спрятали его в тайном месте на площади, в стране испорченного времени. На этой вещи наговор, и он потеряет свою силу, когда подарок покинет страну и вернётся назад к дарившему его.

Ведунья выполнила свою часть договора и в награду попросила молодильной росы, собранной с поляны четырёхлистного клевера. Огневица даже не знала, где такая поляна есть, но ей обещала помочь Ула:

– Мы этой бабке такой макияж устроим, что хоть на кон-

курс красоты, если бы она подсказала, где этот подарок искать, площадь – она большая, а там в мире испорченного времени сильно не походишь.

Девчонки, действительно, из бабки-ведуны красавицу, писанную сделали, и тени, и румяна, хоть замуж выдавай! Ведьма и расщедрилась на подсказки:

– Не знаю, но карты говорят, что вещь спрятана в башне, в часах. А что за подарок, кто его знает? Карты говорят – жди, когда рак на горе свистнет. Но, как только подарок найдёте, то сразу его надо будет из этого мира изъять, тогда Денис перестанет подчиняться миру испорченного времени.

– А карты не говорят, кто такую пакость устроил?

Бабка пожалала плечами: сама волшебница, должна знать, что тот, кто поделал, автографа не оставил. Карты молчат, скрывая следы преступника. Только, прошу вас, поспешите найти спрятанную вещь, иначе от мира испорченного времени можно ждать что угодно. Девчонки опять надели на Дениса:

– Что тебе подарили такое, что могли украсть и спрятать? Водяного тоже нагрузили:

– В каких мирах водятся свистящие раки, и где находится та гора, на которой они показывают своё искусство?

Волхв, через Неясыть, подглядывал за развитием событий в Московии, ему было интересно, он привлёк Аспида, для поиска подарка и уже давно знал, что молодые ведьмы ищут, он попросил змея оставить подарок на месте, ему интерес-

но было, когда его девчонки найдут и как дальше будут развиваться события? Для себя, занёс в конduit, компромат на Линода, оставив маленькую записку о этой неприглядной истории. Думаю, совету не понравится этот казус, когда кто-то палки в колёса вставляет на стадии изучения новых способов перехода.

Глава 8

Сама же Огневица и нашла свой подарок – свисток, при встрече с Дэном весь её запал пропал:

– На, больше не теряй!

Дэну повезло, что этот раз он не сопровождал волшебниц, а то бы ему досталось.

– А зачем он нужен?

Дэн хотел использовать свисток по назначению, но получил по губам от Огневицы.

– Свистеть можно только раз, когда враги взяли в осаду и срочно помощь нужна. Я тебе подарила свисток, как спасение, а не как повод, проведать невест в мире испорченного времени.

– Каких невест? Нет у меня никого.

– Невест нет, а свисток будет, теперь посещай любые миры, жених!

Волхв рассмеялся, ему понравилась развязка.

Ула полностью овладела методикой землянина, совет взял её за основу перемещений в другие миры. Будем считать, что

эта методика открыта случайно, просто когда-то кому-то захотелось чебуреков. Теперь предстояла долгая и кропотливая работа: от классификации миров, до внедрения новых защит и запретов. Землянин выполнил свою функцию, но на этом его обучение не закончилось, хватит ему по мирам, без разрешения шастать, пугать не посеянных, пришло время к тренировкам стражников приступить. Совет думал о защите своих миров, границы растянуты, а стражи не хватает. Дениса изначально готовили для стражи, осталось раскрыть его внутреннюю энергию – в чём выражена его богатырская сила Всеволода. Волхв поручил Челстугу доставить новобранца в лагерь подготовки стражников. Коршун предупредил Дениса:

– Сегодня прощайся с друзьями, а завтра нас ждёт долгая дорога – на границу наших миров.

Водяной не привык расставаться – расплакался, как будто Денис на войну уходит:

– Ты это! Вдруг что, под воду прячься. Вода сильная – она защитит.

Огневица тоже прибежала с красными напухшими глазами, она что-то хотела сказать, но Челстуг дал старт и путешествие началось. Этот раз перемещение было долгим, очутились они перед стеной замка за широким рвом, заполненным водой. Вокруг была степь и ветер. Через ров был брошен подвесной мост, по которому, едва ли могли разойтись две гужевые повозки, необходимо было место друг дру-

гу уступать. На стенах замка и перед мостом дежурила стража, вооружённая копьями и алебардами. По углам ограждения были специальные ниши для лучников с амбразурами. Стража остановила путников:

– Кто такие?

Челстуг передал направление совета. Пока командир стражников разбирался со своим начальником с этими бумагами, мы попытались познакомиться со стражей, тем более, что Коршун здесь успел примелькаться. Стражников было двое: высокий и худой в шлеме с шишаком и алебардой – Клин, и низенький, толстый с надутыми щеками и пухлыми губами – Чекмень. У Чекменя не было ничего, даже копья. Я спросил его, а если кто нападёт, как он обороняться будет? Клин рассмеялся:

– Чекменю оружие не полагается, он у нас духовик.

Челстуг понял, а я ничего...:

– Духовик – это как?

Клин отвлёкся от дороги:

– Вон, видишь в степи валун лежит?

Я присмотрелся, действительно, большой круглый камень, похожий на маленькую скалу, как ориентир, возвышался над степью. За таким валуном, запросто, могло спрятаться три здоровых взрослых мужика. Чекмень ещё больше надул щёки и раздался вой тайфуна, пройдя по всем звуковым частотам и ударив по ушным барабанным перепонкам. Блин, я оглох. Вовремя Клин остановил друга. Трава в степи

вся полегла от ураганного ветра, а камень унесло, как его и не было.

– Теперь понял, кто такой духовик?

Я вопрос Клина прочитал по губам, слух ко мне вернулся через час. Наконец, дело с документами решилось, мы попрощались с Челстугом и меня повели к Воеводе. Воеводу звали Залк – камень, по волшебному. Залк был не высок, но приземист, всем своим видом он представлял силу в этом месте, весь состоял из мускулов и мышц, если бы я не знал, что нахожусь в волшебных мирах, то принял бы воеводу за культуриста, но Залк был не из нашего мира.

– Как тебя зовут новобранец?

– Денис.

Стражники, окружающие Залка рассмеялись, а воевода поморщился:

– Негоже стражу носить такое имя. Мы будем звать тебя Сол – новичок, пока не заслужишь себе имя.

Я просмотрел документы, надеюсь, не опозоришь ты Все-власа. Потом меня отвели в помещение стражи, и моя служба началась. Не знаю, почему здесь никому не нравилось моё земное имя? Одной только Огневице оно нравилось, она всегда так загадочно улыбалась, когда произносила его:

– Дэн, Денис!

Я скучал за друзьями, так и не дослушал историю Сапожаки, не узнал, с какого мира он появился, по Огневице, и по плаксе водяному. Подготовка стражников чем-то напомина-

ла земную армию, только без сон-тренажа, козыряния и маршировки по плацу. Каждое утро, бегом пять километров до ручья, водные процедуры, потом всё остальное – рядом. Основные тренировки происходят в соседних мирах. Сначала маленький перелёт в каменную страну. Вам никогда не приходилось бегать по горам? Правильно, процедура не очень из приятных: задыхаешься от перепадов давления, шатаешься от чрезмерного напряжения мышц и замираешь от страха, оказавшись на границе пропасти. А сзади за тобой гонятся каменные люди, тропинки пересекают сели, сверху атакуют оползни и камнепады. И так каждый день. Контролёров не надо, страна не отпустит тебя, пока не пройдёшь маршрут. Потом небольшой перерыв и система тебя выбрасывает в другой реальности, приготовив новые каверзные испытания. В первый раз, я очутился на высоченной скале, в гнезде дракона, и эта птичка-мама, выбросила меня из гнезда, как не нужный мусор, я едва смог в полёте увернуться от огненного заряда драконнесы. Пришлось вспомнить уроки зелёного мальчика с острова близнецов волшебной страны, и кругами, спланировать вниз, потревожив спокойствие других драконов. Бедная Огневица, как ты находишь общий язык с этими созданиями? Да они – хуже ос, всей стаей кинулись преследовать меня. Я воспользовался советом водяного, добежал до ближайшего озера, и спрятался под водой, наблюдая за недовольными мордами драконов. Они так и не поняли, где я пропал, долго кружили над моими следами. Вечером

система вернула меня в казарму. Никто не спрашивал: голоден я или нет, ты сам должен позаботиться о пропитании, стражникам столовая и челядь не полагается. Правда вечером можно было рассчитывать на котелок каши из местного зерна. Скажу по совести, наша земная перловка кажется деликатесом на фоне этого варева. По началу было тяжело, потом я втянулся, привык, находил время для охоты и приготовления пищи. Стал больше местными перелётами пользоваться, каменных людей доводил до исступления, оторвавшись от них в зоне прямой видимости, и при их очередном приближении включал реактивную тягу, и как ракета, приземлялся за несколько километров от преследователей. Я их загонял. Каменные люди уже не реагировали на моё появление. С драконами было похуже. Сказывался вековой страх, навеянный земными сказками и историями про динозавров, а ещё их способность плевать огнём! Мне надоело бояться, прятаться под водой, и я решился... Прощмыгнул между лап у вожака стаи и используя всю свою ловкость и умение, взобрался к нему на шею и спрятался под оперенье. У драконов, сверх чешуи на спинах, ближе к шее, были обыкновенные птичьи перья, только огромные, как и сами драконы. Вожак чувствовал меня, чувствовал мой запах, мои движения, но никак не мог меня сбросить. Он, как сошёл с ума, два часа я его объезжал, что он вытворял в воздухе, я уже думал, что разобьёмся, и не раз пожалел о своём поступке, но нет..., пронесло, через два часа он плюхнулся на

землю и занял. Дракон плакал не от боли, он плакал от обиды, что проиграл свой бой человеку и он попросил пощады. Мне жалко было дракона, и я погладил его. Дракон ответил на ласку. У меня в этом мире появился друг, он мгновенно поставил всех остальных драконов на место, не давал меня в обиду. А я, тайком от Залка, мотался на Землю, за сахаром. Драконы, как лошади, любят сладкое, только съедал он, сразу мешок, за раз. Прошло три месяца моих тренировок, воевода что-то прочувствовал, либо у него свои информаторы были в этих мирах, только вместо привычного безделья, система начала меня выбрасывать в различные кошмарные миры, в агрессивные среды. Вместо такой милой каменной страны, я очутился в желудке кита, это я потом узнал, когда выполз из его чрева, в период разделки. Местные китобои разбежались от одного моего появления. Хорошо, хоть так, кто-то из стражников рассказывал, что ему, минут двадцать, плыть до острова, наперегонки с акулой пришлось. Вечером я оказался в казарме, но неприятный осадок, от такого вторжения остался. Я никак не мог сообразить, как эта система подготовки стражников работает? Что она управляема, это я чувствовал, это я знал, и что управляет не Залк, тоже догадывался. Камень, он и есть камень – груда мышц, при минимуме серого вещества в голове. Но больше я никого не видел и приходилось действовать под чужим надзором. С утра до вечера я был занят подготовкой в стражи, а по – простому, выживал, как мог, применяя ранее полученные знания.

Куда меня только не швыряли: и в огонь, и в кислоту. Если честно, я половину этих приключений провёл в самоволке – на планете драконов, там меня никто бы не нашёл. Однажды я почувствовал погоню, наблюдатели следовали за мной по пятам, не давали оторваться. Я их завёл в мир испорченного времени, он для меня стал вторым домом, а кое для кого, тюрьмой на пару недель с кучей полицейских штрафов. Через полгода мои мытарства кончились, курс молодого стражника был пройден, меня прилетел поздравить Волхв.

– Мы, Денис, прогнали тебя по всем пограничным мирам.

– Сол.

– Что Сол?

– Не Денис, а Сол. Так меня здесь называют.

Я уже знал, что означает моё земное имя на местном наречье.

– Ну да, Сол, твоё обучение закончилось, теперь ты полноценный стражник. Воевода выберет тебе напарника, и вы будете нести наряды в пограничных мирах. Если есть вопросы, задавай, я не на долго сюда.

Вопросов собралось уйма, но не всё сразу. Я не стал задерживать начальство. В напарники мне Залк назначил Сулима. Сулим – это «пустота» на волшебном. Парень был мой ровесник, тоже недавно прошёл обучение. Он был старшим в нашем отделении. У Сулима было много способностей, но он отличался от остальных, даром, свойственным ему одному. Сулим был специалистом по заметанию следов, он мог

любого преследователя, вооружённый отряд или армию направить в параллельные миры, из которых выхода обратно нет. Конечно, я не позавидую жителям параллельных миров, но ещё больше не позавидую нарушителям пограничного периметра. Его тактика была особо действенна на вакуумщиков. Они иногда прорывались через кордон небольшими группами, вследствие поломки системы защиты. Сулим умудрялся их поймать в расставленные ловушки и отправить туда, где этим пожирателям энергии не комфортно было. Сулим говорил, что эти «космические термиты» – легко прогнозируемы, у них на первом месте еда, а потом всё остальное. Да, они опасны, но не опаснее любого животного. Сулиму нравилось охотиться на вакуумщиков. Меня интересовала структура нашего подразделения. Воевода был один, он был самым старшим начальником для нас. Залк, вместе с семьёй, жил постоянно в замке. Стражей было два отряда, которые несли службу вахтой, по месяцу. Весь пограничный периметр был поделен между отделениями, каждая двойка отвечала за свой участок. За каждым отделением закреплены свои миры, отдельные страны. Наша задача была не пропустить нарушителей, любыми путями охранять безопасность мирных жителей доверенной нам зоны.

Сулим, как и я, тоже родился в планетном мире. Я был мельком на Игуа, когда овладевал навыками стражника, на Игуа я ступил из желудка кита. Планета Игуа и была роди-

ной Сулима. Его отец был руководителем отдела и занимал должность секретаря в совете, поэтому – Сулим, только родился на Игуа, а воспитывался и прожил большую часть жизни во внутренних мирах. Эта планета сильно отличалась от Земли, она была гораздо крупнее, большую часть планеты занимал океан, суши было мало, но она была. В этом мире совсем другие галактики, не такие яркие звёзды, как на Земле. Она была старше нашей вселенной, там была другая почва и чувствовался недостаток кислорода. Планете приходилось использовать наёмный труд, набирая людей со всех окраин. Там были генераторы для производства воздушной смеси. Атмосфера в местах работ была искусственной. В помещениях стояли кондиционеры и воздушные чиллеры. Здесь всё было не натуральным и воздух, и ветер. На планете не было деревьев, не было своей травы, всё привозное: и газоны, и коровы, и цветы. Парадоксально, но эту планету облюбовали туристы, температура на побережье была постоянной – плюс тридцать градусов, океан тёплый до плюс двадцати, куча пансионатов и санаториев. Их ничего не пугало, не океанские хищники-людоеды, ни ядовитые полипы, ни грабительские цены. Народу всегда было валом. Туристический рай! И эта планета тоже входила в зону наших интересов, так как являлась окраинной. Обслуживало её другое подразделение стражей-пограничников, наши соседи. За последние двадцать лет нарушений границы не было. А тут, защита зафиксировала мощный пробой, именно на этой планете.

Стражи не увидели ничего, оно и не удивительно: столько народу здесь меняется в течении дня, и все из разных миров. Совет не пустил сигнал на самотёк и прищемил хвост бизнесу, закрыв планету для посещений. Совет вовремя среагировал, и направил специалистов, для решения инцидента, мобилизовав их со всех миров. Моего друга Водяного привлекли. К концу недели защита периметра выдала фотосъёмку нарушителей. Нам не повезло, это был довольно крупный отряд разумных существ, использующий технологии более современные, чем наши. Они смогли пройти через вакуумщиков, и воздушным туннелем ушли в океан. При этом, мы абсолютно ничего не знали о диверсантах: кто они, откуда, сколько их и как выглядят. Первые наши подводники не нашли ничего, хотя координаты погружения пришельцев в океан были зафиксированы точно. И только с применением специальной техники, удалось обнаружить след, и направление движения диверсантов. Пришельцы, под дном океана, рыли туннель в сторону материка, и тут же его закапывали за собой, продвинувшись на километр. Учёные подсчитали, что при таком темпе передвижения, пришельцы через две недели будут на поверхности. Совет, пока, решил не привлекать армию, а справиться силой стражников. Не знаю, может это было и правильное решение? Пришельцы пока агрессию не проявили. Совет собрал всех мастеров, по всем направлениям и сконцентрировал все четыре подразделения стражи на этой планете. Я впервые увидел разнообразие существ со

всех миров содружества, охраняющих его границы и обеспечивающих покой его граждан. Кого здесь только не было – глаза разбегались от причудливых созданий. И всё это было силой – наша армия. Мы, под руководством своих воевод, выстроились в плотные каре, ожидая противника. Наземные сверхчувствительные датчики предупреждали о передвижении под землёй. Нас подвела самонадеянность в свои силы, мы так и не осознали, что против нас выступило хорошо подготовленное подразделение разумных существ, привыкшее завоёвывать и повелевать. Всё-таки стражи, были больше гражданскими, чем военными, типа земной полиции, даже в штабе воевод чувствовалось отсутствие военной практики. Штаб, внутри, был больше похож на базар, воеводы не могли поделить власть. Эта командирская нервозность передалась подчинённым, мы не знали, что делать. Никто, не один член из Совета посеянных не появился на предстоящем поле боя. Мы стояли в строю, как на плацу, перебирая ногами. Сейчас уже поздно искать тех, кто следил за показанием датчиков, кто должен был держать на контроле всю ситуацию на планете Игуа внешних миров. Система защиты только отслеживала проникновение и нарушение контура, но совсем не выполняла возложенных на неё функций. Сулиму надоело топтаться в каре, отсюда ничего не видно, тем более, наше подразделение было за скалой. Он предложил мне забраться с ним на скалу, чтобы не пропустить появление противника из-под земли. По времени, уже пора. Чистое юношеское

любопытство и спасло нас от смертельного удара пришельцев. Мы находились на возвышении и всё видели своими глазами. Машина пришельцев была невидимой, словно сделана из воздуха, но видимым оставался след, оставляемый ею. Она, буквально, вылетела из земли, не останавливаясь, ринулась в самую гущу нашего отряда. Это было так неожиданно. Мы сразу, в первые же секунды потеряли половину состава стражников. Потом эта машина превратилась в скоростной миксер и перелопатила почву, вместе с нашими отрядами. Сулим проснулся, он ещё успел отправить машину в другие, чуждые нам миры. Оставались редкие очаги сопротивления, но битва была проиграна, ещё до начала сражения. Машина ещё под землёй успела высадить десант, и везде из ям, рвов и щелей стали вылезать войны. Блин, таких мечами и алебардами, даже луками не возьмёшь. Пришельцы были похожи на огромную земную капустянку, в прочной прозрачной защите, не пробиваемой нашим оружием. Сулим не мог их охватить сразу всех, их было миллион, а может больше. Сулим перехватывал их отрядами и отправлял в преисподнюю, вслед за машиной. Но пришельцы поняли откуда идёт угроза, и атаковали нас. Эти разумные насекомые могли делаться невидимыми, мгновенно уходили под землю, не чувствуя никакого сопротивления, словно ныряли в воду. Они могли ослепить, впрыснув кислоту в глаза, но ещё они могли летать. Они набросились кучей на нас, со всех сторон и зацепили, и утащили Сулима в воздух. Сопротивления на поверх-

ности не было, пленных тоже, нашего отряда не существовало. Вся армия иномирян вылезла на сушу. Вся поверхность заполнилась насекомыми, блестящими под лучами звёзд. Раздался победный крик врага, похожий на удары гонга. В воздухе зажегся свет и раздался взрыв, Сулим активировал самоликвидатор, похоронив себя в куче врагов. Насекомые обступили скалу и начали подбираться ко мне, это был последний бой. Я остался последним защитником Игуа. Мои силы таяли, я радовался каждому насекомому, отправленному к праотцам, но диверсанты смогли выбить меч из моей руки, щит давно валялся расколотым под скалой. Я остался беззащитен перед ордами безжалостных захватчиков. Я понял, что пощады не будет. Эти насекомые пришли в наши миры, чтобы уничтожить нас. Им мы не нужны, даже как рабы. Я был готов к смерти; руки пытались найти хоть какое оружие, и пальцы наткнулись в кармане на что-то несуразное. На свисток, подаренный Огневицей. Я сморщился от боли саднящих ран. – Пришло время свистеть, – подумал я, и поднёс мундштук свистка к, запекшимся от крови, губам. Раздался звук, странный детский звук, так не согласующийся с происходящими событиями, мне стало смешно, я по инерции уклонился от разящей клешни насекомого. И стало темно. Я думал, что умер, но всё вокруг утонуло в звуке – словно мириады бабочек заполнили небо. Я, с трудом, поднял голову, передо мной был мой дракон, всё небо было в драконах. В землю, из насекомых, успели спрятаться единицы, осталь-

ных драконы перещёлкали, как семечки. Дракон помог мне забраться на шею, и мы очутились на планете драконов. Ко мне прилетел Челстуг с Огневицей, чуть позже к нам присоединились Думан с Озорницей. Я спросил за Сапожаку. Сапожака ушёл в свои миры, его невеста разыскала. Жаль, не смогли мы попрощаться, я так и не дослушал его рассказ. Я спросил за Водяного. Повисло неловкое молчание. Огневица не выдержала, заплакала: – Водяной погиб, как воин, как герой! Челстуг рассказал, что Злыдень, Мисл и Горлиц противостоят завоевателям на юге наших миров. Меня они направили на помощь тебе. Есть уже первая информация о этой войне. Враг находился внутри нас. Водяной, видимо, что-то видел, его подло убили свои, ножом в сердце. Ценой предательства была власть. Внутренний враг повредил систему защиты периметра, и при первом сигнале о атаке на Игуа, бросил гранату с отравляющим газом в здание совета. Из прежнего совета остались единицы. Погиб Волхв, Ула, и Горисвет, находящиеся в тот момент в здании. Челстуг снял головной убор. Сейчас всем руководит новый совет. А ты поправляйся. Мы победим! Народ в волшебных мирах тебя назвал – Грестархом драконов. Знаешь, что такое Грестарх? Это не имя – это звание. Грестарх это повелитель. Ты заслужил это имя, Грестарх! И Челстуг улетел на линию фронта.

Глава 9

Меня никто не назначал главнокомандующим западных миров, но вновь прибывшие отряды искали только меня и

подчинялись моим приказам. И если «Коршун» находился на острие событий, то мы были в глубоком тылу. Создавалась резервная армия. Драконы всё же были не людьми, скорее управляемыми животными, они подчинялись только моим приказам и частично, приказам Огневицы. Я их отпустил в родные миры. При необходимости, мог собрать их всех по сигналу волшебного свистка. Совет всё присылал и присылал новые отряды воинов из различных миров. Я расщеплял их вдоль границы, создав подобие укрепрайонов. У меня появился свой штаб, своя разведка и контрразведка. Совет, для усиления работы штаба, направил ко мне Неясыть. Преображённый Неясыть был похож на эталон штабного офицера, он и командовал всей тайной канцелярией нашей армии. Думан создал отряд из подземников. Это не люди, они больше похожи на слепцов, их нанимают во всех мирах, для копания туннелей. Думан сделал из них мобильное подразделение для зачистки от спрятавшихся иномирян. Они отличились на Игуа. Учёные успели обнаружить поломки в защите и восстановить её функции, приготовив для «капустянок» сюрпризы. Контрразведчики нашли вредителей среди учёных. Это была кем-то хитро придуманная секта, вся деятельность которой была направлена против действующей системы управления мирами содружества, против совета посеянных. Контрразведчики ухватились за конец ниточки, а когда начали разматывать клубок, то вскрылись такие факты и выплыли на поверхность такие имена! Неясыть

работал хорошо, мы с ним почти не соприкасались. Но в одну ночь, он влетел в форточку в своём первозданном виде и заставил всех находящихся покинуть дом, по специально подготовленному, подземниками, туннелю. Мы едва успели удалиться за пределы жилья, как раздался взрыв. Я себя в стране драконов считал, что нахожусь в безопасности, а тут такое! Это было покушение. Враг оценил мои победы. Только Неясыти не удалось схватить покушавшихся, их застали всех отравленными в одном из армейских помещений. Смерть очень близко находилась от меня, только враг, что организовывал этот взрыв, опять ускользнул от нашего взора. Но то, как, кем и где была заложена взрывчатка в помещении, говорило о том, что среди моего близкого окружения был предатель. Неясыть предупредил меня, что подбросил в мой дом жучка. Он вызвал и показал его.

– Жучок не спасёт твою жизнь, но даст информацию к размышлению. А, вообще – то, как знать, как знать? Но, поверь Грестарх, мне будет спокойнее, если эта малозаметная букашка будет рядом с тобой. Жучок вёл скрытую съемку всех, появляющихся в моём окружении. И он спас мою жизнь.

Озорница выбила стакан воды из моих рук. Рядом упал Думан. Неясыть прокрутил кино, как Думан подсыпал отраву в емкость с водой.

– Эта история началась давно: когда ещё ты был ребёнком Грестарх. Секта вычислила тебя, они не знали к какому ты роду принадлежишь, но что ты посеянный знали точно.

У них возник план: это секта, с помощью специально заражённого клеща, сделала тебя калекой. Потом они нашли тебе двойника и воспользовавшись психотропными средствами и специально подготовленными гипнотическими программами, сделали из него адепта. Они знали, что посеянных будут искать в запретных мирах. Вся эта игра была поставлена для того, чтобы внедрить своего человека в окружение власть имущих. Пришло время сработать мне. Впервые подозрение возникло у Волхва, когда пыталась секта переложить ответственность за уродование посеянных на ведьм.

Злыдень поддержал Волхва, тогда и было принято решение о внедрении Озорницы в секту. Всё получилось не так, как хотелось: и Волхв погиб от руки предателя, но благодаря его стараниям, ты жив сейчас Грестарх. Прилетел дракон, и не церемонясь, зубами подхватил меня и усадил к себе на шею. Расправил крылья и поднялся в небо, он приволок меня в своё гнездо, всем своим видом говоря, что теперь он будет охранять мою жизнь. Три дня я успокаивал друга, три дня я его уговаривал, наконец он согласился. Я, обрадованно, переступил со скалы и по методу зелёного малыша, спланировал к подножью гор, в самый последний момент включив форсаж и, воспользовавшись внутренней реактивной тягой, полетел в свой дом, где меня ждали друзья. Дракон только успевал наблюдать, за моими фортелями, и откровенно, смотрел на меня, как на самоубийцу. Челстуг посоветовал сменить место моего обитания и пожелал скорейшего вос-

становления. Я знал такое место, и вскоре, скрылся от всех, никто из друзей не захотел составить мне компанию, как – то не любили волшебники этот мир, одному Линоду он нравился. Линод был стар, так и не нашёл он самку. Голос охрип, не добавив желаний и здоровья. Линод купил себе участок земли в мире испорченного времени, здесь его никто не досаждал расспросами: что, где, зачем, почему и для чего, но, когда доходило до куда и откуда – Линод начинал нервно смеяться, не любил он любопытных. Линода не интересовали новости внешнего мира, он даже не знал, что была война, что почти полностью сменился совет, что нет в живых многих его друзей и оппонентов. Я нанёс визит вежливости старику и не стал досаждать ему своим присутствием, поселился рядом в академической деревне. Мне нравилось наблюдать за выжившими из ума маразматиками, которые строили замки из песка, с лестницами из костяшек домино, рисовали пальцами по мокрому песку гениальные формулы, и тут же, стирали их ладонями, найдя другое, не менее сумасшедшее и грандиозное решение. Но надо отдать должное – этот мир придумали и создали они, считая его самым совершенным и гениальным изобретением разума. Спорить с академиками было бесполезно, они не приспособлены были к нашим «ненормальным» мирам. Здесь никто, ни к кому не навязывался, не лез в глаза и не давал советы. Любителей учить жить здесь просто сплавляли в прошлое, из сочувствия, а особо назойливых, посылали в будущее, это уже хуже, из бу-

дущего возврата нет. В академической деревне разрешалось вести диалог, только с самим собой – молча, но можно и вслух. А тех, кто поёт и хохочет, принудительно отправляли к соседу. От Лиода они летели вверх тормашками, но вполне нормальными людьми – с синяками, шишками и оригинальным не академическим лексиконом. Лиод терпеть не мог тех, у которых не важно было со слухом, и кто фальшивил по жизни, но старался выкарабкаться на сцену, показывая свою важность и значимость. Такие в этом мире не задерживались, их даже не принимала история, они терялись между секунд, под ногами прохожих, в час пик. Мне нравился этот мир! Плохо только раны заживали после клешней пришельцев. Я отдыхал, было время подумать, выяснить – что я хочу в этой жизни? До этого, я плыл по жизни, как щепка по реке, подгоняемый и управляемый чужими желаниями. Война подходила к концу. Иномиряне проиграли бой, но это была всего лишь разведка, битва ещё впереди. Я немного даже благодарен этой стычке, она вскрыла все слабости наших позиций, и внутреннюю гниль наших миров. Содружество требовало реформации и очищения. Необходимо было пересмотреть договора. Я вспоминал последние разговоры с Сулимом:

– А что, только внешние миры считаются закрытыми?

– Нет. Есть и внутренние, отданные в аренду, по решению совета, цивилизациям, вынужденным покинуть свои миры по различным причинам, в обмен на вассальное подчинение.

Я там не был, ничего о них не знаю, даже не знаю, где эти миры находятся. О тёмных мирах четырёх баронов он тоже не знал ничего, знал только то, что знали все. Чем больше я пытался разобраться во внутренней политике содружества, тем сильнее запутывался в сети непонятных законов. Миров было так много, не все они были заселены разумными существами, и казались совершенно неуправляемы. Просто, я очень мало знал о содружестве, к которому относилась и планета, на которой я родился и вырос. Меня вызвали в совет, наверное, моё лечение закончилось. Это были триумфальные сборы, на которых было объявлено о окончании войны. Враг был уничтожен, несколько трупов поверженных «Капустянок», залитые специальной быстротвердеющей прозрачной смолой, заняли своё место в музее истории содружества, как напоминание о этом печальном событии. Имена погибших занесены в книгу памяти. Там есть и мои друзья. Мои раны ещё откликались болью на нагрузки, мы уже несколько часов стояли в строю. Первым вызвали для получения награды Челстуга, он был удостоен золотого оперенья, вторым вызвали Грестарха. Рядом стоящие, увидев мою растерянность стали подталкивать меня к трибуне совета. Я ещё не привык к своему новому имени, и не ожидал попасть в число награждённых. Меня отметили серебряным крылом и статуем «повелителя стихий». Победители приветствовали меня ударами мечей по щитам. Это был триумф. Член совета пристегнул серебряную награду к моей тунике, на то место,

где у воина земли находится погон. В Московии меня встречали, как героя. Огневица повисла на моих плечах, дополнением к серебряной награде. Её сестра получила высшую награду разведчиков – золотую летучую мышь, только она её не афишировала и после небольшого банкета в мою честь, она покинула Московию, сославшись на приказ. Челстуг тоже улетел, он так и остался в армии, Злыдень вернулся в свой мир, он не был тщеславен, его обошли наградой, он грустно улыбнулся:

– Меня вспоминают, когда я нужен, и тут же забывают, когда меня нет.

У него накопилось много дел в потустороннем мире, без Волхва, на его плечах повисли проблемы: и видимых, и невидимых. Про Неясыть лучше забыть и не задавать лишних вопросов, с некто пор, появление этой птички, даже во внутренних мирах, ни к чему хорошему привести не могло. С контрразведкой не шутят! Челстуг смеялся:

– Как получишь ещё одно крыло, тогда можешь спокойно себя к птицам относить, хотя и Грестарх неплохо!

Моё положение осталось не определённым: пограничную стражу упразднили, нет уже никаких замков и воевод. Стражники, большей частью, погибли во время войны. Их заменили мобильные пограничные войска, которые вместе с укрепрайонами, должны встать заслоном на пути врага. Меня никто не увольнял, про меня, как забыли, может просто дали подлечиться, не знаю. Я так и остался здесь, живу в

Москве – в деревне Москва, в родовом имении Коршунов. Через месяц, совет узаконил наши отношения с Огневицей, мы, не дожидаясь благословения Всеволода, взяли девочку на воспитание. Никто не знал, что у Улы была дочь. Мы не ведали, был ли у неё отец; а девочка теперь наша, и совсем не сирота. Если бы вы видели, как она играет с новорожденными дракончиками, она их строит, как оловянных солдатиков. Я отчасти жалел, что ясельный период для драконов, так быстро заканчивается. Но начало дружбы между человеком и драконами было заложено здесь – на землях Московии. Придёт время, когда я передам свисток, подаренный когда-то моей будущей женой, этой маленькой девочке. Её мама боялась высоты, Лиана была её противоположность. Лианой её называли за те трюки, что она вытворяла, когда попечительный совет забирал её из пустого дома, где она раньше жила с мамой. Лиана была маленькая, и до последнего верила в то, что мама вернётся и заберёт её. Она поначалу и нас приняла в штыки, но дракончики примирили. Мне кажется, что они начали летать одновременно: и девочка, и эти бегемотики с крыльями. Огневица не успевала йодом ссадины прижигать и холодные камни к синякам прилаживать. Девочка росла бедовой, но непривередливой к питанию, ела то же самое, чем Огневица кормила бегемотиков. Иногда Челстуг прилетал на драконе, на моём драконе. Он постарел, скучал. Дракон тоже любил играть с мелкотой, они атаквали его из засады и старались повалить на землю. Потом про-

сили покатать. Дракон осторожно их садил на плечи, по одному, и подымался невысоко в небо. Вы бы видели, сколько счастья было в глазах малышей. Лиана тоже принимала участие в этих играх, как без неё? Она себя считала маленьким драконом, и плакала, когда друзей забирали из яслей в другие миры. Прошло полгода, я уже привык к вынужденному безделью, никуда даже не вылетал из Московии, иногда ходил на Язу, там русалки водяному памятник поставили из коряги, время от времени поправлял шалаш, меняя подгнившие ветки и перекрывая камышом крышу, вспоминал первый день, когда меня ведьмак принёс в этот мир. Этот раз, я застал жену плачущей, маленькая Лиана гладила маму и не знала, как её успокоить.

– Тебя вызывают в совет.

Огневица не любила эти вызовы, они только добавляли тревоги и вносили некую неопределённость в жизнь семьи. Ей было лучше, когда я не работал, не служил – был просто рядом. Она по ночам гладила мои шрамы, полученные в войне, и ей казалось, что совет специально вызывает меня, чтобы помешать её женскому счастью.

Она знала, сражаться против совета бессмысленно, если бы она утаила информацию о вызове, меня бы просто выдернули бы из мира, а для ведьмы последовало бы наказание, вплоть до понижения статуса. Это был бы удар: ей бы могли запретить воспитание дракончиков и лишиться руководства в малом Шабаше ведьм. В их клане всё так сложно, такая за-

путанная иерархия, каждая ступенька вверх, даётся трудом и потом. Нет, Огневица даже ради любви ко мне, не пошла бы на это.

– Тебя вызывают в совет!

Я поцеловал, успокоил жену, и рано утром, ещё до её пробуждения, покинул дом. В совете меня направили в кабинет распорядителя, это не официальная должность, распорядителем мог быть любой, попавшийся под горячую руку председателю. Председателем был Нелюдь, я его никогда не видел, это была выборная должность, председателя выбирали члены совета, раз в сто лет. Перед кабинетом распорядителя была толпа, собрались граждане всех миров. Я думал несколько суток мне придётся ждать аудиенции, но запускать стали группами, вызывая по списку. Никого не было знакомых, но вскоре я услышал имя Лиода, следующим по списку назвали меня. Старику покоя нет, и в мирах испорченного времени его нашли, он начал смеяться ещё там, кивнул мне, как старому знакомому, мы вместе с мастером вошли в кабинет. В кабинете было ещё несколько дверей. Лиода вызвали в левую дверь, а меня в правую. За столом сидел Аспид, натурализованный для руководящей должности. Урод подмигнул мне и дал направление в академию. Все нюансы: обучения, проживания, питания, семьи – решаются на месте, а я мало того, что не могу предупредить Огневицу, куда меня направил совет, но, абсолютно не знаю, где находится эта академия. Лиод стоял на ступеньках здания сове-

та, и в хвост, и в гриву, костил тех, кто это придумал, а в душе радовался, что стал нужен обществу. Он устал отдыхать. В его руках было такое же направление, и тоже в академию, только я шёл туда абитуриентом, а Линод преподавателем. Пока мы с Линодом обсуждали направления, мимо нас чуть не прошмыгнули Озорница с Неясытью, я едва успел их перехватить. На Неясыти был парадный мундир, с таким же серебряным погоном, как у меня. Он поздоровался со мной, как со случайным прохожим, они быстрым шагом удалялись от здания совета. Я увязался за ними, стараясь не привлекать внимания, и на ходу, вкратце рассказал подруге, в какую историю вляпался и попросил её предупредить сестру:

– Только ты там осторожней, без фантазий, а то у нас скоро ещё один дракончик появится.

Озорница всплеснула руками:

– Меня тоже направили, на место Челстуга – по закрытым мирам, это почти по пути, обязательно в Московию заскочу, сестру поздравить.

Неясыть подхватил Озорницу под руку, и они растаяли в толпе. Вот так и встречаешься с родственниками – между мирами, мимоходом, во временных интервалах. В спешке, я чуть не потерял Линода.

– Это кто?

Линод спросил за моих друзей, я вовремя вспомнил к какому ведомству они принадлежат:

– Да, так – знакомые.

Лиод уже выяснил в совете, где находится эта академия, это был особо охраняемый мир, пропуском в который были наши направления. Учиться мне предстояло долго: от пяти, до десяти лет, в группе помощников членов совета – это, типа академии международных отношений, а Лиод приготовился к пожизненному сроку. Старик светился от счастья, он мечтал о том, чтобы передавать свой опыт молодому поколению. Я вспоминал, что я знал о академии и об учёных. Этот мир был центром всех научных учреждений сообщества, девяносто процентов всех открытий совершалось здесь, за стенами многочисленных лабораторий, здесь же находились и закрытые военные научные учреждения. Вся информация с периметра содружества приходила сюда и обрабатывалась здесь. Здесь была центральная библиотека, книги – не читают, их записывают и внедряют в мозг, в любой момент их можно стереть, сбросить, а потом восстановить, при необходимости. Не знаю, как у других существ, но у людей мозг, напоминает компьютерную корзину, ещё не успел получить информацию, а уже забыл! Мы приземлились на площади, рядом с центральным архивом. Внешне, архитектура города выглядела компактно (Я не знал, что основной объём информации спрятан под поверхностью). Я многого ещё не знал: – в этом городе училась элита наций, сам мир был под усиленной охраной, город, и к каждому обитателю учебного центра была прикреплена персональная охрана. Но никого не было видно, город, как вымер, редкие прохожие перемещались по

улице, и пропадали в многочисленных зданиях.

– Как здесь, вообще, ориентироваться, где эта академия находится, и спросить не у кого?

Не выдержал Линод. На противоположном здании загорелась стрелка-указатель – академия! И мы пошли от здания к зданию, следуя по указателям. Блин, или город был настолько большой, или мы ходили по кругу, но к концу дня, с высунутыми языками, мы были перед дверьми академии. Нас встречали.

– А мы вас ждём и ждём, датчики давно предупредили о вашем проникновении в периметр. Спросили у зрителей, они говорят, что вы на экскурсию пошли, пожелали осмотреть город. Блин, я бы этих зрителей... , тут ноги от усталости отваливаются, и, вообще, рядом никого не было – ни зрителей, не говорящих, не подсказателей. Бедный Линод, нервно хихикал в стороне, пока я разговаривал со встречающимися.

– Нет, мы выбрали именно такой путь в академию.

Я выдохнул первую фразу, что пришла в мою голову. Женщина, в мужской тунике, прикрывающей колени её ног, наверное, была старшей, среди встречающих, посмотрела с сочувствием на вновь прибывших:

– Извините, у нас ремонт входного портала, и гостей разбрасывает по периметру. Вы, наверное, впервые на Рузе?

(Наконец, я услышал, как называется этот академический мир).

– А почему вы не воспользовались подземным транспортом, или ускорителями? Ах, да, я забыла, вы же ещё не местные. Меня зовут Гетус, я старший смотритель, по всем возникающим вопросам обращайтесь ко мне, достаточно назвать моё имя и можете задавать вопрос, я уже занесла вас в реестр академии и произвела вашу идентификацию. Запомните – Гетус.

Женщина передала нас на попечение младших смотрителей и растаяла в воздухе, вместе с одеждой, не оставив даже следа.

– Демон! – Вздогнул Линод.

Да, смотрителями в этот мир были наняты демоны, они жили на границе с тёмными мирами четырёх драконов и сдерживали своим присутствием агрессивных соседей. Демоны подчинялись только председателю совета, и вот, уже несколько столетий охраняли самый закрытый мир содружества. Я только ступил на землю Рузы, мне ещё предстояло столько узнать.

Глава 10

Демон порешала все мои проблемы, завтра вся семья будет в сборе: Я смогу увидеть жену и Лианку. Гетус всё решила оперативно: и замену для жены, и жильё в специальном районе вне города с вмонтированными стационарными ускорителями; жильё было, даже со стандартным набором слуг-землян, они жили семьями в специально выделенных для них помещениях. У слуг были дети, различных возрастов,

они сразу взяли в оборот Лианку. (какое же было моё разочарование, когда я узнал, через двенадцать лет, в конце моего обучения в академии, что все живые существа, окружающие меня, за исключением жены и моих детей, были биороботами, основная задача которых, состояла в нашей защите. И если младенец лежал и сопел в коляске, пытаясь дотянуться до выпавшей соски, то при малейшей опасности, он превращался в орудие самообороны, и вместе с коляской становился непреодолимым барьером на пути нападающих. Всё было тщательно продумано. Каждый день, эти искусственно выращенные создания, проводили анализы еды, воды, почвы, воздуха, визуально отслеживали весь периметр жилья, выполняли кучу указаний из центра смотрителей, подчиняясь оперативному дежурному из демонов. И это всё без электроники и научно обоснованного колдовства, а я не знал. Никто из нас не замечал ничего странного. У меня самого, среди прислуги, было много друзей). Обучение началось через неделю, я впервые воспользовался ускорителем. Ускоритель был настроен индивидуально на меня и членов моей семьи. Прислуга использовала общие каналы перемещения, они не в многом уступали ускорителю, просто, чтобы попасть в город, нужно было собрать группу, не менее четырёх человек. Ускоритель представлял собой кабину, двери открывались автоматически при приближении. Кнопок не было, ничего нажимать не нужно было, ускоритель – это не лифт, хотя принцип действия, приблизительно, один и тот же, только

для перемещения, надо было подумать, куда ты хочешь попасть. Кто-то из слуг мне помог освоиться с ускорителем, и я в первый раз попал в синий сектор академии, в аудиторию, предназначенную для нашего обучения. Без преувеличения, она напоминала мне римский амфитеатр, абитуриенты собрались в центре – на арене, и были похожи на гладиаторов; а вокруг были какие-то сооружения, похожие на трибуны, только на них не было: ни зрителей, не элиты, не игроков, заключающих ставки. Аудитория казалась непропорционально огромной и психологически давила на абитуриентов, я чувствовал себя, как мышь в мышеловке. Я огляделся, вокруг меня были существа, совсем не похожие на людей, это был цвет нации различных народов, заселяющих содружество миров. На войне мне приходилось видеть разные типы существ, но не в таком количестве, и не в таком разнообразии. На войне, особо рассматривать было некогда, а здесь рядом – на расстоянии вытянутой руки. Эти волосатые монстры, висающие в воздухе и оставляющие за собой дурно пахнущий влажный след, похожий на жёлтую пену, с брезгливостью осматривали меня, боясь даже близко приближаться к этой мерзости, которой я казался для них. Нас впервые собрали всех вместе, это была наша группа будущих помощников руководителей. Осваивайтесь, знакомьтесь, привыкайте друг к другу, вам предстоит работать вместе ещё не один год. Потом на арене выросли кабины, и мы разбрелись по своим номерам, не знаю, как мы определили, что это именно ва-

ша кабина, а не соседа? За мной была закреплена кабина, под номером семь. Я чуть позже, пытался спутать руководителей, вроде ошибочно, попадал в чужую кабину, но цифра семь перемещалась вслед за мной. Обучение здесь тоже было индивидуальным, на первом общеобразовательном курсе. В этом мире не было учебников, карт, шпаргалок. Экзаменом была сама жизнь, и не сдавший экзамен..., будем считать, ему не повезло, его не оставляли на следующий год, при единогласном решении педсовета, он отчислялся из академии. Естественный отбор в этом мире шёл с первых дней. Преподавателей мы тоже никогда не видели, но это не значит, что их нет! С Линодом мы встретились, по окончании академии, на распределении должностей и получению направлений по месту нашей дальнейшей службы. Старик признался: – Я все двенадцать лет переживал за тебя, и хотел, чтобы ты выдержал эти испытания и утёр нос кое-кому из демонов и слизняков. Линод не был человеком, но всегда, всей душой был с людьми. Он постарел, но выглядел ещё крепким. Свой первый урок я запомнил на всю свою жизнь: кабина начала заполняться сиреневым газом. Из всех цветов я больше всех не любил сиреневый. Может это был туман, он начал клубиться под ногами и когда заполнил всё пространство, всё тело, мои лёгкие, этот дым вытеснил меня за пределы этой кабины, этого мира, вселенной... Я оказался в непонятной стране, каким-то воздушным аморфным невидимым существом. Я мог видеть и слышать всех, но от них я был скрыт. Здесь

всё было не так, как на тех планетах и в тех мирах, в которых я был раньше: всё было перевёрнуто, как в теодолите, там, где должна быть земля, было небо, и наоборот, вместо неба – земля. Да и земли не было – сплошные соты: круглые, квадратные, треугольные. Я сообразил, попробовал перевернуться, до этого, я висел вниз головой, если у облака есть голова. – Ура! Получилось!

Значит я мог управлять этим аморфным телом, осталось только научиться перемещаться и перемещать предметы. А то я чувствовал себя привидением, таким, как в мультфильмах показывают. Не вовремя я про телевизор вспомнил, передо мной показался пульт, и шкала регулировки звука. Над головой раздался такой грохот, что я вмиг, чуть из облака не превратился в тучу и не разродился огненной молнией. Звук стал меньше, я мысленно подрегулировал тембр, и приятный мужской тенор, поздравил меня с началом учебной программы. Вначале мы ознакомим вас со всеми мирами, входящими в границы нашего содружества, и с обитателями этих миров. На первом курсе вы защищены, а на остальных курсах, прошу не забывать того, чему мы вас обучим, поэтому внимательно следите за нашими комментариями. Этот голос меня сопровождал все двенадцать лет обучения. Время обучения было не нормированным, урок мог продолжаться несколько суток, и ты не обязательно должен быть в образе пассивного наблюдателя, голос над головой мог подсказать, кто и что в этом мире является съедобным, а добыть про-

питание и приготовить его, ты должен сам. Но бывает и такое, что пищей являешься ты, и сезон охоты открывается на абитуриентов. Демоны не допустят, чтобы тебя съели, но это минус для твоего дальнейшего обучения. Три минуса в месяц, и твоя успеваемость выносятся на педагогический совет, а что последует далее, мы уже знаем. Вот так проходили перемены в академии. Толстые и ленивые отсеивались первыми. За первые три месяца обучения, у нас осталось половина первоначального состава группы. Бедная Огневица, ей оставалось ожидать меня, и каждый раз с занятий я приходил злой, голодный и уставший. Я засыпал прямо за столом, слуги, каждый раз, раздевали меня и переносили в постель. Я жене говорил, что учёба в академии, разительно отличается от обучения в школе волшебников, у нас даже вместо формы – спецодежда, а вместо преподавателей и парт, племя людоедов за твоими плечами, от которых ты обязательно должен оторваться, если даже находишься в теле черепахи на данный момент. Огневица всё понимала. Она даже рожала в моё отсутствие. Я не знал, а академия не считала нужным прекращать учебный процесс из – за рождения моего сына. Мы договорились, если Огневица подарит мне наследника, то имя выберет она. Огневица назвала сына – Сармат, у землян тоже есть такое название, но Огневица осталась верна традициям кланов волшебников, Сармат – это кобчик, тоже из хищных степных птиц. Так что мой сын тоже, автоматически был причислен к птичьей стае, под опеку потусторон-

него мира, в клан птиц. Злыдень первым прислал поздравления моей семье. Прилетел Неясыть, и нам дали возможность переговорить в академии. Разговор был недолгим, он касался моего сына. Сармат был дважды посеянным, это открывало перед ним необычные перспективы, никто не знал, какие способности в нём спрятаны. У председателя совета на моего сына были свои планы, Нелюдь просил усилить охрану ребёнка, рождение которого, вряд ли осталось не замеченным в недружественным нам мирах. Неясыть собрал демонов, и целый час инструктировал их, и передал личную просьбу правителя. Меня он только предупредил, что если каждого из нас охраняло по два демона, то Сармат был под опекой пяти невидимых существ, и у сына было три лабораторных близнеца, это на всякий случай, для подстраховки. Неясыть меня предупредил, что в случае необходимости замены ребёнка, родителей никто уведомлять не будет. С Огневицей Неясыть успел уже переговорить. Под удар могли поставить проект содружества, Нелюдь не мог этого допустить. Я никогда не думал, что вокруг моей семьи будет такой ажиотаж, и она окажется в центре внимания спецслужб содружества миров и планет. Но это было ещё не всё, о многом мы не знали и даже не догадывались, а кое-что до нас дошло, только после обучения, как информация к сведению. Я подозреваю, что без совета тут не обошлось, они, как специально спланировали эту учёбу, чтобы скрыть меня и всю мою семью от посторонних глаз, в надёжно защищённом месте. За весь пе-

риод обучения, нам запрещено было покидать земли Рузы, даже месячные каникулы, между курсами, мы должны проводить здесь, этого требовали неписанные законы безопасности. Я не знал, что даже у главнокомандующего армии и у некоторых политических лидеров были свои демоны. Не верилось, Челстуг не любил, когда за ним кто-то наблюдает. Озорница на Земле вышла замуж, об этом тоже мы не знали. Огневица страдала от такой разобщённости, но через это необходимо было пройти. Раньше семья клана «Коршуна» собиралась не менее трёх раз в году, за исключением меньшего брата – Корчег, он был изгоем в семье, его старались не вспоминать, он давно покинул Московию и с тех пор, не разу не посетил родной дом. Никто не ведал, где он, предположения были разные; особо зол на него был Челстуг, но никто не знал причины раздора между братьями. Огневица рассказывала, что младший брат был копией старшего, только моложе и ниже ростом. Корчег был умнее и хитрее Челстуга, а поссорились они из-за девушки, говорят, что Корчег, у старшего, невесту отбил. Кто эта девушка, Огневица не знала, знала, что из клана колдуний. Произошла ссора, ещё мать была жива, пыталась примирить братьев, но Корчег ушел, ведьмы наказали девушку, придав ей неподобающий образ, на длительный период, до тех пор, пока она не вернёт уважение к себе. Челстуга совет отправил инспектором в закрытые миры. А дальше, ты знаешь всё сам. Как много прошло времени, и как всё поменялось, жизнь закрутилась в

бешенном темпе, кажется вчера, я лежал без движения, смирившись со своей инвалидностью, и никогда не думал, что судьба меня сведёт с ведьмаком Сёмой, который окажется Челстугом, приписанным за кланом птиц, который позовёт меня на рыбалку, на чистую реку Язузу, в волшебной стране Московии, где я встречу свою любовь и будущую жену – Огневицу. Тайком, находясь в академии, я скучал по Москве, по деревне Москве, по родовому имению Коршунов и по яслям для маленьких дракончиков. Для меня – это было самое счастливое время, которое мы провели с Огневицей вместе, после войны, и нас никто не тревожил, никому до нас не было дела. Эти полгода спокойствия, они навсегда останутся в моей памяти, мне не верилось, что судьба расщедрится ещё на такой шанс. Огневица часто вспоминала этот период нашей жизни. Лиана пошла в учебный центр, при нашем поселении. Это была первая её школа, в которой были и гувернантки, и воспитатели, и преподаватели. Девочке нравилось учиться, в отличии от взрослых, все иномиряне в школе перезнакомились и передружились. На переменках устраивали такие игры, что даже выдавшие виды преподаватели не скрывали улыбок от фантазий малышей. Иногда я забирал Лиану из школы, снимая её с гусеницы. – А, что? Она мне проспорила. За ней ещё два круга, по площади. У детей преподавание, больше на игру похоже, а уроки – на волшебную сказку. У преподавательского состава было столько фантазии, тем более при таком разнообразии учеников. Этому

способствовал фольклор тех стран, откуда эти дети прибыли в мир Рузы. Там были свои герои, и все они добрые, умные и находчивые. Про их волшебные путешествия Лиана пересказывала маме, а я засыпал, и мне снился Сапожака, и пираты в порванных тельняшках, с татуировками на голых участках тела. Я видел сон про остров близнецов, а просыпался в академии, вывалившись из ускорителя на арену аудитории, и глаз, по привычке, высматривал кабину семь. Говорят, первый мир, как первая любовь! Мой первый мир, был родиной полудиких ос, хорошо, хоть система меня представила в виде облака. Я не могу поверить, что сюда туристы записываются за год, и мир ос очень популярен в содружестве. Попасть на него очень сложно. Яд ос являлся ключом к бессмертию, в этом весь секрет популярности этого мира. Голос над головой бегло ознакомил меня с флорой и фауной, а также, провёл экскурсию по географии. На этой территории, кроме ос, жили ящерицы, питающиеся личинками насекомых, в реках было много рыбы, некоторые виды пресмыкающихся, черепахи, раки и у всех была защита от грозного оружия доминирующих насекомых. Флора тоже была разнообразна, но ближе к горам, где климат не позволял хозяйствовать осам и строить свои гнёзда. Осы постоянно мигрировали в поисках пищи, практически были всеядны, пролетая над землёй этого мира, я видел даже человеческие скелеты, отбеленные временем. Голос над головой говорил, что осы в этом мире похожи на ваших земных пираний, они роем, в считан-

ные секунды могут расправиться с любым животным, не зависимо от его объёма. Осы не брезговали и растительной пищей, она им просто была необходима, для образования ценного яда. Этот мир охранялся государством и давал ощутимый доход в казну содружества. Первый курс заканчивался без экзаменов, был общий опрос по пройденным темам, где мы коллективно, всей группой пытались ответить на заданные вопросы. Голос над головой был доволен. У меня голова шумела от количества миров, которые предстояло запомнить, мне не верилось, что я успел побывать на всех. Это были дикие не управляемые миры, меня учили выживать в них и быть господином своей судьбы, не поддаваться панике и выходить с честью из различных ситуаций. По результатам года, если перейти на земные оценки полученных знаний, я едва вытягивал на «троечку» и находился на грани вылета из академии. Я путался в этих мирах, два раза меня извлекали из тюрьмы хищных растений, где я висел на растяжках из застывшего сока, запутанный в кокон растительной паутины. Меня растение отбраковывало из-за пониженной волосатости, ему казалась подозрительной лысая гусеница.

– Не еда, а мутант какой-то. Денис!

Я опять услышал своё земное имя, только на языке растений, оно было гораздо хуже волшебной «яичницы». Я чудом закончил первый курс, и если бы знал, что впереди меня ждут одиннадцать лет испытаний в постоянной борьбе за своё существование, то я бы поднял руки и пошёл бы сда-

ваться в деканат. Но пока каникулы, долгожданные каникулы, жаль, что улетать за пределы мира Рузы нельзя. На этой планете были свои зоны отдыха: озёра, моря, даже был океан, правда холодный и никем не посещаемый. Мы с Огневицей не планировали отдых, как то, не до этого было – Сармат рос с детскими капризами и проблемами – то зубы режутся, то с ежом местным подрался, пришлось маме острые иглы вытаскивать. Пять охранников, не считая Огневицу, и многочисленных слуг, не могут усмотреть за сорванцом, который, едва, ходить пытается. Мы выбрали море, и нас, семейный ускоритель перенёс в уютный гостеприимный коттедж, на берегу тёплого моря, покрытого барашками белых волн. Огневице нравился его запах, море пахло йодом и пивом с солёной рыбой, только не того, не другого здесь не было. К сожалению, Руза – не Земля, правда здесь хватало своих соблазнов, к которым мы не привыкли. (Я вспомнил дикие глаза одной земной девочки, которую я угостил спелым персиком, покрытым природной растительной шерстью. Она, в ужасе, выбросила его из рук, как будто я дал ей раскалённый уголь, и с истерикой побежала к родителям. Вот так и мы, относились к местным деликатесам. А слово «оскомина», я связываю с другим земным фруктом – с «айвой». Челстугу стоило один раз попробовать айву, чтобы навсегда отказаться от всего земного, растущего на деревьях, в огородах и на полях. Хуже айвы для него был сырой картофель, он не представлял, как мы едим такую гадость.)

Глава 11

По вечерам малой был на попечении многочисленных нянек, они его и спать улаживали. Он только начал связывать отдельные слова из лексиконов разных миров, но мы его понимали. Вечер – это было время отдыха для мамы, она садилась на местный академический канал телевидения, и чтобы её никто не беспокоил. Я услышал её смех, рассмешить Огневицу трудно, она всё воспринимает в серьёз, так учат волшебников, нельзя ни в коем случае отвлекаться, все фокусы поставлены на этом, чтобы отвлечь ваше внимание. Мне даже стало интересно, что так могло рассмешить мою жену? Я, каюсь, подсмотрел, любопытство взяло верх. Огневица смотрела новости академии, как раз, про обучение нашего курса. Передача шла в записи, и жена кромсала сюжет, выбирая, интересующую её, личность. Меня – троечика, показывали в самые нелюбезные моменты – то я от гусениц убегаю, то дерусь с муравьём, то болтаюсь между небом и землёй, в коконе, похожий на младенца в пелёнках. Блин! Подумаешь! Сделали из меня кинозвезду! Смешно им, а то, что этот муравей был в три раза выше меня и на порядок сильнее, это не в счёт. Я помнил ту планету, муравей в тот день оставил меня без еды, он подождал, пока я прожарю мясо, вырубил меня хитрым боксёрским приёмом. Я очнулся – ни мяса, ни муравья. Смешно. Я пошёл гулять по берегу, оба демона увязались за мной. Я их не видел, я их чувствовал, они везде и всегда, незримо, сопровождали меня. Всё-таки странные эти

внутренние миры: есть небо, но нет звёзд, солнца и луны, день сменяется ночью, но не понятно, по каким физическим законам всё работает. Здесь, даже ночью, достаточно светло, особенно возле моря. Море само излучает свет, весь мир погружается в чудное фосфорное свечение, светится всё: берег, камни, водоросли, из морской глубины выплывают медузы, словно новогодние гирлянды. Каждая группа медуз излучает свой свет – от белого, до ядовито зелёного и пурпурно-красного. Мелкие рыбки и рачки мелькают отражениями в этой природной светомузыке, усиливая эффект цветовой гаммы. Красивое море на Рузе, особенно ночью. Я почувствовал взгляд. Это было неожиданно и страшно, оба моих демона стали видимыми и выпали в осадок, из воздуха – на песок. Я не мог сделать, и шага, у меня отнялась речь, кто-то выключил мой слух, обоняние и остальные органы чувств. Я был рад, что меня оставили в живых и позволили дышать, но, когда в море засветились глаза, величиной в автомобильные фары, и на берег стало медленно выбираться существо, похожее на доисторического ящера, честное слово, я пожалел, что не умер. Рептилия лениво высунула длинный язык, который, не спеша, приближался к моему телу, по спине тёк холодный пот – это был неприкрытый страх. Я не мог кричать, стоял, как парализованный, тупо ожидая своей участи. Я не мог отвести взгляда от зубов этой бестии, изо рта сочились слюна, и тонкими липкими струями, тянулась к «фосфорной» поверхности.

– Лана, нельзя, назад!

Мой мозг разорвался от резкого, запрещающего сигнала. Боковым зрением я увидел осьминога, с головой, похожей на человеческую, только большую и вытянутую. Я потерял сознание. Когда очнулся, было утро, демоны проснулись, наверное, раньше, на берегу не было их серебристых тел. Всё было нормально, только сильно болела голова, по ней прошли, как катком. Всё-таки ментальная атака была, я чувствовал это, но решил, пока не сообщать охране: это существо просто могло убить меня, оно могло убить нас всех, но оно, почему-то, этого не сделало. Я помнил голос, хотя он возник у меня в мозге, мне показалось кричал ребёнок, руководящий рептилией. Может это существо налаживает контакт? А почему нет? Предупреди охрану и прощай море, сначала пойдут запреты с принудительной эвакуацией, а потом разбираться будем, не оставил ли монстр сюрприз в моём мозгу. Всё может быть, но я доверился интуиции, мне хотелось наладить контакт с этим существом, так смело разобравшись с демонами. Демоны считали себя непобедимыми. Это не так, я помню, я видел! Каждый вечер, когда Огневица получала наслаждение, любуясь «победами» над своим мужем по телевизору, я тайком уходил на берег, в сопровождении охраны, в надежде встречи с монстром. Но не осьминога, не Ланы, не видимых демонов. Я жалел, что не успел осмотреть этот ужас вселенной, но достаточно было и того, что я успел увидеть – внешне, эти демоны были похожи на ветошь,

заменяющую половую тряпку, с тремя рядами саблевидных зубов, изогнутых под острым углом, вовнутрь, расположенных в небольшой голове, напоминающей бесхвостую комету. Зубы казались острыми и непропорционально большими. Глаза демонов были прикрыты полупрозрачными веками, но, представив всю эту красоту воочию, в движении, в атаке на твою душу, я остался рад тому, что демоны не видимы, и не так кровожадны, как мы их представляем. Мир демонов – это закрытая тема, и чтобы их понять и подчинить, действительно, надо быть Нелюдью. И всё же, мне посчастливилось встретить монстра, который делает этих демонов бесполезными, даже для охраны. Мне очень жаль, что осьминог не идёт на контакт, я даже не ощущал, чтобы кто-то наблюдал за мной. Завтра был последний день отпуска, Огневица начала собирать раскиданные Сарматом игрушки, а я всё ходил по берегу моря, и уезжал из этих мест с чувством неудовлетворения и с маленькой надеждой, что встреча с осьминогом ещё предстоит, ведь если, что-то в жизни случается, то это не спроста, значит это важно, и нужно, значит, это имеет какой-то смысл, иначе вся бы твоя жизнь была бы никчемной и пустой. Жизнь научила меня не верить в случайности, ничто не происходит случайно. А если это не так? То, значит и вы случайный. А случайных людей никто не любит, их просто не существует, они, как призраки, проходят мимо, не оставляя следов, на них не задерживается взгляд, у них нет тени. Ускоритель вернул меня в действи-

тельность: прощай море, можешь себя уговаривать сколько хочешь, но чуда не произошло, и завтра в академию – там всё к твоим услугам: будут тебе и осьминоги, и крокодилы с гарпиями! Занятия начались, без подготовки, голос над головой посчитал, сколько нас осталось на втором курсе и предупредил ещё раз, что те поблажки, которые нам ректорат дал на первом курсе... вам лучше про них забыть.

– Выбирайте себе защиту и оружие.

На арене появился стенд с панелью, на которой, нажав кнопку, ты мог выбрать оружие любого мира, вплоть до танков и крылатых ракет. По первому курсу я уже знал, что даже рыцарские доспехи тебя не спасут от ядовитого гнуса, и пусть это не смертельно, но неприятно и неудобно в рыцарском облачении бежать до воды, ещё железо летать мешало. Я выбрал себе лёгкий щит, униформу из непробиваемой ткани и плащ-невидимку. Такую экипировку я считал наиболее надёжной, для любого мира. Нас предупредили, что в миры будут закидать группами, перед каждой группой будет поставлена задача, о задании вы узнаете на месте. Количество групп держится в секрете. Вы будете идти к одной цели, соревнуясь между собой, различными маршрутами, надеясь только на себя.

– Демонов больше не будет, в крайнем случае на задании. Реаниматоры в медицинском центре находятся в дежурном режиме, но если вы вляпались в неприятность, и попали к врачам, то можно считать, что вам не повезло, в любом слу-

чае вы останетесь калеками и про учёбу в академии можно забыть.

Этот голос над головой мог пугать, ряды шеренги дрогнули и сразу три гусеницы и один кузнечик, бросили свои номерные таблички на сцену амфитеатра. Нас осталось ещё меньше. Голос над головой называл имя, и студент пропадал, растворяясь в воздухе. Шеренга стала похожа на челюсть с выбитыми зубами. Грестарх..., и я очутился в центре болота, а голос над головой рассказывал про достопримечательности этого мира, в который нам удалось попасть.

Я вспомнил всё: и уроки Улы, и пробежки с водяным, а ещё я летать умею. Рядом барахтались мои товарищи по несчастью, которые, не смотря на свою природную левитацию, тонули в болоте под тяжестью напаянного железа. Они, как можно быстрее, старались избавиться от выбранной защиты, и кому это удалось, значит повезло. Болотная жижа мне казалась не очень вкусной. Реаниматоры вытащили и забрали ещё двух существ. Следом прилетела платформа за железом, с роботами. Нас осталось пятеро. Голос над головой дал задание нашей группе: мы за три дня обязаны достигнуть координат. Координаты были отмечены на карте, карта упала около бронированного пузыря, а около меня упал компас, я его едва успел перехватить, чтобы он не утонул в болоте. Пузырь по академическому списку был рядом со мной, его планету мы ещё не проходили, я знал, что его зовут Усс. Эти мячи, висающие в воздухе, считались разумны-

ми существами, и по уровню интеллекта опережали других жителей содружества, в том числе и землян. С мячами был телепатический контакт, это, наверное, было единственное существо, которое полностью отказалось от предложенного оружия и защиты в учебной лаборатории. Усс шутил:

– Всё своё ношу с собой.

Никто из нас не был так защищён эволюцией, как это, с виду дружелюбное создание, похожее на земного, броненосца. Мы начали потихоньку знакомиться: кроме Усса, был Хрон – имя у него такое, это был универсальный уплотнитель, он преодолевал любое препятствие, за счёт уплотнения любой среды – от воздуха, до раскалённой лавы. Летать Хрон не мог, как птицы летают, он полз и шагал по воздуху своими восьмью лапами, как по бесконечной лестнице. Говорят, вода не сжимается, это просто ей ещё не повстречался Хрон. После того, как однокурсник прошёл по болоту, ещё час на его поверхности держалось твёрдое покрытие. Мне кажется, что он и к занятиям относился так – уплотняя уроки. В любом случае, я был рад, что Хрон оказался в нашей группе. Четвёртым был Визус. Маленький, пушистый, быстрый, резкий. Говорил скороговоркой, и частенько его мысли опережали слова. Его было трудно понять, начинал он свою речь одним предложением, а заканчивал совсем другим, и оба предложения по логике были связаны. Визус напоминал мне огромного шмеля, даже жужжал немного в разговоре. Пятой, и последней, была единственная женщина в группе, Санто-

ри. Она никогда не снимала комбинезон и была укутана, как кукла. Сантори одновременно была похожа на человека и на пантеру, у неё не было рук, четыре мягких кошачьих лапы, абсолютно лишённые шерсти. Сантори была около трёх метров длиной, перемещалась пружинистыми шагами на своих четырёх лапах и любила выгибать позвоночник. Сантори была чистый хищник, врождённый охотник. Ей оставаться на болоте было тяжелее нас всех, я даже не знаю, за что она держалась. Реаниматоры были недалеко и ждали, когда Сантори выкинет белый флаг. Мы не сговариваясь решили помочь девушке: шмель взвился в небо, в поисках твёрдой суши, он позвал Хрона и указал ориентир. Хрон знал, что ему надо делать, а мы с Уссом, попытались поднять Сантори в воздух, подальше от этой болотной сырости. Когда это нам удалось, Усс, окутанный какими-то лианами, понёс девушку в направлении, указанном Визусом, я летел рядом и отвечал на вопросы Сантори.

– Что это?

Я не мог сообразить, о чём девушка спрашивает.

– Что это? Как оно называется?

Пока Усс не подсказал:

– Её мозг заполнен ужасом. Она говорит, что академия решила её утопить из-за расовых предрассудков, потому, что она гадкая и не такая, как все! Меня даже с планеты отправили в академию, чтобы избавиться от такого уродства. Но, по моему, она спрашивает про болото.

Я поинтересовался у Сантори:

– Что её заинтересовало в этом мире, если даже телепат оказался в неведении.

Сантори, брезгливо передёрнула плечами:

– Эта вода – грязная, вонючая. Это зачем? Я не хочу так умирать! Это что? Я видела, реаниматоры утащили двух покойников.

Я понял, у Сантори был обычный женский стресс, истерика.

– Это болото.

В академии не выбирали место нашей посадки. Сантори никогда не видела болот, на её планете их просто не было. Вскоре мы добрались до суши, шмель помогал уплотнителю в строительстве временной базы. Усс нашёл природный источник энергии, для зарядки, а мы втроём полетели охотиться, оставив девушку рассуждать о несправедливости соплеменников, которые обрекли её на такие физические муки, в этой академии. Голос над головой забраковал большую часть пойманной пищи, не мог раньше сказать, мы пол часа охотились за животным, внешне напоминавшем свинью, оказалась, это местная крыса, чтобы отвлечь наше внимание от гнезда, создала голем, и мы, вместо животного, ловили камень. Действительно, в наших руках был огромный булыжник, мы его, почти дотащили до лагеря. Блин, Сантори по месту больше угрей наловила, чем мы притащили добычи. Да Усс, по дороге убил двух змей. После обеда мы начали

разбираться с картой. Почва не была твёрдой, прогибалась и играла под ногами, мы в основном, продвигались по воздуху, здесь я оценил способности однокурсницы, она летела над землёй, чуть отталкиваясь лапами и на много опережала нас. Самым тихоходным был Усс, Хрон отставал от нас обеих, шмель почти не уступал Сантори, но в целом, мы передвигались удачно. Голос над головой вёл статистику движения групп, мы лучше всех прошли половину пути и успели вырваться из объятия болот. Стало резко темно, день неожиданно сменился ночью. Голос над головой сказал, что это нормально для планеты, на которой мы находимся. На этой планете сплошной контраст, день сразу сменяется ночью, самое время для охоты болотных чудовищ и упырей. Кто-нибудь когда-нибудь видел упыря? Этот академический диктор обнадёжил: Упирь он красивый, упирь – как пиявка, если присосётся, то к следующему дню, от жертвы останется одна шкура и кости. Но упыри – это не самое страшное в этом мире. Я не успел задать вопрос, начался дождь, самый настоящий ночной огненный дождь, над нами повисла туча жидкой лавы. Я успел прикрыться щитом, но он был такой маленький, остальные встали под защиту Усса, броненосец отражал эти капли и старался прикрыть шмеля с Сантори. Бедная Сантори, визжала под градом капельных искр. Хрон в течение несколько секунд уплотнил поверхность и сделал, типа пещеры, это было полноценное убежище, оно нас и спасло от дождя. Я не боялся пожара, почва настолько пропитана

водой, что гореть здесь нечему. Этот голос не предупредил, что на этой планете вулканы летают. Самое страшное началось потом, после дождя, он прекратился так же быстро, как и начался, туча ушла в сторону. Мир контрастов, как говорил голос. После дождя, почва, пропитанная влагой, стала испаряться и появился жёлтый ядовитый дым. Я удивлялся, ещё на охоте, такому мизерному количеству животных – одни водоплавающие. Дым поднимался медленно, но мы всё равно не успевали, он накрывал нас быстрее, чем хотелось бы. Тогда я воспользовался советом водяного и подал команду для нашего маленького отряда:

– За мной! Не отставать!

Я бежал назад к болотам, к озеру, которое мы долго обходили, на перелёт не осталось сил, из летающих остался Усс, шмель ехал на Сантори. Там, где была открытая вода, дыма почти не было, вода гасила огненные потоки, низвергающиеся с высоты. Мои сокурсники смотрели на меня, как на сумасшедшего, ветер всё равно нагонит жёлтый дым в это место, лишь на миг отсрочив нашу смерть. Но когда я поднял край озера и приказал прятаться на дно, никто вопросов не задавал. Все смотрели по сторонам возникшего аквариума. Сантори нырнула и закрыла глаза, потом ей надоели искусственные потёмки, она открыла один глаз и спросила:

– Мы ещё не умерли?

Усс расхохотался, мы от этого не контролируемого смеха телепата, чуть не оглохли.

– Видел, видел! Но такого, никогда не видел! Ну ты Гриша даёшь!

Для Усса было тяжело выговорить моё имя, даже телепатически, так я из земного Дениса, превратился в академического Гришу. По крайней мере, в последствии, все меня так называли. Усс, когда в своём мире рассказал, что от ядовитого дыма прятался под водой, интеллектуалы его за фантазёра посчитали. Не может быть того, чего не может быть. Усс разозлился и обещал землянина на родную планету пригласить, жалко, что на этой планете – ни озёр, ни морей, не океанов нет, а вода – это всего лишь теоретические предпосылки, по идее, кислород с водородом должен реагировать. Когда дым ушёл, мы дождались этого под водой, я поднял полог, и мы вывалились на простор из водяного плена, ставшего нам временной защитой. Мои сокурсники пристали ко мне:

– Покажи, да покажи, как ты это делаешь?

Я показал, трудно что ли. Ни у кого не получилось повторить, кроме Хрона. Уплотнитель всё уплотняет, он даже в скале пустоту найдёт. У Хрона получилось даже лучше, чем у меня, он применил свою технологию уплотнения, и за считанные секунды построил ледяной дворец на дне озера, с хоромами и залами, сказочной красоты, а дорогу с берега, снежком притрусил. Как жаль, мы убегали дальше, по ориентиру на карте, а дворец медленно таял в озере. Из всех групп, наша была единственной, которая достигла указанной цели, почти в полном составе.

– Естественный отбор – сказал голос над головой.

На втором курсе нас осталось двенадцать особей, и с этого времени, эксперименты с учащимися закончились, началось нормальное обучение, нам разжевывали все нюансы, до мелочей, иначе, ещё пару таких миров и учиться было бы некому. Я вспоминал, на первом курсе нас было более двухсот, на начале второго курса, нас присутствовало, чуть больше сотни, и всё это, как говорит Хрон, уплотнилось до двенадцати. Мы все уже успели перезнакомиться, только я так и остался Гришей – повелителем воды, наподобие академического водяного. Шмель такой болтушкой оказался, такого придумал! Мне стыдно было товарищам в глаза смотреть. И всё враньё! Хотя однокурсники, из нашей команды говорили, что Шмель говорит правду, так всё и было.

Глава 12

Огневица начала жаловаться на то, что я редко бываю дома и совсем не уделяю внимание сыну и дочери. Лиана скушает, говорит:

– Когда папа приедет?

А Сармат на море просится. В академии получилась какая-то нестыковка, и нам всем дали целых две недели каникул. Огневица сразу меня в оборот взяла: спихнула на меня всю детвору с вереницей слуг, нянечек, воспитателей и охранной. Загнала нас всех в ускоритель...

– И, чтоб я вас две недели не видела!

Кошмар! Меня эта толпа домочадцев вынесла на берег из

коттеджа, не дав даже прийти в себя.

– Ага, за мной они соскучились? Скорее море соскучилось за ними.

Они бросили меня на песок, одного, как ненужный элемент домашнего обихода; и до меня, только издалека, доносились крики и визг купающихся детей. Море кипело от этой очумелой толпы. Брызги воды попадали на присутствующую охрану, и демоны превращались в фантастических, водных созданий, летающих над головами людей, похожие на живые фонтаны.

Наверное, это было на третьем курсе, точно, с третьего курса нас начали привлекать наблюдателями в посольства стран с разумным образом жизни, имеющих свои структуры правления, законы, религии и обычаи. Каждый мир, в чём-то был отличен от других, это нам тоже необходимо было осваивать. Всё наше обучение проходило внутри содружества, считалось, что это было относительно безопасно для учащихся академии. Но политика одинакова везде, в каком бы ты мире не оказался, в политике не существует своих и чужих, везде, при любых обстоятельствах можно рассчитывать на друзей, в политике остаётся надеяться только на свои силы, нельзя верить никому. Мы наблюдатели, интерны, так сказать, не играем никакой роли. Но это не значит, что кто-то не играет нами и мы в чьих-то руках, как находка, как секретное оружие; на что политики не идут, чтобы подставить соседскую дружескую страну в своих интересах. При первой

же моей командировке, меня чуть не отравили моей же зубной пастой, вовремя демон– телохранитель выбил тубик из моих рук, а меня вынес за пределы здания. А девушке, из отдела переводчиков не повезло. Здание целый год находилось на дезактивации от яда. Я не знал, что к нам, на период наших учебных командировок, прикрепили ещё двух телохранителей, один заходил впереди тебя, а другой прикрывал спину. Перед тем, как что-то взять в руки, этот предмет должен просмотреть телохранитель. Самое обидное, что виновных найти невозможно, как и невозможно понять – с какой целью было сделано то, или иное покушение. Голос над головой сменился, новый преподаватель обладал талантом всё превращать в чёрный юмор:

– Вы учитесь править, а кто-то правит вас.

Мне было не смешно. Каждый раз, когда появлялось чувство опасности, я возвращался в это время. Да, это было на третьем курсе. Я проснулся на берегу, кто-то, заботливо, укрыл меня одеялом. Демоны висели над головой, и от скуки, играли в одну из своих логических игр. Чувство опасности не покинуло меня. Я решил немного развеяться и пройтись по берегу, иногда прогулка успокаивает мысли и расслабляет тело. Я уже далеко отошёл от коттеджа, вдруг увидел Сармата, мой сын был очень близко от монстра, все пять демонов валялись на песке, застыв зеркальными изваяниями. Монстр раскрыл свою пасть и уже готов был наброситься на сына. В самый последний момент я узнал ящера:

– Лана, нельзя!

Мой ментальный приказ пронёсся ураганом по берегу, я просто уже не успевал кричать. Зверь отскочил от Сармата и закачал головой. Я, наверное, его оглушил. Ребёнок рассмеялся, и вместо того, чтобы убежать изо всех сил, залез на ящера и стал трепать его за уши. Монстр старался уклониться. Они играли, я понял. Только вмешалась третья сила, и моя охрана свалилась на песок, со стеклянным звоном, а я, опять, остался без движения, как кукла неваляшка. На этот раз органы чувств не отключали, я всё слышал и мог разговаривать. Из воды, не торопясь, выползал осьминог, у него, помимо лучей с присосками, было шесть глаз, симпатичная девчоночья физиономия, и даже веснушки на носу, который я первоначально принял за клюв. Девчонка отозвала монстра, и на каком-то непонятном языке, обратилась к малому, я каким-то шестым чувством понял, что она отсылала Сармата домой. И на волшебном наречье добавила:

– Приходи завтра, продолжим занятия. Лана будет ждать тебя.

Малец оббежал вокруг меня, как около бетонного столба и посеменял в сторону жилья. Это меня невольно разозлило:

– Ага, соскучился он за мной!

Девочка рассмеялась:

– Я превратила тебя в дерево.

Я посмотрел вверх, над головой были мои руки, толстыми корявыми ветвями, свисающие вдоль туловища. Мне кажет-

ся, что и уши были деревянными, хорошо, что рядом не было зеркала, не хотел бы я любоваться на себя в таком виде. Девочка опять рассмеялась. Мне показалось, что она читает мои мысли и образы, рождённые в моей голове, вызывают у неё смех. Она опять засмеялась:

– Ты, просто, рассуждаешь вслух и говоришь на языке деревьев.

– А разве деревья могут говорить?

– Ну, если трава может, почему бы деревьям не петь частушки, тайком от всех – по ночам. Не так ли, Денис?

Я покраснел, не знаю, как краснеют деревья, но кажется я весь стал красным, от стыда. Я вспомнил, что на языке травы означает моё земное имя.

– Не называй меня так!

– А ты не называй меня осьминогом, мы не осьминоги.

– А кто вы?

– Мы Гандзы.

Так, я во второй раз в жизни, встретился с Гандзой, эта встреча, для нас обеих была знаменательной, мы стали друзьями на всю жизнь. Странная это была дружба, двух существ из разных миров – несовершеннолетней девочки, которой недавно исполнилось всего триста лет, и взрослого мужчины, имеющего двоих детей. А Лана – она, как собака, страшная, но очень добрая и любит ласку. Ящер быстро привык к моему присутствию. Гандза не назвала своего имени, я не знаю, может у них нет имён, или имя нужно зара-

ботать, как у волшебников, а мне в первый день знакомства, неудобно было спросить. Девочка сказала, что нам о многом надо поговорить, поэтому, приходи вместе с сыном, Гриша. Девочка меня расколдовала, и я вместе со стаей демонов, отправился по следам своего сына. Демоны, так и не поняли, что с ними случилось, и куда делся объект охраны. Когда я пришёл в коттедж, Сармат спал и улыбался во сне, наверное, ему снились волшебные цветные сны.

Я засыпал тяжело, сказывалась академическая напряжённая потогонная система обучения. Нагрузка была огромная, много информации было секретной, необходимо запоминать было большими объёмами, всё, до мелочей. Воспоминания опять погрузили меня в прошлое. Это был конец пятого курса, я не знал тогда, что прошёл неполную середину своего академического пути. Меня отозвали из академии в совет, наверное, что-то случилось. Огневица штудировала новости содружества: – всё было в порядке. Но в совет просто так не вызывают! Я, впервые стоял перед всеми ста членами совета, и впервые увидел председательствующего – Нелюдь. Огневица, чуть погодя, спрашивала:

– Какой он – председатель?

– Не знаю, тяжело описать: Нелюдь – он и есть Нелюдь, ничего у него нет человеческого, то, как зверь, а то, как тень, и мысли холодные, аж замораживают.

Внутри союза была война, между вассалами, на планете Линч. Я вспоминал учебную программу, кажется эта планета

была закрыта для посещений.

– Частично закрыта.

Я не заметил, как сзади подошёл Челстуг, значит очень серьёзно, если главнокомандующего содружества вызвали. На планете доминирующими были два вида существ – неразумные, яйценосные драконы, по всем справочникам, в отличие от живородящих драконов, с которыми я знаком, яйценосные считались дикими, и очень злобными. С ними лучше не контактировать. Они жили на суше этой планеты, большая часть которой, заполнена океанами. В океанах жили разумные существа, похожие на земляных дельфинов. Планета Линч была частью содружества, и в совете всегда находился её представитель. Я покосился на аквариум:

– Какой дельфин? Он больше на хищную акулу похож.

Войну начали драконы, теперь над океанами, везде, пикирующие бомбардировщики, и стоит дельфинам только вынырнуть, чтобы вдохнуть воздух, как эти монстры бросают огромные камни, целые скалы. Сколько народу, со времени начала конфликта убили! Тьма! С этими уродами бесполезно договариваться. Представитель рыб требовал ввести армию содружества.

– Несколько военных корпусов будет достаточно, чтобы погасить бунт и восстановить справедливость.

Совет думал. Сегодня был именно тот день, когда совет обязан принять решение. Совет собрал всех исполнителей. Решение было принято и оглашено. Осталось проголосовать,

всё склонялось к военному вмешательству. Нелюдь спросил:

– Есть несогласные по принятому решению?

Челстуг поднял руку и направился к трибуне совета.

– Есть нестыковки в заявлении, я как военный отвечаю, что дикари не могут быть организованной силой.

Рыба недовольно махнула хвостом, обрызгав сенаторов водой из аквариума. Челстуг не обращал внимания на демонстрацию представителя водоплавающих, продолжал своё выступление:

– Силой можно подавить всё, я до сих пор не слышал, из-за чего начался конфликт? Сколько времени, жили вместе, не ссорились, а тут драконы взбунтовались. Должна же быть какая-то причина? Меня ещё смущает тот факт, как это неразумные смогли выбрать организованную тактику, что не дают высокоинтеллектуальным носа высунуть? Обычно страдает глупый, а тут жалуются мудрые. Не нравится мне это. Что-то здесь не так. Предлагаю переговоры, дипломатическое решение.

С главнокомандующим в совете считались, его решение тоже имело право на жизнь, и выносилось на голосование совета, при условии, что его поддержат исполнители. Совет вынужден считаться с народом, голосовать легко, будет ли решение, принятое в рамках закона, исполнимо? Председатель обратился к исполнителям:

– Кто поддерживает главнокомандующего?

Взметнулась куча рук, в том числе и моя. Челстуг был по-

пулярен в народе, я посмотрел на исполнителей, кроме клана птиц нашего мира, его поддержали кланы других миров. Совет провёл голосование по обоим поступившим предложениям, военное вмешательство было отстранено. Челстуг, как представитель армии, покинул собрание, со своей охраной и сопровождающими его, адъютантами. Планета Линч была отдана на съедение дипломатов. Совет установил срок дипломатического решения проблемы, и как не возмущался представитель рыб, был дан месяц. Дипломатический корпус выдвинул несколько кандидатур для руководства операцией и исполнителями. У дипломатов свой совет, свои ранги и правила. Какое же моё удивление было, когда кто-то из дипломатов внёс мою кандидатуру на руководство операцией. Я же ещё даже не дипломат, у меня нет ранга... По результату голосования, руководство операцией возлагается на Грестарха драконов! Вокруг меня собрались представители птичьего клана, и все из волшебных миров. Даже были, из планеты Усса, несколько шаров висело над нашими головами. Меня это радовало, группа поддержки всегда вдохновляет. Я набрал отряд исполнителей, из числа существ, частично которых знал сам, по работе в посольствах различных миров, частично были рекомендованы советом. Мне было предоставлено здание в столице и с завтрашнего дня, мой отряд приступает к работе. На подготовку мне нужно было два дня. Я справился быстрее, только из мира драконов, вместо моего друга мне доставили двух других, способных

понимать и реагировать на команды в пределах мысленного ментала землян. У нас всё ограничено: время, жизнь, диапазоны речи и мышления. Предыдущий год был последним для моего друга. Я видел, как умирают драконы. Сила покидает их, они уже не пьют воду, не принимают пищу, предчувствуя свою смерть. И в самый последний момент, сконцентрировав волю, подчинив разуму, последние, оставшиеся силы, они распрямляют крылья и устремляются к звёздам. Это был последний полёт дракона, который продолжит душа, в поисках успокоения, а тело устремляется к земле – в лоно смерти. Мой дракон тоже, умер в полёте. Горько терять друзей! Эта новость, чуть не выбила меня из колеи, но за моими плечами был дипломатический десант, а на планете Линч погибали дельфины. На следующее утро, колесница, запряжённая двумя драконами, приземлилась на поверхность планеты. Переводчик Фелл, из клана филологов, планеты Усса, предпочитал передвигаться самостоятельно, для бронированного, объёмного шара, не было места в колеснице. Яйценосные видели наше приземление, и стали собираться небольшими группами, напоминающими построения древнеримских фаланг. Фелл настраивался на диалог, никто из нас не знал язык ящеров, планеты Линч. В толпе аборигенов стали раздаваться первые язвительные нотки, как перед дракой, стараясь, как можно больнее зацепить противника, видимо драконы успели закончить своё воинское построение, и в небольшой группе пришельцев, не видели до-

стойного соперника. Что было непонятно для нас, и абсолютно нас не задевало, эти цитаты рептилий отскакивали от нашего разума, не успев даже пройти осмысление, то больно било по самолюбию наших полудиких друзей. Я едва смог остановить наших драконов, готовых броситься на насмешников. Язык был чужд, но драконы понимали друг друга, у них были свои правила общения. Даже среди людей распространены символы обидных жестов, которые успешно добавляются мимикой и телодвижениями. Чтобы понять их значение, не надо языка. Фелл впитывал полученную информацию, но ещё не был готов к переговорам. Эта маленькая заминка дала мне время, чтобы осмотреть яйценосных драконов. Они были крупнее людей, но гораздо уступали в габаритах драконам волшебных миров. Я понял, что самки тоже привлекались к службе в армии: они были мельче и выглядели более воинственнее, чем особи мужской стати. На драконах не было ничего, что, даже отдалённо, напоминало одежду, но они были разных цветов. Наверное, применяли какой-то природный краситель. Для меня было не понятно, какую роль выполняет эта окраска в обществе рептилий. Но цвет, тоже играл какую-то роль. Первое впечатление могло быть обманчивым, но что-то мне подсказывало – не такие уж эти драконы и дикари, как нам описали их дельфины. Среди фаланг началось движение и драконы, ударами хвоста по земле, создали военный музыкальный лад, типа барабанного марша, перед атакой, все сильнее и сильнее увеличивая

темп ударов, при этом не сбиваясь с ритма. Нас окружали горы, а мы находились между ними – на долине, утонувшей в зелени. Деревья были небольшими, плодоносными, похожими на хорошо ухоженные кустарники, они росли ровными рядами, и больше напоминали сад, чем неорганизованный лес. Трава была колючая густая, росла сплошными непроходимыми зарослями, она была похожа на бамбук и ограждала горы от долины, как специально её кто посадил в этом месте, как защиту от непрошенных гостей. Некоторые горы входили в этот импровизированный природный лагерь, по гнёздам на их вершинах, я понял – это было жильё драконов. Вдруг марш резко оборвался, и на вершине одной из ближайших гор, загорелся огонь: драконы начали кричать, махать лапами и хлопать крыльями – всё это было бы так неестественно и смешно, если бы не было страшно. Про нас забыли, мои драконы, наконец, успокоились и улеглись на поверхность, рядом с колесницей. Я чувствовал, что им надоела эта игра в запряжённых птиц, но надо терпеть. Они подчинялись приказу Грестарха. Огонь разгорелся так, что на него было больно смотреть, вдруг, как по приказу, раздвинулась трава, обнажив вход в пещеру, появилась дорога, вымощенная базальтом, вдоль дороги стояли кольца, с нанизанными на них головами рыб. Над долиной стояла такая тишина, изредка нарушаемая скрипом высохшего старого бамбука и танцами неугомонных насекомых. Появились факельщики. Для нас это было неожиданно: во всех справочниках

и географических атласах было отмечено, что мир планеты Линч отличается скудностью животного мира, а тут..., я таких обезьян нигде не видел, у каждой было по факелу в руке, и они, управляемые чьей-то командой, как стоящие в голове этого драконьего церемониала, направились вниз по дороге, чинно, не торопясь. За факельщиками следовала группа рабов, похожих на лемуру, на некоторых из рабов были видны украшения из плавников рыб и кораллов. Они были связаны и их подгоняли надсмотрщики, плетями. На рабах громоздились носилки с треном, всё это сооружение было покрыто тонкой прозрачной материей, искажающей всё, что под ней находится. За носилками, эту процессию сопровождала толпа слуг. Среди них были представители таких народов, которых нет ни в одном справочнике, или атласе вселенной. Мне не верилось, что рыбы могли скрыть этот факт, имея своего представителя, в содружестве. Фелл, по своим каналам, передавал всю полученную нами информацию в штаб дипломатического корпуса. Я представляю, что творится там, после картинки с видеоизображением, полученной от нас. Вдруг небо окрасилось, и потом на несколько секунд, наступила темнота. Всё смешалось. Праздничная процессия рассыпалась, Фелл упал на землю, он получил ментальный удар невероятной силы. Впервые я увидел брешь в его природной бронированной защите. Фелл плакал, я увидел его глаза, прикрытые лёгкой прозрачной бронёй, глаз было много и из них лились масляные слёзы, вперемешку с изумрудной

кровью. Я не знал, как помочь ему, я постарался ввести его в гипнотический сон. Если бы даже Фелл умер, то под гипнозом смерть не так болезненна. Яйценосные очнулись от шока, и опять, выстроившись в фаланги, пошли в атаку на нас. По всей видимости, они приняли наше появление, как эпицентр планетарного зла. Они решили нас уничтожить, но Фелл успел выстроить защиту, ещё до получения увечья, защита нас и спасла. Два моих дракона не могли противостоять орде разукрашенных дикарей. Я уже не успевал наблюдать за развалом процессии, носилки с балахоном куда-то пропали, вместе со слугами и надсмотрщиками, рабы пытались разбежаться. Это была первая кровь, пролившаяся на наших глазах и подогревшая недружелюбно настроенных хозяев этих земель. Они не церемонились с рабами, откусывали лемурам головы. В нашей защите стали появляться щели, мои драконы приняли оборонительные стойки и готовы уже были отдать жизнь подороже, когда над поляной раздался голос:

– Стойте!

Это был волшебный язык. Перед нами возникло существо из арабских сказок – это была девушка-мутант, по контуру тела она напоминала драконов, но само тело, имеющее крылья и драконий хвост, было человеческим, даже голова была больше похожа на людскую, а ещё у этой девушки были руки и ноги и она, в отличие от драконов умела говорить.

– Стойте!

И все повиновались ей, и драконы и мы. Все ждали её при-

казов, чтобы с готовностью исполнить их. Девушка рождена была, чтобы повелевать, она была королевой драконов планеты Линч.

– Как зовут тебя парламентёр?

Я назвался:

– Грестарх драконов.

И девушка рассмеялась, её смех был громким и обезоруживающим, так могут смеяться только искренние существа. Не знаю, что её так рассмешило? Может мне лучше было бы назваться Денисом? Но её смех, полностью разрядил обстановку и нас повели внутрь пещеры, без церемониала, помогая нести раненого товарища, который счастливо улыбался; не знаю, у Фелла такая неадекватная реакция была на боль, или на гипноз?

Глава 13

– Ты не совсем прав, Гандзы не имеют имён в вашем понятии, но имеют названия. Они могут различать друг друга, не зависимо от того, какую форму придано телу. Мы различаем друг друга по формуле воды. Не понятно, да? Попробую объяснить.

Сын далеко убежал с Ланой вдоль берега, я беспокойно наблюдал за их удалением и нервно реагировал на шум, доносящийся оттуда.

– Гриша, не волнуйся ты так. Лана его не обидит и защитит от любой беды, а ещё я твоему сыну подарила талисман – по – вашему, оберег. Надо будет и тебе заказать, его делают

специалисты, только на нашей планете. Я подала заявку, не знаю, одобряют ли древние? Оберег – это тоже формула воды, он действует при возникновении любой опасности, при малейшей угрозе жизни. Если древнейшие дадут добро, я подробнее объясню. Против твоего сына возражений не было, он прошёл стадию посвящения и получил персональный код Гандзы.

Я молча проглотил этот набор слов, и ждал, когда девочка начнёт разжевывать сказанное, иначе, даже для учащегося пятого курса академии, её слова больше были похожи на загадку. Девушка вдохнула воздух, необходимый для продолжения диалога. Мне больше нравилось, когда она словами излагает свои мысли, после телепатического общения, у меня болит голова.

– Называй меня «Говорящая с водой».

Я знал множество языков из программы академии, но не в одном из них не было такого сочетания. Говорить с водой – это была аллегория, это было глупо. Девочка сморщилась: всё-таки она читает мои мысли, но не научилась ещё скрывать это. Гандза покраснела:

– Всё! Больше не буду. Честное слово, больше не буду.

– Давай я буду называть тебя «Аква».

– «Аква» – красиво, мне нравится это имя.

Девочка несколько раз повторила:

– Аква, Аква, и улыбнулась:

– Я завидовала существам ваших миров, у них такие кра-

сивые имена. Твою жену зовут Огневица? Как красиво! А что это такое? Огневица?

– Это имя такое же красивое, как Сармат и Аква! Только, по смыслу, совсем противоположное: огонь и вода.

Но Гандза уже не слушала, поднялась в воздух и полетела над водой, догоняя малого и Лану. В этот вечер я, наверное, не дождусь объяснений, дети сцепились в кучу малу, вдвоём насев на монстра. Лана оборонялась.

Пещера выглядела вполне современно, больше была похожа на офис с клерками, а может быть на лабораторию, потому, что всё было пропитано запахом химии и на многочисленных полочках стояли колбы, горелки и мензурки, даже аптечные весы имелись, а ещё здесь была принудительная вентиляция и вытяжки, и сновали существа, отдалённо напоминающие драконов, в белых халатах. Я впервые увидел бескрылых драконов, они больше были похожи на тираннозавров, с короткими передними конечностями и хищной крокодилей головой. Эта планета не переставала меня удивлять, я уже насчитал десятка два видов неизвестных науке существ, и всё на одной планете, где девяносто процентов поверхности находится под водой. Королева сказала, что наша база, в космосе, кем-то взорвана, уничтожена полностью, расплыена на атомы. Датчики зафиксировали ваше прибытие, учёные постоянно наблюдали за появившимся спутником в сильнейшие телескопы, кроме того, систематически велась съёмка этого объекта. Не люди, ни приборы

не определили внешнего воздействия, взрывчатка была заложена на спутник ещё до вашего прибытия. Кто-то побеспокоился о том, чтобы ваша миссия была невыполнима.

– Весь мой дипломатический десант! Всё в один миг.

Королева посоветовала животных (моих драконов) отправить домой, от греха подальше, а Феллом занимались врачи, пообещали через два дня привести броненосца в чувство. Правда, гарантию на полное восстановление дать не решились. Сказали, что ментальный удар, повредил большую часть мозга интеллектуала. Все удивлялись, как он выжил? Попросили меня снять с него защиту, им гипноз мешал проводить обследование больного. Королева открыла какие-то известные ей каналы и через портал в пространстве, отправила моих телохранителей в мир драконов, гарантировав мне полную защиту на её землях. Смерть подопечных подкосила меня, двести подготовленных дипломатических работников, самых талантливых, подающих большие надежды, из разных миров содружества; я уже с пренебрежением относился к своей безопасности, доверившись королеве ящеров. Я считал себя виновным в смерти товарищей, не предусмотрел, не проверил, не проконтролировал. На третий день Фелл пришёл в себя, силы подняться в воздух, ещё не было, но он мог разговаривать и подавать сигналы. Врачи задавали мне вопросы.

– А я знаю, какая диета у броненосца?

Усс заряжался энергией, сам находил её источники. Фелл

заговорил, у него и спросите про рацион бронированных пузырей. Фелл заговорил, но пока, его никто не мог понять. Язык его планеты не входил в систему обязательных к обучению, его даже не каждый компьютер мог расшифровать. Эти шары, между собой общались сжатыми пакетами информации, для остальных существ – это был хитро умнейший, из всех кодов. Оставалось надеяться, что умственные способности моего переводчика восстановятся, и мы сможем все общаться. Мне повезло, что королева знала волшебный, он был основным языком для содружества. Не понимаю, кто назвал яйценосных драконов неразумными? В этом мире, как и в любом другом, нельзя было просто поговорить с королевой, спросить, как у неё дела, как ей спалось. Существовала некая граница, как специально созданный вакуум между королевой и остальным миром, создавая предпосылки к рождению мифов о сверх естественном божественном даре правительницы. Весь дворцовый этикет был построен на этом. К сожалению, ничего колдовского в облике этой юной красавицы я не нашёл, отдав должное её пронизательному уму и приличному образованию, для столь юной особы. У меня была возможность наблюдать и оценить режим жизни королевы. Я под опекой своих невидимых телохранителей и наблюдателей этой страны, ошивался в дворце, и ждал приглашения королевы, согласно местному уже выработанному этикету. Вход во дворец был замаскирован и усиленно охранялся, но для моих демонов не было проблем, и они за па-

ру дней представили мне полный план всей пещеры, у демонов были свои технологии, они тоже умели превращаться в кого угодно и при необходимости, быть видимыми. Я никогда не забывал о том, что страна демонов защищала границы волшебных земель от тёмных миров четырёх баронов, и наше счастье, что Нелюдь добился от демонов благосклонного расположения к жителям наших миров. Планета Линч была одной из пограничных планет нашего содружества, где про демонов никто и никогда не слышал, в лице аборигенов я выглядел безоружным и безопасным. Это позволяло мне ходить беспрепятственно по всему дворцу, кроме покоев королевы и королевской кухни. Эти помещения тоже усиленно охранялись. Сам дворец мне напоминал музей, помпезно украшенный лучшими мастерами планеты. «Дикари» были не только отменными архитекторами, но и ювелирами и дизайнерами; меня же привлекли картины, настенная мозаика. Я переходил от полотна к полотну, любуясь игрой красок, оставленных на холстах мастером. Эти картины были объёмными, гениальными, раскрывали всю красоту мира, которую я не знал; на первый план, зачастую, выдвигая такие фигуры, о которых никто и никогда не слышал. Они не были похожи на известных мне существ, они были, либо придуманы художником, либо не из нашего мира. Я настолько увлёкся созерцанием произведений искусства, что не обратил внимания, как королева, незаметно для всех, облачённая в невидимую вуаль, присоединилась к моей экскурсии. Она приот-

крыла лицо и приставила палец к губам, давая понять, что её присутствие секретно и разговаривать можно только шепотом, не привлекая внимания окружающих. Я не знал, что большинство этих картин написаны самой королевой, и мы, как раз, находились около её любимого полотна. Я поднял глаза и встретился со взглядом Аквы. Как это, откуда? Аква же находится в другом мире? Королева заметила моё смятение:

– А это моя лучшая подруга по семинарии, мы с ней проходили вместе обучение на планете Гандз.

Как тесен мир! Королева называла её «Говорящей с водой», у меня ушли последние сомнения, на картине была Аква. Королева, так же незаметно меня покинула, как и пришла, я остался один на один с картиной, демонов живопись не интересовала. Вдруг изображение Аквы мне подмигнуло, и щупальцем позвало внутрь полотна, я едва сдержался от не опрометчивого шага в полотно, у меня появилась маниакальная уверенность, что сделаю я этот шаг, и всё пропадёт: и скандальная планета Линч, и пещера, и дворец с королевой, а я снова появлюсь на берегу моря в академическом мире Рузы.

– Что ты знаешь о воде? Твой организм на девяносто процентов состоит из воды, что ты знаешь о воде, Гриша? Простейшую химическую формулу, и всё? Да, правильно – вода, ещё и хороший растворитель. Ты можешь перечислить много свойств воды, а знаешь ли ты, что на звёздах тоже есть вода.

Правда, в каком она состоянии там находится? Это вопрос. Но она есть, и на вашем солнце тоже. Атом водорода – самый элементарный строитель вселенной, это кирпичик вселенной, и если включить фантазию, то любой химический элемент можно отобразить атомами водорода. Наши учёные прошли дальше – вода, это сложное многоструктурное соединение, хранитель информации. Лучшие манускрипты истории записаны на воде. Ваш земной океан – это кладовая знаний. Наши учёные научились любой живой организм записывать, как формулу воды. И так, как организмы разные, то и формула воды, для любого из нас, не повторяется – она индивидуальна, как отпечатки пальцев людей.

Аква немного отдохнула, поиграв мышцами тела, и изменила свои пропорции, превратившись в земную девушку зелёного цвета, тело которой было укрыто серебристым сари.

– Ваши волшебники в совете думают, что они спрятали планету Рузу и полностью контролируют свои миры, наложив запреты на посещения целого ряда территорий. Глупости! Гандзы, как передвигались по всем вселенным, так и будут передвигаться. Никто не вправе нам запрещать, потому, что мы хозяева, и только мы можем диктовать условия жизни всех живых существ, заполняющих миры вселенной. Мы можем поменять формулу воды любого существа, превратив его в кого угодно, и никакой войны не надо. Ваши правители знают о этом, и прежде, чем что-то предпринять, они вынуждены поставить нас в известность.

Мне, как-то не верилось, чтобы Нелюдь подчинился кому-нибудь. Аква улыбнулась:

– А ты верь! Я обещала тебе амулет? Древние дали добро, у тебя прекрасное будущее Гриша – праправнук Всевласа в сорок восьмом поколении!

Аква мне подала запечатанную капсулу, на цепочке, выполненной из какого-то сверхпрочного сплава.

– Надень это.

И только амулет коснулся моей шеи, как тысячи электрических искр пронзили моё тело, я затанцевал от неприятного ощущения, как цыплёнок табака, в гриле. Аква успокаивала меня:

– Так надо! Все через то проходят, твой сын тоже прошёл посвящение, у него тоже есть амулет с формулой воды. Гриша, ты меня не обманешь, я знаю, что, не смотря на запреты, ты можешь беспрепятственно посещать любой мир, и покинуть Рузу, когда ты захочешь. Я знаю, ты связан правилами академии и проходишь обучение по воле совета содружества государств. Теперь амулет расширит твои возможности, стоит тебе только подумать, и ты попадёшь на любое место, где есть вода, ты уже не так зависим от воздуха, ты можешь принять любую форму, любого существа, в организме, которого есть вода.

– Что, даже могу превратиться в джинна или демона?

Аква рассмеялась:

– Зачем мелочиться, Гриша? Ведь по вашей земной ми-

фологии, чтобы родиться названным тобой существам, они должны пройти через огонь, воду и медные трубы. Труб и огня я тебе не обещаю, а остальное – в твоём амулете.

Аква махнула своим покрывалом, сафари превратилось в джинсовый костюм, и мы очутились на Земле, возле Средиземного моря, среди загорающих туристов, недоумённо реагирующим, на наше появление. По их недовольным лицам, я понял, что мы с Аквой свалились с неба на их головы.

– Ну что, Гриша, убедился, что я не врала? А, назад ты сам, потренируйся.

Я подумал, представил берег моря Рузы, и мы вернулись на место нашего разговора. Это оказалось даже легче, чем я передвигался раньше: мне нужно было тратить массу энергии на сосредоточение, мне нужно было представлять, куда я хочу попасть – сильно-сильно. Поначалу, помню, даже не получалось: то по ступенькам вниз головой съеду, то в голубятню на крышу приземлюсь.

– Чуть не забыла, про самое основное: если ты не успеешь переместиться, или на тебя нападут неожиданно, коварно, подло – из-за угла, то в любом случае, амулет спасёт тебя.

Аква достала из-за пояса кинжал и с силой попыталась пронзить меня. Кинжал превратился в жидкость серебристо-металлического цвета, и между пальцами девушки, стёк на землю, постепенно приобретая свой первостепенный вид.

– Гриша! Теперь тебе и яды не страшны. Амулет нейтрализует любой яд. Скажу ещё. Может мы чего не учли? Твоя

форма воды имеет ячейку памяти на моей планете, и в любом случае, амулет выдернет тебя на мою планету, где тебя можно будет полностью воссоздать и вернуть в своё время, исключив и вычеркнув из памяти период смертельной опасности, чтобы избежать повторения. А то, у вас любят дважды на раскалённую печь садиться.

Аква ушла не прощаясь, океан принял её, растворив в воде в образе желеобразного осьминога. Гандза дала мне время, чтобы я смог осмыслить, то, что получил. Меня вывел из задумчивости Сармат:

– Мама на ужин ждёт. И Лианка у ускорителя караулит.

Королева соизволила меня принять. Я ей объяснил, что не являюсь послом, совет государств нашу дипломатическую миссию направил с целью, чтобы выяснить, что творится в этом мире. А, теперь и миссии нет, и не понятно, кто уничтожил космическую станцию? Я знаю, что не вы, но и не рыбы в конце концов? Так и зафиксируем: станцию с дипломатами содружества уничтожила некая третья сила с непонятного направления. По свидетельским показаниям наблюдателей, станция взорвалась сама, ещё предстояло разобраться, кто охранял и комплектовал космический объект, и каким образом могла попасть взрывчатка на планете содружества государств. Не осталось никаких следов, кроме снимков астрономов из яйценосных драконов о взорванном спутнике. Эти документы я собирался передать в совет. Мне было стыдно: я себя чувствовал, как генерал без армии, про-

игравший сражение по глупости. В гибели дипломатического корпуса я винил только себя. Было обидно, мне казалось, что никогда мне не доверят руководить народом, эта смерть, навсегда будет стоять между мною и подчинёнными, и каждый из них может меня упрекнуть, обвинив в бездушии и не продуманности моих решений. Королева не стала со мной откровенничать насчёт войны, понимая, что я не решаю ничего и она, только зря потратит время, доказывая правоту своего народа. Она вызвала меня для того, чтобы я в совете содружества государств, представил посла от драконов.

– В моих землях ещё живут около пятидесяти разных народов. Я, думаю, они достойны быть представлены посольством в мире, в который уходят наши налоги?

Королева показала мне будущего посла: он был похож на огромную змею, с торсом химеры, вернее, он был из рода Виверны, и вызывал одновременно: и страх, и брезгливость. Я знал, что Виверны очень ядовиты и их укус всегда заканчивается смертью, даже маленькая царапина может привести к токсичности всего организма, и любое существо, сгнивает заживо, испытывая непредсказуемые муки. В том месте, где находились дипломаты из планеты Линч, в огромных аквариумах, по соседству с ними были существа, похожие на огромных цапель – птицы-змеееды с планеты Пура, ужасно язвительные и обладающие саркастическим юмором. Планета Пура была из карликовых планет, и не имела большой вес в содружестве государств, но её дипломатический

корпус пользовался всеобщей любовью в совете. Эти птицы, как никто, мог разрядить любую сложную обстановку, парой реплик. Правда от них доставалось всем, эти птицы, ради своих целей не чурались ничем, часто шли на провокации, выставляя в смешном виде своих оппонентов. Некоторые из дипломатов, старались на глаза не попадаться пернатым. Особенно доставалось соседям. Рыбы ненавидели птиц, а те перекидывали их отмашки хвостами с разбрызгиванием массы воды, так, что хохотал весь совет. Представьте себе цаплю, шагающую по паркету, старающуюся удержаться на скользком, от нанесённой мастики, полу, когда ноги разъезжаются в разные стороны, и выписывают такие финты, при этом вилять бёдрами и хвостом по-рыбьи. И королева хочет этого посла направить в совет! Я, по-человечески, хотел предупредить королеву, что это неудачное решение, направить Виверну в совет, в качестве посла, там у нас есть такие особи, что питаются змеями; и «получил по зубам». Ответ королевы я запомнил на всю жизнь. Это с её стороны, был удачный дипломатический ход: она меня мгновенно поставила на место:

– Не лезь со своими советами, когда тебя не просят! Знай своё место ученик!

У королевы, по-мужски, сжались губы, до синевы:

– Я не советую кому – либо раздражать моего посла. Мои дипломаты могут постоять за себя, в отличии от некоторых. Она сделала намёк на мой погибший дипломатический

корпус, это меня мгновенно отрезвило, и я вспомнил с какой миссией прибыл на планету Линч. Фелл уже полностью выздоровел, врачи говорят, что переводчик частично потерял память, но это сильно не скажется на его здоровье и работоспособности. Врачи перестраховались и отправили Фелла в полугодовой отпуск, для поправки здоровья. Фелл отправился на свою планету, а мне больше здесь делать было нечего, и я, попрощавшись с королевой, не удержался, махнул рукой портрету с Аквой, и улетел в столицу содружества, вместе с Виверной, которую я должен был представить председателю и совету. Я добрался до столицы мигом, а посол, появилась, только, через три дня, хотя дипломатические ускорители, которыми мы пользовались, были самыми скоростными во вселенной. Я уже успел три раза дома побывать, с детворой на море слетать, Акве рассказать все, что мне удалось раскопать на планете Линч и про то, что я посчитал неожиданным для себя. Рассказал ей про королеву, про Виверну, про портрет. Аква опять преобразилась, и захлопала зелёными ладошками. Она помнила, конечно, она помнила про свою семинарскую подругу. Время учёбы в семинарии, было самым счастливым из воспоминаний о прошлой жизни у Гандзы.

Глава 14

Я представил посла – Нелюди. Этого оказалось достаточно, и мои функции закончились. Никто не спрашивал меня за судьбу моей дипломатической миссии, и за погибших чле-

нов моей экспедиции. Наивный, я думал, что мне – ученику пятого курса академии доверили государственно важное дело? Нас контролировали, работала контрразведка во главе с Неясытью. Всё здесь давно знали, кроме того, кто разнёс эту космическую базу, нашпигованную такими же выскочками дипломатами, как я. Возвращаясь в мыслях назад – в прошлое, направленный советом на должность посла в самый таинственный, и непредсказуемый из миров, по окончании академии, я считал, что наша экспедиция на планету Линч, был всего лишь, отвлекающий манёвр, а всё собрание совета – хорошо разыгранной комедией. Но в истории часто встречаются вещи, которые было невозможно объяснить, можно было только догадываться по фактам последующих событий: аквариум из зала совета убрали, вместе с рыбой, самка, руководившая всеми надводными и подводными существами, отказалась явиться на совет, на зов Нелюди, тогда председатель явился к ней сам, без приглашения... Официально: Совет послал ноту протеста водному правительству страны Линч, отказав в аккредитации посольства. Теперь совет поддерживал отношения, только с королевой яйценосных драконов. Меня тогда советники, бесцеремонно выперли из зала председателя, а я был и рад. Я, многого тогда не знал, своё задание считал абсолютно проваленным, а себя – виновным в этом провале, и, откровенно, ждал взбучку и последующее наказание – вплоть, до отчисления из академии. Но пронесло. Моя дипломатическая миссия была закончена. Только,

спустя много лет, я узнал, что Недюдь готов был уничтожить меня, в составе экспедиции был его сын, но кто-то из сильных, или умных, защитился за меня. Я так и не узнал кто. Гроза с молниями пролетела, в сантиметрах, около моей головы! Дежурный распорядитель отправил меня в академию.

– Стой. У вас же каникулы.

Он изменил своё решение и отправил меня к жене и детям. Прощай пятый курс! Сколько ещё курсов будет? Никто не знал. А, пока отдыхать – почти целый месяц. Дома меня ждали новости, жена боялась сообщать: Лиану забирали в школу волшебниц – это начальный этап их карьеры, требовалось разрешение отца и матери, хотя это не играло никакой роли, эти подписи, давно стали символическими, и колдуны, всё равно, смогли бы обойти их, ведь мы были только приёмными родителями. Но это было не всё – Сармата тоже забирали у нас – в семинарию Гандз. Я с этой учёбой, совсем упустил из вида, что, с каждым пройденным мной курсом академии, наши дети тоже растут, а мы стареем. Мне уже больше тридцати лет, а я всё в учениках хожу. На следующий день мы с Огневицей попрощались с детьми, перед ускорителем, и остались одни, совсем одни. Жена говорит, что начнётся не жизнь, а тюрьма, детей нет, скоро ты уйдёшь в свою академию, а летать за пределы планеты нельзя, защитный контур не выпустит, и демоны наябедничают. Я пообещал ей что-нибудь придумать. Действительно, получается – для нас, учёба, а для Огневицы – застенки. Ускоритель фик-

сировал все передвижения по периметру мира Рузы, я мог воспользоваться новыми способностями, применив формулу воды, но я не мог усыпить демонов, как это делала Аква, перед тем, как появиться перед нами. Поэтому, я поступил проще, пригласил жену на море, придумав семейное торжество – с тортом, цветами и шампанским. Этот раз, мы ехали с женой на море, без свиты слуг, преподавателей, гувернанток. У нас был «День свободы», и, наверное, первый праздник на этой планете. Жена лежала на берегу и улыбалась.

– Ты чего?

Пристал я к ней, высматривая Акву.

– Как хорошо, что я полюбила именно тебя, Яичница!
Дэн, Дэн, Денис!

Аква вышла из воды:

– А мне он не разрешает так себя называть.

Жена взвизгнула от неожиданности, увидев Акву в виде одноногой русалки с одним глазом на лбу. Рядом валялись наши демоны, и какие-то креветки заплетали им косички, создавая причудливое макраме из ракушек и водорослей. Демоны, постепенно преобразались в видимых монстров, похожих на неочищенные рыбацкие сети.

– Это кто?

Огневица показывала на одноногую русалку, которая успела преобразится в привычного шестиглазого осьминога.

– Это Гандза. Её зовут Аква. Это в её мире учится наш сын. Я думаю, вы подружитесь.

Вдруг Огневица закричала от ужаса и закрыла руками глаза. Я такой испуганной жену никогда не видел.

– Лана нельзя!

Раздалась команда из воды, и милая рожица монстра, с непониманием уставилась на меня. Для Ланы все были друзьями, и она обиженно фырчала в сторону хозяйки, выпрашивая у меня ласку. Я не стал травмировать животное своим невниманием, и голова Ланы утонула в моих объятиях. Огневица поняла, что её никто не хочет есть, а вокруг, всё же, что-то происходит, перестала прятаться под ладошками рук, и открыла глаза. Но увидев мужа в объятиях чудовища, снова закричала. У Огневицы, чуть не началась истерика. Это я был виноват, надо было это предусмотреть и подготовить супругу к встрече.

– Лана, к ноге!

И монстр бросился выполнять мою команду.

– Лана, лежать!

Лана с удовольствием развалилась возле наших ног. До Огневицы дошло, что чудовище не опасно, она только спросила:

– Кто это?

Я её попросил ничего не бояться, вокруг одни друзья. Лана огромным языком нежно лизнула щёку Огневицы, жена отреагировала на ласку улыбкой. Я понял – лёд тронулся, и жена пришла в себя, вспомнив сразу, все колдовские обереги. Лана легла спокойно возле её ног и дала себя погладить, за-

урчав от ласки, как может урчать только чудовище. Я понял, они будут друзьями. К Акве жена относилась с настороженностью, как относятся друг к другу незнакомые женщины.

– А почему она всё время меняет свою форму?

Аква не дала мне раскрыть свой рот, хотя вопрос был обращен ко мне.

– А потому, что мне так нравится, я при знакомстве с тобой, хотела быть оригинальной, и совсем не хотела испугать тебя. Я уже знаю, что тебя зовут Огневица, мне Сармат все уши про маму прожужжал: она самая умная, она самая нежная, она самая лучшая!

Я вставил пару своих слов, чтобы предрасположить жену к новой знакомой:

– Аква ещё очень молода, на вид, по земным меркам, этой девочке тринадцать лет, а в действительности – триста.

– Сколько?

Аква среагировала на выпад жены:

– Я уже взрослая!

И по-детски шмыгнула носом и скатала обиженно губы. Мы оба рассмеялись, это действительно выглядело смешно. Аква обиделась и нырнула в море, отплыла немного от берега, потом вынырнула, и уже, словно, не обращаясь к жене:

– А твой Гриша, тоже преобразаться может.

Нырнула и больше не выныривала. Я уже знал, что девочка не могла долго обижаться, от силы пару дней. Лана провела взглядом хозяйку.

– А, почему она тебя Гришей назвала? Откуда она знает твоё земное имя?

В вопросах жены, было не сколько любопытства, а больше ревности. Огневице хотелось сбросить стресс и устроить маленький женский скандал, но я ей не дал преимущества, поймал в свои объятия и поцеловал, долго и нежно, пока не почувствовал взгляд из воды.

– Эй, взрослая! Не подглядывать!

В воде кто-то фыркнул, раздался плеск ныряющей рыбы. Море начало светиться, по берегу пошли вечерние тени. Лана покинула нас, пропала по своим делам. На берегу было так красиво и так тихо, что не хотелось домой идти. Мы уже почти подходили к коттеджу, когда жена обернулась назад и снова заорала, как резанная. По нашим следам, вдоль берега подымались мохнатые воздушные змеи с огромными ртами, подведёнными красной фосфорной губной помадой. Их глаза светились, как фонари, они быстро сориентировались где находится тропинка, по которой от них убегает вкусное мясо, и кинулись за нами в погоню, потом, внимательно рассмотрев друг друга, бросились врассыпную, испугавшись своей «привлекательности». Мы с женой, наперегонки, добежали до коттеджа, и только, хлопнув дверью, я вспомнил про нашу охрану. Никогда не думал, что эта пузатая морская мелочь, может такие страшилища сотворить, не из чего, из того, что нашли на берегу, что даже демоны испугались друг друга и полетели осчастливить свой мир. Темные миры

четырёх баронов, прислали ноту протеста на совет сообщества государств за насланных на них кракозьябров, которых демоны палками прогнали через границу государства. Три дня жители тёмных миров боялись покинуть свои помещения. Но мы ничего не знали об этом, просто наслаждались шумом моря и отдыхали, часами валясь на берегу или играя с Ланой. На третьи сутки я не застал Огневицу в коттедже, даже начал волноваться, вспомнив, что мы без охраны. Демоны так и не вернулись в наш мир. Я прошёл тропинку, когда заметил Лану на берегу, а возле неё, как ни в чём не бывало, беседовала Огневица с Аквой. Они даже смеялись, не прерывая разговор.

– Помирились? Это хорошо!

Мы, вместо запланированных двух недель морского отдыха, провели здесь, почти всё время, до окончания моих каникул. Аква научила усыплять демонов, подарив специальный порошок с примесями серебра. Его нужно было распылить над демоном и невидимый и агрессивный становился созерцаемым и спокойным на пару часов. Талисман для Огневицы зарубили древние, но всё же Аква смогла протащить жену в те миры, за которыми она соскучилась. Жена даже с сестрой на Земле поговорить успела. Озорница замуж вышла, у неё уже двое детей, на папу похожи. Жаль, что муж из простых, не из посеянных, но любит сестру очень! Некрасивый, но тоже из птиц – на выхухоль похожий.

– А я? Я тоже из клана птиц? Я тоже – выхухоль?

– Ну нет. Дудки! Ты мой – Денис!

Я наказал её за супружескую вредность. А через два дня, я был в стенах академии и на первом же занятии, мы разбирали войну на планете Линч. Для меня это было продолжением моего дипломатического вояжа. Война началась из-за яиц. «Рыбы» знали, где драконы откладывают яйца, и через вассальные племена обезьян, живущих на островах в морях планеты Линч, продавали скорлупу этих яиц в тёмные миры. Там из неё делали порошок – как оружие от демонов. В скорлупе яиц драконов было много серебра, а оно ядовито для демонов. Но, кто-то из тёмных миров пошёл дальше, заметив, что демоны никогда не приближаются к яйцам. Иметь яйцо дракона во дворе своего дома, стало престижно в богатых семьях тёмных миров. За яйцо дракона отдавали бешеные деньги. Спрос рождает предложение. «Рыбы» воспользовались этим ажиотажем и заставили обезьян воровать яйца. Раньше такого на планете не было. Драконы обезьян застукали случайно, обезьяны, всё же, были полу разумными существами, и не беспокоились об своей персональной охране, за что и поплатились. Свирепые драконы разорвали большинство незатейливых воришек, осталось несколько особей, их драконы и сумели допросить. Обезьяны видели, что случилось с их товарищами, поэтому не стали скрывать организаторов этой чудовищной торговли. И тогда, вся злость драконов, переключилась на «рыб». Война началась стихийно, драконы стали уничтожать всех водных существ: виновных и

невинных. Глоток воздуха для дельфинов стал смертельной роскошью. «Рыбы» погибали целыми стаями, под ударами каменных глыб, или от нехватки кислорода. Особенно быстро умирал молодняк, от удушья. Поверхности морей покрылись трупами мальков, которые море выкидало на берег. По всей стране распространился запах смерти, моря наполнялись токсинами, становились ядовитыми и не пригодными для жизни «рыб». Понятия не имею, каким образом совету удалось прекратить эту войну, иначе бы драконы уничтожили всё живое в морях. Теперь у меня не осталось вопросов по планете Линч, кроме одного:

– Я так и не знаю, кто взорвал космическую станцию с моими подчинёнными, кому была выгодна эта смерть, какие цели преследовались теми существами, кто замыслил и исполнил это подлое убийство. Ведь дипломаты несли мир, а не угрозу. Значит существовала сторона, которой был не выгоден этот мир?

Первоначально, предположение падало на тёмные миры, но при более тщательном расследовании, оказалось, что в тёмных мирах все были в неведении, что творится на планете Линч, там даже никто не знал, что планета на военном положении. Эта третья сила так и не раскрыла своего лица, предпочитая оставаться инкогнито.

За два курса мы, наконец, закончили изучение разумных миров содружества государств, но на этом наши мучения не закончились. Мы возмутились: для чего нужно так много

неспециализированных знаний, мы в течении семи лет обучения, постоянно подвергаемся опасности, отсеиваемся в академии продолжается. Нас, с начала занятий в академии, осталось восемь существ из разных миров. Для чего, чтобы работать простым клерком, при посольстве, требуется такая подготовка, для чего... из нас делают даже не солдат, а специалистов по выживанию в любой среде и при агрессивных условиях существования. Нас, условно, поделили на двойки, мы были равные между собой. Командование на себя брал тот, из учеников, кто лучше прочувствовал ситуацию, и знал, как действовать. Я был в спайке с Уссом, нас везде посылали вместе, мы не только телепатически общались, мы чувствовали друг друга, каждый взгляд, каждое движение. Беда случилась на восьмом курсе, в самом начале занятий, мы успели пройти семинар по запретным мирам, их было не много, из одного из таких миров был я сам. Мне обучение далось легко, Усса, не смотря на его непревзойдённый интеллект, пришлось натаскивать, многое разжёвывать, его разум не принимал абстрактной логики, для него эти понятия были абсолютно асимметричны, а в закрытых мирах – девяносто процентов абстракций, и сама жизнь на этих планетах была лишена какого-нибудь смысла, я успокаивал друга, объясняя на земных примерах, то, либо другое действие. Попробуй объяснить существу: – что такое сладкая родниковая вода, если он из энергоноидов, и вода для него – хуже яда, сразу последует цепная реакция при контакте.

– Не смотри, что я маленький, будет такой взрыв, что уничтожит любую большую планету.

Я вспомнил, как правительство его планеты, направившее учеников в академию, выразило ноту протеста совету, за испытание нас на прочность на топких бездонных болотах. После окончания семинара мы вздохнули, нам дали двухнедельные каникулы, и я надеялся, что это всё. Ведь запретные миры – это было последним в нашей структуре, что ещё может быть хуже чуждых для содружества запретных миров. Голос над головой говорил:

– Не спеши радоваться, Грестарх. Ещё не раз будешь вспоминать добрым словом академию. Академия – это последняя остановка в твоей жизни, где тебя кто-то везёт, а дальше – одна работа, и этот путь ты должен пройти сам, без подсказок.

Я уже научился уходить от демонов и других наблюдателей: отвлечь их от моего присутствия, это было дело техники, совсем не сложно. Буквально за миг, я создавал двойника и отправлял его ускорителем, а сам растворялся в изображении зеркала, или оконного стекла, мог раствориться в аквариуме коллоидным осадком, перемешанным с речным песком, или принять форму подсвечника, и после срабатывания ускорителя, отправлялся в путь по формуле воды. Меня ждал дом, и я, чтобы не пугать Огневицу, материализовывался всегда в своём кабинете, возле аквариума с земными улитками. В мой кабинет, кроме меня никто не имел права

входить. Огневица, каким-то волшебным чутьём знала, когда я появлюсь. Я бы ей никогда не поверил, если бы жена не показала календарь, где кружочками отмечены дни моего прибытия, и другим цветом, прибытия наших детей. Я хотел схитрить, посмотреть наперёд, только впереди ни дат, не месяцев.

– Это интуиция? Спросил я у жены.

– Нет. Наука! Ты считаешь, что я так плохо училась в школе волшебства, что даже не могу определить, когда муж домой вернётся?

Я промолчал. Этот раз моё возвращение совпало с каникулами у Лианы. Дочка больше с мамой секретничала, она выросла, невеста уже, и так на Улу похожа. По календарю, Лиана должна прибыть завтра. Огневица заказала огромный торт, не каждый день в нашей семье праздник, когда собирается семейство, жаль, только, что Сармата не было. У Гандз в семинарии были правила пожёстче. Жена меня предупредила, что если хочешь с Ланой поиграть – она на берегу, а Аквы нет, улетела на родную планету к родителям, я с ней передала подарок Сармату на день рождения. А нет, отдохни с дороги, а вечером вместе пойдём на берег. Дэн, я на завтра, на наше семейное торжество пригласила королеву драконов с планеты Линч. У неё есть какой-то важный разговор для тебя. А ещё я купила подарок для Лианы, от нас двоих, пойдём посмотришь. Это было зеркало, закрытое, непроводящими свет, створками, мне оно напоминало теле-

визор. Жена торжественно открыла створки, и я увидел Лианку, живую Лианку, она помахала мне рукой, а Огневице погрозила пальцем. Сюрприз не получился. Жена закрыла створки, зеркало и изображение пропало. Это изобретение волшебной страны, жена мне попыталась объяснить, как это работает, что и на что, проецируется, а я вспоминал сказки, наши земные сказки, где-то я уже слышал про эти зеркала.

– Подумаешь – волшебное изображение! Зато у нас на земле компьютеры есть, и мобильные телефоны, не хуже ваших волшебных зеркал!

– Свет мой зеркальце, скажи...

Огневице нравилось меня выводить по пустыкам, называя яичницей, в ожидании сладкого наказания. Огневица тоже соскучилась за мужем, я даже не знаю, кто из нас больше ждал окончания обучения в академии. Я бы сказал, что мы были на казарменном положении, если бы, каждый день, нам не приходилось ночевать на разных планетах, и ты никогда не знал, где очутишься завтра, и засыпать приходилось под монотонный голос над головой, который с гипнотизирующей интонацией, продолжал процесс обучения, даже во сне.

Глава 15

Гости начали собираться с самого утра. Первая в моём кабинете материализовалась преображённая Аква с Сарматом. Блин, хотя бы малого постеснялась, накидку бы какую накинула на тело. Этот раз она была не зелёной, а фиолетовой. Позеленела моя жена, выскочила из нашей спальни и побе-

жала втык давать гостье. До Гандзы не доходили такие понятия, как стыд, скромность, правила приличия. Её вопрос:

– А, зачем?

Доводил Огневицу до бешенства.

– Вот будет тебе, лет пятьсот, и у тебя будет свой мужчина, тогда ты поймёшь «зачем», когда, какая-то пигалица будет перед его носом крутить оголёнными бёдрами!

Аква всё равно, ничего не понимала. А я хохотал, представив воочию эти нравоучения супруги. У Гандз всё совсем не так, у них не любовь, у них – зов, и весь процесс последствий этого зова, завораживающего мозг самки, больше похож на танец, икра повисает на самце, и с этой поры, он является хранителем потомства и главой семейного очага. Всё-таки правильно отнесли Землю к запретным мирам, мы налаживаем отпечаток своего мировоззрения на окружающих своим неправильным воспитанием, ведь в Московии всё, совсем не так. Огневица сама замечала:

– Я с тобой, Денис, становлюсь всё больше земная.

Я скучал по Московии и вспоминал, как в первый раз, любовался телодвижениями танцующих русалок в Язуе, ведь я тогда ещё не знал, что у них был брачный период. Огневица погрозила пальцем, словно прочитав мои мысли. Сармат, всё-таки был больше ребёнком, чем дважды посеянным и учеником самой умной семинарии вселенной, он наспех обнял нас с матерью, схватил на кухне, какой-то бутерброд, и дожёвывая на ходу, побежал к ускорителю. Аква успокоила

нас, мальчик, ещё на планете Гандз, бредил встречей с Ланой. Строгие воспитатели семинарии пригрозили отобрать амулет с формулой воды у пацана, когда заметили, что он вместо того, чтобы повторять продумывать и усваивать урок, после занятий пропадал на берегу моря академической планеты, проводя время в играх с чудовищем. Гандзам не надо было гоняться за малым: в любом месте, где была вода, была куча надсмотрщиков, кляузников и охранников. Воспитатели, абсолютно, не боялись, что с Сарматом может что-то произойти, просто эти отлучки, мешали учебному процессу, Гандзы не знали, как наказать непослушного ученика, но знали, что наказание обязательно последует; пока воспитатели думали, Аква упростила руководство семинарии, освободить мальчишку от занятий на один день, всего лишь на один день – на день рождения сестры. Поэтому они и прибыли, чуть свет, ведь надо столько много успеть! Аква не могла долго обходиться без воды, и сбросив все атрибуты к форме приличия, опять трансформировалась и плюхнулась без приглашения, в аквариум в моём кабинете, оттуда, время от времени, подавая реплики, напоминая о себе. Около дверей ускорителя было тихо, мне надоело пялиться на эту кабину, похожую на лифт в многоэтажном доме, и я пошёл в кабинет к Акве: просто поговорить, накопилось много непонятных вопросов, мне нужен был совет. Перво-наперво, мне надоела академия, я устал, не сколько учиться, я устал от разделения семьи. Мне хотелось беззаботной семейной жизни, что-

бы под ногами вертелась детвора и мы вместе перемещались на море играть с Ланой. В моих ушах звенел детский смех, когда мы в последний раз, по-семейному, были на море.

– Как ты думаешь, Аква? Восьмой курс – это последний год моего обучения?

Аква не знала.

– Каждый выпуск академия проводила по – разному: всё зависит не от курсов, всё зависит от времени освоения материала.

– Но мы же прошли все миры в содружестве, изучили до малейших подробностей всё, что касается этих миров, мы изучили даже запретные планеты.

– Гриша, всего изучить нельзя, я давно закончила гимназию Гандз, но до сих пор, каждый день учусь. По уровню данных знаний, наша гимназия ничем не отличается от вашей академии, а в некоторых вопросах, даже превосходит её. Гриша! Кроме запретных – закрытых вами миров, условно находящихся в сообществе государств, так-как вы ответственны за их изоляцию, существуют миры, запрещённые для вас, и для нас, к сожалению. О этих мирах не принято говорить, чтобы не будоражить население содружества, не поднимать панику. Гриша, я догадалась – из вас в академии готовят правителей высшей величины, поэтому раскрою тайну, этот секрет связывает наши миры. Гриша, я говорила, что Гандзы являются хозяевами вселенной, любого мира, где есть вода. Это не так: и вы и мы платим дань, дань тем су-

ществам, не имеющим государственности, они не подчиняются никому, у них нет законов, нет правил. Мы называем их пиратами-анархистами. Каждый год проходят встречи на дипломатическом уровне и нам выставляют счёт. И мы вынуждены платить пиратам, за то, что они охраняют нас от миров энергетических вампиров. Проходили ли вы про такие в вашей академии?

Я помотал головой. Сказать, что я был ошеломлён – это не то слово! Я был выведен из действительности, мой мозг был разрушен! Я почувствовал себя, даже не амёбой, я был никем! И всё то, что мы изучили в академии за семь лет, мне показалось маленькой тоникой того, что предстояло ещё изучить. Аква поняла моё состояние, уточнив, что эти миры закрыты для нас, только мы теперь находимся в изоляции, всё настолько секретно, что даже координаты этих миров скрываются от масс. Я был в стопоре. Аква сообразила, что переборщила с информацией, чуть не полностью разрушив мои надежды на завершение обучения, чтобы отвлечь меня, задала нейтральный вопрос, в который я не смог въехать сразу:

– А сколько лет исполнилось Лиане?

Мой мозг потерял ориентацию:

Я не понял где нахожусь, зачем я здесь, где мои костыли, и кто такая Лиана?

Реальность медленно вырисовывалась перед глазами, принимая знакомые очертания. Наконец, сознание верну-

лось на место, в памяти остался промелькнувший кадр с комнатой в пятиэтажке с инвалидной коляской в проходе.

– А, я знаю? Наверное, лет пятнадцать – шестнадцать. Спроси у Огневицы, она ведёт календарь всех наших семейных событий.

Раздался сигнал остановки ускорителя, и буквально, сразу же, из него с большими перепуганными глазами, вывалилась королева драконов. Кто её нарядил в эту мантию с непомерно длинным шлейфом. Королева запуталась так, что мы её едва смогли размотать. В наш дом она вступила совсем не по-королевски, пропахав носом паркетный пол. Огневица с Аквой, едва смогли её успокоить. В её руках был огромный букет цветов из оранжерей планеты Линч, а в коробке было ожерелье из перьев сказочной птицы Семург, по поверьям яйценосных драконов, оно приносит счастье. Теперь – нос поцарапан, букет всмятку, а счастье разлетелось по пёрышку. Королева, в сердцах, оторвала дизайнерское изобретение портного. Этот шлейф должны пажи носить, а где их найдёшь среди криворуких драконов и косолапых обезьян? С утерей фасона платья, королева постаралась не растерять имидж правительницы: выправила осанку, сделала надменный гордый вид и стала близоруко смотреть на всех, со своих трёх метров роста. Я преклонил колено, девушки сделали лёгкий поклон, согласно королевскому этикету, мы целый вечер вчера тренировали эпизод встречи особы королевских кровей. Наконец, пострадавшая отошла от боли и конфуза, и

улыбнулась! Но тут появились Сармат с Ланой. От визга заложило уши, королева, невзирая на правила этикета, залезла под стол, и начала швыряться туфлями, не прекращая орать. Для неё, появление этого страшилища, в образе Ланы, было шоком:

– Эта волшебница, специально заманила её на эту Рузу, чтобы скормить чудовищу.

Мы не могли: не успокоить её, не вытащить из-под стола, пока Аква не приняла свой обычный вид, какой её королева помнила по семинарии. Лианку, честно сказать, мы прозевали. Она стояла сзади нас, возле дверей ускорителя и смотрела с недоумением, как мы, с помощью веника и швабры, пытаемся выковырять кого-то из-под стола, но, когда в нас полетела корона, как орудие защиты от волшебных каннибалов, и как последний довод королей, девочка всё поняла и расхохоталась. Для нас её смех был, как холодный душ, мы моментом пришли в себя, и только потом мы сообразили – в каком глупом и комичном положении мы оказались. Мы все: включая королеву, Сармата и Лану, поддержали смех именинницы. Вокруг нас, на полу, валялись раздавленные цветы, мы все перепачкались в липких перьях счастья, и были похожи на новогодние ёлочные игрушки, это добавило ещё смеху. Лианка хлопала в ладоши, такой встречи и поздравлений она не ожидала. Подарки и торт были ещё впереди, но день рождения уже удался! Может действительно ожерелье, из перьев сказочной птицы Семург, приносит счастье?

В процессе праздника, все побежали на море, королева притормозила меня:

– Поговорить нужно. Это касается Лианы и вообще всей вашей семьи.

Она мне подала перстень.

– Это девочке в подарок от отца.

Сзади подошла Огневица и облокотилась на мою руку, она узнала перстень, это был семейный тотем Коршунов. Он пропал после смерти отца.

– Корчег, – вымолвила Огневица, и я едва успел её подхватить, иначе бы она рухнула нам под ноги.

Настоящим отцом Лианы был Корчег, значит она – родная племянница моей жены.

– Но почему Челстуг, ничего нам не сказал, не сказал, что у Улы осталась дочь, и что эта дочь – дочь Корчегеа, и тоже член нашего клана Коршуна?

Перед уходом королева успела шепнуть:

– Я многого рассказать не могу, к тебе в академию прилетит Неясыть, у него узнаешь все подробности. Меня просили именно это тебе передать – Грестарх драконов, обладатель талисмана воды.

Каникулы пролетели, как один день. Мы стояли внутри арены амфитеатра – главной аудитории академии и голос над головой раздавал нам наряды. Мы прослушали только первую лекцию о запретных для нас мирах. Это были планеты, они были разными по составу и ещё делились по спосо-

бу воздействия. Академия не имеет полной характеристики этих миров, но они все смертельны для нас.

Академия поделится с нами своими знаниями, но ничем и никто вам не сможет помочь, если вы будете нарушать правила безопасности. Нарисуйте себе в вакууме, в своих мозгах, черту, и ни в коем случае не переступайте её. По нашу сторону от визуальной границы стоят войска – весь воздушный флот содружества, и любой объект, пытающийся пробраться за границу будет уничтожен, сразу, никаких переговоров и предупредительных выстрелов. Других правил нет. Смерть за границей, смерть при нарушении границы, смерть при выходе из запрещённых миров. Любой нарушитель этих правил будет рассеян на атомы, вместе с транспортным средством. Раньше были более щадящие условия, но мы потеряли много своих земель и теперь не особо гуманны к нарушителям границы. В период обучения, мы рассмотрим и изучим каждое отдельное нарушение, и к чему это привело. Я вас могу обрадовать – запрещённые миры, это последняя из тем, которые вам придётся изучить. Все, что вы услышите в академии, в процессе занятий, с этих пор является секретной общегосударственной информацией и разглашению не подлежит. Вас будут учить до тех пор, пока вы не будете, как машины, действовать автоматически, на любое возмущение со стороны. Руководитель, он, как оператор, обязан защищать свои народы от враждебного вмешательства извне, реагировать на любое колебание. У руководителя до-

статочно средств для решения любой задачи, и он не имеет права на ошибку. Голос над головой охрип, я даже почувствовал, как течёт пот по лицу говорившего. Я не знаю, какое существо отдавало нам команды, но, что это была не машина, и не скомбинированная запись, это точно. Голос над головой описал планету-транспондер, у которой не было постоянного места обитания, она успешно меняла свою форму, приобретая вид миролюбивых планет, с развитыми и дружелюбными космическими портами, с современными городами и даже с обаятельным и трудолюбивым местным населением. Но вся эта планета, по сути, была живой организм, маскирующийся под планету. На этой планете не может быть никаких шахт, глубоких впадин, а население, по характеру ничем не отличается от самой планеты, и кроме имитации жизненной радости и активной трудовой деятельности с профессиональными обворожительными улыбками, оно несёт защитные функции своего носителя. Эти улыбчивые маргиналы пытаются сбить любой приближающийся к планете объект, с разведывательными целями. И сама планета, и населяющие её существа, являются опасным видом энергетических вампиров. Они, пользуясь планетарной мимикрией, подбираются ближе к интересующему их объекту, и начинается ужас. Хищник проглатывает жертву, сразу, целиком, не пережёвывая. Хищник может нанести удар, находясь за несколько парсеков от жертвы. Часто он атакует из-за прикрытия, спрятавшись за лунной или, за поясом астерои-

дов. Вас не должна смущать его малая величина, он способен переварить планеты в разы больше его. Единственный способ определить объект, что это, планета или монстр – это обмануть маргиналов и нанести укол ракетой. Планета – живое существо, и не терпимо к боли. Мы предполагаем, что планета – вампир, но всё же живой дикий организм. Я не знаю, где находится центр управления этой планетой, но управляют ею разумные, к сожалению, тоже энергетические вампиры. Наша разведка умудрилась потерять эту планету из виду. Курсантам академии дана честь – найти монстра. Голос над головой спросил:

– Желающие подключиться к поискам есть?

Все восемь курсантов промолчали, опустив головы, ведь работать придётся на грани фола, вдоль линии разграничения границ. Поблажек не будет, цена этой операции – смерть со всех сторон.

– Я понимаю, задание очень сложное и очень серьёзное. Ну, если желающих нет, претендентов на выполнение этого задания, придётся выбирать мне.

Голос над головой притих, приготовив курсантов к кульминации:

– На поиски планетного вампира отправляются...

Я уже прочувствовал, что этого монстра придётся ловить мне с Уссом. И не ошибся. Остальные отправляются на зачистку астероида для размещения новой бригады пограничников. Это было более безопасным заданием, которое кур-

санты уже привыкли выполнять, почти каждый день. Нам были даны сутки на подготовку, и ровно через день, мы приступаем к выполнению задания. Усс, про себя, насвистывал какую-то мелодию. Кто научил его этому свинству? Через пять минут этой телепатической трансляции, от свиста сносило голову. Я всё забывал сказать другу, что у него нет, абсолютно, музыкального слуха. Я не выдержал, мне надоело ждать, когда он устанет издеваться над нервами окружающих. Надо отдать должное: с тех пор, как мы начали изучать и проходить практику вблизи запрещённых миров, наше подразделение курсантов находилось на казарменном положении в стенах академии. К нам давно перестали прикреплять демонов. Охранникам надоело, что их постоянно курсанты оставляют в дураках и они разорвали контракт с администрацией. Я вышел погулять на улицу, за мной потянулись остальные наши ученики. Этот Усс, своим свистом, достал всех. Я пошёл по тропинке к беседке, отделившись от основной группы. Мне хотелось подумать, прикинуть рейтинг выполнения нашего задания. Я ещё не знал, как мы будем действовать, но по любому, получалось пятьдесят на пятьдесят. Кому больше повезёт: нам, или маргиналам. Меня кто-то догонял, меня это нервировало: когда кто-то спешит по твоим следам, это хуже свиста в голове, кто знает, какая цель у преследователя? Я повернулся лицом к неизвестному, его рука была завёрнута в гипс, судя по походке, он ходить не любил, слегка косолапил и носки обуви сильно были загнуты

вовнутрь. Знакомая походка, где я её видел. Озарение пришло сразу, с восстановлением функции памяти:

– Неясыть! Ну, конечно же Неясыть. Меня же королева предупреждала. Интересно, что от меня понадобилось военной контрразведке? Если сам шеф рыцарей огня и кинжала решил посетить стены нашей учебной обители?

Я притормозил. Неясыть, наоборот, увеличил скорость и затолкал меня в затемнённую беседку. Сколько я его помню – в различных видах, он всегда куда – то торопится, и у него всегда не хватает времени.

– Грестарх, я на пару секунд. Слушай. И Неясыть перешёл на ментал, с передачей информации прямо в мозг. В течении нескольких секунд он выдал всё пакетом, зная, что мозг ночью расшифрует всё.

– Это всё. Кое-что подлежит стиранию по окончании получения информации. На некоторых эпизодах стоит блокировка, но думаю она тебя не сойдёт, и ты поймёшь, что к чему. Мне некогда, я пошёл, вопросы оставь при себе, никто на них отвечать не собирается, лучше забудь, что я к тебе приходил. Привет жене и королеве.

И Неясыть растаял во мраке школьного двора. Я ничего не понял. Голова была, как барабан: а заходил то, зачем? А кто заходил, я уже не помнил; контрразведка умела работать. После прогулки по свежему воздуху я спал, как убитый, если и снилось что, я не помнил. Кажется, видел Улу, она улыбалась, что-то говорила Челстугу. Нет, не Челстугу, этот па-

рень был похож, но моложе. Он гладил и целовал Улу. Наверное, это был Корчег. У них всё было обговорено насчёт свадьбы, подано прошение в волшебный совет. Все радовались этому событию. Ула призналась парню, что ждёт ребёнка. Он закрутил её на руках. Потом картинка прервалась. И, вновь Корчег у постели умирающего отца. Отец дарит ему фамильный перстень, с изображением пикирующего Коршуна, как продолжателю своего рода. Корчег одел перстень на палец и никогда его не снимал, почти. Совет волшебниц был кем-то напуган, они не дали разрешение на свадьбу между посеянным, из клана птиц и девушки, из клана волшебниц. Ула, в слезах убежала к реке, и кинулась с моста в Язу. Водяной спас её. Девушка заболела, у неё была горячка, она никого не узнавала. Корчег пришёл в дом отца, в поминальный день. Брат увидел семейный перстень на его руке и обвинил Корчега в воровстве, пытался забрать кольцо, но Корчег сопротивлялся, он не уступал в силе Челстугу. Началась драка, в которой старший брат проиграл физически, но выиграл тактически. Он симитировал падение и потерю сознания от удара в висок, по голове ручьём бежала кровь. Обе сестры закричали, привлекая соседей, им показалось, что Корчег убил старшего брата. И Корчег убежал. Никто не знает, где он прятался. Общество назвало его изгоем, и клан птиц навсегда вычеркнул его из списка в своих рядах. Корчега нашёл совет, он никогда не лез в семейные распри. Совет был выше скандалов. Корчега нашли в лесу, в старой медвежьей

берлоге, ему просто подали повестку с приглашением в тайный кабинет. Корчегу ничего не оставалось делать, и он полетел в столицу содружества. Больше его никто не видел, и никто о нём ничего не слышал. Ула отошла от горячки, и её вызвали в совет волшебниц, где предложили выйти замуж за Челстуга. Три дня уговаривали её, а она, упёрлась:

– Не люблю я его, не мил мне Челстуг, и вообще, я жду ребёнка от Корчегега.

После того, как Ула отказала совету, волшебники наложили на неё проклятье. Продолжение истории я знал.

– А куда делся Корчег?

Видимо ответ был заблокирован. Единственно, мелькнули в конце сна, слова Неясыти:

– Где бы ты не встретил Корчегега, под каким бы он не был именем, пройди мимо, как мимо незнакомца, но помни: Корчег не враг тебе и содружеству, он на задании совета, так надо.

И сон оборвался, за пол часа до подъёма. Я был доволен, хорошо выспался перед заданием: никаких снов, никаких кошмаров. Но если Усс и сегодня будет свистеть, то всю операцию по обнаружению вампира, будет продумывать сам!

Глава 16

И мы придумали. Решили отказаться от военных космических аппаратов, с их ракетами и лазерным боевым оснащением. По статистике – это было одним из самых любимых блюд планеты: деликатес, так сказать. Энергии в этих

кораблях было много, а результатов действий – ноль. Планета съедала корабли с потрохами, ещё на подлёте, когда монстра можно было видеть, только на экранах радаров. От этих кораблей планета не оставляла даже косточек. Идею предложил Усс, а я развил. Весь смысл заключался в том, что мы собрались бить врага, его же оружием: замаскироваться под астероид и нанести укол. Из броненосца астероид никак не получался, а вот ракету он мог заменить вполне. Усс мог накапливать электрический заряд безмерно, чтобы потом его выпустить одним мощным импульсом. Такая мощная высокочастотная иголка, могла растормошить монстра, не хуже боевой ракеты. Усс стал готовиться к разведке, запасаясь дополнительными аккумуляторами и другими техническими средствами, не дожидаясь полного решения задачи – а лететь то как? Этот вопрос я задал другу. Броненосец поскрипел своими природными бронированными пластинками:

– А ты зачем? Я выдал идею, придумал раздражитель для вампиров, ты что Гриша? Хочешь туристом в космическом сафари прокатиться, или как?

Мы рассмеялись. За годы совместного обучения мы привыкли к академическому юмору. Насчёт туристов, любил повторять голос над головой, а «или как» это было наше коллективное изобретение. Я задумался. Но открылись заблокированные мысли послания Неясыти. Они несвязанными картинками пролетали перед глазами: то я лечу на своём ещё

не умершем драконе, а кто-то пытается меня убить из снайперской винтовки, и планета такая экзотическая, похожая на остров близнецов. Пуля попадает в голову дракона, и дракон, спиралью, спускается к поверхности, повторяя зигзаг найдёныша. Картинка тает, как мираж, рассыпаясь на фрагменты.

– Пустельга – слышится голос за кадром.

Потом, исчезает всё, чтобы открылась магистраль, внезапно заканчивающееся обрывом. Идёт непрерывный поток колесниц, и на каждой из них стоит год выпуска, выбитый на ободе одного из колёс, крупными римскими цифрами, и всё это пропадает в пропасти. Картинки меняются непрерывно, они несут в себе непонятную информацию. Бесплатное кино, всё оно хорошо, но только мешает думать. Ах, если бы я знал? Да, чёрт с ним, с этим заданием академии – это были фрагменты моего будущего, снятые под заказ, от моего имени, на закрытой планете грёз. Я бы бросил всё, чтобы досмотреть эти картинки. В моём мозге прочно зафиксировался фрагмент, как я вылетел из колесницы и зацепился за край дорожного полотна. Ко мне бежал Челстуг – ведьмак из пятого этажа. Не знаю, протянуть ли руку помощи, или, наоборот, помочь раствориться в последнем полёте в пропасти. Но он опоздал, и я оборвался. В этом месте не действовало волшебство, я не мог перемещаться или воспользоваться силой талисмана. Картинки пропали, как и возникли. Мозг поспешил стереть детали. Меня осенила грандиозная идея. Я подозвал Усса.

– А, почему бы не воспользоваться формулой воды?

Я уже научил перемещаться во вселенной, по-новому, а вдруг? Аква говорила, что я могу менять свою форму в любой среде, оставаясь самим собой, но ничего не говорила за объёмы, плотность, габариты и среду обитания этих новых форм. Нужна ли будет мне пища, вода, нужен ли будет воздух? На эксперименты времени не было, я даже забыл предупредить броненосца, посмотрел на крупный валун, лежащий на газоне академического полигона и представил его, в раз сто, больше. Получилось, я видел, как улепётывал броненосец, включив все скорости и применив реактивную тягу. Я не знал, как долго мог находиться в таком состоянии, поэтому принял свой естественный вид и встретил гурьбу бежавших ко мне однокурсников.

– А, Усс говорил, что тебя камнем раздавило!

– Каким камнем?

Курсанты разочарованно поплелись назад в учебную аудиторию. Новости, о смерти курсанта академии, при невыясненных обстоятельствах, отменялись. Усс шёл на полигон, вслед ему летели не лестные эпитеты:

– Не зря тебя на родине вруном называют!

Усс надулся, как индюк. И при приближении, забыв от обиды, про задание, набросился на меня, чтобы отлупить. Я бы смылся, у нас разные весовые категории, но остановил голос над головой:

– До начала поисковой операции, осталось восемнадцать

часов тридцать семь минут!

Это отрезвило драчуна. Он ещё дулся за подставу, но мы уже начали работать. Я, в образе камня, постарался взлететь, и набрав максимальную скорость вырвался в космос, испытав своё новое тело в безвоздушном пространстве при температуре, близкой к минусовой критической. С вакуумом шутки плохи. Аква права: мне не нужно было ничего, не еда, не вода, не воздух, тело легко подчинялось моему разуму. Я не мог понять, как на Земле столько лет пролежал без движения, ведь тело обязано подчиняться мозгу. У меня в тот период, просто мозгов не было, как иногда шутит Огневица. Вот выполним задание, попрошусь в отпуск, хоть на недельку, как я за женой соскучился. Я внутри камня создал полость, в которую, кроме медицинской аптечки, можно было вместить пять Уссов. Наконец с экипировкой было закончено, наш экспериментальный живой летательный аппарат обеспечили средствами последней электронной, малозаметной, навигации, и визуального поиска. Я больше полагался на природный нюх броненосца. Несколько раз мы подымались в космос, производя окончательные испытания. Усс спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Я ответил:

– Как беременный! Боюсь бедром пошевелить, чтобы потроха не вывалились.

Наконец, до отбоя мы были готовы, о чем, через голос

над головой доложили в деканат. А завтра, мы с однокурсниками, разлетелись в разные стороны, и ни я, ни Усс, не знали, что это будет последняя наша встреча, пока ещё все были живы и наши друзья не завидовали нам. На девятом курсе нам показывали видеозапись. Расчистка планеты шла по графику, в основном работали роботы. Студенты ходили по поверхности, как неприкаянные, страдали бездельем. И вот, один из них нашел нишу, там был тайный вход в пещеру, внутри находились какие-то скульптуры, напоминающие древних богов. Атмосферы на астероиде не было, но посреди пещеры остались следы от жертвенного костра, под потолком висели шары, похожие на светильники. Кто-то из курсантов дотронулся до каменной уродливой скульптуры и загорелись светильники. Курсанты, не понимая, смотрели друг на друга, а минут через пять, все повалились на землю, тая, как снежинки на тёплой воде. Камни пещеры впитали их тело и души. Роботы продолжали работать, но только команда на строительство армейской пограничной базы не поступила, а вечером пришли ликвидаторы и уничтожили проснувшееся зло, превратив астероид в салют, нейтрализовав всю материю. Пираты отправили её в чёрную дыру. Наши правители решили перестраховаться, от наших друзей не осталось даже могил. Про этот случай не любят вспоминать в академии. Имена друзей с описанием их гибели внесены в книгу памяти, но кто из абитуриентов туда заглядывает? Из двух сотен существ, поступивших вместе с нами в

академию, нас осталось двое – Я и Усс, сидящий в моём животе. Усс следил за навигатором, а я, по его указкам, время от времени, менял курс. Мы разогнались хорошо, в начале пути, поэтому шли в вакууме по инерции, не отличаясь от остальных случайных астероидов. Усс дал команду готовности, мы приближались к объекту, похожему на описание академического администратора. Голос над головой, как мы его только не называли? Главным наблюдателем и исполнителем был Усс. Моё дело доставка, я был за ямщика, пришло время работать пассажиру. Нужно быстро обследовать объект, и главное – не ошибиться. Энергию выбросить легко, копить долго. Усс наблюдал за населением планеты. Планета выглядела, уж слишком идеально, как на картинке – бассейны, газончики, песочницы с карапузиками. Броненосец сомневался. Мы подлетали к центру планеты, когда Усс увидел цепи на ногах детей. При максимальном увеличении телескопов, это оказались не дети, а какой-то низкорослый народ, похожий на пигмеев, но с детскими заgrimированными лицами. Усс дал команду, и у меня, как в тяжёлом бомбардировщике, раскрылся бомболюк. Усс направил весь свой заряд в тело планеты. И я услышал вой тысячи вулканов, планета вздрогнула и забилась в конвульсиях – ей было больно. Маргиналы, как тараканы, посыпались в космос, взрываясь от перепада давления. Планета наложила ответственность, за столь болезненный укол, на своих наездников-управителей, оборвав вожжи и всю злость обрушила на них. Всего десять минут

хватило, чтобы планета была свободна от вампиров. Монстр представлял опасность для крупных энергетических объектов, он как личинка, мог прилипнуть к крупной планете и грызть его частями, не брезговал и пролетающими метеорами, и кометами, притягивая их своим магнитным полем. При этом он не допускал, чтобы что-нибудь упало или ранило его поверхность. Монстр не трогал живых существ, наверное, их энергия ему была не по вкусу. Усс сказал, что монстр идёт на взаимовыгодную сделку: он даёт приют народам, а народы выполняют гигиенические процедуры поверхности. Вампиры злоупотребили его добродушием, и стали эксплуатировать животное, подчиняя его своей власти. Но это была чистая философия, и не наше дело. Броненосец, по спецсредствам связи, доложил в деканат про выполнение задания и пленение монстра. Он описал результаты нашего наблюдения, и мы, как только дождались корабли содружества, взяли курс на земли Рузы. В академии ждали нас, как героев, даже на фоне такого трагического события. Я отпросился в отпуск, Усс тоже сильно переживал смерть друзей, он впервые, за всё обучение, попросил увольнительную на пару недель. Если из отпуска, могли отозвать, то, в увольнительной тебя никто не имел права тревожить.

– Никого не хочу видеть, просто хочу отдохнуть от всего: от занятий, от заданий, от тебя.

– Да разве я против, я вообще-то счастлив, что так благополучно разродился! А могло быть иначе, или как? Усс

улыбнулся. Значит будем жить!

За многие годы, в доме собрались все, и моё прибытие, как раз было кстати. Аква показала своего мужа. Огневица все уши мне прожужжала – и некрасивый, и грубый, весь обвешанный икрой, даже Лана обиделась, приревновала хозяйку к этому уроду.

– Жена! Да какое твоё дело? Не нравится! На то он и мужчина, чтобы не всем нравиться. Лишь бы Акве нравился.

Мы подобные разговоры старались вести без детей. Огневица мужа Аквы назвала «бутерброд», она никак не могла привыкнуть к физиологии Гандз. Я слетал на море, благо что ускоритель в коридоре, я за время задания, так налетался, расходував массу внутренней энергии, что даже о формуле воды вспоминать не хотелось. Посмотрел на супруга подруги:

– Мужик, как мужик! Мы даже поговорили, пива выпили. Мне мужик понравился, вот пиво у Гандз – гадость! Но это между нами.

Гандзы, как земные армяне, считают, что у них всё самое лучшее: и горы, и коньяк, и женщины! И очень обижаются, если начинаешь спорить. У Ланы тоже начался период любви, мужа она нам не представила, а вот двое щенков нашёл Сармат. Он нам только сказал, что Лана оценилась, но никому не показал лёжку. Как его Лианка не просила. Сармат отнекивался:

– Ты глазливая. Волшебницы все глазливые!

Отпуск быстро кончается. Первыми улетели дети, потом я. Жена пропадала на море, принимая первых мальков, да и Лане периодически, помощь нужна была. У нашей любимицы молоко пропало. Для Ланы это были первые роды. Я, уже будучи в академии, представлял, как выглядит самец у Ланы, что она своего «красавца», даже представить постеснялась. Огневица, вместе с королевой, буквально, выходили пополнение у Ланы. Королева прилетала, почти каждый день, с искусственным питанием для драконов. Жена говорит – два мальчика, наглые такие, захватили твою комнату в коттедже, и никого в неё не пускают. А у Аквы своих забот куча, малыши росли смышлёными, и на следующий день выдали такое разнообразие цветов и форм. Их было так много, что тяжело было различать, с непривычки. Огневица, всё потомство Аквы, называла калейдоскоп, и в момент кормёжки, кричала на всю акваторию:

– Калейдоскоп, ко мне!

Восьмой курс закончился чуть раньше, чем обычно, мы успели полностью освоить его программу. Нас осталось двое, нас вызвали в деканат.

– Вы уже полностью закончили программу обучения в академии. В этом году мы выдадим вам дипломы, но не надейтесь на то, что попросаетесь с академией. В нашем содружестве, катастрофический дефицит преподавательского состава, мы планировали оставить самых грамотных из вашего выпуска, в аспирантуре... но... вы сами понимаете, нам

выбирать особо не из чего. Поэтому, по решению педагогического совета, для вас, занятия в академии продолжены ещё на четыре года. Будем считать, что вы прошли магистратуру, теперь вас ждёт аспирантура и начальная учебная степень. Приказ по академии одобрен и подписан всеми членами деканата и утверждён председателем совета сообщества государств. Вопросы есть? Может пожелания какие имеются? Вы не стесняйтесь, у вас есть время подумать, составьте список на бумаге и отдайте его в секретариат. Мы в ближайший четверг рассмотрим его и найдём способ, чтобы передать вам решение.

Мы с Уссом были расстроены, не то слово, мы были в полном ауте, словно нас оставили на второй год. Сидели молча корпели над списками, зная, что после подписи Нелюдя, жаловаться бесполезно. Именно, в этот момент, я и разговорился с другом. Он, обычно молчаливый, а тут его прорвало. Стал опять, настойчиво, в гости меня приглашать – на свою планету:

– Ну, хоть на три дня! А я, а что я там не видел? Нет ничего: ни воды, не травы, ни деревьев; сплошная пустыня, трансформаторные будки, с проводами, воткнутыми в землю. Генераторы статического напряжения и в небе шары висят, гроздьями, как гигантский виноград. Ни городов, ни сёл, ни хуторов с околицами.

А для Усса, лучшего места во вселенной нет.

– Не поверишь, ты у нас, национальный герой. Про тебя

легенды ходят, и многие не верят, что ты существуешь. И Фелл тебя часто вспоминает. Приезжай, а!

Но я был неумолим, пока Усс не выдержал и признался:
– Знаю, сам виноват, не удержал свой язык, и рассказал немного о порядках в академии, про то, как мы в болотах воевали и прятались под водой. Теперь я жениться не могу, все девчонки надо мной смеются. Да что девчонки – весь мир хохочет. Приезжай, а! Покажи им пару волшебных фокусов. Я не думал, что это так серьёзно у броненосцев. Ради друга, я готов, ехать, хоть на край вселенной. Мы уже договорились насчёт даты поездки, в надежде, что по окончании восьмого курса, каникулы никто не отменит! Но вскоре в нашей жизни случились такие перемены, что эту поездку с защитой чести и достоинства мундира друга, сделали не нужной, глупой и не достойной памяти. В крайнем случае Усс не любил вспоминать, про наш договор, стыдился проявленной кратковременной слабости, считал свой поступок, не достойным мужчины: получилось так, что он попросил у меня, чтобы помочь ему справиться с накопившимися мужскими проблемами. Станный мир! И существа эти – броненосцы – странные: гордые, независимые и легко ранимые. А в этом мире я всё же побывал – по приглашению напарника, на его свадьбе. Гостей было много, я впервые узнал, что есть хмельное электричество, я там увидел танец броненосцев. Усс просил меня показать, как я подымаю воду, для этого даже бассейн соорудили. Сначала вышел я – кроме уже привычного под-

нятия кромки воды, я сплёл косички из струй, и мелкими водопадами спустил их в бассейн с полного роста, под вальс Мендельсона. Потом появился Хрон – уплотнитель. Его отчислили из академии, за какую – то мелкую провинность, но он не унывал – стал профессиональным фокусником-иллюзионистом, у него был настолько уплотнённый график работы, как и вся его жизнь. Я не знаю, как Уссу удалось сагитировать его на свадьбу. Хрон выступил после меня. Он с водой такое вытворял, что свадьба Усса стала золотой ветвью культуры планеты, и каждый год, здесь проводится цирковые общесоюзные соревнования, с вручением золотой ветви Усса. Я отвлёкся. Нам обеим, в академию, пришло приглашение в совет, не обычное, мы должны прибыть всей семьёй. Ради такого случая, от учёбы освободили, и Сармата, и Лиану. Усс был один, родители давно стали частью энергии вселенной, а он, к тому времени ещё не был женат. Мы прибыли в парадной форме курсантов академии, Сармат был в парадной форме семинарии Ганзд, Огневица была светская дама, она не придерживалась формы, но одета была в бренды земли Рузы. Я беспокоился, чтобы Лианка не надела форму волшебниц – она напоминала смесь нарядов цыганки и бабы Яги. Но нет, пронесло, Огневица проконтролировала девочку. Нас всех пригласили в совет, и на глазах наших близких, торжественно, под блески фотовспышек и работу сотни фотокамер, сам председатель, во фраке, вручил высшие награды стран содружества, с присвоением наивысшего статуса –

рыцарь вселенной. Что здесь было! Меня с Уссом два часа качали на руках, передавая по живому конвейеру на улицу. Был объявлен всеобщий праздник, для всех государств, для чествования рыцарей вселенной. Домой мы семьёй попали лишь на третий день, после торжеств. На пороге дома лежали тысячи телеграмм с поздравлениями. Прилетели Аква с мужем и королева с другом, с поздравлениями и праздник продолжился.

Глава 17

Меня иногда тянет в мир испорченного времени, придуманный учёными. Там всё просто, нет никакого обмана, все, что происходит, произошло, или должно произойти, случается на твоих глазах, без фокусов и подсказок. А наши миры – как шпаргалка на экзамене: живёшь по каким-то надуманным правилам, под диктовку существ, придумывающих законы, этикет и массу ненужных, ограничивающих движение, штук. Кто придумал время? Кто поделил нашу жизнь на века, часы и секунды? И почему это время – то летит, как бешенное, то тянется, и ползёт, со скоростью улитки. Этот период, эти четыре года в академии, после окончания восьмого курса, прошли с испытаниями всех характеристик и свойств времени, которые можно охарактеризовать одним словом – ВСЁ! Нас ещё заставили собирать материал и защищать диссертацию, но это не в счёт. Я пытаюсь вспомнить, что я сделал полезного для сообщества государств, за это время? А, ничего: несколько раз принимал участие в раз-

личных комиссиях, пару раз в третейский суд привлекали – разбираться в спорах каннибалов с людоедами. Каннибалы мне больше нравятся, едят всех, кого поймают, а вот людоеды – гурманы, блин! Спасибо Акве и формуле воды, помогли оторваться от преследования и избежать наказания. Поиск материалов для диссертации, привёл меня снова на планету Игуа, на которой, один из моих бывших армейских сослуживцев подсказал неплохую идею, в укреплении защиты границ стран содружества. Он предложил создать дополнительное кольцо из вакуумщиков, по всему периметру, а, чтобы эти энергетические термиты не разбежались по всей вселенной, в поисках пищи, он предложил устроить специальные фермы, и снабжать вакуумщиков вкусными, вредными, энергоёмкими и опасными отходами. Иногда вакуумщики прорывались через периметр и промышляли на атомных могильниках. Да, что там отходы атомной промышленности, эти животные умудрились весь уран слопать у военных. При проверке ядерных полигонов некоторых государств, вместо страшных ракет, были обнаружены безопасные, красивые, муляжи. Эти термиты скушали всё, не повредив оболочки. К назначенному сроку, диссертация была готова. Мою защиту приняли, внимательно учёные изучили все полезные стороны моего труда, признали нужной и полезной, а главное, своевременной, и всю документацию, с расчётами и экономическим и социальным эффектом, отправили, сначала – в архив, а потом... ну, вы знаете куда потом отправляют всё

гениальное. Мне ещё повезло с повышением научной степени и с новым статусом, а вот Уссу, не помогла даже помощь жены. Она у него крупный бизнесмен. Броненосцы – самые умные создания нашего содружества, только учёные из них не получаются, у них с фантазией туговато. Усс – он больше практик, а не теоретик. Вместо никому не нужной писанины, он изобрёл парфюмерные красители, его жена тут же схватилась за идею, реализовала свой бизнес – план в производство этих безвредных красок, и загнала, первую пробную партию – в страну демонов. Говорят, в тёмных мирах кое-кто локти кусал, что эта идея не им пришла в голову. Демоны тяготились своей безликостью, им трудно было создать пару, а семью ещё трудней. Не смотря на массу неприятных свойств, которых наградили демонов всепланетные сплетники, демоны были очень музыкальны и чувствительны к малейшей фальши, хоть в музыке, хоть в жизни. А с появлением парфюмерии, макияжа, разнообразия цветов окраски – у демонов началась новая жизнь. Молодёжь приняла все изменения «на ура». Особенно девушкам, им нравилось быть видимыми, они старались показать свою красоту и непосредственность. Появилась мода, стиль, дискотеки и общества по интересам. Города демонов привлекли туристов. Семья Усса в самый кратчайший срок, стала одной из самых богатых семей содружества. Только защиту диссертации ему зарезали, дали дополнительное время, и бедный товарищ продолжал изобретать материальное, нужное, но не научное и по

мнению учёного совета – совершенно бесполезное для государства, пока его не пожалела жена и не купила ему всё: и диссертацию, и комиссию и научную степень – и всё это на изобретения мужа. Четыре года пролетели, как один день. Наш контракт с академией закончился, и два новоиспечённых специалиста были вызваны в деканат. Со мной разговор был короткий: педагогический коллектив не нашёл во мне способностей к преподаванию, а Уссу предложили контракт ещё на два года. Броненосец взвыл! Я воспользовался всеми известными мне способами и испарился, прямо в стенах академии, не дожидаясь вердикта о нашей дальнейшей судьбе. – Свобода! Этот раз меня дома никто не ждал, видимо даже календарь Огневицы дал сбой, не ожидая моего появления. Я решил отдохнуть от этого колоссального объёма знаний, от этой, казалось бы, бесконечной учёбы, мои ноги сами несли меня к ускорителю. Ещё двери средства передвижения, не успели раскрыться в коттедже, как два подросших чудовища с рычанием и скрежетом зубов кинулись мне навстречу из моего кабинета. Но потом случилось чудо – монстры принюхались, и им мой запах показался родным, знакомым. Они заскулили виновато, и ползком стали приближаться к двери ускорителя, выпрашивая у меня прощение. Я, без боязно, погладил обеих. Дети Ланы выросли, они были настоящими хозяевами на побережье. Я бродил по пустому берегу, два щенка не отставали от меня, только не Ланы, ни Аквы, никого больше не было. На берегу валялось два бочонка из-под

детского драконьего питания, значит королева, всё же навевается на этот берег, и он не такой уж пустынный, как мне показалось по началу.

– Дэн! Дэн, где ты?

Так называла меня только жена. Оба моих сопровождающих, с рычанием, кинулись на голос.

– Нельзя! Нельзя!

Но животные не реагировали на команду. Они росли дикими, бесконтрольными, королева их подкармливала, а на воспитание малышей, у неё времени не было. Хлопнули двери коттеджа, я понял, что жена успела спрятаться, и для неё эти пробежки не впервые. Я успокоил животных, и пошёл выручать жену.

– Как, тебя эти ужастики не съели?

– Как видишь! Я не плохо лажу с ними, только они не ручные, совсем дикие, не дрессированные.

– А где Лана? И Аквы нет.

– Уехали все, не попрощавшись, как будто я кого обидела. Аква всё потомство с собой забрала, и пропала, вместе с «бутербродом». Лана заскучала, два дня выла, потом тоже пропала. Так что воспитанием щенков заниматься некому. Иногда королева прилетает, я её спросила за подругу, она молчит. Каждый раз так, помолчит, помолчит, накормит щенков и в своё королевство. Странно как-то, не понятно.

Пока не прилетел Сармат и всё объяснил.

– У Гандз всегда так: если самка дала потомство и икра

оказалась жизнеспособной, то она живёт только до появления мальков, за которыми заботится их отец.

– Ты только маме это не рассказывай, хорошо.

Мы с малым слетали на море, бросили в воду венок из перьев жар птиц. У каждого из нас, на груди был брелок с живой водой, созданной по формуле Гандз, это была память об Акве – говорящей с водой. Наше блаженство не длилось вечно, меня с Уссом вызвали, по повестке, в совет. Официально. Никогда такого не было. Рыцарей вселенной встречал сам Нелюдь. Нас поздравили с окончанием академии и каждому выдали на руки направление с новыми назначениями: меня послом в тёмные миры, а Усса в запрещённые земли, командиром укрепрайона. Сзади раздался знакомый, вечно недовольный голос:

– Таких талантов, и в самую глушь!

Я повернулся: в коридоре, на проходе в зал совета, стоял Линод. Как давно я не видел старика. Я поздоровался. Линод теребил какой-то лист.

– Направление? – спросил я.

– Ага. На пенсию!

И Линод растаял. Я ещё успел заметить слезинки, блестящие по краям глаз. Он не хотел, чтобы кто-то видел его бессильным и не нужным. Вскоре профессор растворился в пространстве и времени, но меня уже не было в этой вселенной. Меня вообще не было, был кто-то другой, но не я, и не здесь.

Этот раз мы не спешили, я принимал дела от первого кон-

сула посольства. Трагические события на границе тёмных миров четырёх драконов, не дали мне встретиться с послом. Вернее, мы встретились в пути, на земле демонов: четыре быка, впряжённые в телегу, напоминающую лафет дальнобойного артиллерийского орудия, тянули огромный гроб. Посол был сухопутным китом. Мы проходили в академии его планету. Первый консул всё повторял: – Он обладал такой мощью, такой мощью, что в посольстве никто не верил, что его убили. Пока шло следствие, первый консул исполнял обязанности погибшего посла. По версии сослуживца, кита заманили в ловушку и сварили заживо, в расплавленном олове. Даже труп, выглядел больше, как статуя посла. Это было ужасно! Я стал понимать, почему так издевались над нами в академии. Границу мы пересекли ночью. Я спросил у консула:

– Кому из баронов мне нужно передать верительные грамоты?

Консул не понял, а потом улыбнулся. Нам в академии совсем мало рассказали за тёмные миры, наши страны больше воевали с ними, чем поддерживали дипломатические отношения, поэтому можно считать, что мы совсем ничего не знали про эти земли. – Четыре барона – это не люди, тёмные миры поделены на четыре части, и условно, и территориально – юг, север, запад и восток. Каждая часть, как ориентир, имеет свою горную вершину, вот эти вершины и называли баронами. Есть легенда о первых правителях этой страны,

о живых баронах, которые воевали между собой и со всем окружающим миром, но судьба заставила их объединиться, перед лицом смерти, они погибли, сражаясь с общим врагом, и великий Космос превратил их в горы. У каждой горы своё имя. Местные шаманы тебе лучше расскажут историю государства, а я, по мере своих сил, постараюсь, чтобы ты скорей вступил в должность посла и не повторил ошибки некоторых. Дипломат не говорил всего, он полагался на профессиональную привычку – кое-что утаивать и скрывать. Не люблю не откровенных существ, но ценой откровения дипломата – была его жизнь. На сдачу, в этом мире не проживёшь – калек и неудачников нигде не любят. Иной раз – лучше умереть, чем превратиться в фарш! Я его понимал, поэтому старался сдерживать эмоции.

Не знаю, как это он может? Мы только пересекли границу тёмных миров и распрощались с таможенной. Наш кортеж пограничники не задерживали, значит какой-то дипломатический иммунитет работал и в этих местах. Я в карете был один, вокруг было темно, и я уже хотел зашторить окно, когда передо мной мелькнули глаза. Что не нравится мне в Неясыти, так это его идиотский ужасающий смех, и преобразование. Какой бы образ контрразведчик не принял, сначала вы видите гипнотизирующий взгляд, жёлтые, не мигающие глаза, а потом всё остальное, если вам будет позволено увидеть. Неясыть незаметно влетел в карету и преобразился. Неясыть был похож на местного жителя, он задернул штор-

ку кареты. Я не задавал вопросов, если Неясыть появился, значит так нужно.

– Я здесь негласно. Меня совет послал для твоей охраны. Не каждый день у нас послов убивают. Значит и на тебя может быть нападение.

Я уже был не мальчик, контрразведчик тоже не договаривал. Меня на мякине не проведёшь! Я знал: его точно направил совет, только задача у начальника контрразведки другая – ему нужно разведать обстановку, и по возможности, помочь следствию. Как бы не были фанатичны жители тёмных миров, но смерть посла сообщества государств была не в их интересах. Кто-то стравливал два государства, и это уже не в первый раз, надо точно было знать, кто? Для этого Неясыть и направили сюда. Меня только интересовало, что ему от меня нужно? Я знал, что он был не сторонник нетрадиционных методов передвижения, говорил, что в полёте всё видней. На этот раз, я кажется себя переиграл. За окном была темнота непробудная, фонарь на дорогах ямщика, освещал тусклым светом дорогу.

– Скоро мы въезжаем в горы. Я проведу разведку. Если и делать засаду, то только здесь. Грестарх, не мог бы ты, на пол часа, куда-нибудь исчезнуть? Что-то тревожно мне.

Неясыть опять перекинулся птицей и подождал, пока я не исчезну из кареты. Я давно заметил, как мой организм реагирует на опасность: я опять захотел есть и очутился в чебуречной, возле киностудии «Мосфильм». Людей было валом,

все в гриме, массовка, наверное, какая-то, и только официантка принесла заказанную мной порцию, в чебуречную ввалился какой-то лохматый тип:

– Всё, перерыв закончен, все на выход, все на площадку!
Дубль три.

Меня вынесла толпа, подскочила какая-то девица, обмазала краской, её помощники укутали меня бинтами, и я, вместо чебуреков, валялся на бруствере окопа, с противотанковой гранатой в руке. Потом был взрыв, и таймер желаний вернул меня в перевернутую карету. Пол часа прошло. Нападение, всё же было, рядом в агонии бились лошади, а ямщику камнем размножило голову. Охрану, наверное, снесло в пропасть, я не видел, ни солдат, не лошадей. Первый консул тоже отсутствовал. Появился Неясыть. Первого консула вели его люди, с мешком на голове, по горной тропе, вниз. На засаду, была своя контр. засада. Но, как по сигналу, все арестованные, участвующие в операции, упали на землю, как кто выключил свет. Их было трое. Они были все мертвы, четвёртым упал первый консул. Никто не знает, может быть он был не виноват, но врачи после определяют – скончался от инфаркта, сердце не перенесло стресса. Неясыть заглянул в карету:

– О, великий космос! Что с тобой?

– Кино, блин, хотел чебуреков в Москве попробовать.

Неясыть не стал разбираться:

– Хорошо! Прекрасно! Пусть все так и остаётся. Дубль

четыре.

– Не пойму, что хорошего?

Но Неясыть уже не слышал:

– Лежи тут, и жди, когда тебя спасут. Для твоей встречи Великий Визирь выслал целый отряд солдат, которые должны препроводить тебя во дворец хана. Они на подходе, потерпи.

Неясыть взмахнул крыльями и растаял в темноте, унеся с собой запах московских чебуреков. Меня поражало – как эти миры похожи на мою Землю! Казалось, что какой-то из наших народов затерялся на просторах вселенной, чтобы возникли эти миры. Ничего удивительного, мы же находимся в одной плоскости – в плоскости тёмных миров! И люди похожи на местных жителей, и горы, и истории, даже методы тайной войны и устранения неугодных фигур. Мою семью совет не позволил взять с собой, спрятал её, даже от меня. Лиана закончила школу волшебства с отличием, а Сармат стал монахом в стране Гандз – это философия война, для посвящённого честь её изучить. Я не знал, но Всевлас тоже был монахом, тесен мир! Огневица приняла с достоинством новый удар судьбы – испытание разлукой. Она была женой рыцаря вселенной – статус обязывал переносить все удары стойчески, с гордой, высоко поднятой головой, и на ногах. Я подсчитал, как мы мало прожили вместе, с женой! И, как много мы успели потерять друзей! Я лежал в больнице, с меня смыли всю краску, врачи не находили повреждений, по-

считав, что мне очень повезло. Меня проводывали целые делегации, приносили соболезнование моей стране, в связи с гибелью посла и радовались, что покушение на меня оказалось неудачным. Меня называли Карнуш ага – счастливчик. Я уже не возмущался, просто привыкал к новому имени, а страна, привыкала к новому послу. Прошло больше года, я изучил язык, веру и традиции этого народа, расследование убийства посла зашло в тупик, виновных не нашли, замяли и покушение на меня, никому это было не нужно. Неясыть меня больше не посещал, видимо посчитав своё дело выполненным. И я уже начал привыкать к своей должности и работе, когда случайно в свите хана я увидел его. Сразу вспомнилась академия, послание Неясыти, и странные картинки, мелькающие перед глазами – «пройди мимо, как около чужого». Я никогда раньше его не видел, только во снах. Он был не враг мне, но повсюду меня сопровождал, наши пути редко пересекались, но расходились и сходились постоянно. На нём была богатая местная одежда, золотом вышитый халат и шаровары, вместо тюбетейки, мехом отороченная шапочка. Я сделал вид, что не узнал его, и прошёл мимо. Это был Корчег. Он тоже узнал меня, я это смог почувствовать. Я вспомнил слова Волхва: Клан птиц будет оберегать тебя, где бы ты не находился.

– Но, он же вычеркнут из списков клана.

– Корчег – это Кошун, в списках клана.

– А Челстуг?

– А, Челстуг – это Челстуг, его нет и никогда не было в клане птиц. Он принадлежал к потустороннему миру. Драконы тоже умеют летать, но они не птицы!

– Челстуг из колдунов?

– Челстуг ящер.

– Ты же умер, Волхв! Как мы с тобой разговариваем?

– Ты спишь, а во сне, говорят, даже камни!

На следующее утро я встал с тяжёлой головой и абсолютно не помнил, что мне снилось.

Глава 18

Мы жили во дворце, в посольском дворце. Несмотря на то, что наше посольство было собрано из разных существ, похожих на местных жителей, я был единственным землянином в посольском кортеже. Всё-таки, существовало какое-то табу на запретные миры. В совете мне объяснили, что в запретных мирах мало посеянных, а люди гибнут при транспортировке, между мирами, у них ослаблен иммунитет к перемещениям.

– А, как же Думан? Он же был человеком?

– Думан не был человеком! Думан даже не был посеянным.

На этом все разговоры в совете прерывались. Нелюдь намекнул, чтобы я не отвлекался на расспросы, а занимался своим делом, не отвлекал контрразведку своим любопытством. Пришлось смириться с отсутствием земляков. Эта работа была хуже учёбы в академии. Нет, на мозги никто не

капал, но на встречу с семьёй можно было не рассчитывать. Я даже не знал, где они находятся. Я понимал, что это было в интересах государства, и в моих собственных. Про место нахождения моей семьи не знал никто, несколько раз Челстуг у меня спрашивал, насчёт Огневицы и детей, я не знал, скрывали эту информацию, даже от него. С тех пор, как я начал работать послом, много что произошло. Пропала Озорница с детьми и мужем. Мужа, уж точно, где-то на Земле спрятали, «выхухоль» – человек, а за остальных не знаю. Я никого не искал, и старался меньше разговаривать на эту тему, контрразведка не дремлет, ухитряется прослушать каждое моё слово. Меня и так, насчёт Думана, вызвали, и посоветовали забыть про его существование. Мне немного позже Неясыть рассказал, где производят таких Думанов, и для какой цели. Контрразведке удалось пятерых выловить, и все, как братья близнецы, только истории у каждого разные. Наш дворец находился под двойной охраной, нас ещё охраняли люди хана, я за время своей работы, каждого охранника знал в лицо, а ещё я знал, что по всему периметру спрятаны камеры, жучки и глазки для тайного подслушивания и просмотра. Нас только спасало то, что в этом мире никто не верил в «чудеса»: человек не может плавать, потому, что его за ноги будут хватать утопленники, человек не может летать, его закроют птицы, человек не может читать мысли других, потому, что сойдёт с ума, подсмотрев, что творится в голове собеседника. Поэтому хан упросил совет, прислать в качестве

посла, человека, хотя бы, на время, пока не закончится следствие, но человека, а не лошадь или бегемота. Я, наверное, попал под раздачу?

– А почему «тёмные миры»? – спросил я у консультанта. Насчёт баронов, я уже выяснил.

– Тёмные миры? А, шут его знает? Наверное, потому, что здесь всегда сумрачно. Страна горная, не ветреная, здесь всегда одинаковый климат, даже в сезон дождей, температура не сильно падает.

– А, почему население – загорелое?

Действительно, кожа у людей имела приятный кофейно-молочный оттенок. В долине города, семьи, цивилизация – в долине люди живут, а работают в горах, там совсем другие условия: ужасные ветры, близость звёзд, радиация, нехватка кислорода, мороз по ночам и туманы.

– Облака?

– Для кого – облака, а для кого – туманы. Они в горах всегда, конденсируются на холодных скалах и стекают ручьями в долину, превращаясь по пути, в реки и убегают из этого мира, к тёплым морям.

Вода в ручьях настолько холодная, что не даёт нереститься рыбам. В горных ручьях никто не живёт: ни змеи, ни черепахи, не лягушки.

Меня, как-то в горы не тянуло, я знал, что именно там сосредоточен весь научный и промышленный потенциал страны. Сухопутный кит, всего пару раз наведаясь в горы, и к

чему это всё привело.

– Не нужно было нос совать, куда не следует!

На этот раз Неясыть вылез из зеркала, меня инструктировали – это был резервный портал в столицу нашего государства. Неясыть держал в руке кучу оборванных жучков:

– Вот, по дороге насобирал.

Значит проход засвечен. Для себя, я решил, что если буду выбираться из этой страны, то только при помощи формулы воды, подальше от этой шпиономании, с этими не понятными порталами, с непроверенными ускорителями, нашпигованные секретной аппаратурой.

– Я к тебе вот по какому случаю. Ты, когда последний раз Челстуга видел?

Я рассказал контрразведчику о моей последней встрече с братом жены, меня тогда поразили его вопросы, он знал, что в посольстве ведётся круглосуточный шпионский контроль, и, как нарочно, разговаривал громко, небрежно, задавая скользкие вопросы личного характера. Мне, откровенно, не понравилось поведение свояка. – Знакомая технология, мы совсем недавно столкнулись с ней. Спасибо демонам, они первыми заметили подмену, и первые, заострили наше внимание на необъяснимом. Три года наша служба, по крупинкам, собирала информацию о двойниках. Вражеская разведка работала нагло, грубо, но добивалась ошутимого эффекта от своего вторжения. Не буду, пока, называть страну, но именно там, научились создавать копии любых существ, со-

здавая полу роботов – шпионов, которые копировали всё, от походки, до внешних привычек, всё было идентично с оригиналом – и отпечатки пальцев и сетчатка глаз. Они впервые споткнулись на Челстуге и допустили ошибку, на которую мы раньше не обратили внимания, до той поры, пока не начали наблюдать за объектом. Мы с Неясытью разговаривали в ментале, он был замаскирован под какого-то технического работника. Неясыть знал, что наш разговор ограничен моим восприятием телепатического общения – у меня раскалывалась голова и через пять – десять минут, из меня ничего невозможно было выжать.

– Какие вы всё-таки нежные существа – земляне? Даже посеянные – ошибка природы!

Я не реагировал на междометия Неясыти. В следующий раз Неясыть появился в моей спальне, и не вылезая из трюмо, сообщил: проститься заглянул. Сегодня завершилась, начатая нами операция: ликвидировано три Корчега, шесть Челстлугов, на разных планетах. Я не понял.

– А тебе и не надо понимать. Теперь можно рассекретить планету, догадавшеюся воссоздавать и применять копии живых существ для шпионажа. Планета пиратов, единственная из планет, с которыми мы вынуждены иметь дело, и которая обладает технологиями, не подвластными нашим учёным. Каждое существо с момента своего рождения, включает обратный таймер времени, заканчивающий свою работу логической смертью. Пираты относятся к не большой разно-

видности существ, которым удалось выключить этот таймер и провести чёткую грань между жизнью и смертью. Планета пиратов небольшая, она не имеет многого: не имеет государственного построения (в нашем понятии), там нет абorigенов, и никогда не было, обладая самыми современными средствами защиты, там нет армии. Два раза были предприняты попытки оккупации планеты, и оба раза неудачные. Никого атакующим не удалось взять в плен, большая часть армии погибла на подходах к планете, а тем, которым посчастливилось добраться до желанной тверди, не посчастливилось выжить. Армия пришельцев, так и не поняла, с кем воюет, и почему в этой войне погибают только их солдаты. За два дня война была закончена, акт капитуляции передавать было некому. Создалось такое впечатление, что эти армии уже были изначально мертвы, пересёкши границы планеты Пиратов. Мы не очень много знаем о жизни сообщества пиратов – существ, со скандальной репутацией, не знаем о количестве населения этой планеты, знаем только то, что на крошечном «островке» вселенной, отвергнутыми учёными, не признанными мировой цивилизацией, удалось построить жизнедеятельное сообщество, которое по уровню развития, перегнало многие миры. Пираты были лидерами всех видов шпионажа, от технического, до бытового. Пиратам платили дань все миры, находящиеся за чертой научного прогресса, к сожалению, и наше содружество государств, и Гандзы, и тёмные миры. Все. Но пиратам этого было мало, они навя-

зывали нам сложные шпионские игры, от скуки, на верное?

Неясыть намекнул:

– Ну, мы тоже, не лыком шиты! Сегодня окончательно разобрались с их шпионами.

– Скажи друг, а где настоящие Корчег и Челстуг?

Зеркало замолчало, я уже думал, что закончился сеанс связи, но оно успело сказать:

– Не знаю. Ищем.

А потом, чтобы отвлечь от тяжёлых мыслей, Неясыть стал рассказывать о секретной технологии оборотней.

– Они специально задают громкие провокационные вопросы, записывая ответы в ментале. Я никогда раньше не думал, что мысли можно записать. Но для пиратов нет невозможного, на то они и пираты – воруют мысли целых планет, сканируя их круглосуточно. И если ты видишь яркий, красочный сон, с эротическими фантазиями, это совсем не значит, что кто-то не любит вместе с тобой его содержанием, сопереживая сюжет, выданный мозгом, как награду за тяжёлый день. Чтобы быть лучше всех во вселенной, наверное, большая часть планеты работает аналитиками, просеивая чужие мысли. А, ещё есть и концентраторы – это учёные, которые подводят научную базу и воплощают чужие идеи в жизнь. (Попробуй потом доказать, что «Буратино» – это плагиат, сворованный герой из чужой сказки.) Я ещё пришёл к тебе, чтобы предупредить, чтобы ты не строил далеко идущих планов. Вскоре, по решению совета, тебя отзовут

из посольства. Ты ВРИО, в тёмных мирах и ты это знаешь. Следствие о убийстве посла уже закончено, известен организатор и исполнитель этого чудовищного убийства. Ты нам очень помог в расследовании, твоё появление отвлекло большие силы организатора, и он занервничал, стал делать ошибки и вынужден был обратиться к пиратам, для твоей ликвидации, с последующей заменой. Но мы раскусили его план, сымитировав твою смерть и изолировав двойника. Вернёшься в столицу, я покажу тебе его. Твоя жена сразу определила, что это не ты, сославшись на интуицию. Я понимаю, что ты, Грестарх, жалеешь о проделанной работе, и понимаешь, что инициатива о твоём отзыве из посольства, исходит из отдела контрразведки, но поверь мне, у нас нет выбора: пропал Усс. В районе планеты пиратов. Кто, как не ты сумеешь определить настоящего Усса? И узнать, почему он удостоился такой чести – пленения сверхдержавой пиратов-анархистов, с созданием двойника. Раньше пираты не трогали энергоидов, даже они вынуждены были признать, что создание двойников этих существ, не выполнимо. Всё случилось так, как сказала ночная птица: меня не только отозвали из тёмной страны, мне дали неделю пообщаться с семьёй, которая больше года находилась в мире испорченного времени, вынудили выйти в отставку, и в приказном порядке, я был вытурен за пределы государства, как личность, предрасположенная к политическому терроризму.

Честно, я плохо понимал, что это такое, пока не появился

Неясыть и не объяснил мне, что это такое, двумя словами
– Так надо!

Меня выкинули в запрещённых мирах, как врага народа, без средств существования, в зоне жёсткой радиации. Я, в течение несколько секунд потерял сознание, очнулся под землёй, в убежище. Неясыть ждал, когда я приду в себя. Он пододвинул мне стопку свежих газет, на первых страницах которых мелькали красочные заголовки:

Убийство бывшего посла тёмных миров! Смерть в кулуарах политики! Обвинён и невиновен – цена предательства!

– На, полюбуйся! Я отодвинул эту кипу макулатуры от СМИ. Моя жизнь чётко вписалась в график гиперболы: ещё месяц назад – уважаемый человек, неделю назад – никто, отставник, день назад – изгой, враг отечества, а теперь – покойник, я молча смотрел на Неясыть, который с удовольствием читал мои мысли в ментале.

– Твоя работа?

Неясыть моргал своими крупными, красивыми глазами

– Это совет решил. Так надо. Чтобы спасти тебя, и ты случайно не стал разменной монетой. Кто-то ударил по замыслам пиратов их же оружием – проникнув в один из центров по производству двойников, перепрограммировал оборотней и активировал их новые задачи. Теперь двойники работают против их создателей. Грестарх, во вселенной началась настоящая война – оборотни против пиратов, и оборотни побеждают в этой войне.

– А, я, то, при чём?

– А, ты ещё не понял? Все оборотни скопированы с тебя. В данный момент, миллионы Грестархов атакуют планету пиратов, и если противники не придут к компромиссу, то планета будет взорвана, заряд уже заложен, время пошло. Поэтому мы спрятали тебя здесь и симитировали твою смерть.

– А что случится, если копии победят?

– А я что, не говорил? После решения задачи, оборотни само ликвидируются.

– Я не понял, а в чём смысл войны? Победит кто?

– А победит тот, кто в этой войне не участвует. Пираты обнаглели, а наглость должна быть наказуема.

Время от времени, мне приводили Уссов для опознавания, к сожалению, это были неудачные копии, их тут же ликвидировали в аннигиляционной камере, при изучении копий была странная закономерность, все копии друга, как будто сошли с ума. Войны Неясыти вылавливали их по всем планетам вселенной, не было никакой закономерности в создании сумасшедших броненосцев, но всё же, контрразведке удалось выйти на след лаборатории-производителя оборотней, в кевларовой защите, и после захвата тщательно охраняемых помещений, мне привезли настоящего Усса. Друг меня не узнавал, но это не важно, главное я его узнал. Неясыть удивлялся:

– Как ты его определил?

Он знал, что я общаюсь с энергоидом только в ментале,

он подслушивал нас. Неясыть не знал одного, что я с Уссом провёл двенадцать лет в академии, и терпеть не мог его идиотского свиста. Так перевернуть мелодии мог только Усс, с его абсолютным неимением слуха. Уссом занялись врачи, после психологической обработки пиратскими психологами, другу требовался покой и качественная пища. Неясыть намёк понял, и Усса потянули на зарядку. Усс летел по коридору, звенел звеньями брони и плакал. Вы видели когда-нибудь, как плачут броненосцы, в которых нет ни капли воды. Вода для броненосцев – смерть! Я видел это дважды – страшное зрелище. Я не представляю, какой мразью надо быть, чтобы довести невозмутимое, волевое существо, до подобного состояния. Мне Усс потом признался:

– Я до последнего боролся с желанием, чтобы не взорвать эту планету, вместе с лабораторией, с её рабами и этими извергами, которые пытали меня, морили голодом и проводили различные опыты, облучая смертоносными лучами.

Усс остался инвалидом, он так и не смог восстановить свой потенциал. Усс до последнего не верил, что его спасут. Неясыть всегда был при мне. Вдруг сработала сирена, и планета вздрогнула, даже, сквозь стены бункера, я услышал взрыв, за ним другой. Все, кто находились в подземном помещении, не удержались на ногах.

– «Финита ля комедия», никогда не замечал за Неясытью способностям к иностранным языкам.

– Не пришли к соглашению. Планеты пиратов нет! Мы

победили! Игра закончена.

– А мне теперь как быть?

– Как хочешь. Ты теперь свободен, все мы свободны.

Я, только и ждал этой команды, и по формуле воды, направился к семье, в миры испорченного времени. Но, всё же, я успел побывать в руках пиратов, в тёмных мирах, они что-то изменили в моих перемещениях, и я, вместо гостеприимного палисадника своего временного дома, очутился в самом центре сталеплавильной печи, и сверху на меня лился раскалённый металл. Это было моё последнее воспоминание о мире совета государств.

Этого мальчика привёл кто-то из социальной службы, его нашли около бассейна, в центре города, он говорил на непонятном языке и совсем не помнил, как очутился в нашей стране – Грейленд. Центр психологической адаптации поможет этому ребёнку найти своих родителей!

– Доктор Гилуш! Как часто в ваш центр стараются подкинуть детей?

– Случается, но в таком возрасте, впервые.

На этой ноте, корреспондент телерадиокомпании закончил своё интервью о дневных происшествиях в городе. Я не помнил, кто я, и откуда взялся, но то, что нахожусь в тюрьме, это сообразил сразу. Когда я впервые увидел себя в зеркало, я испугался и у меня началась истерика – в зеркале был не я, и это была не тюрьма, а приют для бездомных. Каждый день

ко мне приходил логопед, по мнению местных специалистов я не только не выговаривал восемь букв грейнского языка, я, как дикарь, не мог, вообще говорить. Учёные терялись в догадках, в каком землячестве я рос, пришли к выводу, что я потерял память, при загадочных обстоятельствах, и начали меня снова учить языку. Самое обидное, язык я знал, и не один, но в этом мире никто не разговаривал на этих языках. Я изучал новый для меня язык, мысленно переводя слова: повторяя вслед за учителем:

– Ложка, кружка, рука, палец... сплошные шипящие звуки.

И мир этот был каким-то странным – Грейпис, и страна, такая же – Грейленд, и живут в ней не люди, а греи. У них нет одежды, они заворачиваются в большие пелёнки, используя массу всевозможных заколок и прищепок. При этом невозможно, ни по одежде, не по причёскам, отличить женщин от мужчин. Это был, на первый взгляд, какой-то однополюный мир. Но, всё-таки у женщин голоса были выше, чем у мужчин. Я потерялся, меня, наверное, потеряли, я помнил, что вылез из бассейна, но кто меня туда положил, и зачем, я не помнил. В приютском журнале меня записали:

– Милаш, что значит мокрый, на грейнском.

На многочисленные запросы меня никто не опознал, усыновлять меня тоже никто не хотел. Мне записали мой приблизительный возраст – восемь лет и решили оставить, пока в центре, чтобы продать, потом, в кадетский корпус. Туда

принимают детей с десяти лет, предпочтение отдаётся сиротам, так что я подхожу по всем параметрам. Язык я изучил за полгода, по обучению, я перегнал одноклассников в математике, физике, химии. Никто не интересовался, откуда у меня эти знания. А я ничего не помнил из прошлой жизни. Я начинал свою новую жизнь с чистого листа, со своих восьми лет в приюте для беспризорников. Это была моя жизнь, другой я не помнил.

Глава 19

Море штормило семь дней. Командир военной плавбазы делал ежедневный вечерний обход подразделений. Этот раз он начал с морских пехотинцев. Неделю назад к ним прибыло пополнение, курам на смех – из кадетского корпуса, мальчишкам от десяти до четырнадцати лет, с ломающимися голосами и с дерзкими характерами, абсолютно не поддающиеся дисциплине. Половина из них бывшие беспризорники, норовящие стащить что-нибудь ценное, вкусное, или, что плохо лежит. Их распределили по каютам, и матросы, как могли, старательно объяснили мальчикам, что воровать – это не хорошо, не по-морскому. Салаги всё правильно поняли, в своих каютах ничего не брали, а в чужих, сам морской бог велел. На третий день разгорелся скандал: боцман нашёл свой кортик с ножнами, инкрустированными золотом, под кроватью курсанта кадетского корпуса. Малец оказался ежистый, пошёл в полный отказ. Подкинули мне говорит, а кто подкинул, не знаю. Придраться не к чему, не пойман –

не вор. Боцман разъярился, решил мальчика по-своему проучить, отвесив лёгкую зуботычину, пускай привыкает к тому, что на десантной плавбазе боцман всегда прав. Не знаю, может-быть боцман силу не рассчитал, или малец увернулся, но младший офицер взвыл от боли, рука у него треснула в трёх местах. Очевидцы говорят, что боцман палубу обрабатывал. Боцман опешил от внезапного сопротивления юнца, решил довершить свой воспитательный план, хуком левой, но промахнулся, и попал по своей собственной челюсти. В медсанбате наложили гипс на обе руки и вмонтировали проволочные клипсы на нижнюю челюсть. Боцман, на все вопросы добросовестно мычал, и его никто понять не мог. Матросы поддёргивали, спрашивали:

– Кто его так?

Боцман не помнил, для него, все кадеты были на одно лицо, при виде этих белобрых, улыбающихся веснушчатых физиономий, у боцмана вставали дыбом волосы. Уж кто, кто ждал окончания шторма, так это младший офицер. В госпиталь, подальше от этих малолетних бандитов! Командир закончил осмотр, на палубу подыматься не стал, знал, что караул службу несёт исправно, и стрелки у орудий не смыкают глаз. А ещё он знал, что в шторм ящеры уходят на глубину, и атаки не будет.

Ветер закончился, Пустельга, за пять лет, так и не смог привыкнуть к этим грейлендским ураганам. Ему повезло: он не сильно деформировался и сохранилась память. Он пом-

нил, что был в клане птиц совета содружества государств, одним из воинов тайного фронта Неясыти. Он успел получить отзыв на планете пиратов и уже был готов к отбытию в волшебные миры. На космодроме их загрузили в капсулу, это было одно из последних изобретений учёных, с элементами останова времени. Перемещение должно быть мгновенным и безболезненным. Стюарт выставил таймер и направление. Он не успел нажать кнопку, это Пустельга помнил точно. Потом резкая перегрузка, и мы здесь. Он не понял, что случилось, но это были не волшебные миры. Кабина была набита под завязку, из кабины, живыми удалось выбраться всего двум существам. Кабина валялась на берегу, перевёрнутая, без направляющих и искорёженная. Напарник, которому удалось спастись, был похож на земляную черепаху, с головой гуманоида с симпатичными рожками, похожими на антенну, с ногами и руками. Это был интересный субъект, он разговаривал, не переставая. Мог ходить, бегать, прыгать, но лучше у него получалось плавать. Его звали Квин. Пустельга, не помнил своего имени, у него их было столько, что он откликался на любое. Его так закодировали ещё перед отправкой на планету пиратов. Ему, по прибытию на планету, удалось устроиться в магазин электроники. Каждый год он проходил проверку спецслужб, и всегда удачно. Средство связи Пустельга прятал в озере, рядом с водопадом, это почти в центре города, в зоне отдыха. Из всех разведчиков, он первым и узнал двойников Челстуга на планете пиратов.

Но судьба зло подшутила над юношей. Первые три года Пустельга ещё надеялся вернуться назад, в свой мир, но, когда понял, что это невозможно, он не отчаялся, предпринял попытку реализовать себя здесь – в чужом мире, даже в чужой вселенной. Три долгих года ушло на изучение планеты, на адаптацию к окружающей среде, и, чтобы привыкнуть к обитателям этого мира. Пустельга, по характеру был общительным и легко сходилась с населением, он анализировал полученные знания и пытался понять, что произошло. Эту планету, в один миг, населили существа, прибывшие из других миров. И это не все: в первый год межпланетного переселения, планету завалило трупами монстров, которым не повезло с атмосферой, с климатом, с магнитным полем. В основном, это были транспортники, перевозившие руду и другие товары. Они так и падали со своими транспортными средствами, не в силах преодолеть притяжение планеты. Пустельга, предположил, что случился какой-то катаклизм, ещё в тех мирах, полностью уничтоживший всю электронику спецсредств, и их затянуло в одну из чёрных дыр, с которыми постоянно экспериментировали пираты. Первым неприятным сюрпризом было то, что сила тяжести на этой планете была вдвое больше, чем на планете пиратов, и в полтора раза превышала силу тяжести волшебных миров. Пустельга, худой и энергичный, от рождения, чувствовал здесь себя неповоротливым индюком. К этому было трудно привыкнуть, но куда деваться. Пустельга, шутил, если бы сейчас вернуться в свои

бы мира, то меня называли бы – кузнечиком. Первыми были, с кем встретился представитель клана птиц – дискоголовые, не знаю, из какого мира их принесло, но они оккупировали все прибрежные острова, по натуре, были не злобны и миролюбивы. Их головы были похожи на тор, а у некоторых на эллипс. Они и отличались друг от друга строением головы, голова росла из шеи одной стороной тора, а на второй помещалось всё остальное – все, похожие на наши, органы чувств и радар. Казалось, что у этих существ нет мозга, но это не так. Антенны, как папилломы, крепились по всей голове. Не знаю, зачем им радар был нужен в прошлой жизни, но он был, и не являлся рудиментом, дискоголовые пользовались радаром постоянно. Из местной пищи им понравились улитки и различные без позвоночные рачки и креветки. Без радара их тяжелее было бы обнаружить. Даже великое божество у дискоголовых было похоже на бублик. На ногах, на руках, по всему телу островитян, были браслеты из колец, украшенных драгоценными камнями. Дискоголовые гостеприимно отнеслись к Пустельге, и удивились, что он не ест улиток, а предпочитает вареных крабов и рыбу. Пришельцы, поселившиеся на берегу, создали свою страну – Грейленд, эти существа больше были похожи на жителей волшебной страны, но только очень агрессивны. Если островитяне сплели себе юбки и куртки из травы и кожи морских животных, то греи бегали, как куклы, закутанные в пелёнки, и чем больше на них пелёнок, тем выше статус. Я случайно

увидел правителя этой страны – он был похож на шар с глазами, и передвигался так, что со стороны казалось, что он катится. Солдат греи называли самуры, у всех военных была одна пелёнка, но её обматывали таким способом, что скрывали всё тело, на ногах были сапоги с высокими голенищами, а на глазах бесцветные очки из пещерной слюды. Кроме того, воины были экипированы щитами, подлокотниками, наколенниками, блинами для головы, и всё это было из крокодильей кожи или из шерсти буйвола. А ещё у них были копья, пики, арбалеты и кривые острые мечи. Но основным оружием самуров были ноги и молниеносная реакция на изменение событий на поле боя. Отдать должное войнам Грейленда, они могли, как грамотно наступать, так и обороняться, и оставление позиций, не считалось поражением. Наблюдатель за боем мог видеть, как самуры панически бегут, сбрасывая на ходу, горящие пелёнки, и оставаясь, фактически, нагишом. Но зачастую – это было тактическим манёвром, и погнавшиеся за ними огнедышащие ящеры, внезапно проваливались в ямы с кольями, или были захвачены другими ловушками. Физиология ящеров не позволяла им осматривать то, что творится над их головами, греи повсеместно пользовались этим недостатком, заманивая ящеров в зону действия камнепадных орудий. Ящеры уступали греям в смекалке, и на поле боя всегда оставалось множество туш поверженных рептилий. Раненые ящеры сражались до последнего, отплёвываясь огнём, часто сжигая себя и друг

друга. Они знали, что часы их сочтены, у греев множество способов, по добиванию раненых. В этих битвах не поймёшь, кто победитель, кто проигравший. Греи ненавидели ящеров, ящеры убивали греев, так было всегда, так было везде. Греи не пускали ящеров вглубь территории, ящеры топили корабли и нападали на плавбазы, защищая свой ареал. Пустельга за три года своего присутствия на этой планете, так и не понял смысла этой войны. По его разумению, она была абсолютно бессмысленной, не имеющей цели, какой-то патологический геноцид друг друга: убивать, чтобы убивать, никто из этих существ, никогда не стремился к компромиссу. Убивали даже того, кто старался предложить какой-либо договор. В этом вопросе оба народа были солидарны. Ненависть друг к другу объединяла их. Пустельга, видел ящеров на острове, но предчувствуя опасность, старался избежать встречи, уж больно он был похож на греев. Ящеры с дискоголовыми вели меновую торговлю, они общались, понятными только им знаками. Время от времени, на берегу появлялся спутник Пустельги, это единственное существо, с кем он мог поговорить. Квин владел волшебным языком содружества стран. Черепах тоже скучал за общением, и выплывал на берег, просто, поболтать. Квину удалось наладить контакт с ящерами, ему даже удалось устроиться к ним почти по специальности, из доктора наук, специализирующемся на элементарной физике, получился неплохой врач. Квин, за короткий период, в подводных реалиях, смог организовать производство зажив-

ляющих составов, на основе пенициллина. Появились антисептики. Квин создал целую медицинскую лабораторию под водой, с рабочими было сложно, но Квин и здесь вышел из положения. Взрослые ящеры были не приспособлены к физическому труду; в качестве тягловой силы, что только. Но суставы детей были гибче, детей можно было научить работать на конвейере, выполнять самые простые функции. Черепах, пользовался огромным уважением у ящеров, только, благодаря его порошкам, микстурам и мазям у ящеров стали появляться металлические орудия труда, и оружие, защищающее ящеров от камней. Лекарство Черепаха продавалось по всей планете, и пользовалось спросом. Квина привлекали, как консультанта, и к военным действиям, он, так же, как дискоголовые, обращался с ящерами с помощью знаков, что затрудняло общение с рептилиями для учёного. Мы с Черепахом были оторваны от своего мира, и оказались совсем одни, и если у меня ещё были варианты найти себе пару в среде греев, то у Квина не было никаких вариантов, и все его желания и стремления были, чтобы вернуться в свой мир. Там у Квина было множество жён.

– Ты представляешь! Каждый год новая жена.

А, потомство, Квин не считал, каждая жена откладывала до двухсот яиц. Квин много рассказывал о своей стране, она находилась в отдалении от сообщества государств, я никогда раньше не слышал про миры черепах, где им приходится намывать острова из песка, чтобы самки могли закопать яйца

и дать жизнь потомству. Он мне все уши прожужжал своим миром, что я уже почти забыл, как выглядит мой. Квин и ввёл меня в клан ящеров, это была рискованная затея. Меня выручила одежда и цвет кожи, всё-таки я отличался от греев. Сначала ко мне привыкали глубоководные крабы, они были огромны, и являлись полу разумными существами. Они были природными противниками ящеров, я не знаю, как Квину их удалось приручить, но эти монстры были единственными существами, которых боялись ящеры. Квину членистоногие были преданы и выполняли все его приказы неукоснительно, кроме того, крабы были негласными телохранителями учёного и охраняли лабораторию от несанкционированного вторжения. Потом Квин старался приучить к моему виду ящеров, борясь с их неадекватной реакцией на моё появление. Все ящеры при виде существа, передвигающегося на двух ногах, резко краснели, это был признак крайней агрессии, и если бы меня не защищали крабы, то был бы уже не нужен этот контакт. Эти покрасневшие ящеры долго рассматривали меня, потом валились на спину и качались со стороны в сторону, издавая звуки на своих резонаторах, похожие на смех. Это меня и спасло. Слухи между ящерами распространяются мгновенно, на следующий день, у острова, собрались тысячи рептилий, чтобы посмотреть на зелёного грея. Море стонало, не выдерживая звука широкополосных резонаторов, их диапазон сигналов, перекрывал даже шум бури, начинающейся на другом конце материка. Мне, чест-

но, не нравилось быть клоуном. Я высказал свои претензии Черепаху.

– Нравится, не нравится! Мне тоже многое что не нравится, и здесь, и там.

Квин намекнул на наш бывший мир.

– По-моему, клоуном лучше быть, чем жертвой!

Логика у панцирного многоженца была непробиваемая. Крабы оттащили меня на один из дальних островов. Так я познакомился с яслями для маленьких ящеров. Здесь строгие воспитатели их учили всему: как спать одним ухом, как прятаться, как правильно дышать воздухом. Здесь их учили говорить, и они впервые старались, вслед за воспитателем, повторять словами – названия всех знакомых предметов, совмещая их с действиями. Слышу, вижу, плыву, иду; я вслед за мелюзгой пытался это повторить, настукивая палкой по огромной ракушке, которую я нашёл на берегу. Со стороны, кажется смешным, видеть, как взрослый мужчина в окружении разноцветных ящериц, сидит на берегу лагуны и палкой выколачивает дробь по ракушке. Это для тех, кто не знаком с физиологией рептилий. Взрослый ящер достигает в длину до пяти метров, в высоту – до полутора. Тело ящера покрыто чешуёй из хитиновых наростов, от основания шеи, до пояса, на спине был панцирь, похожий на горб. Я сначала, не понимал, для чего он нужен ящеру, мне казалось, что панцирь больше мешал организму, чем помогал. Пока не понял истинное значение этого горба. Это был резонатор –

орган общения ящеров, это были и глаза, и уши, и речь рептилий. Вода плохой проводник голосовых звуков, у ящеров был свой язык, который передавался в воде на несколько километров, ему вода не была помехой; я назвал его – языком стука. Чуть позже я узнал, что у каждого ящера, резонаторы индивидуальны, и по голосу можно определить – с кем разговариваешь. Тысячи ящеров, одновременно перестукиваются на разных частотах, кодируют свои сигналы от подслушивания, говорят и не мешают друг другу. Если приложить раковину к уху и поднести её к поверхности моря, то ты не услышишь шум волн, это будет сплошной гул, иногда прерываемый чётким боем – это, кто-то из соседей ящеров вклинился в разговор. Черепах, вынырнул неожиданно.

– Что, море слушаешь?

Соскучился водоплавающий, поболтать приплыл. Это по его рекомендациям, и по его приказу крабы притащили меня на этот остров, я поначалу возмущался, что со мной поступили так, а потом так увлёкся изучением этого нового для меня – языка стука, что забыл про свои обиды. Сменилось уже три партии воспитанников, язык стука, не смотря на кажущуюся простоту, был сложным, очень сложным, и чтобы до конца понять смысл сказанных слов, нужно было, наверное, родиться ящером. Часть ходовых изречений ящеры уплотняли, заменяя их пакетами сигналов – для меня ещё было трудно расшифровать их значение. Я уже начинал что-то понимать, переваривать, на уровне двухмесячного яще-

ра мог общаться. Рептилии, негласно, провели экзамен моих стараний в освоении языка, назначили мне персонального репетитора и перевели в подростковую группу, это на другом конце острова. Репетитор был не с этого материка, он из болотных ящеров и сильно отличался от местных. У него уже был опыт обучения инопланетян, и когда я достиг момента, когда смог задать вопрос на языке учителя, я поинтересовался, а что случилось с теми пришельцами, которых обучал болотный ящер?

– Что, что? Съел я их.

– Они что, были так соблазнительно вкусными?

– Да нет. Скорее тупыми.

Кроме чёрного юмора у преподавателя был «стимул». «Стимулом» этот изверг называл способность неожиданно, в больные места, наносить высоковольтный, ощутимый, электрический разряд. Эта смесь гадюки с электрическим угрём, получала несказанное удовольствие от того, как мучается ученик. Таким образом он стимулировал качество обучения. Я до конца жизни возненавидел иностранные языки. За полтора года нашего знакомства – эта болотная рептилия сделала меня полиглотом в диалектах языка ящеров. Наконец, пришло время, когда моё обучение закончилось, в награду ящеры подарили мне резонатор от древних, он значительно отличался от ракушки, мог передавать интонацию речи и имел запоминающие камеры. Отныне, голос резонатора, был моим голосом в среде ящеров. Учёные клана ящеров сказа-

ли, что никто не знает способностей этого резонатора: легенды гласят, что им пользовались пришельцы со звёзд. Они не долго были на планете. Но резонатор переводил их язык на язык ящеров.

– Может быть и твой язык он сможет перевести?

Этот резонатор на языке ящеров называется Чен, так что не обижайся грей, если кто-то назовёт тебя Ченом. Я поправил главу клана:

– Я не грей.

Но уже чувствовал, что скоро придётся изучать язык пупсиков. Ящеры их иначе не называли, хотя мои наряды у них вызывали смех, но для ящеров, я был тоже пупсиком, зелёным говорящим греем. В целом, клан ящеров принял меня не плохо, и иногда меня приглашали с острова, когда в клан прибывали гости из далёких стран этой огромной планеты. Никто из ящеров не верил, что существует грей, выучивший их язык. Квин завидовал мне ужасно! Он не знал языка ящеров, его принимали везде, он не считался даже инопланетянином, ящеры его больше считали мутантом, или уродом, но талантливым учёным. Матери, воспитывая своих детей, показывали им Черепаху:

– Вот, не будешь слушаться, станешь таким же.

Помогало, ещё как помогало! Никто из детей не хотел быть черепахой. Это было счастье, что Квин не знал языка ящеров. Но он меня достал своим хотением изучить язык морских аборигенов. Я знал, что у Черепахи не всё хорошо

со слухом, но посоветовал ему своего репетитора из болотных ящеров, предупредив честно:

– У этого, даже глухие заговорят, если не захотят превратиться в суп.

Мой попутчик из волшебных миров спросил:

– В какой суп?

– В черепаховый!

Квин ненавидел, когда я его черепахой называю, хорошо, что он не знает, как его называют ящеры. У учёного было повышенное самомнение, и шутки до него доходили с трудом, особенно, если они касались его личности. Не знаю, к сожалению, или к счастью, но разговаривать учёный мог только со мной, и, если ему нужно было что-либо перевести на язык ящеров, или наоборот – с языка ящеров, Черепах искал меня.

Глава 20

Меня вызвали в клан ящеров, в подводном мире не было совета, ящеры были разумными существами, и все законы у них вводились в жизнь старейшинами. Был лидер – общепризнанный правитель клана, он был сильным, мудрым и пользовался всеобщим уважением, его окружали старейшины, каждому старейшине подчинялся род, состоящий из нескольких семей. Любой закон доводился до каждого ящера, и был обязателен к исполнению. Такая форма правления не была лишена своих недостатков, но она устраивала всех в подводном мире. Меня представили правителю, старейши-

ны вышли, и между нами состоялся разговор, в тайной комнате, за пределы которой не выходит звук, во избежание подслушивания. Разговор того стоил. Предводитель ящеров начал без протрапывания, сразу, откровенно затронул болезненные темы для народа.

– На нашей планете существует восемнадцать кланов населения ящеров. Это восемнадцать различных народов с языковыми и культурными отличиями. За всё время существования наших народов, у нас были мелкие стычки между собой, но никогда они не перерастали в войну. С появлением пришельцев в наш мир, положение изменилось. Мы уже пятый год воюем за свои земли, гибнут ящеры моего клана, и этой войне нет конца. Если с «людьми диска» мы нашли общий язык, ведём торговлю и не требуем плату за пользование нашими землями, то с «голыми» дела обстоят иначе. Землячества всех кланов поставляют своих солдат, правители подводного мира решили создать полигон из земель моего клана, чтобы обкатывать своих воинов, вырабатывать тактику и стратегию боевых действий. Пока мы проигрываем греям, но мы учимся. Поверь, Чен, придёт время, и мы увидим, как сверкают пятки «голых». Наши учёные могут стереть эти земли, вместе с греями, у нас есть мощное оружие, но мы не хотим этого. На этих землях находятся наши святыни, и для моего народа важно, раз в году побывать в них, зарядиться энергией космоса от священных камней в пещерах голубых озёр. Я знаю, ты не грей, хотя тоже «голый», у

тебя другой цвет кожи, и миролюбивый характер, поэтому я с тобой откровенен и выдаю некоторые секреты, принадлежащие моему народу. Я хочу, чтобы ты подружился с греями, и нашел возможность договориться с ними, чтобы они пропускали ящеров к голубым озёрам. Я не хочу, чтобы об этом узнали в других кланах, там посчитают любой договор с пришельцами – слабостью, это может отразиться на мне и моём клане. У нас хватает горячих голов. Я, Чен, отвечаю за свой народ. Прежде всего, гибнут отцы наших семейств, пока полководцы, из других кланов, наблюдают за битвами. Но даже не это основное, греев гибнет не меньше. Наши женщины не могут дать полноценное потомство без благословения богов. За последние пять лет не родилось ни одного одарённого ящера. Первыми тревогу забили наши учёные. Я тебя вызвал, Чен, как единственного, кто из греев владеет нашим языком. Я прошу тебя, найди способ, чтобы заключить сепаратный мир, найди греев, которые тоже хотят этого. Мы согласны на всё: предоставим любые товары, поделимся рудой, для выплавки качественных металлов, я могу доставить учёных-греев и показать новейшие разработки в области вооружения. Я понял, чего хотел от меня предводитель клана ящеров, но к сожалению, это было неисполнимо – я не знал даже языка греев, я их видел, только издали. Ящер разозлился, начал наливать кровью:

– Не знаешь языка, так выучи! Не думаю, что он сложнее языка ящеров.

Я промолчал:

– Тебе бы такого учителя, как ваш болотный садист, то ты бы сейчас сам, на всех языках пришельцев зачирикал!

Мы договорились с руководителем клана, чтобы они оставляли живыми пленных греев, необходимо дать мне возможность выучить язык. Ящер согласился, успокоился и его кожа, постепенно, начала приобретать привычный серо-жёлтый окрас. Опять для меня началась островная жизнь, меня крабы притянули на остров и бросили на берегу. Бедные греи, они раньше никогда не видели глубинных крабов. Представьте пятиэтажный дом, с клешнями, похожими надвигающиеся скалы, а каждая нога, в несколько тонн весом, и всё это бегаёт, прыгает перед вашими глазами. На острове был лагерь военнопленных. Никто их не охранял, не кормил и не лечил. Благо, на острове были родники, маленький ручеёк с живыми ракушками, похожими на устриц. Было много сушняка на берегу, пленных было мало. Я нашел полое сухое дерево, и стараясь не привлекать внимания, языком ящеров начал переключку. Слава космосу, ко мне никто не подходил, никого не привлекло моё появление. Первым на призыв отозвался проплывающий ящер, он, извергнув пламя из пасти, зажёл собранные мной сухие ветки, я попросил его сплавать за лекарством к Черепахе. Ящер пообещал принести. Среди греев были раненые, им требовалась помощь. С появлением костра, стало теплее и греи потянулись к костру. Пленные, наверное, недавно появились на острове, они бы-

ли настолько напуганы и ошеломлены нападением ящеров, что до сих пор не смогли прийти в себя. Они казались вялыми, безразличными и заторможенными. Понимаю, побывать в пасти ящера, и остаться в живых – это было необъяснимо. Греев было около десяти, среди них выделялись две женщины, на военных они не были похожи совсем. Женщины перевязали раны соплеменникам, порванными пелёнками, они и ухаживали за искалеченными. Остальные собрались у костра и грели руки. На меня никто внимания не обращал, их абсолютно не интересовал, мой странный вид, и они не боялись окраса моей кожи. Побывав в морском аду, и оставшись в живых, они уже, кажется, не боялись ничего. Я ошибся, приплыл ящер с лекарством, и возле костра не оказалось никого. За всё это время греи не произнесли ни слова. Вот так и изучай язык. Я подошёл к раненым, и женщинам, знаками попытался объяснить, как пользоваться мазями и настоями. Женщины увидели близко мои руки и цвет моего лица, и разбежались в разные стороны с тенью ужаса в глазах. Пришлось всё делать самому, из трёх раненых, двое было в беспамятстве, а один, пытался уползти от зелёного чудовища, таща за собой раздробленные парализованные ноги. Я ему насильно влил в рот снотворное, и он, наконец, перестал орать. Лекарства было много, но я увидел в море панцирь друга, Квин не выдержал, сам приплыл посмотреть, как я устроился. И чтобы не компрометировать меня, оставил на побережье тюк с дополнительными лекарствами и пере-

вязочным материалом, а сам ещё час крутился около нашего лагеря. Женщины, издалека, наблюдали за моими действиями, я понял, что кто-то из раненых был близкий им грей, может родственник. Одна из женщин была старше, другая – совсем девочка, наверное, её дочь. Да, это были не военные, они не могли оказать достойного сопротивления, и были лёгкой добычей для ящеров. В этой войне, между существами различных форм, не было разницы между военными и гражданским населением, все убивали всех. Поэтому, для ящеров казался странным приказ правителя клана, но они привыкли беспрекословно подчиняться приказам. Я сомневаюсь, чтобы глава клана, что-либо предпринял без согласования со старейшинами. Поэтому, пленные на острове продолжали прибывать, пока я не посчитал – достаточно, и не отстучал послание в штаб клана. Кого только среди пленных не было? Наверное, были представлены все слои населения наземных жителей. Кто-то из греев додумался собрать ракушки в ручье, детвора на берегу нашла улиток, небольших крабов, женщины, преодолев страх и чисто психологическое отвращение, приблизились ко мне, девочка, даже помогла перевязать больных. Лекарства могли ослабить боль, но не имели лечебных функций. К сожалению, один из раненых умер, от заражения крови. Греи настолько привыкли к виду смерти, что никто, даже не обратил внимания, что умер соплеменник, только у женщин на глазах были слёзы. Четыре сильных грея отнесли труп в море, волны долго его гоня-

ли вдоль берега, пока крабы и морские раки не завершили путешествие умершего. Как-то дико, странно, когда привыкаешь к смерти, когда живёшь в её объятиях, каждый вечер ложишься спать, и не знаешь, проснёшься завтра, или нет. Вдруг я услышал крик, греи возбудились и побежали к морю, срывая с себя пелёнки и махая ими в воздухе. На горизонте появился корабль, огромный военный корабль, это была одна из знаменитых плавбаз греев. Греи считали их не потопляемыми. Корабль дал предупредительный холостой выстрел из пушки, отреагировал на шум островитян.

– Мы вас видим. Мы идём к вам.

Корабль стал приближаться к берегу. Около прибрежных скал, обычно, делали засады ящеры, потому командир корабля дал приказ пройтись глубинными бомбами, вдоль побережья. Командир оказался прав, начали всплывать оглушённые ящеры. Но глубинные бомбы потревожили крабов, я знал, что рядом крутится Квин. Оба монстра разбили эту плавбазу в дребезги, остальное довершили ящеры. На берегу застыл нескончаемый крик ужаса, скорби, не сбывшейся надежды на освобождение.

– Мы не планировали подходить к островам, но лоцманы уверили, что это кратчайший путь на глубину. Плавбазу можно разместить только вдалеке от берега, иначе при этих сумасшедших ветрах, её разобьёт о скалы, или выбросит на мель. Первыми греев увидели кадеты, греи бегали по острову и старались привлечь наше внимание. Я дал сигнал, и ре-

шил подвести плавбазу поближе к острову, применив все доступные меры безопасности. Поначалу, всё было хорошо, но откуда взялись эти монстры? Я никогда раньше таких не видел. Я даже не понял, что это такое, над плавбазой появились огромные туши, в руках каждой было по скале, они сразу разбили корабль на две части, половина матросов свалилась за борт. Я не слышал ни одного выстрела пушки, в течении нескольких секунд плавбазы не стало. Она не тонула часами, она ушла в воду, вместе с монстрами, сразу. Греи не умеют плавать, а зачем: вода – это стихия ящеров, не утонешь сразу, ящеры съедят. Меня спас юнга, из кадетов который, он ещё успел вытащить несколько греев, зацепившихся за обломки корабля. Странно, но малый держался на воде, лучше, чем мы ходим по берегу. Не повезло боцману, не добрался он до госпиталя. Многим не повезло в этом походе.

– Я всегда чувствовал, что я не беспризорник. Я это знал. Мои сослуживцы смотрели на меня дикими глазами. Они не верили, что остались живы. Первым я спас капитана, а потом вытянул ещё нескольких. Я не знаю, откуда умел плавать, я не знаю, откуда в моей голове незнакомые языки.

Я вспомнил:

– Костёр даёт тепло... – Только тому, кто в нём нуждается.

Эту фразу продолжил зелёный грей, стоящий у костра. Она была сказана на том языке, который застрял в моей голове. И главное, я его понял. Значит он тоже из тех мест, где я родился, может зелёный что-нибудь слышал о моих роди-

телях, о той стране, где жил я раньше. От неожиданности, я потерял дар речи, а когда пришёл в себя, и задал вопрос на грейском языке, незнакомец, только повёл плечами. Вместо ответа, он спросил:

– Откуда у меня кулон, что на шее?

Я не знал, он всегда был при мне. Я так и ответил. Странно, но свой диалог мы вели на почти забытом мне языке. Я спросил:

– Как называется этот язык?

Зелёный представился – его зовут Пустельга, а язык – волшебный из содружества государств.

– Значит нас на этой планете двое, которые знают волшебный язык?

– Нет, нас трое. Со своим другом я познакомлю тебя позже.

Пустельга, отвлёкся, его позвали к раненым. Раненых было больше пяти греев. Пустельга, позвал меня, и попросил перевести инструкцию для двух женщин, как пользоваться лекарством. Зелёный совсем не знал язык греев. У меня появилась призрачная надежда, что я способен восстановить свою память и вернуться в свой дом. До меня, в тот период, не доходило, что он находится не в этом мире, и даже не в этой вселенной, Пустельга довершил – и не в этом времени.

– В свой мир мы можем попасть только случайно, как попали на эту планету, никакие расчёты не помогут.

Пустельга, помолчал, потом добавил:

– Вряд ли нас ждут в нашем мире. Это равносильно, что восстать из мёртвых. Нельзя дважды ступить в реку, нельзя дважды вернуться в свою жизнь. Я узнал украшение на твоей шее, это не кулон, я слышал про него. Это оберег Гандз. Он тебя и вытянул из рук смерти в бывшем мире и забросил на эту планету.

Я вспомнил, ещё в приюте у меня воровали неоднократно этот кулон, но он всегда возвращался ко мне, и каждое утро я находил его на своей шее. Я машинально дотронулся до кулона. Кулон был на месте. Это единственное, что осталось у меня от прошлой жизни. Капитан принёс несколько испечённых ракушек, для всех собравшихся их было маловато, но хватило, чтобы утолить голод. Гражданские зажгли свой костёр, произошло внутреннее разделение лагеря – на гражданских и самуров. Гражданские недолюбливали военных, считали их бездельниками и лентяями с отсутствием головного мозга. Военным, политики вдолбили в голову, что самуры – это привилегированная каста, они защищают государство, и гражданские им всем обязаны. Самуры должны повелевать, а все остальные должны выполнять их приказания. В этой философии было заложено противостояние, и чтобы не было конфликтов, гражданские держались от военных подальше и любыми путями игнорировали их приказы. Военные тоже, особо не нарывались, видимо были уже стычки. И ещё недавно, греи, радующиеся появлению военного корабля, с мечтой о спасении, после поражения военных от

ящеров, смотрели на самуров с презрением:

– За что мы кормим этих бездельников?

Возле нашего костра остались одни военные. В армии греев невозможно было отличить солдат от матросов, все были в одинаковых пелёнках и в солнцезащитных очках. У капитана был кортик и бинокль, у штурмана – прибор (смесь астролябии с секстантом), а остальные – все, как на подбор, подходящие под определение ящеров – пупсики. Самуров собралось девять греев, двое военных были в лазарете для раненых, которыми распоряжалась малышка, гражданских собралось – двадцать четыре, это был весь лагерь для греев. Со временем, к нам присоединились греи из различных административных органов и интеллигенция, они как-то отделили себя от народа, а народ и не был в обиде: без груза на шее и тонуть веселее. Немножко разобрались с организацией, каждая группа обеспечивала себя сама пропитанием, по негласной договорённости, делясь с лазаретом излишками продуктов, иногда на мой стук отзывались ящеры и подбрасывали кое-что из морских деликатесов. Пришло время осмотреться с местом нашего обитания. Что остров находится далеко от материка, это мы уже догадались. Все острова в море возникли от результатов вулканической деятельности, на море иногда земля выбрасывала грязевые гейзеры, или огромные газовые пузыри. Ящерам нравилось их поджигать, и вокруг острова, по ночам, светились огни, сопровождающиеся мощными взрывами. Иногда случались землетрясе-

ния, к счастью, не большие и не долгоиграющие. До побережья, слабым ветром, доносился запах серы или сероводорода. Как и все вулканические острова, этот не был исключением, он утопал в зелени, всё растущее было так переплетено между собой, что создавало видимость непроходимости этой сельвы. Чистым оставался только берег. Капитан обратил на это внимание:

– Здесь такие штормы! Что если мы не найдём защиту, то водой нас смоет обратно в море, и тогда, спасения не будет.

Юнга из волшебных миров добросовестно перевёл высказывания капитана для меня. Делать нечего, пришло время объединять усилия, я взял юнгу, и мы поплелись к гражданскому населению. Это, наверное, была наша последняя совместная работа на этом острове. Мы усилиями объединенной команды прорвали оборону растительности, проторили тропу на вулкан, где почва была более каменистой, и растительность не такой густой. По пути, нам встретилось столько ядовитой и кусачей мелочи, что можно было считать, что нам повезло, что никто серьёзно не пострадал, не считая порезов от листьев лиан. Бедные гражданские! Если самуры были обуты в высокие кожаные сапоги, защищающие ноги, у меня были «пиратские» ботинки, то большинство греев были в пробковых открытых тапочках, или босиком. У девочек заканчивался йод. Вырвавшись на более-менее свободное от растительности место, мы решили разместить здесь временный лагерь. Желających собирать сушняк и крупные ветки не

было. За время борьбы с флорой мы натолкнулись на такое множество и разнообразие шестиногих змей, что, разместившись на уютных и тёплых камнях, не хотелось возвращаться в объятия сельвы. Капитан отдал распоряжение, и костёр начал собираться усилием матросов: двое отгоняли наглую бегающую, ползающую и прыгающую мелочь, а остальные собирали ветки, и слаживали их подальше от гражданских, опять пошло раздвоение. Ветки были собраны, а за огнём на берег пришлось идти мне, за мной увязался юнга – мой переводчик.

Глава 21

Природа острова реагировала мгновенно на малейшие изменения, мелочь боялась свободных пространств, она ютилась, гнездилась в растительных дебрях. Я не видел ни одной улитки, ящерики или шестиногой змейки на пути нашего следования. Но идиллия обязательно, когда-нибудь заканчивается. Перед самым берегом, где мы начали расчистку растительности, я заметил какие-то живые ленты с предупреждающей опасной раскраской. Ленты ещё не заметили нашего приближения, они тщательно и умело заплетали наш проход, и делали это настолько мастерски, что было не заметно, что здесь кто-то проводил зачистку. Заметив нас, ленты исчезли, спрятавшись под корнями дерева. Большой жук, похожий на летучую мышь, приземлился на кору этого дерева, и исчез, как исчезают хамелеоны, я хотел проверить, на месте он или нет, но юнга успел отбить мою руку.

– Ты что, не видел, как дерево слопало жука? Или хочешь получить укус ядовитого корнежаба?

Я опешил.

– Корнежабы это кто? Деревья?

– Считай их кем хочешь, но они ползают и могут прыгать, всегда выбирают себе место для засады, у него считается ядовитым всё тело. Голову отдаю на отсечение, но, когда мы зачищали проход, корнежаба здесь не было.

Я полюбовался трудом мастериц – пёстрых лент, нам пришлось всё сломать, к их неудовольствию. – А, ленты, ты видел, что заплели проход? Ты знаешь, кто это. Их раскраска мне напоминает земных шершней.

– Я не помню, кто такие шершни. Ленты я видел, но не знаю, кто они. Они боятся, не нападают, значит не опасны, а окраска может оказаться мимикрией.

Я не стал спорить, мы набрали углей в раковину, я успел отстучать послание в центр, заказал средства от порезов и мази от ушибов, и отправились к греям. Я попросил мальчика обучать меня их языку, мне не удобно общаться через переводчика. Да и имя тебе какое-то нужно. Юноша фыркнул:

– Не заслужил! Зови, как капитан – Юнга.

На том и порешали. Я поделился углями с гражданскими, и вскоре над поверхностью вулкана загорелось два костра. Я услышал дробь сейсмографа, предупреждающую о начале бури через два дня. Не знаю, насколько точен был прогноз прибора, но нам следовало бы поторопиться с нахождением

места убежища. Усилился ветер, задувая костры и разбрасывая сухую траву по поверхности, начинался тайфун. Капитан забеспокоился, он вспомнил начало своей службы, когда, ещё будучи молодым офицером, он на совершенно новом корабле, заступил на вахту. Тайфун тогда унёс половину состава корабля, вместе с капитаном и двумя помощниками. А начинался он тоже так, со слабого ветра, сбивающего взрослого грея с ног. Мы поделились на тройки, и, поддерживая друг друга, стали искать убежище. На вулканическом побережье было множество сквозных пещер, но они нам не подходили. Каждая такая пещера, с попаданием порывов ветра, издавала свой звук, и это было только начало, но от этого ужасающего воя, хотелось опустить голову в море, чтобы никогда не слышать голоса пещер. Вой мог смениться хохотом, переходящим в сумасшедший плач, со всхлипами и надрывами. Кому-то, наоборот, слышалось песнопение, на их лицах появлялось такое блаженство, они вскакивали, и через траву, через все преграды, бежали в море. Девочки не смогли удержать двух раненных, они числились не ходячими, но ветер и пещеры создали чудо, калеки побежали навстречу своей гибели. Я с Юнгой и ещё, с одним из самуров, пошли вдоль ручья, обращая внимание на каньоны и старые, изрезанные водой, русла. Мы нашли, здесь было множество пещер, к сожалению, они были заняты. Тайфуны, ураганы, наводнения, были привычны для обитателей острова, это для нас было всё впервые, а в пещерах всё – и пол и стены двигались, как

живые, всё кишело от пауков, тараканов, сороконожек, крысы занимали верхние ярусы пещер, змеи и ящерицы забивались в щели. Но это было не всё, в пещерах было много млекопитающих, от волков и баранов, до свиной с поросятами и рогатых шурменов. С последними Юнкеру приходилось встречаться. У каждого клана животных, в пещерах был свой угол, и на наше приближение, то здесь, то там, раздавалось предупредительное рычание, но тем не менее, никто никого не ел и все, не сговариваясь, дружно отгоняли кровососов. Были и свободные пещеры, но они не предназначены были для жилья, там часто случались обвалы и проникала вода с поверхности. Юнга нашёл на среднем уровне, ровную площадку, на которой, в гордом одиночестве, развалилась пума, не знаю, как она попала на этот остров, наверное, так же, как мы. Пума ударами лап, и грозным мяуканьем, сбрасывала всех наглецов на нижние ярусы пещеры. Кошка была новичком среди обитателей этого странного скопища животного мира, небольшая стайка козлов, с недовольством косилась в её сторону, наверное, это место принадлежало раньше им, они, время от времени, предпринимали бесполезные попытки забраться на своё место, но пума не дремала. В походе под землю, все подчинялись Юнге, из нашей тройки поисковиков, он оказался наиболее сообразительным и подготовленным. Такое ощущение, что этот юнец, всю жизнь лазил по пещерам и без боязно ставил ногу в самую гущу ядовитой мелочи. Мы шли по его следам. Перед Юнгой расступались

все, даже волки и шурмены. Волки рычали, а у шурменов дёргались, свиные пяточки и они скалили свои кривые жёлтые зубы, но все подчинялись Юнге. Юнга выбрал место на площадке.

– Но там же кошка?

– Ничего, кошку мы подвинем, не велика цаца, столько места занимать.

– Как ты её подвинешь, она в драку лезет?

Как раз, один из козлов, полетел кубарем на низ. Юнга посмотрел на меня с сожалением:

– Вроде взрослый, из волшебных миров, вот, что значит, не прошел воспитания приюта.

– А, огонь зачем?

Я вспомнил – огня действительно боятся все. Юнга решил изменить заселение пещеры по-своему, не внося никаких поправок в планировку, всем своим мальчишечьим видом показывая:

– «Ну, не дизайнер я, вы уж простите!»

На площадке должны поместиться все, здесь даже были ниши для костров, и выемки, для факелов. Вскоре, весь лагерь переехал, с имеющимся снаряжением, с дровами для костров. Дров пришлось заготовить много, по словам капитана, бури на острове длятся неделями. С огнём было проще, вроде всё в пещере так было уплотнено, но перед факелами был свободный проход. Начинало уже темнеть, и было плохо видно, девочки с ранеными забились в глубину пещеры,

подальше от этого чудовищного ветра с моросью, лагерь ещё не успел расположиться, гражданские колдовали над кострами, как наши красавицы, пригрелись и уже спали. Утром, как только воздух стал немного сереть, мы все проснулись от пронзительного вопля. Кричала малышка, проснувшись головой на животе пумы, а ноги упёрлись в бока козла, но она испугалась шурмена, она никогда раньше не видела этих животных. Лагерь получил временную передышку, да, было немного тесно, не удобно, зато тепло. Ветер за пределами пещеры усилился, дождь уже не сыпал моросью, вода падала с неба сплошной завесой, и устремлялась к морю огромными потоками, сметая всё на своём пути. Я подумал, что бы случилось, если бы мы промедлили с переселением? Мне стало не по себе. Ветер был сильный, но это ещё не была буря. Капитан сказал:

– Буря – это, когда нет света, нет моря, нет острова, нет ни планеты, не людей, все звуки вселенной сливаются в один протяжный вой, и над планетой господствует ураган. Буря – это, когда море рвут как бумагу, частями выкидывая далеко на материке, вместе с их морскими обитателями. Буря отрывает скалы от земли, и вместе с вековыми деревьями, перемалывает их в своих жерновах, в пыль. Буря – это, когда небо становится морем, а море – небом. Силу и мощь бури можно сравнить, только с любовью, если она настоящая любовь, а не слабый ветер, навеянный мечтаниями.

Капитан тоже любил: давно, когда-то, раньше, но в жиз-

ни ему чаще приходилось встречаться с бурями, поэтому он знал, о чём говорил. На третий день, всё потемнело, не надо было никому ничего объяснять, началось. Вдруг всё зверьё ринулось на выход, к нам стремился попасть незванный гость – пещерный медведь. Я считаю, что палеонтологи умышленно скрывают размеры допотопных животных, эта гора мышц и ярости, была больше любого динозавра. Обитатели пещеры, все как один, кинулись на защиту территории, к ним присоединился Юнга с двумя смоляными факелами. Только вмешательство человека смогло прогнать чудовище. На пятый день буря стала утихать, а на следующее утро пещеру покинули: жучки, паучки, скорпиончики, следом разбежалась другая мелочь – ящерики, лягушки, змеи, козлы ушли раньше, ещё ночью. Вскоре в пещере остались одни люди и пума, кошку во время бури подкармливали женщины. Пума и нашла медведя с раздробленной головой. Всё можно было свернуть на бурю. А может нет? Тогда я не представляю, какие монстры водятся на этом острове. Была такая тишина и море – таким грязным, как будто его всколотили огромным миксером. Я прошёлся около пещеры, весь остров изменился, селевыми потоками сделало большие бреши в растительной стене, Корнежабы исчезли, полосатых лент стало, наоборот, больше, они, как трудолюбивые ткачи, старались залатать прорехи в заграждении, восстанавливая растительный барьер. Из-под грязи стала появляться первая трава, жёсткая, похожая на кустарниковый бамбук. Среди травы бегала

вся наша пещерная мелочь. Жизнь тихонько налаживалась, без шума, без крика, без подстёгивания. Военные раздвигали тушу пещерного медведя, нам его должно было хватить надолго, девочки уже успели перевязать раненых и развешивали мясо на рогатинах, около костров. Пума лежала в углу и урчала, от сытости. Странно, но греи кошку не боялись, совсем. Потом мне Юнга объяснил:

– Пумы легко поддаются дрессировке, и в богатых семействах греев, они заменяют собак, их приучают охранять дом.

Капитан, через переводчика, посоветовал не уходить из пещеры. Эта внешняя тишина, после бури, может быть обманчива. Во время ураганов, возникают цунами, и если они прошли мимо, не зацепив нас, то это не значит, что мы не попадём под обрат. В пещерах много полостей и пустот, и если даже весь остров накроет водой, то в пещере большой шанс, для спасения. Я согласился с ним. Решили, пока базироваться в пещере и далеко не разбредаться, это было согласовано, как с гражданскими, так и с самурами. Общее руководство базой пришлось выполнять нам троим: мне, Юнге и капитану. Но главным из нас, был, всё-таки Юнга. У него было больше опыта жизни в экстремальных условиях. Мы с капитаном, полностью доверились юнцу, могли только что-то советовать, ссылаясь на собственный жизненный опыт. Капитан, после пещер, говорил, что он на суше, хуже салаги. Я не знал, кто такая эта салага, но я ему верил. Я сам, вспомню, как пришлось наступать в скопище пауков, мне дурно

становится. Утром меня разбудил капитан:

– Пойдём, что-то покажу.

Я уже, усилиями Юнги, мог немного понимать речь греев. Капитан подвёл меня к выходу и дал бинокль, показывая в сторону моря и того места, где нас высадили ящеры:

– Смотри!

– О, великий космос! Что это?

Море уже очистилось, к берегу приближались какие-то плоские создания. Эта планета была полна гигантизма неизвестных форм существования, к берегу приближались необъятной формы платформы, похожие, и на транспортёры, и на гигантские ковровые дорожки, одновременно. Я не знаю, на что это похоже, но оно начало вылезать на берег по всему острову, доползло до стены растительности и остановилось. Я не знаю, были ли у этих существ глаза, но что на внутренней стороне этого создания было, помимо многочисленных щупалец с присосками, миллион ротовых отверстий, так это точно. Теперь я начал догадываться, почему фауна возвела стену из растительности, и заботилась о её сохранности. Я ошибался, но не на много. Мне казалось, что этот плоский монстр готов слопать всё, что попадётся на его пути, и он, как в подтверждение моих слов, взвился на дыбы, открыв свою ужасающую брюшину. Он подмял под себя изгородь и растянулся вдоль всей растительности, раздался хруст, похожий на звук гусениц-шелкопрядов. Этот монстр оказался травоядным. На этом концерт не кончился: вслед за

плоским монстром появились существа, похожие на всадников. Огромные, уродливые безголовые туши, покрытые раковинами, полипами, грязно зелёного цвета, на двух драконьих лапах, на шее которых, сидели карликовые бегемотики. Это был обман зрения – в действительности, это было одно существо, ящеры его называли «Всадник смерти», передние лапы которого были рудиментарными. Эти всадники, могли на поверхности издавать такие звуки, и в таких диапазонах, что убивали всё живое, на расстоянии десяти метров. Они, прошли по плоским монстрам, как по ковровой дорожке, и от их беспорядочного и почти беззвучного свиста, стали гибнуть все, кто попал в диапазон их влияния. Тут я увидел то, что называют борьбой за своё существование. Пока всадники, своими природными пылесосами засасывали свою добычу, из засады, из каких-то расщелин, ям, первыми появились полосатые ленты, и перерезали только им известные замаскированные лианы, и бамбук с пружинил, откликнулся на действие лент, и проткнул плоских пожирателей травы. Монстры уже не могли уползти обратно в море. На монстров накинута вся хищная мелочь. Треск от поедаемой пищи, стал громче. Всадники тоже оказались в ловушке, между ними и морем были, торчащие из земли, пики бамбука. Я не видел, откуда появились корнежабы, но с их появлением, начался полный разгром оккупантов. Корнежабы отстреливали ядовитые отростки своих ветвей, которые, как управляемые ракеты, поражали всадников, в некоторых случаях делаясь на

сотни ядовитых игл, ленты, своими острыми телами, подрезали мышцы всадникам, не давая им отступить к морю. В течении нескольких минут всё было закончено. Я думал, что паучков обеспечили питанием на несколько недель? Какой там! Они в течение часа съели всех плоских монстров. Юнга рискнул, пошёл на берег, поближе, посмотреть, что это такое, больше из греев никто не страдал любопытством. Самур сделал заключение:

– Плоский, похож на огромного червя, у него нет даже костей, сплошные желудки, а всадник – одно существо, мутант какой-то.

Я поражался самообладанию парня – шагал среди этого ужаса, как у себя дома. Юнга ещё добавил, что всадников кто-то пытается закапывать из земли, какие-то кроты островные. Некоторые из мутантов ещё живые, но корнежабы, уже успели запустить в них свои корни. А закопанные больше похожи на консервы, кроты оставляют головы этих существ на поверхности, они так и сидят в земле по шею с открытыми ртами, похоже яд островной древесной лягушки, их парализовал.

– Вот увидите, эти корнежабы, ещё вернуться к ним, чтобы продолжить своё пиршество.

Как мало времени прошло с момента триумфа нападающих и разгромом армии пришельцев. Я с сожалением вернул бинокль капитану. Мне это место всё меньше и меньше начинало нравиться. Не знаешь, какие секреты ещё хранит

этот остров. Я уже боялся вообще выходить из пещеры, чтобы меня не порезали пёстрые ленточки с окраской земляного шершня, или не подстрелили корнежабые снайперы. Это ещё не гарантия, что тебя живьём не закопают островные кроты, чтобы подарить древесной лягушке. Я даже представил его корни в моём теле. Юнга смеялся над моими страхами:

– Пустельга! А тебе не кажется, что в пещере ещё кто-то есть? Просто он не проснулся.

За моей спиной что-то пошевелилось, по стене пробежала уродливая тень от факела и над ухом раздался громкий крик:

– Мур-р-мяу!

Это был мой первый полёт в этом мире. Я оказался на берегу быстрее, чем успел испугаться. Юнга мне сделал комплимент:

– Пустельга! Ты прыгнул лучше корнежаба! Капитан говорил:

– Ты даже не летел, ты сразу переместился. Говорил с Юнгой, и в момент, очутился возле воды.

Я, потом, много раз пытался повторить этот манёвр, но бесполезно. Одна малышка меня пожалела:

– Такой большой, зелёный, а кошек боится!

Всё равно, по острову я ходил с опаской, рассчитывая каждый свой шаг, а к корнежабам вообще боялся приближаться, о купании в холодном море – даже мыслей не было. Все свои силы я приложил к скорейшему изучению языка греев, их культуры, обычаев и нравов. Последнее время я

больше стал пропадать у гражданских, они между собой были более общительны, чем военные. Даже капитана тяжело было расшевелить, чтобы он рассказал, что, из своей жизни. Юнге нравилось со мной общаться на «волшебном» языке. Его старания в обучении меня языку греев не проходили даром, гражданские тоже пытались помочь, объясняли, что не понятно, поправляли, где надо. Время от времени я перестукивался с ящерами, они доставляли необходимые нам вещи, от ящеров я узнал, что Квин получил контузию во время атаки плавбазы глубинными бомбами. Крабы спасли друга, разбили это корыто и вытащили черепаху из воды. Благодаря крабам Квин остался жив. Сейчас его здоровью и разуму не угрожает опасность, он рвётся к тебе на остров, но врачи пока запрещают.

– Зачем ты сказал ему, что его может выучить нашему языку только болотный ящер?

Мы вызвали его из другого клана, но после двух занятий, он в ужасе прибежал в наш штаб с претензиями:

– Заберите эту ракушку с ногами, а то я её съем!

С тех пор болотный пропал, и его никто не может найти. А так всё хорошо, через неделю ещё одна буря. С меня достаточно было и первой. Я передал Юнге, чтобы ждал бури. Он спросил:

– Откуда ты всё узнаёшь заранее?

Я не стал врать:

– Ящеры рассказали.

Он рассмеялся:

– Я всё время за тобой наблюдаю, Пустельга. Ты никуда не отличался с острова, и никаких ящеров рядом нет. Я ценю твои шутки друг, если бы они не сбывались!

Через неделю мы опять сидели на втором ярусе пещеры, между кошкой, волками и козлами, только к нашему сообществу хищников с членистоногими, прибавился ещё один местный персонаж, который не успел спрятаться в природных тайниках. Его местное население приняло, как старого знакомого, насекомые без лишних просьб, освободили ему место. Это был корнежаб. Мне показалось, что древесная лягушка поздоровалась со мной. Юнга без стеснения подошёл к дереву и подал ему руку, корнежаб протянул свою ветвь. Я с ужасом смотрел на соплеменника:

– Он же ядовитый!

Юнга улыбнулся:

– Я подозревал, что древесные лягушки – разумные существа. Но, по любому – в пещере, во время бури мы все друзья. Мы, как единый организм, стремимся выжить, и помогаем друг другу.

Юнга был точно, либо не от мира сего, либо знал то, что нам не доступно для понимания. Этот раз буря продлилась дольше, чем пять дней, мы были свидетелями того, как островные кроты дважды притащили консервы для корнежаба, прямо в пещеру. Капитан сказал:

– Останусь живым, никогда в море не пойду, буду детям

географию преподавать.

Я его понимал, и с ним был полностью солидарен.

Глава 22

Может остались лёгкие штрихи, но я овладел языком греев. Ящеры мне устроили экзамен, привлекли к допросу пленного. Мне не очень нравились их методы, но особо выбирать не приходилось, для ящеров я был, всего лишь грей, и по их территории я передвигался под защитой крабов. Ящеры краснели от злости, увидев меня в бункере командования, но крабы успокаивали особо рьяных, иногда, даже сопровождали их в госпиталь. Перед тем, как отправить меня на встречу с правителем, мне дали пообщаться с Квином. Черепаха, был на седьмом небе, от радости, что наконец закончилось моё задание. Я тоже надеялся на это, но правитель клана перепутал все мои планы, он мне напомнил про вторую часть задания, а потом сказал прямо, в глаза, по-мужски:

– У меня к тебе претензий нет. Ты готов к внедрению в общество греев, но нас попросили, чтобы ты задержался ещё на острове.

Блин! Кому это надо? Кто попросил? Видимо греи настолько привыкли ко мне, что не хотят разлучаться со мной? Крабы меня снова отволокли на остров и кинули на берегу, по их разумению, вниз клешнями. Я обязан им был за эту услугу, они со мной поступили чрезвычайно вежливо и культурно, а то, что я нахлебался воды, так – море кругом! Меня привели в чувство островные кроты, они меня оттащили в

пещеру. На этом острове – друг моего друга, мой друг! Никого не было: ни греев, ни животных. Я лежал один на дне пещеры, и думал:

– Зачем я здесь? Кому нужно было оставить меня на этом острове?

Корнежаб постоял около меня, но не стал тревожить. Мне приснилась Родина, волшебные миры, озеро у нашего дома. Отец с матерью стоят на краю обрыва и ждут, когда освободится лифт от пьяных гостей. Корнежаб разбудил меня стуком в ментал, и тарабанил в мой мозг, как в закрытую дверь, пока я не раскрыл глаза.

– Прячься, Ытхи идут.

Я его понял, он всё отстучал на языке ящеров. Я даже не знал, что эти деревья умеют разговаривать. Не знаю, кто такие Ытхи, но я убежал вглубь пещеры и залез в какую-то щель. Эта щель продолжилась туннелем, стены которого светились мягким голубым светом, время от времени на стенах загорались риски, похожие на стрелки, заманивая меня следовать по направлению, а я и не сопротивлялся, убегая от одной напасти спешил в руки других неведомых чудовищ, которые спят во глубине пещеры, как говорил Юнга. Туннель уходил всё ниже и ниже, холод и мрак, чередовались с жарой и светом от расплавленных потоков лавы, лава медленно застывала, превращаясь в причудливые каменные фигуры. На такой глубине, почти в сердце вулкана, не должно быть ничего живого. Вдруг я увидел тень, и машинально повернулся

на свет.

– Ты что здесь забыл, грей?

Я увидел перед собой хрупкую девочку с красным жезлом в руках. Девочка поколдовала с жезлом, и он засветился синим цветом. Удобный фонарь – подумал я.

– Я это! А ты кто?

– Я Лоя. Ты не ответил на мой вопрос: что ты делаешь в нашей лаборатории?

– Я, это, прячусь от Ытхов.

Другого я ничего не сумел придумать, пришлось сказать правду. Девушка рассмеялась:

– Чем тебя напугали Ытхи, грей?

Кожа девушки тоже была зелёного цвета, мы с ней общались на языке греев. Я не успел задать вопрос, как девушка взмахнула жезлом, и я оказался наружи, за пределами пещеры, Корнежаб от внезапности моего появления, присел. В голове раздался грохот, я попросил дерево не пользоваться менталом, у меня и так голова раскалывалась. Мою память, как кто-то выключил, я не помнил, как очутился здесь. Корнежаб пригласил меня в свою обитель, но вначале попросил обмазать видимые участки тела горным воском.

– Это у Юнги есть иммунитет к моему яду, у Ытхов тоже, ты зелёный, но не Юнга, и не Ытх.

– Юнга не зелёный, но тоже не грей.

– Да Юнга не зелёный, зато Ытхи зелёные.

– Почему ты так боишься Ытхов?

– Они нас считают и заставляют почковаться.

– Что же в этом страшного?

– Ага, ты не Юнга, и не Ытх, ты даже не грей; ты никогда не видел молодых особей моего народа? После почкования, уже ничего не страшно, молодые деревья выпьют всю энергию, все нервы, всю силу острова.

– Почему же ты торчал на открытом месте, перед пещерой?

– Для нас главное первыми увидеть Ытхов, а не тогда, когда уже поздно.

– И часто тебя ловили Ытхи?

– Ытхи ловят всегда, и всех, когда проводят инспекцию на островах, они нас считают, замеряют, кольцуют, и корнежаб показал блестящее кольцо у основания корней.

Блин, островной пирсинг!

– А, что, и почковаться заставляли?

– Было дело. Только на другом острове. Меня, после почкования, ящеры спасли, сделали из лиан буксир и переправили на этот остров. У вас тоже, молодёжь, после почкования, съедает родителей?

Вопрос, философский, я не смог дать прямой ответ:

– По-разному бывает. Также буксиром пользоваться приходится.

Корнежаб вздохнул, видимо у него тоже были лёгкие, его суставы закрипели. Жильё древесных лягушек находилось далеко от пещеры. Это место выглядело, как рукав моря,

свёрнутый в залив из стоялой зелёной воды, среди сплошных скал. Сюда нанесло столько сухой растительности, создав многослойную подушку, под которой была морская вода. Подушка создавала газ, который светился по ночам, превращая мелкие торчащие ветви в яркие фонари. Здесь и был город этих существ. Корнежабы – это коллективные особи, между ними был свой язык, похожий на скрип деревьев, многие из них знали язык ящеров, я даже улавливал отдельные слова, не вошедшие в кодирование, некоторые даже успели выучить язык греев, они понимали, но не умели говорить. Мой друг предупредил меня:

– Меньше шатайся по городу, и не заводи случайных знакомств. Не забывай, у тебя нет иммунитета к яду, а ещё, мои соотечественники тоже разные, многие владеют магией подчинения и телепатией. Сделают из тебя раба, безвольную игрушку, и сам знать не будешь. Здесь законы пещеры не работают. Мы – древнейшая нация на этой планете, мы и ящеры!

– А, Ытхи? Ытхи живут на другой планете, они контролируют нас, их база находится на одной из лун, возле нашей планеты. Они устраивают каждый год проверки. Ытхи зелёные, я тебя поначалу тоже принял за Ытха, долго наблюдал за тобой, и понял, что ты уже не Ытх, но ещё не совсем грей. Это тогда, когда Юнга тебя языку обучал.

– Но я же тебя не видел.

– Я был рядом.

И корнежаб, при моём присутствии, стал невидимым, со-

всем невидимым. Корнежаб снова появился во всей своей красе:

– Я учусь, я только начал изучать азы магии, у меня получается, но сколько здесь физики! Мне кажется, что вся магия состоит из химических формул и физики.

Я спросил у друга:

– А, откуда у Юнги иммунитет к ядам?

Корнежаб попытался объяснить, всё опять упиралось в оберег Гандз.

– Любую формулу можно разложить на атомы, так и с ядами, оберег разлагает их до формулы воды, яды становятся бесполезными, амулет превращает их в воду. Как всё сложно!

Какая-то побрякушка на шее Юнги, делает его неприкасаемым. Кстати, а куда делись греи с острова? Корнежаб пожал плечами:

– Не знаю. Ящеры забрали. Постой, я спрошу.

Корнежаб отстучал послание в центр.

– Все дома, двое утонуло, один в госпитале греев.

Ну, это я и сам перевёл.

– Это наше древесное письмо, Ящеры переняли его у нас и сделали средством общения, но мы не в обиде. За всё время существования наших народов, у нас никогда не было конфликтов между собой, у нас разная физиология, но мы, по сути, один народ.

Так, в беседе с корнежабом мы и проводили время. За

весь период моего нахождения в городе, никого из соседей я не видел. Друг сказал, что все попрятались, тебя боятся, всё-таки ты очень похож на Ытха. Начало темнеть, я стал собираться в пещеру, в городе корнежаба было хорошо, но пахло – не очень, и дома я чувствовал себя лучше, защищённым. Корнежаб предупредил:

– Ты, всё же спрячься, а то Ытхи и тебя перепишут и заставят почковаться.

Я не стал разочаровывать друга, я знал, что я не грей, не ящер, не Ытх, но и не корнежаб, в конце концов! Мы попрощались с деревом, он проводил меня немного, мы расстались на пол пути, и я, не спеша, поплёлся в сторону вулкана. Разговор с другом меня отвлек от дурных мыслей, в голове, ещё два часа, стоял перестук нашей беседы. Я заснул, как убитый: без снов и тревог. Проснулся в клетке, по шуму двигателей – на космическом корабле. В теле была такая лёгкость, я чувствовал невесомость, но искусственная гравитация всё же существовала. Мимо меня сновали мужчины и женщины в белых халатах, с зелёными лицами.

– Ытхи – подумал я, – предупреждала же древесная лягушка, теперь почковаться заставят...

Не знаю, получится ли у них, но опыты проводить будут. Напротив, клетки остановилась девушка, кажется я её видел, и на чистом грейском языке поздоровалась со мной:

– Привет, Пустельга!

Я не помнил, чтобы я кому, кроме Юнги, называл своё

имя. Откуда она меня знает?

– Хорошо, что ты проснулся. Скоро мы прилетим, ты уж потерпи неудобства, тебя выгрузят вместе с багажом, через шлюзовой отсек, там всегда присутствует перепад давления. Потом необходимо пройти санобработку, везде ты увидишь роботов. Ты не боишься роботов, грей?

Почему она меня называет греем? Она, что, не видит, что я на них не похож.

– Она видит. Поэтому ты здесь.

Я оглянулся, никого не было, в клетке я был один. Похоже, кто-то сидел в моём мозге.

– Кто здесь?

Но голос пропал, вместе с моим спокойствием. Не знаю, по-моему, я уже начал почковаться, в крайнем случае – головой. Мои мозги уже раздвоились. Невидимый засмеялся, он либо прочно сидел в моей голове, либо читал мои мысли. Сработали корабельные амортизаторы, и тяжесть резко увеличилась, я растянулся по полу клетки. Кто-то рядом охнул, и вскрикнул, как ребёнок. Кратковременно невидимость у соседа пропала, и мне показалось, что рядом со мной, в клетке, был маленький корнежаб. Мой лоб покрылся холодным потом, я вспомнил слова друга, что молодёжь его народа, хуже вампиров, хуже плотоядной травы – это живые троглодиты и каннибалы, они поедают даже своих родителей. Невидимка не выдержал, снова залился смехом. Хоть не думай совсем, невоспитанный попутчик какой-то!

– Я больше не буду, ты только Лое не говори, что я мысли читаю.

Невидимка меня больше не тревожил, я вспомнил, где видел эту девушку: там, в пещере, и правильно, её зовут Лоя. Я не знал, что она Ытх. Невидимка опять вспрыснул.

– Ты же обещал, что больше не будешь подслушивать мои мысли!

Но началась погрузка в ангар, мне было не до выяснения отношений и не до проведения воспитательной работы. Клетка взмыла в воздух и появились всадники: огромные, только механические. Мне кажется, они за полчаса выпотрошили корабль, мы двигались по конвейеру, навстречу нам, в таких же клетках, двигались фантастические существа, различных форм. На погрузку, – догадался я. Клетка, под чьим-то воздействием, спрыгнула с конвейера и её подхватила механическая рука. Она нас засунула в другой бокс, пропитанный запахом медикаментов. Медицинский бокс – догадался я. Он стал заполняться тёплым белым газом, без запаха, зажегся свет, и газ вспыхнул звёздными блёстками, они были везде: в воздухе, в лёгких, в ушах, на волосах, на ветвях маленького корнежаба. Мой сосед, после газовой дезинфекции, стал видимым, он едва держался на тонких корнях и дрожал от страха. Наверное, впервые проходил эту процедуру. Мне его стало жалко, и, если бы я не знал, что корнежабы очень ядовиты, я бы обнял, успокоил ребёнка. Корнежаб с благодарностью посмотрел в мою сторону:

– Спасибо.

– Не за что.

– Всё равно, спасибо!

Дверка в клетке открылась.

– Выходи! Грей первый – выходи.

Я вышел, и попал в руки робота.

– А тебе, кусок дерева, особое приглашение нужно? Мы две недели его по всей лаборатории ищем, а он спрятался на корабле и путешествует в своё удовольствие. Вылезай давай, медосмотр для тебя закончился, много чести. Тебя, уже, Лоя заждалась. Провожать не буду, сам дойдёшь. Ты знаешь базу не хуже меня, беглец.

Робот ушёл, наверное, на подзарядку, оставив корнежаба в растерянности. Я только имя успел спросить у малыша, он в ментале передал:

– Все меня называют Линейка. Мы ещё встретимся с тобой Пустельга. Ты про мою просьбу помнишь? Не говори Лое, что я мысли умею читать, а то меня выселят, а здесь так много интересного!

Я пообещал, не хотелось расстраивать малого, если он может мысли читать, то что тогда могут Ытхи? Меня робот вертел, как куклу, возле каких-то приборов, с меня сняли все данные, с каждого органа в отдельности, меня разложили на молекулы, и кажется, забыли сложить. У меня была такая слабость, как будто я пробежал многокилометровый кросс, или меня держали целый час в парилке русской бани. Я ещё

помнил эту Землю, где с меня зелёную кожу веником сдирали!

– Мы, вообще, то – Литы. У живых деревьев нет такого сочетания звуков, вот и получилось – Ытхи. В нашем сообществе возник спор: откуда ты прибыл, Пустельга? Согласно взятых анализов, твой народ, одна из отпочковавшихся ветвей Литов, или наоборот, но очень похоже, что мы принадлежим к одной нации. Необходимо сканирование мозга, снятие данных генетической памяти нескольких поколений. На нашей базе нет сейчас такого оборудования, если ты дашь согласие на проведение эксперимента, то мы переправим тебя на базовую планету Литов. А нет, у тебя будет время подумать, пока мы соберём установку для сканирования мозга, здесь – на луне. Поверь, это важно. Мне нравится наблюдать за твоими успехами, Пустельга. Ты единственный, сумевший овладеть кодом разумных живых деревьев, и языком греев, ты единственный, сумевший наладить контакты со всеми обитателями планеты, и подружиться с деревьями.

Лоя замаялась, сквозь поток неприкрытой лести, ей хотелось что-то сказать, но она не решалась. Я видел нетерпение в её глазах.

– Ну, давай, говори, спрашивай, – я дал добро, для удовлетворения любопытства литянки.

Лоя, никак не могла обкатать свой вопрос, чтобы он не выглядел шокирующим и выглядел пристойным, в конце концов, она не выдержала и спросила, в упор:

– Пустельга! А почему ты называешь живые деревья – корнежабами?

Я Линеijke, так и не смогла объяснить, что это такое и где живёт. Я рассмеялся, ох уж этот малолетний телепат!

– Как-то я их должен был называть? Дерево стоит на своих корнях, и прыгает, как лягушка, при перемещении.

Лоя запротестовала:

– Это не корни, это рот, кишечник, желудки, это опора и средство передвижения, это уникальная физиология. Деревья всеядны, но предпочтенье отдают употреблению животной пищи. Да, они плотоядны, и употребление белка, играет огромную роль в их организме. А, почему жаба?

– Я ещё называю их иногда – древесными лягушками, только там лягушки стараются быть похожи на дерево, а в нашем случае – наоборот.

Лоя задумалась, в её голове был сплошной сыр-бор, с туманом, мозги никак не могли совместить эти понятия.

– Пришло время прощаться. Мы можем отправить тебя в любое место, по желанию.

– В любое, в любое?

– Ну, да. Загадай, закрой глаза и ожидай.

– Я хочу домой, в волшебную страну.

Я закрыл глаза, а когда открыл, вновь очутился на острове, возле пещеры, в которой Квин учил Корнежаба играть в домино.

– Обманула, Ытха – она и есть Ытха!

Друзья устроили скачки вокруг меня, они радовались моему возвращению. Черепаха, спрашивал, где я пропал, я рассказал ему про своё приключение, дублируя свой рассказ перестуком на резонаторе из кокосового ореха, для Корнежаба. В воде собралась группа слушателей из ящеров, всем было интересно, никто из них не был в гостях у Ытхов, обычно от зелёных никто не возвращался. Корнежаба несколько раз просил повторить фрагмент моего рассказа, про Линею. Он говорил, что словно в детстве побывал! Черепаха, обещал меня доставить на материк, в любое время, если сейсмограф даст добро.

– Но Ытхи тебя закинули снова на остров. Ты не знаешь, с какой целью?

Нужно подождать. Я согласился, меня, как приговорили к этому острову. За время моего отсутствия, на острове произошли сильные изменения. Землетрясение, почти разрушило пещеру, и всё это произошло во время бури, много животных погибло. Пещера осталась не разрушенной около входа, но как спасение от бури и других катаклизмов, она не годилась. После бури опять напали всадники, они сменили тактику, применив пойманных ящеров, как ручные зажигалки. Всадники были ужасны и огромны, они сжимали ящеров своими безобразными ручищами, выдавливая из них огонь, и поджигали траву, кустарник – всё, что горит. Встретив, впереди заслон из живых деревьев, в ответ, на обстрел ядовитыми снарядами, эти монстры, вынырнувшие из пучины,

кидали в деревья ящеров, как ручные гранаты. Ящеры взрывались сами и взрывали всё вокруг себя. Всадники в этом бою победили, и утащили в море много добычи. А, цунами, довершило разгром, размыв всю растительную защиту острова. В этом бою погибло много деревьев и ящеров, в этом бою погиб предводитель клана ящеров, весь генералитет пресмыкающихся и большая часть старейшин. Возле пещеры лежала чёрная раковина. Корнежаб сказал, что это приглашение от ящеров, на траурную церемонию. Черепаха, уплыл в свою резиденцию, вместе со своими ужасными телохранителями, Корнежаб упрыгал на учения. После гибели деревьев, обороняющиеся тоже поменяли тактику, они хотели провести решающий бой, чтобы навсегда отвадить морских чудовищ от нападений на остров. Корнежабы все свои планы хранили в секрете, учения проводили так, чтобы никто ничего не видел, далеко от моря, время от времени, привлекая других животных. В учениях участвовали все: и волки, и козлы, и сороконожки с тараканами. Я опять остался один, меня к учениям не привлекали, почему-то?

Глава 23

Корнежаб был злой, я не узнавал друга.

– У тебя будет совсем другая задача, это не твоя война, Пустельга! Наши рода воюют несколько тысячелетий, с переменным успехом, они отжали у нас много островов, но этот остров мы не отдадим, погибнем, но не отдадим. У всадников есть влиятельные покровители, эта война ведётся по

их указке, они обладают сверхсовременными чудовищными технологиями. Мы проигрываем не всадникам, мы проигрываем их хозяевам. Как жаль, что нам не могут помочь ящеры. У нас нет совсем союзников.

– А, Ытхи?

– Ытхи не войны. Ытхи – учёные, статисты. Для Ытхов мы все животные! Странные. Которых нужно заставлять размножаться под их присмотром. Они лучше знают какому дереву пора цвести.

Корнежаб боялся и не любил Ытхов.

– Мы уже готовы к войне, весь остров ждёт бури. Тебе, Пустельга, тоже отведена роль: твоё дело будет – наблюдать, ты знаешь много языков, тебя даже Ытхи уважают, после бури приплывёт Квин, и ты с Черепахой будешь наблюдать за битвой.

– А, если Всадники не пойдут в атаку?

– Пойдут! Их хозяева погонят. Ящеры видели их космические корабли на планете. Запомни, Пустельга, для многих этот бой будет последним, ты должен довести нашим потомкам, как всё было. Поэтому, – иди и смотри.

Буря началась через два дня, я провёл её с кротами, под землёй, у них там было целое царство, с дорогами, заводами и театрами. Под землёй всё подчинялось другим законам, все подземные жители жили по другим правилам, но, одновременно, все они были жителями этого острова, и вносили свою лепту в защиту своей земли. Я же был гость, на

время бури. Кроты были радушными хозяевами, и я не знал ограничений в еде и напитках, кроты рады были угостить меня всем, что у них производится под землёй. Буря длилась шесть дней, я представляю, что творилось наверху, это была не первая буря, пережитая на этом острове, но здесь, под землёй, была тишь и гладь, там, наверху, потоками воды смывало скалы, а у нас было сухо и играла лёгкая музыка (кто-то, из кротов, осваивал виолончель.) Мне никогда не было так легко и спокойно, как под землёй у кротов. Если бы я знал, как быстро бежит время, и меняется ситуация! Буря закончилась, и меня вывели на поверхность. На выходе меня ждал Черепаха. Место наблюдения нам Корнежаб определил на самой высокой скале, она находилась в море, но зато, со скалы – весь остров был, как на ладони. Отсюда хорошо было наблюдать, Корнежаб попросил, чтобы я взял свой резонатор для шифровальщиков, и крабы закинули нас на самую вершину. Здесь была ниша – маленькая пещера, вырубленная в скале. Было не так просторно, но мы все поместились. Весь остров замер в ожидании, иногда слышался перестук разведчиков, но сигналы были уплотнены и закодированы, а наши шифровальщики не вмешивались, у них были совсем другие задачи. Вдруг море вскипело: первыми полезли, ожидаемо, черви, травы на острове почти не было, она росла редкими клочками, и то, далеко от воды, голодные черви, сплошным ковром, разлеглись на берегу, не скрывая своего недовольства, их многочисленные рты хватали и вы-

плёвывали песок, и если бы не приказ «пастухов», то черви бы давно уползли в море, чтобы найти другой остров, богатый растительностью. Вслед за червями, появились Всадники. Шифровальщик начал работать, и как только последний Всадник ступил на берег, как раздался последний удар шифровальщика по резонатору. И на острове началось непонятное, до меня дошло, через время: в бой вступили кроты – они из-под земли, кольями и острым бамбуком, проткнули и пригвоздили червей, да так удачно, что вывели сразу половину всадников, повредив их лапы. Я впервые услышал вой этих чудовищ. Зажатые в их лапах ящеры, оказались совершенно бесполезными, жечь было нечего, а взрывать – некогда. Оставшиеся неповреждёнными Всадники, оказались отрезанными от воды, лесом копий, торчащих из-под земли, через тела червей. Потом Всадники, один за другим начали падать, а вокруг сыпались ядовитые обломки ветвей корнежабов. Я понял тактику друга, это он командовал битвой, пригодилась древняя магия и тренировки с невидимостью. Через несколько минут всё было кончено, Всадники мёртвые валялись на червях, или бились в агонии, червей есть уже было некому, всю мелочь, унесло землетрясением и бурями, теперь необходимо много времени, чтобы жизнь восстановилась на острове. Всё равно, это была победа, полная победа над пришельцами из моря. Корнежабы стали терять невидимость, и вскоре появились все на берегу с триумфально поднятыми ветвями. Ура! Мы с Черепахом обнялись, к

нашему ликованию присоединились шифровальщики, и мы, на маленьком участке скалы станцевали такой танец, абсолютно забыв, что можно сорваться и упасть с большой высоты на подводные скалы. На берегу тоже творилось что-то невероятное. Это был триумф островной флоры и фауны, это были последние минуты счастья для островитян. Космические корабли, как хищники, подкрались, вынырнув из дымовой завесы в море. Никто из нас не обратил внимание на этот туман, мы привыкли к тому, что в море часто меняется погода и ветрами приносит туманы, а иногда айсберги. Корабли применили своё варварское оружие, островитяне начали исчезать, группами, все. На остров, на море, стали падать отдельные фрагменты бывших животных, живых деревьев, всего, что попало в зону действия этого оружия. Было такое ощущение, что внутри кораблей работала мясорубка, и перемалывала всё, что захватывали невидимые лучи. Корабли три раза проутожили остров, пока пилоты не убедились, что никого не осталось в живых, и поверхность острова гола, как яичная скорлупа. Корабли, один за другим начали приземляться, подальше от недавней битвы, с запахами трупов и крови. И мы увидели этих пришельцев, этих хозяев Всадников. Эти мерзкие существа имели много рук и ног, внешне походили на смесь обезьяны с пауком. Они, с опаской, выходили из кораблей на остров, и когда последний пришелец покинул корабль, среди них начался непонятный ритуал, похожий на наш триумфальный танец. Если они радовались

своей победе, то это было кощунственно, не справедливо. Черепах плакал, не скрывая слёз, шифровальщики лежали на скале, вниз лицом, чтобы не видеть триумфа этой нечисти. Вдруг я увидел шевеление, на острове, между кораблями и пауками, стало что-то мелькать, это были наши трудолюбивые ткачи. Из щелей, из-под земли, стали появляться шестиногие змеи, скорпионы, тарантулы, ими всеми руководил крот. Это был, наверное, последний бастион островной армии. Пришельцы поздно обратили на них внимание, но, когда стали падать от укусов ядовитых существ, они кинулись к кораблям, но было поздно, ленты перерезали мышцы, горло. Это была не битва, это была бойня, этих сверхграмотных интеллектуальных существ, резали, как обычный скот... Всё-таки, кто-то из них успел нажать на кнопку самоликвидатора. Произошёл взрыв, остров разделился на части и затонул. Погибли оба краба. Нас сбросило со скалы взрывной волной, я потерял сознание. Очнулся на панцире Квина. Черепах плыл в направлении материка.

– Лоя, приборы зафиксировали космическую активность, в последнее время, атмосферу планеты пересекало множество космических кораблей, большинство из них из архипелага Верста.

– Но им же запрещено вторгаться в земли, входящие в интересы Литов?

Эта планета является общегалактической заповедной зо-

ной, это единственное место, где могут существовать живые деревья. – Наблюдатели говорят о появлении странных взрывов на поверхности планеты: это либо сейсмическая активность, либо ядерные взрывы. С поверхности исчез остров, на котором мы недавно были с инспекционной проверкой. Руководство лаборатории склоняется к мысли, чтобы послать робота-разведчика на планету.

– Не надо робота-разведчика, верстские орангутанги довольно разумны и им перепрограммировать робота, лёгкая задача. Не хотите же вы получать данные с планеты, под диктовку паукообразных обезьян? Я сама отправлюсь на планету, только надо подготовиться.

И Лоя, вместо лаборатории направилась в наблюдательный центр. Оператор дал ей видеозаписи за последнюю неделю:

– Обрати внимание на фотографии взрывов, мы их специально выделили для общегалактической комиссии, все эти взрывы замаскированы под активность вулканов, но, когда в результате взрыва пропадают сами вулканы, вместе с островами, на которых они расположены, это выглядит подозрительно.

Лоя захватила кипу фотографий, и уединилась в наблюдательном центре так, чтобы ей никто не мешал. Лое надо было подумать. Линейка, как хвостик, следовал за девушкой, он не собирался никому мешать. Линейка пользовался магической невидимостью, он понял, что намечается увлекатель-

нейшее приключение. Он покинул Лою, ему тоже надо было подумать. Роботы стали умнее, и после проверки товара, распыляли нейтральный газ, при воздействии которого, всё невидимое, становилось явным. Линейка думал не долго. Он нашёл решение, и вернулся к девушке:

– Главное, не пропустить дату десантирования!

Лоя долго выбирала пелёнку для преобразования в девушку– грея. Она ругала себя за то, что не уделила достаточно внимания для изучения греев. Что она знала о греях: разумная регрессирующая нация, прибыли на планету на допотопных космических кораблях с ручным управлением, на них даже навигатора не было. Лоя пошутила:

– Шли по звёздам, иногда, пользуясь компасом. Их путь, явно, был в одну сторону – куда-нибудь.

Тем не менее, греи смогли закрепиться на планете, отвовав территорию у ящеров. У греев даже город есть и армия. На этом знания девушки заканчивались, ей раньше никогда не приходилось иметь дело с греями. Лоя вспомнила Пустельгу, но приборы отнесли его к Литам, язык греев Лоя выучила в гипноцентре, за шесть сеансов.

– Как они эти пелёнки надевают?

Лоя крутилась, как белка в колесе, у неё ничего не получалось. Пришлось снова идти в архив, чтобы найти видеозаписи о греях. Всё-таки, недостаток образования, сказался на смелой путешественнице – она выбрала себе костюм – очень удобный, красивый, но женщины-греи так не одева-

ются. Лоя, в своём новом преображении, была больше похожа на самура. В кожаных облегающих брюках – в бриджах, с лёгкой накидкой, скрывающей верхние женские ценности, в тёмных солнечных очках, и весь этот космический товар, завернут в кисейную пелёнку, как в кимоно, одетое с головы. Блин! Лоя покрутилась перед зеркалом, она себе нравилась, а если нравилась себе, значит понравится и греям. Ещё немного макияжу, и можно на подиум в наблюдательный центр. В центре шло совещание, учёные о чём-то громко спорили, выдвигали свои теории, дело даже до рукоприкладства доходило. Появление Лои в центре, было равносильно взрыву бомбы, учёные не знали, куда прятаться от этого пришельца с оружием космических терминаторов. Линейка забыл про свою невидимость, хохотал неприятным скрипом, ещё больше нагнетая обстановку. В центре стало пусто, все посетители и операторы испарились, минут пятнадцать за планетой никто не наблюдал. Лоя была удовлетворена эффектом своего посещения:

– Боятся – значит уважают!

Лоя уже была готова к полёту, корабль-разведчик, как верный конь, стоял в стойле, в ожидании своей хозяйки. Корабль девушку не узнал, потребовал жетон идентификации. Лоя была довольна, что она своим видом устроила фурор на станции. Корабль приземлился в месте, находящемся далеко от греев, так было легче и незаметней для внедрения. Она не знала, что попала в самый центр паукообразных обезьян,

их десантные корабли стояли за бугром, замаскированные планетной растительностью. Самих десантников не было, но патруль, когда наткнулся на самура в женском одеянии, он решил применить оружие, но пауки, даже не успели направить его на девушку, как начали падать один за другим. Лиейка, в ментале почувствовал агрессию против его подружки, и вспомнил о своей ядовитости. Но Лоя, даже не заметила старания ребёнка, она не заметила и ящера, спрятавшегося за камнем. Ящеры редко отходят далеко от моря, но этот был здесь уже несколько дней, он терпеливо выжидал удобного момента, чтобы, одним ударом, уничтожить флот пришельцев. И дождался! Этот странный грей уничтожил всю охрану объекта. Ящер, все же подождал, пока грей не убежит подальше, и одним нежным дыханием, вызвал столб пламени из своей пасти, и один за другим, уничтожил корабли инопланетян, превратив их в горстку расплавленного металла. Лоя обратила внимание на зарево за своей спиной, но не придала значения, огонь помогал ей лучше видеть дорогу. Начало светать, впереди был город греев, но чем ближе девушка подходила к городу, тем больше было видно, что город разрушен и сожжён. В городе никого не было, город был пуст, шаги разведчицы тонули в раскатах эха. Лоя быстро прошла город, она не знала где искать греев, и что делать дальше. Зато знала группа самуров, наблюдающая за ней. Они увидели её в городе, и долго не могли определить, кто издевается над их экипировкой. Этот самур был по-

хож на клоуна, а его сапоги с толстой платформой на каблук- шпильках, делали этого война одновременно смешным и страшным. Кто знает, может это тактика такая, так смешно маршировать по дороге, чтобы применить своё смертельное оружие. Лоя не расставалась со своим ручным нейтрализатором. Но когда греи выяснили, что этот самур женщина, их возмущению не было предела. У греев никогда не было женщин, среди военных. Но самое страшное, что кожа этого самура, тоже была зелёной. Грем было чего испугаться, перед отправкой в дозоры, собрали все подразделения, и местный священник рассказал о новой тактике врага, были случаи. Обезьяны придумывают големов, наряжают их в наши одежды, и заставляют ходить перед нашими позициями, а если убьёшь голема, сам становишься похож на него и кидаешься на своих сослуживцев с силой одержимого.

О, свят космос! Никто из греев не хотел превратиться в зелёное чудовище на каблуках. Решили усыпить его сонным газом и притащить в комендатуру, пусть там разбираются: голем это, или не голем. Над головой раздался лёгкий хлопок, больше Лоя ничего не помнила из своего приземления. Её упаковали в плащ-палатки, и трое греев понесли девушку на плечах. Никто из них не обратил внимание, на лежавший на обочине дороги, кустарник, вырванный из земли с корнями. У Линейки никогда так не болела голова, он не знает, где у него находится голова, но болело всё. Рядом никого не было. Линейка не помнил, как здесь очутился, и почему

он видимый. Он решил пока не шевелиться и ждать, когда придут умные мысли. Линейка заскрипел, представив мысли с ногами. Линейке надоело ждать, никто не приходил, он принял вертикальное положение и попытался сделать первый шаг. Наблюдатель от греев попросил успокоительного. столько эмоций! Столько эмоций! Наблюдателю показалось, что кусты ходят. Линейка вовремя включил невидимость, он вспомнил, как заменил газ в космической лаборатории, этот раз, без газа, точно не обошлись. У линейки появился план, как найти пропавшую Лою. Нужно дождаться смены караула, и читать мысли греев, читать всё подряд.

Лоя очнулась в камере, девушка быстро поняла своё положение, и то, что её арестовали греи. Она не поняла, как её раскусили, она же делала всё правильно.

– Это не я, это греи попались не правильные. А где мои очки? И, вообще, как я здесь очутилась?

Ей греи дали целую ночь на размышления. Все свои претензии Лоя предъявила следователю, на допросе. Грей был стар и близорук, он внимательно выслушал претензии арестованной, а потом задал всего один вопрос:

– Где вы, видели греев в таких одеждах

До Лои дошло, что все её старания с переодеваниями, прошли впустую. Следователя интересовало всё, от брюк, до причёски. Оказывается, у греев этого не было. Следователь вертел один из снятых сапог, постоянно ощупывая каблук:

– Это зачем?

Лоя не смогла ответить. У греев на тапочках каблуков не было, у самуров тоже. Обувь самуров, больше походила на мокасины.

– Ага, я догадался, это, чтобы маскироваться под голема и ходить так, как будто сильно хочешь в туалет, но, понимаешь, что уже поздно.

Лое надоел этот извращённый разговор, никто ещё так не обсуждал её походку, притом грей говорил на полном серьёзе, он не смеялся, он верил каждому своему слову. Грей никогда не видел, чтобы женщины ходили, переплетая ногами, почти на цыпочках, при этом бессовестно, вертя бёдрами. Он даже таких големов не встречал. У грея начала болеть голова, это уже был второй зелёный грей. Нужно провести между ними очную ставку, при перекрёстном допросе выяснится, с какой целью они прибыли на планету. Старик вздохнул:

– Раньше была тюрьма, как тюрьма, а с этой войной, всё перепуталось – не тюрьма, а кунсткамера какая-то: два зелёных голема, один полу ящер-мутант, с панцирем. Всё, пора на пенсию! Хорошо, хоть паукообразных обезьян нет.

На завтра пообещали смену, его рапорт об увольнении давно лежит на столе начальства, но война перебила все планы. Следователь решил провести перекрёстный допрос зелёных вместе с офицером, прибывшим к нему, на смену. Лиейка, уже добрался до тюрьмы, он уже знал, что Лоя здесь, он нащупал её присутствие в ментале. Девушка была жива,

но сигнал был слаб, Линейка не мог читать её мысли. Зато он смог связаться с Пустельгой.

– Как тесен этот мир, зелёный тоже был в этой тюрьме, и довольно-таки, давно.

Глава 24

–Эй, зелёный! Пустельга, подскочил от внезапности, мотая головой.

Нет, рядом никого не было.

– Показалось. Пустельге померещилось, что его позвал Юнга, на волшебном языке.

Линейка просканировал мозг Пустельги. Связь была налажена. Перед глазами Линейки высветилась фотография загадочного Юнга, о котором думал бывший островитянин. Странно, но этот Юнга был грей, и совсем не зелёный. Линейка задумался, что может связывать Пустельгу и грея? И просто, из чувства безопасности, он осторожно задал вопрос Пустельге. Островитянин сидел второй месяц в одиночке, они смогли доплыть до берега, когда кончились силы, и у него, и у товарища. Их, в беспамятстве выбросило на берег, греи поместили их в тюрьму. Потом были допросы, но не долго, видимо база пришельцев была на орбите планеты, и деревья разбили только передовой десант этих паукообразных орангутангов. Началась война, пришельцы разбили город греев, досталось и ящерам, их войска готовили атаку на позиции самуров. Ящеры подумали, что это помощь греям от неведомой коалиции, но когда разведка донесла, что ста-

лось в тылу греев, то всё встало на свои места: кто-то вмешался в их многолетнюю войну. Обезьяны приобрели сразу двух врагов, для которых война была смыслом жизни. И самуры, и ящеры, знали здесь каждый клочок земли. Это были непримиримые враги и мастера локальных и партизанских воин. Обезьяны это поняли, но поняли поздно, когда лишились всего космического флота, они попали между двух огней, и начали терять свой состав, несмотря на современное оружие, которого не было, ни у аборигенов, ни у греев. База пришельцев продолжала вращаться вокруг планеты, но они ничем не могли помочь своим соплеменникам. На базе остался только дежурный персонал, с которым, совсем не было связи. Пустельга опять, вспомнил: о Юнге, о капитане. Линейка внимательно пережёвывал всю полученную информацию. Нет, ни Юнга, не капитан, ни сам Пустельга, не могут нести опасность для Лои, тем более, для лаборатории.

– Эй, зелёный!

– Опять началось.

Пустельга, догадался по скрипучему смеху, разрезавшему ментал:

– Линейка? Это ты?

Ребёнок замычал, подражая шурмену.

– Нет уже шурменов, Линейка, нет моего друга Корнежаба, и острова тоже нет. Я видел своими глазами, как пауки разорвали его на части и утопили в море. Нет никого, Линейка! А ты где? Опять в невидимку играешь? Опять убежал

с базы? Погоди, Лоя тебе задаст!

Настал черёд Линеijke оправдываться перед Пустельгой. Пустельга, узнал, что Линеijke прячется в тюремном дворе, а Лою тоже арестовали Греи, и она находится в здании этой тюрьмы, только где – то далеко. Линеijke устал держать невидимость и сильно проголодался. Пустельга, позвал малыша в свою камеру, невидимому легче проникнуть в камеру, чем зелёному в тюремный двор с браслетами.

– Заходи, что-нибудь придумаем.

Через несколько минут, Линеijke был рядом, снял невидимость и завалился спать на полу, поближе к двери и подальше от зоны видимости тюремного глазка. Линеijke даже про голод забыл, так вымотался от своих приключений. Сменился караул, сменщики проверили всех заключённых, заглядывая в глазки камер, но посапывающего во сне куста, никто не заметил. Линеijke разбудил Пустельгу рано утром:

– Есть хочу-у-у!

Под камерой Пустельги, в полуподвале, была тюремная кухня, каждый день, оттуда доносились соблазнительные запахи. Пустельга, включил обоняние, пахло мясом, фаршем и острым перцем. Он знал, что у живых деревьев нет нюха, поэтому, как мог, объяснил Линеijke, где находится пища. У живых деревьев не было нюха, но глаза находятся рядом с желудком, Линеijke подошёл к окну и через решётку, опустил один из своих тонких корешков, похожий на макаронину. Эта макаронина начала расти, удлиняться, и вско-

ре по ней стала поступать пища. Без преувеличения, за пол часа, маленький куст превратился в баобаб. Линейка наелся, убрав из подвала часть своего желудка. Я боялся, что его обнаружит охрана, Линейка стал таким толстым! Но пронесло, через час, с низу начался такой рёв, скандал перерос в драку, вся охрана помчалась на разборки. Говорят, что дрались все, но так никто и не сознался, кто слопал двух быков, чан фарша, сорокалитровую кастрюлю компота, и всё это закусив двумя тортами, приготовленными для дня рождения дражайшей супруги директора тюрьмы. У Линейки был неплохой слух, он при приближении караула к глазку двери, становился невидимым, до этого он был, только, недвижимым. На завтрак и обед у нас были наши любимые галеты. Ну и что? Пусть Линейка весь дневной рацион тюрьмы умял? Зато я друга накормил!

Слухи в маленьком мире распространяются с невероятной скоростью. Ещё не успели зелёного с Черепахом переправить в тюрьму с побережья, как об этом знал каждый грей. Ещё все знали, что в тюрьмах никто долго не выживал, узники погибали от таинственных болезней и агрессивности охраны, ходили слухи, что на заключённых испытывают какое-то тайное оружие. Идея о спасении Пустельги, пришла в голову Капитану, он поделился своими мыслями с командой, побывавшей с ним на острове. Люди поддержали его, особенно активен был Юнга. Капитан стал разрабатывать план, он привлёк к этим разработкам Юнгу, и нако-

нец, сама фортуна способствовала их желаниям. Капитан, в кулуарах, узнал о замене главного следователя в тюрьме, остальное было дело техники, Юнге осталось разыграть роль следователя. Перед воротами тюрьмы появился молодой человек, в голубом наряде пенитенциарной службы, у стражников был намётан глаз на появление офицеров, тем более, что они были предупреждены и стояли навытяжку, перед появившимся. Старый следователь выглянул в окно:

– Лёгко на помине!

Он давно уже, с нетерпением, заждался замену. Он не любил молодёжь – она, зачастую скорее исполняла приговор, чем думала. Следователь начал собирать свои вещи. Дом был разрушен, город тоже, он не знал, куда ему следует возвращаться, но и в тюрьме находится у него сил не было. Как всё уже надоело: тюрьма, запылившиеся папки с делами, сейфы, и эта война. Офицер вошёл в кабинет, и не здороваясь, протянул документы в руки следователя, а вместе с ними, письмо из министерства. Старик отодвинул в сторону характеристики с вензелями, вскрыл письмо. Эти рекомендации ему ни о чём не говорят, кто-то усердно толкает малого вверх. В конце письма была приписка с адресом по какому следователю надо обратиться для определения с жильём, и получения продовольственных карточек. Это уже было интересней. Следователь, по привычке, старался запомнить адрес, он знал, что в мире, в котором он существует, документы умирают быстрее, чем люди. Опять внизу шум. Страж-

ник, дежуривший в коридоре, сказал, что повара опять подрались: дверь на замке, у каждого из поваров свой ключ, по их словам, в кладовку никто не входил, если кто из них и отлучался с места работы, то по естественной надобности. Повара обвиняют друг друга в чревоугодии. Старик рассмеялся:

– Это как?

Он мысленно представил трёх толстяков, едва помещающихся у кухонной плиты.

– Они обвиняют друг друга в воровстве домашних тормозков.

Повара, каждый день приходили на работу, гружённые, как лошади: рюкзаками, коробками, банками, склянками, добавляя работу охране, проверяющее содержимое вещей обслуживающего персонала, проносимых в тюрьму. Старик завис!

– Это как?

Он помнил, что ещё недавно был скандал на кухне, пропажу так и не удалось обнаружить. Следователь спросил стража:

– А, на взвешивание вы их водили?

– Водили. Что толку, все три хряка весят одинаково. Любой из них мог слопать три тормозка, и это, абсолютно не скажется на их фигурах.

Страж зацепился:

– С чего вы это взяли?

– Господин следователь, два дня назад, эти три кабана, всю тюрьму без еды оставили!

Следователь промолчал, но он согласен был со словами служащего. Ему тоже были неприятны эти – вечно жующие физиономии. Молодой офицер вращал глазами по сторонам, не понимая, что здесь творится, и причём какие-то повара к его назначению. Офицер нервничал, три раза вытирал пот с лица голубой пелёнкой. Следователь наконец обратил внимание на юнца, подал ему носовой одноразовый платок.

– Дела в сейфе, ключ на столе, вода в котле.

Юнга хотел спросить:

– Зачем вода?

Но старик вытолкнул его из комнаты и увлёк за собой – по коридорам тюремных казематов. Вся грейская тюрьма находилась в скале, камеры и большая часть здания были выложены местным гранитом. Тюрьма – это был первый объект, построенный греями, со времён пришествия. Война её совсем не коснулась. По каким-то негласным правилам, в любой войне, разрушают всё – до основания, оставляя нетронутыми тюрьмы и дворцы. Дворцы – это тоже тюрьмы, только не для плоти, а для души. Юнга, только успевал перебирать ногами:

– Кажется его приняли, кажется пронесло... сердце работало на износ.

План капитана сработал. Старик показал на маленькую дверь, за ней была комната пыток, а рядом, среди этих ужас-

ных специализированных орудий, залитых высохшей кровью, была скамья дознания. Юнга пытался не подать вида, но запах ... этот запах крови и внутренностей различных существ, Юнга выскочил за дверь, фонтаном, чуть не обдав конвоира с подследственным. Юнга в этом худом субъекте, на плечах которого было сплошное рваньё, и сам он был весь, какой-то сваленный, грязный, еле узнал Пустельгу.

– О, следы космоса! Что они с тобой сделали?

Юнга еле сдержался, чтобы не обнять друга. Но он сделал вид, что не узнал пленника. Следом за Юнгой, из комнаты вывалился следователь:

– Привыкайте, молодой человек! Тюрьма – это не балет!

Заключённый что-то хотел сказать, и протянул руки к молодому офицеру, но конвоир усмотрел нарушение в поведении подопечного, и ударами плети остановил узника. Пустельга, закрыл голову руками, сидел на корточках и безропотно сносил все удары стражника. У Юнги сжались кулаки, он уже сделал шаг, чтобы защитить друга ... но нет, нельзя, Юнга сделал вид, что споткнулся, и упал на заключённого, приняв последние удары конвоира на себя. Он едва успел, шепотом, на волшебном, сказать:

– Молчи.

Пустельга, вздрогнул. Ему не верилось, он уже устал от одиночества, от систематических побоев и постоянного издевательства. Великий космос услышал его молитвы. Теперь у него появились силы терпеть. Да, он узнал, он конечно

узнал Юнгу. Ему пообещали очную ставку, он не знает с кем. Последняя очная ставка была с Квином, с его земляком, с которым они пережили ад на острове. Учёный находился в ужасном состоянии, греи посчитали, что он мутант ящеров и к нему были применены интенсивные меры дознания, по первой категории, как к врагу. Греи ненавидели ящеров, и готовы были живьём содрать шкуру с врага. Другу выкололи глаза, подвергли допросу с применением огня, просто так, из расовой неприязни, их даже не интересовали ответы подследственного. Ему под панцирь запустили шилохвостов, я представляю, через какую боль пришлось пройти Черепаху. Он на ощупь, ещё узнал меня:

– За что? За что, они с нами так? Мы же им не враги. Я только хотел рассказать, как погиб остров.

Это были последние слова друга, сказанные на волшебном. Его вспороли, как селёдку, об этом я услышал разговор конвоиров. Никогда... никогда тебе теперь не выучить язык ящеров! Кого ещё эти изверги нашли для издевательств? Кого ещё хотят подвергнуть мучениям? Ах, как жаль, что Юнга не знает языка ящеров!

Вечером Линейка разбудил Пустельгу:

– Кто-то стучит.

– Стучит и стучит, мы то причём?

– Послушай, зелёный!

Я прислушался, из подвалов доносился глухой звук, через который можно было услышать знакомую дробь. Язык яще-

ров, ой, живых деревьев, а, какая разница? Линейка не выдержал, стал переводить прямо в ментал:

– Ответьте, слышит ли меня кто-нибудь?

Почерк был мне незнаком, вполне возможно, что это греи выделяются, подобрали код, а теперь провоцируют. Греи от меня требовали одного, чтобы я признался, что являюсь шпионом ящеров, тогда моя смерть будет красивой и лёгкой. Ни за что! Я не стал отвечать, а Линейка не выдержал, послал закодированный сигнал. Ответ услышал и я, кто-то обещал Линейке надрать уши. Честное слово, я знал, что у живых деревьев исключительный музыкальный слух, но не знал, где у них находятся уши.

– Лоя! – вскрикнули мы оба, и тюрьма, на пол ночи превратилась в смесь кастаньет с трещоткой.

Я уже знал всё, как появилась девушка на планете, и рассказал, что случилось на острове, и с моим другом Корнежабом и с Черепахом. Сказал, что на планете война с пришельцами, как мог, описал орангутангов. Лоя видела результаты военных действий, она описала разрушенный город и как попала в плен. А для Линейки передала отдельное сообщение, что детям не место на войне, им не место даже на этой планете. Я уже не слышал, как ругалась девушка, у меня на Линейку были свои планы. Я послал ему в ментале фотографию Юнги. Я знал, что он будет ночевать в тюрьме. Задача мальчишки состояла в том, чтобы, воспользовавшись невидимостью, найти друга и узнать о его планах. Я не сомневал-

ся, что Юнга появился в тюрьме с единственной целью, чтобы спасти меня. Теперь его задача усложнялась – надо было спасать и Лою. Ночью я осторожно, не касаясь, окликнул ребёнка, и Линейка незаметно, как осьминог, просочился через оконную решётку и исчез в ночной мгле. Я пол ночи не спал, переживал за малого; одно дело гулять по улице, другое дело – в окружении вооружённой охраны, где стражи и день, и ночь, следят за тем, чтобы никто не проник за тюремные стены, без позволения командования. Любое неосторожное действие малыша, могло привести к трагедии и сорвать хорошо подготовленный план. Но обошлось, Линейка через два часа вернулся в камеру с обнадеживающими мыслями. Юнга передал, что в связи с близкими военными действиями, очная ставка зелёных отменялась приказами из министерства. Я постараюсь заблокировать прямое управление командования и завтра, вас вызовут в комнату допросов, мы обговорим там все наши дальнейшие действия. По всей видимости, комната нашпигована всеми шпионскими хитростями, поэтому, говорить придётся нам, на волшебном языке, а Лое ты отстучишь на языке деревьев, если у неё возникнут срочные вопросы. Обстановка вокруг тюрьмы сложная, нас паукообразные обезьяны отрезали от военных сил греев. Пока они нас не нашли, надо убираться из тюрьмы, я не думаю, что тюремной охране удастся долго противостоять элите космического десанта. На передовой, я видел, как орангутанги стирают греев – как ластиком на бумаге, не остаёт-

ся даже следа. Пришельцев мало, по сравнению с греями, и они лишены главного козыря – кто-то взорвал весь их флот. Но обезьяны всё ещё сильны – у них, сверхмощное ручное вооружение, одни только нейтрализаторы, чего только стоит. Нам надо уйти незаметно. Нам надо уйти, как получится. Завтра решающий день, Пустельга. Я знал, что друг взвесил каждое слово, перед тем, как сказать его. Юнга отличался лаконичностью. Завтра, так завтра. Линейка уже спал, для него завтра уже наступило. Пусть ребёнок отсыпается, а нам ещё предстояло очное свидание.

Наконец мы встретились. Юнга первый начал разговор, я едва успевал отвечать, поддерживать тему и суфлировать для Лои смысл нашего диалога. Лоя врубилась, что следователь свой, и никто не будет вставлять иголки под ногти, и подвешивать на дыбу. Девушка, при виде пыточной камеры, теряла сознание, видимо ей тоже досталось от греев. Я сравнивал их с аборигенами, ящеры тоже относились к пленникам не лучшим образом.

– Но нас же схватили без оружия?

– Не совсем. У Лои был нейтрализатор второго класса.

– Линейка, ты что здесь делаешь? Когда я уходил, ты же спал.

Теперь пришла моя очередь ругать недоросля, вечно он лез в самое пекло, туда, куда нельзя. Прав был друг Корнежаб:

– Ты ещё с нашим потомством не встречался!

Линейка засмеялся, и полностью выдал себя, перед всеми присутствующими. Юнга возмутился:

– Нам ещё детей не хватало посвящать в наши планы.

Он предложил мне перейти на волшебный, бедный друг, он не знал, что Линейка может читать мысли, и даже, если его выставить из камеры, это не спасёт ситуацию. Решено быть на готовности, через час, Юнга откроет двери камер, и мы уйдём подвалами к морю. Там нас будут ждать. Наше общение на непонятном языке, не осталось без внимания. Юнга не учёл, что работал особый отдел внутренних расследований. По его распоряжению были заблокированы двери в пыточную камеру, и по тайным трубопроводам, со всех щелей стал поступать сонный газ. Линейка уже был научен, ему не нравилось, когда раскалывается голова, и, вообще, он проголодался, пора обедать. Линейка смылся через мусоропровод, а мы попадали там, где сидели. Это, наверное, нас и спасло. Капитан рассказывал, что паукообразные обезьяны нашли тюрьму, и как альпинисты влезли внутрь, и не применяя оружие, пинками, выставили весь обслуживающий персонал. Да, и что им могли противопоставить охранники? Кроме плёток и специальных палок у стражей ничего не было. Инопланетяне быстро провели зачистку, убедились, что внутри самуров нет, и покинули негостеприимное здание. Нам показалось, что обезьяны остались недовольными: всё смотрели на свои наручные приборы, которые непрерывно моргали, о чём-то сигнализируя. Но ещё больше они

были не довольны, что на кухне им ничего не удалось найти съестного. Они раскрыли все двери и выпустили заключённых, а вас, наверное, приняли за мёртвых, они куда-то спешили, и тщательно вас не обследовали, один вид пыточной камеры, говорил о том, что жизнью здесь не пахнет. Мы дождались, когда обезьяны уберутся, и принялись искать вас. Еле нашли, и вы все оказались живы. Осторожно, ступенька. Мы уходили от тюрьмы подземными туннелями.

– Стойте! Меня подождите, я не могу так быстро.

– Кто это? – испугался капитан?

Значит мысленная телепатическая команда Линейки, и его достала! Линейка потерял видимость. Лоя, хватаясь за бока, сползла на землю. Я тоже не мог удержаться от смеха – маленький толстый бочонок, совсем не был похож на дерево. Линейка застрял на входе в очередной туннель, и запаниковал. Я пообещал вернуться за ним, через два дня, когда тюремная пайка утрусится. И, только, капитану, ведомыми тропами, мы пошли навстречу, к базе греев.

Глава 25

Война не изменила греев, они уже родились с расовой нетерпимостью, и к зелёным относились с ненавистью, враждебность чувствовалась во всём: во взгляде, в гримасах, в походке, в улыбке. Капитан прятал нас в своей «каюте», и просил не провоцировать озлобленных греев. Греи сражались против маленькой кучки пришельцев и терпели ужасное поражение, самуры гибли сотнями, тысячами, каждый

день, пришло такое время, когда обезьяны загнали греев под землю и устраивали охоту на самуров. Не было противостояния армий, обезьяны гонялись за отдельными разрозненными группами греев, выковыривая их с щелей, и уничтожая, как тараканов. Мы попали под землю в то время, когда здесь остались, преимущественно женщины и дети. Правительство давно рассыпалось, как и командование и прочие институты власти. Умные греи давно признали своё поражение, им наплевать было на народ, их никто не распускал, не свергал, не преследовал – они, просто, пропали в один день, и никто даже не заметил. Просто было не до них. Время болтунов кончилось, пришло время выживания: не хватало еды, медикаментов, одежды, тепла, но больше всего народ страдал от недостатка информации. Питание брали со складов, теперь склады охранялись стихийно возникшими бандами, некоторые склады были под контролем обезьян, возникли проблемы со снабжением, состав продотряда таял с каждым рейдом. Возле Капитана собрался народ, надо было что-то делать, под землёй греи дошли до критической точки, до той грани, за которой начинается дорога к смерти. Нация умирала, каждый день на поверхность выносили трупы: греи умирали от голода, самоубийств, от нападения преступников. Тогда в нашей комнате и появился Сенатор. Я его раньше, мельком, видел в тюрьме: крупный мужчина, с высоко поднятой седой головой, весь опутанный цепями. Его боялись даже там, в тюрьме, вокруг заключённого нахо-

дилось целых четыре надзирателя. Сенатор был чёрным. Да, да. Вы не ослышались – он был чёрным греем. Капитан вернул Лое её фонарик. У девушки даже руки трусились, нейтрализатор для неё много значил, никто здесь не знал, как пользоваться этим оружием, капитан конфисковал его у одного из бандитов. К нам уже привыкли под землёй, на нас тоже перестали обращать внимание, голодным греям стало безразлично: и цвет нашей кожи, и наша одежда, и мы сами. Весь мозг греев был занят тем, где найти еду. Они ходили по туннелям толпами и по одиночке, выискивая улиток, червей и грибы. Я вспомнил за Линейку. Мы пошли выручать его всей комнатой, надоело сидеть взаперти. Я по пути, рассказывал Сенатору про остров, про живые деревья, про войну с инопланетянами. Он улыбался, и воспринимал мой рассказ, как фантазию, как сказку, он не верил ни одному моему слову. Это меня бесило, и добавляло эмоций в мой рассказ, но получался обратный эффект, чем красочней я описывал события, тем улыбчивей становилась физиономия Сенатора.

– Не веришь? Не надо. Скоро придём, сам увидишь!

Лоя в наш разговор не вмешивалась она шла впереди нас и освещала дорогу, изредка переключая оружие, для нейтрализации банд, поджидающих нас в темноте. Наружный свет появился внезапно, резанув своей яркостью по глазам. Я проморгал свои видео рецепторы, но Линейки на проходе не было, перед входом лежало семь трупов обезьян, а сам Линейка, стоял над пропастью и что-то выуживал с низу, сво-

ими безразмерными корнями. Я в ментале окликнул друга, Линейка, от неожиданности, чуть не свалился в пропасть.

– И как это понимать? – я показывал на трупы обезьян.

Перед нами был обезвреженный взвод разведки пришельцев. Ребёнок начал оправдываться:

– Я их не трогал, они первыми начали, обезьяны обнаружили вход в туннель, а я им мешал. Они решили вытащить меня и освободить проход, но прокололи свои перчатки.

Я понял, сам опасался ядовитости малыша. Но что-то не сходилось с его рассказом – два трупа лежало вдали от пещеры.

– А этих, кто убил?

Малыш покраснел, пойманный на месте преступления, и решил сознаться:

– Я. впервые отбросил свои верхушки.

Рядом с трупами лежали куски дерева, похожие на снаряд, или на ракету – Земля-Земля. Я поздравил Линейку. Незаметно вырос наш ребёнок! У деревьев – способ отбрасывания верхушек, является первым условием взрослости. Лоя присоединилась к моим поздравлениям. А Сенатор побелел так, что слился со своей седой шевелюрой – он переводил глаза: то на нас, то на трупы паукообразных обезьян, то на дерево. Пришла моя очередь смеяться над темнокожим, но я сдержался.

– А что ты там делал на краю пропасти?

Линейка приободрился, он понял, что никто его ругать не

будет:

– Там, какие-то бочки, я пытался достать, но у меня не хватает сил их вытащить.

Я заглянул. По-моему, в бочках что-то было съестное, вернёмся, надо будет сюда продотряд вызвать. За скалой, внизу валялось ещё два трупа обезьян, но я сделал вид, что не заметил, что от их остались кожа да кости. Обвинять дерево в каннибализме, у меня язык не поворачивался, Линейка бы, просто не понял меня, он и так сидит постоянно в моих мозгах. Мы посоветовались: тащить дерево под землю, не было смысла, там всё равно есть нечего, а судя по трупам инопланетян, из дерева получился неплохой охранник. Лоя посоветовала оставить Линейку на охране прохода, дерево был всеяден, о его пропитании не стоило беспокоиться. Я объяснил Линейке, что придёт Юнга с отрядом, они доставят бочки, чтобы Линейка пропустил их беспрепятственно. На этом мы расстались с другом и ушли назад под землю, мирясь с ворчанием Сенатора:

– Зачем ходили? Не могли сразу сказать, что спасать никого не нужно и тащить под землю вы никого не собираетесь.

Сенатор не отошёл от шока, он не верил своим глазам, и посчитал нас фокусниками и шарлатанами, а себя жертвой иллюзионного обмана. – Не могут деревья ходить и говорить, а тем более, охранять проходы. Я слушал его ворчание и вспоминал, как два друга – Корнежаб и Черепах играли в домино, ожидая моё появление из лаборатории Ытхов.

Я устал, ещё успел рассказать Юнге, где может находиться еда, и заснул, не допив чай. Проснулся от восхищённых криков товарищей. На столе стояла открытая бочка с солониной и лежала упаковка наших любимых тюремных галет. Линейка нашёл тюремные продуктовые склады. Это была явная удача, капитан их сразу поставил под усиленную охрану. Сверху охранял Линейка, а снизу, целый взвод самуров. Продотрядом руководил Юнга, это было очень ответственное дело, они и Лою привлекли, а меня посчитали худым и обессиленным – отнесли к хроническим дистрофикам, Сенатор был стар. Капитан руководил центром спасения. Обезьяны нащупали наше убежище, нейтрализуя случайных греев, но под землю соваться опасались. Под землёй их оружие работало против них самих, они провели несколько попыток атаки, но понесли потери – с ними справилась Лоя, и много обезьян получили ранения, попав в зону действия своего же оружия. Обезьяны обложили нас так, что не давали высунуть нос, наш выход, к скалам крепости, был единственной свободной зоной. Обезьяны не любили появляться возле скал. Как только на их руках браслеты начинали мигать, они тут же разворачивались всем составом и шагали совсем в противоположную сторону, не обращая внимания на приказы командира. У меня не было объяснения их действиям, а Лоя, если даже знала, то молчала, как рыба. Я заметил, она тоже не любила скалы, может быть, они ей напоминали про тюрьму? Осада была основательной, обезьяны изменили рус-

до ручья, втекающего под землю. Воды под землёй было достаточно, пищи тоже, но никто не знал, сколько эти военные действия продлятся, были введены ограничения на воду и продукты питания. Юнга сдружился с Линежкой, и по вечерам, оставив на входе в подземелье охрану, они с небольшой группой солдат, предпринимали скоростные партизанские рейды, уничтожая обезьян, воруя и отравляя их продукты. Пока обезьяны не устроили засаду, оставив мины на пути к своим складам. Юнга и Линежка, чудом уцелели, большая часть партизан была нейтрализована. Наконец, меня с Сенатором привлекли в продотряд. Юнгу сместили от руководства, вместо неё поставили Лою. Мужики греи побурчали, но пришлось подчиниться девушке, она завоевала себе уважение, никто не мог похвалиться такими победами в войне с обезьянами, как это хрупкое существо с зелёной кожей. У меня открылись навыки к сапёрному делу, не помню, чтобы я что-то взрывал раньше, но наткнувшись на мину обезьян, установленную недалеко от выхода из подземелья, я очень быстро разобрался в её устройстве. Это подтолкнуло меня к реализации одного коварного плана. Один Линежка знал, что я задумал, но молчал, как дерево. Никто не знал, что Линежка может мысли читать, даже Лоя не догадывалась. Линежка ничего не говорил, но одобрял мои действия. Я попросил Сенатора прикрыть моё отсутствие ночью, и тайно продолжил партизанскую войну Юнги. Я переставил все минные ловушки обезьян. И когда звучал очередной взрыв, улыбался, ра-

довался своей победе. Обезьяны очумели от такой наглости: взрываться на собственных минах не входило в их планы, абсолютно. Я подозреваю, что Линейка, тоже тайком отлучался по ночам и пользуясь невидимостью, нагонял на инопланетян такой ужас, который невозможно было представить без содрогания сердца. К нам в руки попал оперативный журнал штаба пришельцев. Лоя с Юнгой смогли расшифровать записи: – Для охраны объекта было послано четыре взвода солдат и два офицера. На следующий день прибежала вся смена, вместе с одним из дежуривших офицеров. Из их рассказов не удалось добиться ничего, офицер сошёл с ума. Посланная на объект разведка принесла ужасную новость – весь состав караула был мёртв, от солдат остались только макеты, из костей, обтянутых кожей. Обезьяны не выдержали психологического давления, объявив тюрьму и прибрежные скалы опасной зоной и оградив её от постороннего вмешательства колючей проволокой, и тремя степенями защиты от проникновения из этого колдовского периметра. Линейка продолжал прикалываться, расширяя эту зону, за счёт уничтожения пограничных нарядов инопланетян. Не знаю, может он таким образом решал продовольственную проблему, молодой организм рос, а дереву необходим белок, но я сильно не лез в его мозги, с воспитательными целями, это было лишнее, нельзя дереву запретить быть деревом. Гремя удалось отвести часть своей территории, и наконец, можно было выйти на поверхность не опасаясь неприятеля. Детям и женщи-

нам, кроме воды и пищи, нужен был свежий воздух. Мужчин под землёй осталось мало. Лоя передвинула пост Линейки подальше от входа, предупредила, чтобы не пугал греев, и вскоре, по списку, стали выходить из подземелья женщины с детьми. Линейка стоял одиноким деревом далеко от народа, ему было скучно, грустно, одиноко. На поверхности была идиллия, свет, уходящей звезды, за горизонт планеты, скользил вдоль скал, ветер перед ночью утих, греи, как дорвавшиеся до обилия кислорода рыбы в аквариумах, все глотали и хватали воздух, всеми лёгкими. Когда на поверхность вышел Капитан, всё изменилось: резко потемнело, на планете почти не было перехода между вечером и ночью, женщины начали замерзать и проситься назад, под землю, а бесконтрольная стая ребятни гонялась за, потерявшим маскировку, Линежкой. Это было уже опасно. Капитан попробовал провести воспитательную работу среди детей, пытался объяснить, что дерево ядовито, очень ядовито, и, если убегает от вас, это не потому, что оно вас боится, оно не играет с вами, просто не хочет, чтобы из вас кто-нибудь умер от яда. Но, до детворы это не доходило. Он взмолился, обращаясь к Лое:

– Сделай что-нибудь, у меня сердце кровью обливается, когда я вижу детей рядом с ядовитым монстром.

Лоя села за резонатор и Линейка выгреб за всё хорошее:

– Я же просила, не пугать греев.

Сенатор крестится начал, а Капитан заикаться. Да, прав был Корнежаба, не приведи, грехи космоса, вам встретиться

с молодым поколением живых деревьев, я даже готов был поверить в то, что они съедают своих родителей. Линейка не оправдывался, он молча кивал ветвями.

– Вы не забывайте, я не совсем ещё взрослый и тоже поиграть хочу. Я знаю, что моё тело ядовито, я контролирую себя и слежу за детьми, мы бегаем по берегу моря, а когда я устаю, я становлюсь невидимым и ухожу подальше от греев.

Линейка обиделся, а Лоя покраснела. Я знал, что Линейка прав. Но бесконечно так продолжаться не могло:

– Закрома Родины не безграничны – говорил Капитан, и я рискнул предложить коалицию с ящерами.

До нас доходили слухи, что ящеры тоже втянуты в войну. Я стремился выполнить задание погибшего правителя, сама обстановка к этому способствовала. Капитан, аж подскочил, услышав моё предложение:

– С этими рептилиями, да никогда!

Как же прочно укоренился стереотип врага. Я уже успел изучить капитана, ему, чтобы принять окончательное решение, нужно было время. Капитан никогда не шёл на поводу у амбиций, ему нужно было всё тщательно осмыслить, взвесить, рассчитать. Через час, он подошёл сам.

– Что ты предлагаешь Пустельга, это исполнимо?

– Можно попробовать.

Ящеры находились в лучшем положении, чем греи, но у них были ограничены зоны влияния, и на суше, они, почти всегда терпели поражение от инопланетян. Паукообраз-

ные обезьяны успели захватить несколько центральных островов, полностью подчинить дискоголовых, превратив их в рабов. Теперь пришельцы делали политику в торговле. Война между ними и аборигенами началась из-за этого – не сошлись в цене. Я вышел на берег моря, нашёл резонатор из пустой раковины и отстучал первое послание в штаб рептилий. Я знал, что за время моего отсутствия многое поменялось в штабе, не было ящеров, которые знали меня, я надеялся, что штаб существовал, а не рассыпался, как государство греев. Я сознательно шел на контакт, зная, что у моей идеи много противников с обеих сторон. Слишком была большой ненависть между греями и ящерами. Пятилетняя война отложила свой осадок в сознании одних и других, подогреваемый постоянно политиками. Это была трудная, тяжело выполняемая задача, я рассчитывал на существ, с реалистичными взглядами на жизнь. Нужна была точка соприкосновения между греями и ящерами, перед лицом общей опасности. И я добился своего, ящеры ответили на мой вызов. Они знали моё имя, хотя весь штаб состоял из молодых особей. Ящеры согласились на встречу. Этот контакт вошел в историю обеих народов. Встреча между ящерами и греями состоялась, она прошла в тюрьме греев, под охраной спецподразделений обеих народов. Встреча была долгой тяжёлой, бескомпромиссной, переговоры длились шесть часов. Встреча была результативной, был подписан меморандум о совместном взаимодействии сил, под руководством ящеров,

с участием согласительного совета от греев. Первым заданием было, освобождение острова дискоголовых. На этом острове, двадцать инопланетян, заблокировали всю торговлю ящерам. Под землёй велась запись добровольцев, обещали полноценный трёхразовый дневной паёк. Записалось много греев, записывали даже женщин, наш продотряд перешёл в ряды армии автоматически. Каюсь, не усмотрел! Мы все не усмотрели. Линейка, не смотря на своё несовершеннолетие, записался одним из первых, и отбыл в распоряжение бригады морской разведки. Лоя, как командир продотряда, попыталась возмущаться, выдав все свои претензии перед лицом командования:

– Да поймите же вы, он же совсем ещё ребенок, к тому же не грей и не ящер, живых деревьев осталось, на пальцах пересчитать можно.

Лою успокоили, показали ей шеренгу новобранцев – кого здесь только не было! Лоя никогда не думала, что такое разнообразие существ живёт на этой планете. Это была не просто война, пришельцы поставили всех на грань выживания. Это была всепланетная, отечественная война. Мы даже не догадывались, какие у неё масштабы. Греям удалось наскрести четыре бригады, это была неполноценная армия, но всё же. Первыми на остров высадились разведчики. Линейка был в первом эшелоне штурмующих. Штаб рассчитывал на две – три атаки, но достаточно было и одной, остров взят был, почти без боя, несколько обезьян, бросив соотечествен-

ников и оружие, смылись с острова на подводной лодке. Это был недосмотр ящеров, они не предприняли никаких мер, и врагу удалось проскользнуть на материк. Адмирал, из ящеров, оправдывался:

– Мы никогда не думали, что у обезьян есть подводный флот.

Линейку наградили каким-то орденом и присвоили очередное звание, а у нас появилось оружие инопланетян. Теперь мы могли воевать на равных, и десант паукообразных обезьян, мы испарили прямо в море, их же оружием. Лое не составило труда, разобраться, как работают аннигиляционные пушки пришельцев. Наша коалиция не потеряла ни одного солдата. Вскоре половина планеты была в наших руках, исход сражения уже был предрешён, война только начиналась, и мы, только научились воевать и бить врага на своей земле, когда Лоя экстренно собрала нас в капитанском «кубрике». Получен сигнал со спутника, в лаборатории волнуются за меня. Лоя показала на фонарик, он был одновременно средством спутниковой связи. Я предлагаю всем инопланетянам покинуть планету, у вас нет разрешения планеты Литов, а это заповедные зоны. Лоя смотрела на меня с Юнгой. Я не удивлялся тому, что девушка вычислила меня, но как она вышла на Юнгу, он же, почти, как грей и совсем не зелёный! Нам осталось дожидаться Линейку, и мы отправились искать корабль Лои, где-то за разрушенным городом греев. Он находился на освобождённой территории от инопланетян. Вой-

на шла к концу, к концу шли и наши приключения на этой планете – нас депортировали, как нежелательные элементы, как будто мы по-своему хотению попали сюда, и мой друг Черепах погиб в этом мире, ради того, чтобы нарушить экологию планеты.

Глава 26

– Выберите место, в которое вы хотите попасть. Я это уже проходил, а для Юнги это было впервые и интересно. Я знал, чем закончатся эти фокусы.

– А, теперь, закройте глаза, и сосчитайте до пяти. Пустельга! Где делся твой друг? Я ещё кнопку не успел нажать.

Юнга пропал из кабины, испарился, как его не было. Оператор продолжил процесс перемещения.

– Посчитайте до пяти.

При цифре три я открыл глаза в волшебном мире, наш дом не был похож на наш дом, это был не наш сад, здесь жили совсем чужие люди, говорили с чудовищным акцентом. Это был мой мир, но совершенно чужой, я не узнавал его. Это было справедливо – как я мог узнать мир своего будущего? Я потом долго путешествовал по странах своего мира, ко мне вернулись все мои свойства, которые я приобрёл до путешествия на планету ящеров, я мог перемещаться в любую страну, был даже на планете черепах. На параде, в честь окончания академии моим старшим сыном, я случайно зашел в музей академии, и там, на доске почёта увидел фотографию Юнги. Не знаю, может это был не Юнга, но по-

хож, поразительно похож. Под фотографией было написано – Грестарх драконов, посол тёмных миров. Я где-то, когда-то его уже видел раньше, в детстве, только он был без своего амулета. Я не помнил. На фотографии Юнга был молодой, и на шее у него блестел оберег Ганзд.

– Дедушка, вы часто бываете в нашей стране, я знаю, вы любите голубей. Я спешу в школу мимо этой лавочки, на которой вы сидите, чтобы вернуться домой и допить кофе. Правда, наша страна самая лучшая!

Пустельга, согласился с мальчуганом, ему нравилось здесь бывать, жители этого города были общительные, добрые и хорошие.

– Дедушка! Вы рассказывали, что у вас два сына, а жена у вас кто? Как её зовут?

– А вы, как думаете?

Над площадью раздался бой часов, начался час пик. Вскоре, освободилась площадь и лавочка, не было деда, рассказывающего истории, не было и школьников, спешащих на занятия. Вопрос мелкого так и повис в воздухе.

– А вы как думаете? – повторил, Пустельга, и растаял, как мираж, в этом старинном городе, где все живут по законам испорченного времени.

Мне его подарила маленькая девочка с первого этажа. Странная девочка, она никогда и ни с кем не здоровалась. Однажды раздался звонок в дверь, и она просунула огром-

ную клетку, в ней сидел ворон, старый ворон, ему было лет триста, а то и больше.

– Он тоже не любит кошек и собак.

Я вспомнил: неделю назад мне позвонили на мобильный телефон, представились, как общество защиты животных, с социальным опросом, я помню, как они отреагировали на то, что я не могу терпеть кошек и собак.

Меня оскорбили, назвали бесчувственным живодёром и бросили трубку. Я, ещё тогда почувствовал, что это розыгрыш. Странная девочка! Её ровесники собирают марки, читают книги, учатся играть в шахматы, в крайнем случае разводят рыбок в аквариумах и держат в красивых клетках говорящих попугаев. Но не ворон. Я выставил клетку на балкон, решил утром поговорить с родителями этой девочки. Станный ребёнок! Мама у девочки работала учительницей немецкого и английского языков, но была не в школе, а дома. Очень долго не открывала дверь. Я отдал ей в руки клетку с птицей:

– Вот, ваша дочь вчера принесла.

Женщина пригласила меня на чай, грех было отказываться от умной интеллигентной беседы с очаровательной соседкой. Мне с детства казалось, что самые красивые женщины должны работать в школе. Я, через всю жизнь пронёс любовь к моей первой учительнице.

– Понимаете, эта птица досталась Насте от бабушки в наследство. У бабушки был небольшой магазин по торговле

животными. После смерти владельца, мы весь товар распродали, а ворона никто не захотел брать, говорят ворон в дом беду приносит, но вы не верьте. Вороны очень способные и хорошие друзья, они очень умные, по крайней мере, умнее некоторых людей. А, на Настю вы не обижайтесь, вы, наверное, заметили, она у нас немного аутист, ей тяжело общаться с людьми, она больше делилась с вороном своими девичьими секретами. Ворон, наверное, больше знает, чем родная мать. Настя посещает специальную школу, отец каждый день отвозит и забирает её после занятий. Мы бы никогда не отдали ворона, он, фактически, единственный друг для ребёнка, если бы не спешные обстоятельства. Клиника в Италии готова принять Настю на обследование, а мне предложили место гувернантки в частной семейной школе при больнице. Муж может работать таксистом или водителем автобуса, он у меня на все руки мастер. Виза и билеты на руках, завтра вылетаем из Шереметьево. А, на птицу нужно кучу справок, да там вороны не живут, и он сам не хочет.

Ворон важно сидел в клетке и мотал головой, на шее у него висел брелок. Я снял украшение с шеи птицы и отдал хозяйке квартиры, мне показалось, что он выполнен из редкоземельного металла. Женщина вернула мне украшение обратно:

– Это его. Кулон всегда был с ним, они неразделимы. Где бы не находился ворон, всегда рядом присутствует этот кулон.

Я опять нацепил цепочку на шею птице.

– Хорошо, я возьму его, если вы ответите на вопрос:

– Почему я? Почему ваша дочь притащила птицу именно ко мне? Мы до этого случая даже не разу с ней не общались.

Учительница одела очки.

– Спасибо вам большое! Настя сказала, что ворон сам назвал вашу квартиру, даже по имени отчеству назвал. Вы же Борис Савельевич, не так ли?

Так я ей и поверил, мои полные инициалы даже в соц. сетях путают. Наверное, из интернета всё выудила. Я поблагодарил за чай и с другом девочки-аутиста потопал в свою квартиру, на третий этаж. Клетку я опять выставил на балкон, я не знал, что едят вороны, забыл спросить у соседки, про их рацион. Влез в компьютер: Вороны едят всё, кроме солёной рыбы, не любят соль пернатые. Я увлёкся за компьютером, и про ворона совсем забыл. А когда утром вспомнил, птицы уже не было. Осталась одна самодельная клетка, сплетённая из алюминиевой проволоки. Как этот ворон выбрался, кто его знает. Я, вообще то, сторонник того, чтобы, и животные, и птицы, жили в настоящей природе, а не в вольерах и клетках. Привыкнуть я к ворону не успел и не переживал особо за пропажей. Ворон постучал в окно на следующий день, в клюве у него была шоколадка, как сейчас помню – большая «Алёнка», я открыл балконную дверь.

– Здравствуйте, Борис Савельевич!

Я чуть с третьего этажа не свалился. Как не верить при-

метам – сам аутистом стал, уже голоса мерещатся, скоро сам с птицей разговаривать буду. Ворон недовольно, потопал в клетку:

– Я к нему знакомиться пришёл, а он даже за шоколадку спасибо не сказал. Невоспитанный вы, Борис Савельевич!

Не хотелось, право уж, но мне кажется пора на приём к психиатру. Я принял успокоительное и лёг в постель. Дневной сон, говорят, успокаивает нервы. Пробуждение не принесло облегчения, в окно светила полная луна, на улице была дремучая ночь, в соседнем подъезде выла собака, под светом луны, изо всех щелей, повылазила нечисть, в подворотне ругались пьяные ёжики. Луна отражалась на поверхности журнального стола, на котором лежала шоколадка. Мой взгляд задержался на лакомстве, Алёнка подморгнула мне и начала строить глазки.

– Началось! – подумал я.

– Доктор! А разговаривать с животными – это нормальное явление?

– Успокойтесь пациент, что вас беспокоит?

– Меня беспокоит? Меня ничто не беспокоит, я возмущён! В мой мозг пытается вторгнуться фауна. Доктор! У вас есть кот или собака? Немедленно сдайте их в приют, поверьте, клетка не поможет, звери уничтожат нас.

Раздались какие-то звуки, как кто-то босыми ногами шлёпает по лужам на асфальте. Два полицейских заёрзали на

креслах в приёмном покое и стали оглядываться по сторонам. Я сидел рядом с ними, на моих коленях примостилась клетка с птицей, я накрыл её чёрной материей от любопытных глаз.

– Доктор! Это ужасно! Я уже почти привык, что он разговаривает, и беспокоюсь только о том, чтобы его мой сосед, со второго этажа, не научил его плохим словам.

– Конкретно, что вам нужно в моём кабинете? Вы пришли с сопровождением? Вас привели полицейские?

– Я всегда хожу с сопровождением, с персональной охраной, так сказать.

– Понимаю. Вам не нравятся говорящие животные?

– Доктор, я привык. Мне не нравится, что Фима не выговаривает шесть букв, и когда он что-то пытается сказать, мне кажется, что он кушать хочет.

С улицы донёсся крик и скрип колёс автомобиля.

– Не беспокойтесь доктор – это моя охрана. Фимочка, сынок, я здесь!

Я обернулся к двери, коридор был пуст на подоконнике разбитого окна лежала полицейская фуражка с кокардой, на стене, через обои просвечивали силуэты человеческих фигур.

Металлические входная дверь, не открылась, дверь упала в коридор, вместе с косяками и половиной стены, по развалинам, навстречу мне, шёл громадный крокодил:

– Паска, не бойсь, я пуп! Кпо клашний?

Я открыл глаза. На крокодиле был намордник и поводок. Пациент обнимал своего домашнего любимца. Доктор лежал в кабинете без сознания, я понял, что приём на сегодня окончен, у меня была приблизительно такая же проблема, как у предыдущего пациента. Пелёнка с клетки упала на пол, ворон, с ужасом смотрел по сторонам:

– Ох, ни фиги себе!

Он увидел развороченный вход, увидел доктора на полу, увидел крокодила:

– Это ветеринарная клиника? А, где же слон?

– Фимочка, скажи дяде до свидания!

Крокодил улыбнулся, насколько ему позволял намордник:

– До всечи! Я вас съем.

– Фима, надо говорить до встречи всем!

Я, по мобильнику, вызвал доктора, для доктора, в приёмную психиатрической лечебницы, и мы с птицей, поплелись домой, вслед за любителем животных. Я ещё увидел кавалькаду полицейских машин с эскортом пожарных. Не знаю – это, полицейские успели добежать до участка, или на мой звонок отреагировали в скорой помощи, подобным образом, но на нас с Вороном никто не обратил внимания, я купил в магазине плавленый сырок с ветчиной, покормил птицу, выпустил его на площади, погулять с голубями. С этого часа, мы начали привыкать друг к другу – спорить, ссориться, мириться, стараясь жить дружно – как кошка с собакой. Ворона звали Фрол, он так представился. Птица выговаривала

все буквы, но проглатывала некоторые в разговоре, так что, его речь мало отличалась от крокодилей. Друзья Ворона называли – Рол, что было вполне приемлемо, и абсолютно, не портило отношения. Друзей у Рола было половина города, его знали во всех районах, но основных было трое: крыс, хомяк и таракан. Это была банда. Не смейтесь, я знаю о чём говорю. Все резонансные дела в городе проходили не без их участия. Зверьё всегда выходило сухим из воды, и зачастую, вместо настоящих преступников, страдали совсем невинные люди. Ворон востепенулся в клетке:

– И не совсем, и не невинные, и не люди, а преступники.

Вы знаете, а он прав: три года клерк в банке, разрабатывал план ограбления века. Полиция поймала его на поличном, но украденных денег до сих пор не нашли. В основном, банда воровала еду, а банк – это так, ради принципа. Скажи, зачем тебе заграничные курорты, если отдохнуть можно и на Родине – в камере. Все тюрьмы в стране, находятся в живописных местах, а военные базы в золотом фонде Дискавери. Логика у животных была железной, с Вороном, вообще было бесполезно спорить на любые темы, у него был большой жизненный опыт, на который он опирался в любом диспуте, иногда он приводил такие исторические примеры, которые ни в одном учебнике не найдёшь. Я, поначалу ввязывался в спор, но Рол всегда находил свидетелей, живших ещё во времена Ивана Грозного, которые подтверждали правоту птицы. Рол любил орехи, я ему уже проспорил тонну арахиса, моей

бы годовой пенсии не хватило, чтобы рассчитаться с пернатым, но он не был требовательным и прощал мои ошибки, как шахматист разрядник даёт фору любителю, только просил одного: чтобы я не закрывал форточку и не прогонял его друзей, когда они приходят в гости. Не улыбайтесь. Вы когда-нибудь слышали про крыс-мутантов в московском метро? Так вот, его друзья все были из этой серии. Крыс был большой, но интеллигентный и стеснительный, а таракан с хомяком... я ещё никогда не встречал таких животных. Ладно, таракану простительно, он родился в двенадцатом веке, и не на нашей планете, но вы когда-нибудь видели хомяка, похожего на пылесос, он в размерах, почти не уступал Крысу. Друзья Ворона собирались у нас, на третьем этаже редко, гостинцы всегда приносили с собой, обожали восточные сладости, стол ломился от изобилия инжира, хурмы, халвы, пахлавы, был и шербет, и обязательно – арбуз. Хомяк, как и все хомяки, был обжорой, он мог съесть больше своего веса, а таракан был наглый. Он, каждый раз, уполовинил наш холодильник, оставляя, вместо еды, валюту: то воны, то тугрики, мог в морозилку загрузить новозеландские ракушки. Таракан был самым вредным из друзей Ворона. Рол называл таракана – Стратег, хомяка – Кукуруза, а про Крыса – совсем другая история, у Крыса было и имя, и фамилия, и отчество, он из перерождённых, раньше крыс человеком был, но давно, где-то в девятнадцатом веке. Я по компьютеру проверял, всё сходится, все его рассказы, до мелочей. Крыс про-

сил не упоминать его фамилию, его род был довольно знаменит, Крыс не любил сенсации, не к чему это, Крыс смирился, что ничего не вернёшь. Я всегда удивлялся, что связывает это зверьё, у них у всех разные истории, по характеру они не похожи друг на друга. Друзья никогда не ссорились. Меня они воспринимали – никак, как приложение к квартире, в которой живёт Ворон. Ворон о себе старался поменьше говорить, часто отнекиваясь от моих расспросов: не помню, не видел, не знаю. Но я чувствовал, что он тоже не простая штучка, когда, чуть его не застукал за работой с компьютером. Я узнал потом, чуть погодя, это зверьё связывала тайна, судьба в дальнейшем, так запутала мою жизнь, что я, невольно, стал частью этой тайны. Иногда Ворон пропадал, он предупреждал, чтобы я не беспокоился, у птицы была своя жизнь, он был вполне взрослым мальчиком, и я в неё не вмешивался. Как-то были его друзья в гостях, и зашёл разговор о женщинах. Я поинтересовался, почему у Ворона пары нет? В Москве столько молодых красивых самок! В коллективе зверей, сразу возникла какая-то неловкость, все сразу притихли. Хомяк запустил в Ворона арбузной коркой:

– Пусть только попробует со свалки ворону притащить! Перья вырву.

Я тогда не придавал значения, видимо почувствовал, что ляпнул что-то, не в тему. К психологам я больше не обращался, после встречи с Вороном случились такие перемены, что я разговоры между животными, считал обычным де-

лом, только и со зрением моим что-то случилось: я стал видеть духов, привидений, стал определять мутантов, среди людей. Ворон был разносторонней личностью: ему нравилось посещать футбольные матчи, он всегда болел за проигравших. Наряжался, чистил перья, и летел в театр, без разницы какой репертуар, он любил сам дух театра. Иногда посещал концерты, но никогда не досиживал до конца представления: фонограмму я могу и дома, по компьютеру послушать. Ворон не любил цирк, на это у него были свои причины. Както Крыс проговорился, что Рол знает много фокусов, но я не лез с расспросами, чувствовал, что эта тема для Ворона неприятна, если нужно будет, сам расскажет. Я шёл по улицам, со мной здоровались собаки, кошки, наоборот, старались прикрыть рты. Я перестал ходить в зоопарк, старался даже не пройти мимо. Что хорошего может быть в тюрьме, где ты приговорён к пожизненному заключению. Посетители просто не знают, что думают и говорят о них животные. Я любил сидеть на лавочке, на площади, разговаривал с голубями, узнавал все самые свежие новости, подкармливал их свежим батоном. Встреча с Вороном полностью изменила мою жизнь, кроме того, что я овладел языком животных, я, как сам Ворон, и его друзья, стал вегетарианцем, и пробегал мимо колбасного отдела в супермаркете, меня тошнило от запаха пельменей и чебуреков, я возненавидел киоски-вагончики, торгующие субпродуктами. По всему городу морги для животных. Ворон говорил, что раньше на востоке мумий

ели, а в Китае, в ресторанах, подают блюдо из человечины. Я верил Ворону, ему не было смысла лгать. Рол расстроился, не смог зацепить меня на спор, на всякий случай я проверил его слова по интернету. Ворон оказался прав, я даже мог заказать оба блюда, но только, не на мою пенсию, и не в этой жизни. Рол пошутил:

– Ты смотри, чтобы тебя не внесли в меню!

Именно, такие сайты, и пасут спецслужбы. Думаю, их зарплаты хватит, чтобы заказать тебя в любом виде.

– Но, я же не мумия!

Рол любил такие диалоги:

– А, зоопарки зачем? В них тебя доведут до кондиции.

– Ты хотел сказать, тюрьмы?

– Ох, Боря, Боря, ты как ребёнок! Тюрьма – это закон, пресса, гласность, я сказал то, что хотел сказать – в вашем мире, Борис Савельевич, до сих пор есть человеческие зоопарки, в которых заключённых заставляют работать насильно и бесплатно, назови их кирпичным заводом, публичным домом или плантацией. Есть целые страны, где людей делят по расовой принадлежности – на граждан и не граждан. Человек давно превратился в пищу – есть разные сорта людей, во всём мире: есть люди высшего сорта, есть первого, есть прочие. Из какого мяса вы желаете блюдо, Борис Савельевич?

Ворон задумался:

– Хотя, когда терпит крушение самолёт, без разницы, где

ты сидишь, в премьер или в бизнес классе. У каждого народа имеется свой Титаник. Между животными и людьми давно стёрлась грань. Человек ещё больше стал зверем, а животные человечней. Каждый год люди ведут войны, десятки кровопролитных событий во всём мире. Животные такого себе никогда не позволяют. Покупаем свежину, всё к вашим услугам, господа!

Я швырнул в Ворона кожуру от банана. Есть совсем расхотелось. Рол рассмеялся. Он победил в диспуте.

– Погоди, будешь арахис уплетать, я тоже что-нибудь придумаю!

Так мы и жили с Роем, у меня начали появляться экстрасенсорные способности. Я спросил Ворона:

– Ты не волшебник?

– Родился в волшебном мире, значит волшебник.

Видеть будущее – это совсем не нужная, я бы сказал, вредная способность, человека стараешься предупредить о беде, которая всё равно случается, и он обвиняет тебя в колдовстве, что это ты беду принёс в его жизнь, а твои пророчества – это чёрные желания, которые воплотились в судьбу, благодаря тебе. Никогда не нужно вмешиваться в дела всевышнего, никогда не нужно пытаться изменить чей-то мир, потому, что человек – это такое существо, готовое обвинить всех в своих бедах, не предприняв попыток измениться самому. Человек никогда не признается, даже себе, в том, что в большинстве происшествий, виноват сам. Он слаб перед

своими желаниями, ему нравится быть обманутым искушениями. Он, по кирпичику, создаёт мир иллюзий, и поверьте, не стоит вмешиваться в его жизнь, даже по его просьбе. Пусть случается то, чему дано случиться! Я рассказал Ролу о всех изменениях, происшедших со мной, кроме того, я стал молодеть, ушли даже хронические болячки, которые я называл старческими. Для Ворона это была новость! Он признал свою вину.

– Но, ты же не выгонишь меня на мороз?

– Да бог с тобой, живи. Ты-то при чём? Всё, что произошло со мной, это скорее на пользу, а не во вред моей душе и телу!

– Не понимаешь! Это я виноват, это по моей вине ты очутился между двух амулетов Гандз, и Ворон вытащил из-под крыла ещё один кулон на цепочке, такой же самый, как висел на его шее. – Это талисман моего отца, он, умирая, передал его мне, сказав, что я последний из клана птиц. Передашь оберег тому, кто решит задачу испорченного времени. Ни мне, не отцу этого не удалось.

Рол понял, что проболтался, он, не закончив свою мысль, постарался улизнуть из дома. У меня в голове образовалась каша из слов, диалогов, и отдельных фрагментов. Я связал смерть старого торговца, с учительницей и её дочерью, с появлением Ворона в моей квартире. Ворон уже был готов вылететь в форточку, я тормознул его:

– Послушай Рол! Значит учительница в очках с первого

этажа...

Ворон не дал мне закончить предложение, он понял, что я обо всём догадался...

– Моя родная сестра! По отцу.

И он, как торпеда, выплыл за окно, оставив меня с открытым ртом.

– Вот ты, оказывается кто – мой пернатый квартирант? Ты тоже, наверное, как Крыс из перерождённых?

Я тогда не догадывался, с Вороном было сложнее, гораздо сложнее. Крыс никогда не мог вернуться в своё время, а Ворон мог, но не знал, как.

А я, вообще, ничего не знал, только догадывался. Вечером прибежал хомяк:

– Скорей! Скорей! Бежим! Надо спасти Рола.

На бегу хомяк, похожий на сурка, рассказал, что кто-то накормил Рола пьяными ягодами, его Стратег нашёл на МКАДе, среди трассы. До меня не доходило, вполне взрослый мужчина, эти ягоды, что, ему силой заталкивали? Ворона я забрал, завернув в газету, от посторонних глаз. За спиной копошились люди, на трассе была автомобильная авария, крупнейшая, за последние десять лет. По телевизору девушка с погонами майора, просила свидетелей откликнуться по телефону... Оператор успел захватить даже нас, со спины, я услышал призыв ведущей:

– Мужчина! Свидетель, с дохлой птицей, я к вам обращаюсь!

... Дохлая птица очнулась, и просила морсу с клюквенным соком

– Ненавижу рассол!

Глава 27

Друзья опять что-то натворили, Рол попросил не прогонять их, им надо пару недель отсидеться, дал мне на пропитание пятьсот долларов, на этом эта тема была закрыта. Моя однокомнатная квартира, временно превратилась в живой уголок. Я, особо старался не вмешиваться в их разговоры, но по спорам я понял, что это не обычная банда, ворующая семечки из карманов, это «озверевшие» террористы. Сегодня, вечерним рейсом из Сингапура, должен прибыть их политический лидер – вдохновитель идей животного экстремизма. Это он призывает к непослушанию:

– Долой господство человеческих теорий! Homo sapiens – низшая и последняя стадия эволюции животного мира!

Это после его выступлений в подъездах полно кошачьих какашек, а милые и умные собачки отбывают наказание в квартирах, за умышленное не удержание. Но банда, даже на встречу с лидером не рискнула появиться. Ворон попросил меня съездить в аэропорт: По телевизору этого не покажут, в газетах тоже не напишут, самолёт прибудет через два часа. Борис Савельевич, мы все просим вас, съездите пожалуйста в аэропорт, нам интересно, как его встретят наши земляки. Вы никуда не влезайте, просто смотрите, а потом расскажите нам. И Ворон, не ожидая моего согласия, вытолкал меня за

дверь. Я только в автобусе, на пути к аэропорту очнулся, мне кажется Рол против меня применил гипноз, или один из своих цирковых фокусов. Я так и не понял, кого встречать нужно? Единственно, что обнадеживало, что прилетит незаурядная личность, к которой прикованы взгляды адептов, спецслужб и рядовых почитателей таланта политика. Надеюсь, я не буду единственным встречающим? Все Московские аэропорты, в зимнее время, похожи на ледяные дворцы снежной королевы, среди грязных навалов снегоуборочной техники. Всегда поражает освещение аэропортов, они днём и ночью, светятся, как ёлочные гирлянды. В России считают аэропорты – лицом города, в аэропортах не экономят на электричестве. Самолёт прибыл, почти вовремя. Диспетчер объявила высадку пассажиров, встречающих было мало, таксисты, скучающе зевали на стоянке. Первыми, как всегда, к транспортёрам выдачи багажа, выскочила молодёжь, щеголяющая в своей рванной одежде. Блин! Зимняя Москва – это вам не Сингапур! Молодёжь, не отходя от отделения выдачи багажа, стала вскрывать свои сумки, чемоданы, баулы, доставая тёплые вещи. Вслед за студентами, в окружении охраны, появились дипломаты и члены правящей коалиции. Журналисты щёлкнули фотоаппаратами, и сингапурская элита пропала в проёме спец выхода. Я уже не знал, чего ждать: ни ажиотажа, не толп встречающих, не полицейского заслона, с режущими взглядами представителей спецслужб. Наконец, появился последний из прилетевших – это был моряк, не бритый, с

фингалом под глазом, он был русским, в одной тельняшке и в шапке ушанке, ему было наплевать на тридцатиградусный мороз. Рядом с ним, на поводке, в свитере двойной вязки, с мордой, укутанной в махровое банное полотенце, была обезьянка. Как только её лапы коснулись пола, за пределами выдачи багажа, как этот макак, достал ножницы из сумки толстой островитянки и перерезал свой поводок. Ой, что тут началось! Со всех сторон, к макаке, ринулись животные и птицы, кого здесь только не было: от диких кабанов и волков, до медведей и лосей. Это я понимаю встреча! Вместо салюта, в небе кружили голуби всей Московской области, и ближайших городов, здесь был представлен весь птичий состав центра России. До меня только не дошло, что здесь делал пеликан, и экзотическая стайка попугаев. Они, где-то среди багажа прятались. Моряк свистнул, и макак запрыгнул к нему на руки. Торжества, в связи со встречей неформала закончились, зверьё рассосалось, опять здание начало заполняться людьми. Моряк из аэропорта уехал на рейсовом автобусе, а у меня хватило денег на такси. Банда ждала меня у дверей. Я уже третий раз рассказывал о встрече с обезьяной. Когда доходил до момента, как макак разрезал поводок, начинался невероятный крик всего квартета слушателей . . . , пока не раздались удары по батарее с верхних этажей. У меня голова болела от непонятных политических споров животных, я старался им не мешать, ходил гулять по городу, сидел на лавочке в сквере, возле дома, или на ВДНХ. Там было тихо. А,

в квартиру, даже не хотелось возвращаться. Если честно, я воспринимал этих животных, как пародию на действующую политику мира, только не знал, они людям подражают или наоборот – люди зверью? Я старался понять и никак мне это не удавалось: – ради чего это всё? Для меня это было сложно, я старался смотреть на жизнь реально. Люди всегда недружелюбно относились к Воронам, не отрицая их ума и мудрости, они связали этих птиц со смертью. Ворон считался плохим предвестником для людей. А друзьям Рола, так, вообще, постоянно приходилось прятаться от людского глаза. Стихийно, пол города соберётся, чтобы затравить и убить мутанта или змею. Стратег – инопланетянин, наверное, остался последним тараканом на планете, да и где вы видели таких тараканов? Стратег был полметра высотой, и бегал, как хороший стайер. Кукуруза больше был похож на крысу из метро, чем на хомяка, ему было труднее всех, он был неповоротлив, и при малейшей опасности, застывал и превращался в большую детскую игрушку, похожую на Ждуна. Самым приспособленным из них был Крыс, он всегда был спокоен и любил людей. Только люди его – не очень, из всех четверых, включая пернатого, Крысу больше всех приходилось скрываться. Я вернулся в дом, в самый разгар скандала, этот раз все трое наехали на Кукурузу, и он выгребал по полной программе:

– Скажи толстый, зачем тебя занесло в монетный двор?

Что ты сделал с лабораторным сервером?

И самое главное:

– Зачем ты утащил матрицу? Кстати, где она?

Отвечать уже было не нужно, кто-то выламывал мою дверь ударами сапога. У животных, видимо был план конспиративного укрытия, они все растворились в воздухе, оставив меня один на один перед неведомым противником. Двери я не успел открыть, потому, что сознание потерял раньше, чем приблизился к выходу. Потом мне одели чёрный мешок на голову и вынесли на улицу, в халате и домашних тапочках, на руки мне надели браслеты. Меня погрузили в какой-то тарантас, на котором обычно развозят пиццу или пирожки, и с крейсерской скоростью аварийной газовой службы, мы полетели по городским улицам, в сопровождении противно квакающей сирены. Потом. Да на выезде из города, после развязки, машина налетела на открытый люк теплотрассы, и я опять потерял сознание. Когда очнулся, было холодно и темно, Ворон разговаривал с двумя медведями, таракан перевязывал мою голову, ни Крыса, ни Кукурузы рядом не было. Мы находились в центре города. Стратег увидел, что я очнулся:

– Идти можешь?

– Не знаю.

Я лежал в большой тележке с алюминиевым кузовом, попытался подняться и опять кувыркнулся вместе с тележкой, чуть не придавив таракана. Помог медведь, он мигом поставил меня на ноги. Таракан отмычками снял с меня наручники. Ворон обратился к Стратегу:

– Отведи его в лавку.

Таракан вылупился на птицу своими круглыми выпуклыми глазами:

– А дальше что?

– А дальше ты знаешь!

– Но это опять начинать сначала? Ты уверен, что ему можно доверять?

– Не знаю. Но его имя мне назвал мой отец перед исчезновением. Он передал мне свой талисман Гандз и сказал, что это его последний путь, он уже никогда не сможет вернуться в эти миры и талисман воды ему больше не понадобится. Отдашь его тому, кто сможет раскрыть секрет испорченного времени. Отец превратился в коршуна, и я его больше не видел. Он был из клана птиц.

– А ты тоже из клана птиц? Ты Ворон?

– Нет, я Сармат!

И Рол поспешил в лес за медведями.

Таракан открыл магазин. Он находился в полуподвальном помещении, весь вход зарос паутиной, в прихожей стояли доспехи рыцаря. Таракан, как настоящий домовник, не включая свет, ориентировался в здании, полагаясь на инстинкты. Я всегда считал, что у тараканов свои пространственные рецепторы, у них в башке – компас, а вместо датчиков усы. Вся комната была завалена пустыми аквариумами, а он тащил меня за собой, как будто мы находимся на сцене Большого театра. Он отодвинул самый большой аквариум, кото-

рый, через окно под потолком, освещал свет луны. Стратег надавил на кирпич одной из своих конечностей, и луна сместилась, на стене появилось голубое пятно, оно стало разрастаться и светиться лунным светом. Пятно становилось всё активней, оно кипело, как кипит молоко, образуя защитную пенку.

– Проход готов.

Таракан отодвинул защиту, как занавеску на окне.

– Первый пошёл!

И он втолкнул меня в это молоко с такой силой, как будто, всю жизнь работал вышибалой в одном из фешенебельных ресторанов. Я перенёс такую боль, что даже не знаю, как организм смог справиться с ней. Меня сначала разобрали на атомы, а потом собрали в произвольной форме, несколько не заботясь о моих симпатиях и симметрии. Я чувствовал себя беременной каракатицей, рядом кто-то валялся, похожий на истощенного индюка. У меня раскалывалась голова и постоянно тошнило. Индюк смешно шмыгал носом, но мне от этого не было лучше. Мы лежали на каше, на самой настоящей манной каше, потому что песком, эту поверхность нельзя было, она была жирная и скользкая, небо больше напоминало крышку кастрюли со ржавыми облаками. Над нами кружил рой мух, в этом месте мухи летают роями. Потом появилась стрекоза и стала гоняться за мухами. Здесь стрекозы едят мух. Потом всё пропало. Картинка поменялась. У меня закружилась голова, я висел в карусели, над пропастью,

а индюк превратился в ошипанного цыплёнка. Я очнулся от разговора, я их узнал: этот урод с грузинским носом, наверное, был Вороном, возле него была Кукуруза, самый обычный, очищенный початок, с руками, ногами и человеческой головой, это была девочка. Неожиданно, но это был хомяк, индюк, окончательно сформировался, и стал похож по конструкции на таракана, был такой же худой и жилистый. Кого-то ещё не было.

– Кристофер, хватит прятаться, выходи, все ждут тебя.

Из песка появилась сначала голова, потом вылез весь червяк. Я раньше никогда не видел червяков с крыльями. Такая гадость, он был весь в соплях.

– Крис, ты опять хочешь превратиться в бабочку? Простой раз не вышло, ты превратился в шмеля. Вспомни!

Вокруг червяка закружилась вихрь, заблестали молнии, скрыв его в этом колесе из пыли, листьев и энергии, раздался взрыв, похожий на гром, и червяк превратился в маленького зелёного толстенького дракончика. Он расправил крылья, и попытался взлететь, но споткнулся о кочку и растянулся юзом перед Вороном. Ворон рассмеялся.

– Вот так всегда! Междувременно не любит колдовства, так же, как миры испорченного времени. Вспомни, как ты превратился в крысу!

Кристофер что-то хотел ответить, но вместо этого начал плевать огнём. Он, видимо, сам не ожидал такого эффекта, но все, на всякий случай, отодвинулись от него подальше.

Кукуруза посмотрела в мою сторону:

– Глянь, чучело очнулось!

Чучелом она назвала, наверное, меня? Я открыл глаза шире: мои руки были похожи на очищенные от кожуры ветви, вместо ног был столб, я вертел головой:

– А, как же ходить?

Стратег постарался меня успокоить:

– Борис Савельевич, это не худший вариант! Попробуй, может ты летать умеешь?

С моей головы свалилось ржавое ведро, и загремело под ногами. Ворон добавил:

– Ничего страшного. Не получится летать, будет ползать.

В крайнем случае закопаем, пусть стоит стрекоз пугает, до переворота.

Блин! Это не смешно! А, никто и не смеялся. Крис, в отдалении, воевал со своим телом, это было похоже на испытание нового образа, он пытался говорить, но вместо слов из пасти вырывались потоки напалма, хорошо, что здесь нечему было гореть. Но он мог летать, у него и крылья были. А, я...

– Зато ты умеешь говорить – добавил Ворон.

– Он что, мои мысли читает?

– Все читают твои мысли. Ты же сам снял экран.

И ворон показал на ведро. Я понял – чучелам ведра на голову цепляют для того, чтобы никто не прочитал их мысли! Все засмеялись, им понравилась моя шутка. Крис от сме-

ха свалился на землю, он уже почти привык к новому образу. Блин! Деревьев не было, ветер пригнал жёлтые листья, в небе, косяками летели птицы.

– Рано в этом году чучела полетели! Осень настала.

Все подняли свои головы вверх. Я попытался дотянуться до ведра, но Кукуруза подала мне детский эмалированный горшок.

– Он чистый и не ржавый, тоже неплохо экранирует. Здесь, всё равно, никто не видит. Я тоже один раз была чучелом.

– Я не понял?

– Ты не волнуйся, Сармат всё объяснит. Он здесь у нас за главного.

Кукуруза помогла мне одеть горшок на голову. Крис в небе осваивал фигуры высшего пилотажа, пытался сделать бочку, но из-за тучи его кто-то атаковал, забрасывая малыша солёной селёдкой. Значит в этом мире тоже есть аборигены. На этот раз, на мои рассуждения, никто не среагировал.

– Ура! Работает!

– Кто работает? – спросил таракан.

Все вылупились на меня. Любопытство чуть не погубило дракончика, он отвлёкся на мой крик, не увернулся от селёдки, и как подбитый бомбардировщик, со шлейфом чёрного дыма, спикировал к поверхности. Из-за тучи появилась плутоватая рожица, не обязательно принадлежащая мальчугану. Начался конфетный дождь, самый настоящий конфет-

ный дождь. Я понял ещё одну пользу горшка, он отбивал эти конфеты лучше всякого зонтика. Все спрятались под детским грибочком. Это, наверное, был грибной дождь. Грибочок вырос с первыми дождевыми каплями. Я оказался не прав, дождь был не грибной, а слепой и скоро закончился. Ворона все называли Сармат, Кукуруза, так и осталась кукурузой, она давно выбрала себе образ, её даже в прошлой жизни дразнили – Маис. Стратег был Юрой, но он не из нашего мира, Стратег большую часть своей жизни провёл в Междувремье. Ребята познакомились с ним, уже здесь. Сармат рассказывал для меня, но слушали все, даже Крис перестал кувыркаться в небе и приблизился к нам, наострив свои уши.

– Я родился в далёкой волшебной стране, у нас была нормальная, замечательная семья. Я учился в гимназии Гандз, это далеко от моего дома, у меня там было много друзей, но среди них не было ни одного человека. Мы общались друг с другом на волшебном языке, все наши преподаватели были Гандзы, очень похожие на земных осьминогов, только конструкция тела у них была другая, представь фигуру человека, с человеческой большой головой, вместо рук и ног были щупальца осьминога, и их было, гораздо больше, чем конечностей у человека. Гандзы были амфибиями и телепатами, кроме того, с помощью науки, научились менять свою форму. Практически Гандзы могли принять облик любого существа, с нами они почти не общались, преподавание в гимназии велось телепатически. Не смотря, на то, что преподавате-

лей не было в аудиториях, никто из нас не шалил, следовало сразу же наказание. После ударов электрического угля, желание к нарушению дисциплины, быстро проходит. Всё началось с того, что я опоздал на урок, и решил поправить ситуацию. Мы знали, что есть мир испорченного времени, среди детей был слух, что через мир испорченного времени можно вернуться в прошлое, я решил рискнуть. Летать в разные миры, мы ещё до гимназии умели, только нам родители запрещали. А ещё, у меня был амулет, такой, как у отца – Амулет воды, Гандз. Я знал, как он работает. Мне стоило только подумать, и я очутился в мире испорченного времени. Я никогда не думал, что здесь так, совсем всё наоборот. В этом мире нужно родиться, чтобы ко всему привыкнуть. Вместо того, чтобы остановиться и вернуться назад в гимназию, я увлёкся вседозволенностью и мне нравилась бесконтрольность, я хотел быть как отец – красивым, умным, сильным. Его знали во всех мирах. И я представил себе человеческий мир, амулет закинул меня на планету, похожую на Землю. Может это и была Земля.

Кукуруза запротестовала: Сколько раз говорить:

– Нет, нет, и нет. Это была Древо.

– Не знаю, но одна из реинкарнаций Земли – это точно.

Там я и познакомился с Кристофером и Верой.

Оп па на! Кукурузу оказывается Вера зовут, а говорили она из древних веков. Сармат покосился на меня:

– Не перебивай, разумник. Горшок лучше на голове по-

правь!

Вера продолжила его рассказ:

– Ага, появился этот мальчик, как принц из сказки! Весь в блестящем костюме: я из волшебной страны, а отец у меня дипломат, на двух драконах на работу летает. Мы губы и развесили. Крису стало обидно, что авторитет уходит, он сказал, что тоже колдун, и если не верите, то он нас заколдует. Я, словно попала в сказку, сижу между волшебником и колдуном.

И я загадала желание:

– Хочу быть принцессой, красивой, как солнце, и чтобы весь мир был у моих ног.

Крис прочитал заклинание, и мы попали сюда, в Между-временье. Только я вначале была тоже чучелом, и весь мир был у моих ног. Я не удержался, спросил:

– Вера, и как долго вы были чучелом?

– Не знаю, здесь нет времени.

– Такого не может быть, мы же существуем, разговариваем. Дракончик летает, есть жёлтые листья, есть осень, а осень – это время года!

Сармат остановил спор:

– Кукуруза права. Здесь нет времени, здесь всё кажется, может быть даже нет нас, а мы кажемся друг другу. Не хотите ли вы сказать Борис Савельевич, что родились чучелом и всегда были чучелом? Если это так, то почему вы со своими не полетели на юг?

Дракончик помотал головой и закрыл глаза крыльями, я не понял, что он этим хотел сказать. Стратег перевёл:

– В этом мире нельзя верить своим глазам!

– Вот это влип!

– Мы все влипли Борис Савельевич!

– А как же моя Земля, моя планета? Я же встретил вас в своём городе?

– Всему своё время, Борис Савельевич!

Это совсем другая история, а сейчас мы будем учиться летать.

– Но у меня же нет крыльев!

– Это вам кажется, Борис Савельевич! Все чучела обязательно должны иметь крылья, чучело без крыльев – это телеграфный столб!

Глава 28

В этом мире нет дня, нет ночи, сплошное утро, в этом мире нет зеркал, Сармат сказал, что их все перелупила Кукуруза.

– Правильно сделала, они издевались надо мной, – девушка не смогла удержаться от комментария.

У меня ничего не выходило с полётами, горшок постоянно слетал с головы и мои мысли просились наружу.

– Так значит вы попали сюда по вине Криса?

Сармат, по возможности, отвечал мне. В Междузвездье нет праведников, мы все виноваты.

– А, я за какие грехи здесь? В чём моя вина?

Сармат улыбнулся и дал целую подборку вчерашних газет. На всех моя фотография, и в каждой: одна статья, страшной другой. Меня обвиняли во всех грехах, я про себя узнал столько интересного: я вор, убийца и садист, я маньяк, лунатик и аферист, я шизофреник, безбожник, чернокнижник. Блин! Я не человек, а гений преступного мира! С такой характеристикой, точно, место только в Междувремени. Прав был хозяин крокодила. Я уже не рад был, что ввязался в эту историю. Я вернул газеты Ворону:

– Но это же не я сделал, меня подставили!

– И не я, – раздался голос таракана.

– И не я, – подтвердил Сармат.

– И не я, раздалось сопрано Кукурузы.

Крис залез на самую высокую скалу и мотал головой – И не я.

– А кто?

Все отвернулись, как будто меня не существовало. Ворон опять взял слово:

– В Междувремени не принято обвинять друг друга, в Междувремени принято только спрашивать, в надежде, что кто-то признается в своих грехах. Я начинаю, а кто-нибудь продолжит. – Кукуруза!

Продолжение вопроса подхватил Стратег:

– Зачем тебя понесло в монетный двор?

Кукуруза встрепенулась, дракончик дышал ей, чуть ли не в лицо. Она разозлилась:

– А ты безголосый, вообще молчи!

Она отмахнулась на дракончика.

– Зачем понесло, зачем понесло? Ты же сам говорил, что у них матрица и они проникают в прошлое. Я тоже хочу вернуться в свой город, в своё время, чтобы вас больше никогда, вы слышите? Никогда не видеть.

Сармат продолжил:

– Ну, хорошо – мы тебе не нравимся! Скажи, зачем ты сломала сервер и покусала матрицу?

– Я хотела в прошлое попасть, но не знала, как.

– Молодец! Теперь туда не сможет попасть и банда банкиров, но страшнее всего, что из прошлого не смогут выбраться наблюдатели, получающие информацию из будущего, через ту самую матрицу, что ты спёрла из монетного двора, покусала и спрятала за батарею на кухне у Бориса Савельевича. Я забыл сказать:

– Боря – ты враг номер один, для банды банкиров, тебе лучше не возвращаться на свою планету, они восемь человек из своей команды, на смерть замучили, так, что с тобой, особо церемониться никто не будет.

Я всё понял, как банки делали свой капитал, и откуда получали прогнозы, на много лет вперёд. Ох, уж, эта Кукуруза! Натворила дел! Сармат продолжил моё обучение, ему помогал Крис, у меня ничего не получалось, но я уже научился стоять и держать равновесие, потом прыгать на одной ноге, отталкиваясь столбом, как костылём и разгоняясь до скоро-

сти инвалидной коляски.

– Ты думай, думай! – подстёгивал меня Ворон, над тобой уже всё Междувременье смеётся.

У меня уже горшок на голове раскалился от мыслей, но никак не леталось почему-то.

– У тебя не получается летать, потому, что ты не веришь в способность чучел.

Смотри! Над головой опять летели чучела. Я представил себя птицей, только за спиной у меня вместо крыльев был открытый парашют, ветер подхватил меня и отнёс на несколько метров от моих учителей.

– Сказал бы сразу – учись представлять, а то: думай, думай!

Весь состав переродившегося зверья, захлопал в ладоши, даже дракончик, запрыгал, как мячик. Через день мы с Крисом носились наперегонки по небу, я научился ловить воздушные потоки и мой полёт стал больше походить на перемещение планера. Правда, я проигрывал дракончику в воздушных дуэлях. Но это, уже, хоть что-то, лучше, чем ползать или стоять закопанным в землю. Сармат был доволен:

– Теперь мы команда, у нас каждый участник на счету. Теперь мы можем передвигаться в Междувременье и искать. Наша задача найти проходы в другие миры.

Порталы? – спросил я.

– Можно и так назвать. В Междувременье нельзя долго находиться, нельзя привыкать, иначе оно не отпустит тебя

и всегда существует опасность, что ты останешься в нём навсегда, в том образе, который оно за тобой закрепило.

– Ты хочешь сказать, что чучела, улетевшие на юг – это те существа, что не смогли вырваться из лап этого мира?

– Как знать? Как знать? Может и так? В любом случае, для тебя это положительная вдохновляющая новость – все-таки в стае прожить легче, чем в одиночку. Это не шутка, если по каким-то причинам Междувременье не выпустит тебя за границы своего периметра. Любой народ, Боря – это стая, и в ней существуют только те законы, которые помогают этой стае выжить, в любом мире и при любых условиях.

Мы опять сцепились с Вороном в споре:

– Ну хорошо. Вы нашли мир, предположим мою Землю. Что вас там не устроило? Я понимаю, Междувременье не отпускает свои игрушки без подарка, это оно вас превратило в животных, но оно отпустило вас. Чего вам не живётся спокойно? Обязательно нужно влезть в какую-то бяку! Типа общества животных в борьбе за свои права.

Сармат обратился к слушателям:

– Он не понимает! Тебе даже Междувременье дало статус чучела, из-за инфантильности, в Кукурузе больше сознательности, чем в тебе, Борис Савельевич. Попробую объяснить, раньше мы все были такими, как вы, всё нас устраивало, мы со всем были согласны, может быть, поэтому и попали сюда? Я не знаю, кто нас наказал, но в любом случае – это не колдовская формула Криса. Мы с Кукурузой насели

на него, когда ещё она была чучелом, а я – знаком вопроса, с точкой, вместо ног.

Кристофер признался, что никакой он не колдун, и колдовать совсем не умеет, а формула, которую он произнёс – это был просто набор слов:

– Фигли, мигли, профсоюз. Аты, баты, циферблат.

– И, что? Сработало?

– Как видишь?

И Сармат показал на зелёного дракончика.

– А профсоюз то причём? Он, по идее, должен защищать.

– Вот вы, Борис Савельевич, проработали всю жизнь, до пенсии. Платили взносы. Скажите, как часто он вас защищал? Может оплачивал стоимость путёвки в санатории или за рубеж? Может оказывал материальную помощь? Ведь это его прямая обязанность, по идее!

Я пытался вспомнить, но мозги чучела ничего не вспоминали, кроме новогодних подарков, которые мне не доставались. Блин! За всю трудовую жизнь, даже открытку не прислали. Моя каска, из детского горшка, валялась на поверхности. Я, как живой ретранслятор, делился своими мыслями с окружающими.

– Вы сами создали такую структуру, помогающую распределять материальные блага среди власть имущих. Профсоюз в такой форме не прижился в вашей стае, он представлял из себя ложь и мешал выживать.

Опять пошёл конфетный дождь, и я одел каску на голову.

– А, при чём здесь циферблат? В этом мире всё равно нет времени.

Детский горшок лучше всякого профсоюза спасал мою голову от конфетного дождя и от любопытных слушателей. Я смотрел, как поверхность впитывает капли. В этом мире земля ест конфеты с обёртками. Блин! Шоколадки стали падать.

– Град пошёл, – сделал философское замечание Сармат, – Скоро зима.

Надо спешить, иначе сахаром заметёт все приметы, и нам придётся зимовать в Междувременье. На этот раз нам не повезло: был настоящий осенний долгоиграющий дождь, земля не успевала бороться с ненастьем и переваривать сладости, под ногами стали образовываться лужи из ирисок и варенья, мы потянулись к Крису, он под скалой нашёл брошенное гнездо, похожее на пещеру, там было вполне комфортабельно и безопасно, в крайнем случае, ничто на голову не падало. Пещера была вместительная и, по всей видимости, глубокая. Мы, всей толпой, расположились у входа, в надежде, что дождь кончится и перестанет сыпать с неба шоколадной крупой, по– моему, это были лесные орешки, а не арахис. Ворон, брезгительно, отодвигал капли от своих ног. Мы с ним уединились от товарищей по несчастью, и продолжили свой разговор.

– Вы нас, Борис Савельевич, наверное, причислили к диссидентам? Я видел, вам не нравилась наша компания, вы избегали общаться с нами, и никогда не вступали в споры.

В глубине себя, вы защищали свой строй, своё воспитание, идеи, которые вам вложены в голову, с самого рождения. Вы дитё своей системы, Борис Савельевич! Я – житель волшебных миров, который ребёнком покинул Родину, я и вырос в этих переходах в Междувременье, мне иногда кажется, что вы незаслуженно стали людьми, и мне хочется, чтобы каждый из вас прошёл через Междувременье, чтобы каждый из вас сдал экзамен на право называться человеком. Ваш мир, Борис Савельевич. Вы сразу сделали разделение, причислив нас к неразумным животным. Это была ваша ошибка, теперь-то вы понимаете это. Поверьте, животные в вашем мире, умнее и справедливее людей. Вам тяжело это осознать, давит на мозг корона высшего разума. Ваш мир неизлечимо болен, Борис Савельевич! Вы давно сошли сума, в погоне за прибылью. Животным приходится собираться в огромные стаи, чтобы совершить суицид, иначе до вас не доходит, что нельзя загрязнять окружающую среду, нельзя испытывать и применять оружие, но вы этого не слышите, не хотите слышать. Земля начала избавляться от человека, она не верит в вашу слепоту, Земля – это тоже часть стаи, в которой нет места глупости и безразличию, Земля живёт по законам стаи и борется за её существование, как может.

Я слушал Сармата и мысленно соглашался с его доводами.

– Но, не всё же так плохо в нашем мире! Меня тянет домой, там не идут конфетные дожди.

– Зато там на всех перекрёстках полиция, охраняет покой

рабовладельцев, зато там люди умирают от голода, а в пенсионерах видят тунеядцев. Вы разделили свой мир на «Запад» и «Восток», на две противоборствующие идеологии. Обе они вредны для человечества, только жители Запада живут по законам, дающим им почувствовать себя людьми. У них лучше защищён человек, социально, у них наложены ограничения на крупный бизнес, там народ активнее борется за свои права. А, вы, Борис Савельевич? Достойны ли своего земного статуса? Или обязательно вам было нужно попасть в Междувременье, чтобы открылись ваши глаза?

Мысленно я понимал, что Ворон прав, но всё внутри сопротивлялось этой «враждебной» идеологии. Я закрыл глаза, и представил миллионы жителей своей страны, здесь в Междувременье... Лучше бы я этого не делал. Вся поверхность сразу заполнилась людьми, превращающимися в чучела.

– Ты что творишь, – заорал Сармат. – Бежим!

Но от его крика, скала вздрогнула, превратилась в чудовищного страуса и помчалась вперёд, согласно приказа Ворона. Блин! Меня укачало. Сармат сложился пополам:

– Крис, куда ты нас заманил?

До меня наконец дошло, мы по одному стали выпрыгивать на ходу, стараясь не попасть под ноги монстру. Мне стало стыдно, жалко тех людей, которых волей своего желания я перенёс в Междувременье. Пусть всё вернётся назад, будет так, как было. И всё пропало, исчезли чучела, я надеюсь, что

они снова превратились в людей и вернулись в свою страну. Никто из моих попутчиков этого не заметил, Сармат целеустремлённо вёл отряд за собой.

– Примет портала я тебе сказать не могу, каждый раз проход открывается неожиданно, но если ты заметишь что-нибудь странное, то немедленно извести меня.

И я увидел, но Сармат опередил меня:

– Это «аленький цветок» – пропуск в сказочную страну. Я не советую к нему приближаться. Нам туда не нужно. Подробности можешь у Юрия узнать, он там побывал, еле дорогу назад в Междувремень нашёл.

Таракан вскипел:

– Не Юрий я и не Юра, я Югра – народ так наш называется. Вы люди, а мы Югры. А насчёт цветка Сармат прав, я еле выбрался из этой страны, и три сезона потом провёл в Междувремень Ванькой-Встанькой, думал, что это окончательный мой статус, спасибо ребятам, помогли мне подняться. На нашей планете, слава космосу, нет сказок. Я впервые узнал о их существовании, сорвав этот цветок. Скажите, Борис Савельевич, у вас умышленно делают из детей дебилов? Теперь я понимаю, почему в вашей стране такой профсоюз и такие партии! У вас тоже сказочная страна Борис Савельевич, все друг другу вешают лапшу на уши, рассказывают сказки и сами же верят в свои небылицы. У вас страна сказочных пределов, вы переходите от одной крайности в другую: то лбы расшибаете от религиозных видений, то строите

светлое будущее, разрушая, до основания, фундаменты государственности, и обязательно царём выбираете Ивана-дурака, и каждый царь, дурнее предыдущего. Ваш народ воспитан на сказочной глупости. Я не знаю сколько времени я бродил по этим сказкам, но долго, очень долго. Я чуть сума не сошел от этих историй. Скажите Борис Савельевич, а у людей добрые сказки есть? Или обязательно, нужно убить всех Змеев Горынычей, Соловьёв разбойников, кого-то съесть, кого-то обмануть, от кого-то убежать, накормить корешками и сварить в молоке. Меня до сих пор, тошнит от ядовитых яблок. Я, после сказочной страны боялся снов, у меня до сих пор вырастают ослиные уши и хобот, вместо носа. Не верю, чтобы это кому-то нравилось. Всё яркое, что бросается в глаза, опасно.

Стратег показал рукой на цветок. И если в сказке, не хочешь попасть на виселицу, всегда в кармане нужно иметь огниво, Стратег посмотрел на слушателей, – и тройку верных друзей, типа крокодила Фимочки (как встречу, всех съем!)

Кукуруза заплодировала:

– Сильно сказано!

Её поддержали остальные. Странно, а у меня раньше было совсем другое отношение к сказкам! Сармат уяснил:

– Читать и придумывать – одно, а жить в этих мирах – другое. Это когда ты горбатишь круглый год, а результат твоего труда уходит совсем другому – по щучьему велению, одним росчерком пера.

Я задумался, в моей стране то же самое, половина страны работает бесплатно, за еду или за символическую цену. Может прав Стратег, у нас тоже сказочная страна, и в ней живёт сказочный народ, который придумывает сказочные законы, ходит на сказочную работу, чтобы получать сказочные зарплаты. Но, почему-то в наших магазинах, только сказочно высокие цены?

– Не прибедняйся, Боря, у вас сказочно толстые полицейские, и морды губернаторов в корыто не влезают.

Я опять натянул горшок на голову, применив его по назначению, под черепушкой чучела было такое дерьмо, от всех этих сказочных реалий!

– Скажи, Стратег, вот ты существо не от мира сего, от Югриков, что ли? Ты в таких тонах описываешь сказочный мир, как будто это самое худшее место во вселенной, где тебе удалось побывать, неужели нет ничего хуже сказок?

Таракан задумался.

– Есть – это страна анекдотов, в ней никто не работает, там все смеются: над всем, надо всеми и над собой. Поверьте, когда всем смешно, становится страшно и совсем не до смеха.

Таракан ушёл от меня в хвост колонны, ему не нравились мои вопросы, он даже в мыслях не хотел возвращаться туда, где ему было плохо. А может Междувременье, как раз и существует для того, чтобы убежать от прошлого, от того, что вам не нравилось? Вот Вера, ей не нравилось быть обыкно-

венной девочкой, Междувременье ей дало статус кочерыжки, таракана тоже не устраивало что-то в своём мире, излишний прагматизм, что ли. – Югры – они такие, они такие продуманные, как роботы! Перекривил я инопланетянина. Не нравятся тебе роботы, поживи в мире сказок. А, что меня не устаивало? Почему я чучело? Неужели я такой плохой?

– Безразличие, Боря, твоя инфантильность, ты перестал быть человеком, превратился в приспособленца. Не расстраивайся, в твоей стране модно быть не личностью. Как все! Целая стая согласных единогласно, по решению партии и правительства. От кого вы защищаетесь армией, полицией – от себя?

Кукуруза подобрала мой горшок по дороге, я задумался, и не заметил, что разбрасываю мысли. Стратег надулся, мои мысли задела его. Кукуруза вернула горшок на место. Странный этот мир, здесь не хочется ни есть, не пить, здесь нет Солнца, а светло, здесь нет родников, зато есть молочные реки с кисельными берегами, здесь никто и никогда не устаёт. Это правильно. У нас на Земле только и слышишь:

– Я устал от этого мира, я устал от этой жизни, я устал от тебя и твоих выкрутасов! Хватит ныть! Мы сами для себя создали Междувременье, своим вечным недовольством, своими не реализованными амбициями, мы на Земле находимся в «золотой» середине, между понятиями – быть и казаться. Первым стало пропадать небо, потом проваливаться почва, словно её стёрли ластиком.

– Это что? Катаклизм? Апокалипсис?

– Это переворот. Потерпи немного, скоро Междувременье нарисует новый мир и может быть изменит твой статус. В этом мире статус нужно заслужить, Боря. И я увидел, как по частям стали пропадать мои друзья, и я сам лишился опорного столба, моей единственной ноги...

Дэн, Дэн, яичница!

– Что это было?

Я очнулся, по моей щеке ползала улитка. Было такое ощущение, что я заснул на чьей-то даче, после употребления местного «буруро».

– Доброе утро! Борис Савельевич! Вниз по дереву ползла большая красивая змея с кулоном на шее.

– Нет, нет! Только не это! Значит мне всё не приснилось? И это Междувременье, и мои попутчики, это всё в самом деле? Это всё правда?

И я завыл от без исхода. Сармат подождал пока закончится у меня стрессовый демарш.

– Вот мы и на новом месте, Борис Савельевич! Поздравляю вас с приобретением нового статуса! Ну что, пойдём искать своих. Я осторожно снял улитку с лица и положил её в траву, она могла быть одним из моих друзей, членом нашей стаи.

Змей улыбнулся, как могут улыбаться змеи. Они улыбаются даже тогда, когда пугают, атакуют, кусают или предлага-

гают бокал шампанского. Таракана нашли в дупле, этот раз он был дятлом. Кукуруза сидела на голове огородного пугала, она была толстой желтоглазой совой и ничего не видела. Я жалел, но здесь тоже не было зеркал, мне хотелось посмотреть на свой новый образ. Я видел свои человеческие руки, ноги, у меня даже была одежда, похожая на тунику, на ощупь, я снял с головы тюрбан, но судя по своим спутникам, от Междувременья можно ожидать всего. Не было никакой гарантии, что вместо головы у меня что-то другое. Мне не понравилась улыбка Сармата.

Глава 29

– Купите верблюда! Почти даром отдаю. Купите верблюда!

Я чувствовал – к концу базара, Крыс меня отдаст бесплатно. Этот раз, Крыс был человеком, если не считать копыт в сапогах и небольших рожек под папахой. Кроме того, этот шайтан был моим хозяином. Мы уже прошли пять городов и в каждом он не менее трёх раз продавал меня, за вырученные от продажи деньги мы и жили. Это было не честно! Но в этом нарисованном мире за всё нужно было платить: за еду, за воду, за жильё. За то, что ты дышишь, и за всё остальное, даже в туалет нужно было ходить со своей туалетной бумагой. Мне не нравилось быть товаром, потому, что приходилось потом превращаться в муху и догонять своих попугачиков. Я не раз пожалел, что я не чучело. Каждый раз, как только я догонял и вливался опять в коллектив, шайтан превращал меня сно-

ва в верблюда и впрягал в арбу. И я всех этих лентяев тащил в следующий город. Сармат тоже помогал зарабатывать деньги, дятел включал фонограмму и змея танцевала на площади, медленно вылезая из детского ночного горшка. Сова только кланялась, больше она ничего делать не могла. Сова у нас была ночной работник, они с дятлом каждую ночь разрабатывали стратегические планы, после которых, зачастую, приходилось нам уносить ноги. За нами гналась целая стая злых собак, оглашая окрестности громким лаем. Крыс превращал их в комаров, лай сменялся жужжанием, похожим на собачий вой. Крыс по старой привычке всё не доделывал:

– Нет, комары действительно, получались маленькими, с крыльями и острым жалом, но морды оставались собачьими, с зубами и клыками.

Если такой комар нападал, то применял весь ассортимент имеющегося арсенала. В этом нарисованном мире было всё, но вверх тормашками, среди ночи могло выйти солнце из-за туч, по небу могли летать слоны, как воздушные шары, мы путешествовали в этом мире, но мне кажется, что мы бродили по кругу и попадали в один и тот же город. Просто город каждый раз менял свой облик. Это было странно, но я знал, что нас ожидает за поворотом и где находится площадь, на которой стоит памятник часовщику. Я предупредил змея, как договаривались.

– Мы на правильном пути, вы очень наблюдательны Борис Савельевич! Значит скоро откроется проход, надо при-

готовиться к перемещению. Я чувствую, мы близки к разгадке тайны испорченного времени, решение скрыто здесь – в Междувременье.

На этот раз мы в город пришли поздно, было темно и холодно. За нами гнались наши шаги, боясь отстать, эхо передразнивало скрип колёс арбы. Сова сорвалась с плеча Крыса и скрылась за поворотом в направлении площади. Она отсутствовала недолго, вернулась к нам с шумом, криком и с таким ускорением, как будто её кто-то за футболил в ворота, она летела кувырком. Но это было нормально для Междувременья. Сармат дал ей отдышаться.

– Там! Там! Памятник.

– Мы все знаем, что там памятник.

– Он живой!

Это было что-то новое. Даже Таракан знал, что живых памятников не бывает. На всякий случай, мы стали подкрадываться к памятнику, чтобы он нас не увидел. Со спины памятник был каменный. Кукуруза опять завопила, сведя на нет всю нашу маскировку:

– У него глаза бегают, и рука шевелится! Не верите? Это он пнул меня, назвав толстым голубем.

Мы уже изучили Кукурузу, знали, что у девушки богатая фантазия, и почти не обращали внимания на её слова. Крыс с Сарматом, несколько раз, обошли памятник, и Сармат решился дотронуться до руки каменного идола. Для змеи это было не легко. Сармат пропал. Крыс понял первым: памят-

ник и был переходом, он поздоровался с часовщиком и тряс его руку до тех пор, пока мы все не оказались по ту сторону портала. Блин! Если бы вы знали, как тяжело преобразаться из верблюда.

– Вы Борис Савельевич всё врёте. У вас только голова была верблюжья, а теперь я даже не знаю, на кого вы похожи. Вспомнил! Вы Утконос!

Сармат был – вылитый Пан, как его любили древние греки изображать на картинках. Но всё же, он, даже по характеру, был больше козёл, чем человек, любил поддёргивать друзей по несчастью, за это его судьба и наказала Междувременьем. Сармата было легко отличить от всех, в каком бы образе он не предстал перед нами, на нём всегда был его знаменитый медальон, а вот остальных отличить было тяжелее, зато Сармат всех угадывал, я даже не знаю, какими приметам он пользовался. Таракан запутался в ветвях дерева, он был самый худой и жилистый из нас, этот раз инопланетянину повезло, Междувременье выкинуло его в этот мир, похожим на бога Гермеса. Таракан красиво смотрелся на фоне луны, весь из мышц и неземной мощи! Мышцы, рельефно высвечивались на его теле: бицепсы, трицепсы, грудные мышцы, сейчас наш попутчик демонстрировал мышцы обеих ног, пытаясь отклонить ветви дерева, которое, наоборот, старалось поправить причёску, сводя все усилия Югры на нет. Таракан притих, дерево его запеленало совсем. Крыс был пантерой, он мурчал и тёрся о ноги Пана. Все были, как срисо-

ваны с древнегреческой фрески, один я не вписывался в их коллектив. Даже у австралийских аборигенов нет, наверное, такого божества – Утконос. Я никак не мог определить, где Кукуруза, куда спряталась наша красавица, пока дерево, наконец выбросило это кузнечное божество из головы и начало дрыгать ногами, освобождая свои корни от земли. Блин! Это была Кукуруза. Её ноги были связаны золотой корабельной якорной цепью, на которой висел сундук. Кукуруза никак не могла сбросить этот драгоценный груз, но, всё-таки ей удалось вытащить всё на поверхность, и Гермес кинулся её распутывать. Мы все подключились спасти нашу принцессу, только ничего не получалось, пока Таракан не воспользовался отмычками и не снял замок с сундука. Цепь сама соскользнула с ног Кукурузы, и уползла в лес, гремя звеньями. Гермес категорически отказался открывать сундук:

– Я уже это проходил. Там заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла, в игле смерть Кощея. Это для дураков. Я на своей шкуре испытал это сказочное оружие. Не помню насчёт зайца, но утку, швыряющую кассетными бомбами, помню!

Таракан посмотрел мне в лицо и отошёл от меня подальше, на всякий случай. Из Крыса был помощник никакой, пришлось Сармату быть козлом отпущения. Пан и раскрыл сундук. Мы разочарованно посмотрели вовнутрь. Он был пуст. Наверное, клад кто-то выгреб раньше. Сармат ощупал даже стенки сундука, нашёл на дне бархатную тряпку, в которую были завернуты дешёвые часы с облупленным лаком на

циферблате. Часы стояли, завод, видимо заклинило от грязи. Пан бросил их в свою котомку.

– Надо подумать – сказал Сармат, – Часы – это знак! Это как-то связано с нами, с Междувременьем. Скорее всего часы и являются тайной испорченного времени и ключом для возвращения нас в своё время, и в свои миры.

– Надо подумать!

Пока он думал, я осматривал местность: вдали, на сочных лугах, богатых травой, паслись стада овец. Каждый пастух был привязан к своему стаду, в основном это были люди, но были и стада, управляемые циклопами. Местность была холмистая, на некоторых холмах сидели великаны, в окружении своей челяди, пичкающей их различной снедью. К холмам вели дороги, на которых стояли повозки с едой. В небе летали грифоны, гоняясь за стайками Купидонов. Я понял: мы попали в мир мифов. Что-то здесь было не так, я не мог понять, но меня это напрягало. Междувремя издевалось над нами, представляя нас различными уродами, при переходах. Кукуруза училась ходить, с её глаз непрестанно лились слёзы. Нас специально заманили сюда – это неправильный мир, кому-то нужно, чтобы мы думали, что находимся в мире мифов. Это ловушка. Я предупредил Сармата, о своих наблюдениях. Вдруг всё пропало, мы остались на месте, но всё окружающее сместилось сразу, как кто-то перелистнул страницу, а мы снова попали на титульный лист: с городом, площадью и памятником часовщика, Сармат достал часы из

КОТОМКИ:

– Как я не понял сразу, в мире мифов было время, но не было механических часов, а в Междувременье, никогда не было времени, а теперь появились механические часы.

И Сармат передал часы памятнику. Часовщик обрадовался подарку, потрусил их перед носом, и стал заводить... Мои друзья начали преображаться, возвращаясь в свой первоначальный образ, и по одному стали пропадать, растворяясь в воздухе. Первым растаял Таракан, из народа Югров, потом улетел Крыс с Кукурузой, Сармат ещё успел мне подмигнуть и протянуть талисман отца:

– Теперь он твой, в нём записана твоя формула воды. Спасибо тебе Борис Савельевич!

– За что?

– За то, что ты не такой, как все! Я не могу понять одного, как отец смог определить, что ты...

Сармат не успел договорить, я надеюсь на то, что он вернулся в свой волшебный мир.

– А, что было потом?

– Потом, кто-то уронил книгу, и я свалился с титульного листа, и оказался в палате.

– Интересно, а что, всё-таки случилось с миром испорченного времени? Неужели в этой стране всё стало на своё место, и все привыкли жить по-новому, а часовщик отремонтировал часы на площади?

– Я тоже на это надеялся. Любая сказка должна иметь ло-

гический конец! Только, если вам доведётся побывать в этой стране, и проснуться за полчаса, до срабатывания будильника, недопить утренний кофе, успеть опоздать на лифт, то у вас есть шанс попасть в главный музей столицы, где на самом видном месте вы найдёте петицию жителей этой страны, с подписями, против вмешательства в их привычную жизнь. Парламент принял закон, что любое существо, попытавшееся изменить их мир, в этой стране считается персоной нон-гранта, и его немедленно нужно выдворить за границы государства.

– И что, находились такие?

– Желаящие может были. В любой стране кому-то, что-то не нравится. Только этот закон никогда не работал, за это его и положили под стекло в музей. В стране испорченного времени этот закон считается символом глупости. За всё время не удалось выдворить из страны не одного несогласного!

– Это почему?

– Потому, что государство осталось страной испорченного времени, как этого хотели его жители, а в стране испорченного времени, не может быть слова – немедленно!

Эпилог

Из истории заболевания. Больной более тридцати лет был прикован к постели с диагнозом церебральный паралич в особо острой форме, приобретённый в детском возрасте, после осложнения от перенесённого энцефалита. Больной доставлен в бессознательном состоянии в отделение скорой по-

мощи, и переведён в нейрохирургическое отделение нашей больницы. Больному повезло, за его спасение взялась профессор нейрохирург из Италии – Майя Коршунова. Она возглавляет группу «Врачей без границ» в нашем городе, и согласилась провести показательную операцию на этом пациенте, с применением глубокого гипноза для пострадавшего. Операция длилась шесть часов, на глазах сотни студентов различных медицинских учебных заведений России и интернов, находящихся на практике в больнице. Когда операция была закончена, рано было говорить о благоприятном исходе и положительном эффекте, для излечения больного, но он, всё же, перенёс эти шесть часов сражения за свою жизнь. Раздались аплодисменты. Профессор зашла в палату. Это была молодая симпатичная женщина, говорящая с приятным акцентом, по-русски, её всегда окружало множество людей, она подошла к моей постели:

– Как чувствуете себя больной?

Я промолчал, показав большой палец.

– Ну, и хорошо!

Профессор перешла на французский, что-то объясняя коллегам. На груди у неё был медальон, какой-то камень, обрамлённый в золото.

– Это что?

Я спросил у доктора.

– Это подарок отца – Аквамарин. Это мой талисман, он всегда присутствует со мной, на всех операциях я его держу

в кармане халата, я верю в то, что он помогает спасать людей.

Я её понимал. Врачи, подготавливающие меня к операции, говорили, что я был без сознания, но профессор не отменила гипнотической камеры, они, так и не смогли разжать кулак моей руки. В руке у меня был мой талисман, я не помнил, как он у меня очутился, он не был такой красивый, как аквамарин, но мне казалось, что это именно он спас меня во время операции. У меня была карточка, история болезни, но я совсем ничего не помнил из прошлой жизни. Я не помнил своего имени, я не помню где я живу, с кем, и зачем. Дзэн, дзэн, дзэн-ница, разрывался колокол больничной церкви, а мне, сквозь звуки колокола слышался чей-то женский голос: – Дэн, Дэн, яичница!

Через месяц, меня выписали из больницы. В приёмном отделении меня ждал молодой человек. Я узнал его. У него на шее был точно такой же медальон, как у меня:

– Здравствуйте Борис Савельевич!

Глава 30

Таксист ругался, он не знал, куда меня везти. Сармат тоже не знал моего адреса. Выручила водительская смекалка, адрес моего проживания был в амбулаторной карточке, медсестра с удовольствием его предоставила, наградив молодого парня ослепительной многообещающей улыбкой. Но, красавчик оказался невнимательным, тем более с обручальным кольцом на руке. У медсестры, лицо, моментом, приобрело профессиональную невозмутимость и стало холодным, как

лёд. Только тогда до меня дошло, что я был всего в шаге от морга, но Сармат, не дал мне развить мои мысли: об операции, о итальянке с русскими инициалами, он тащил меня в сторону стоянки такси – подальше от больницы и Снежной королевы, в полупрозрачном халатике медсестры. Я смотрел по сторонам:

– Это был не мой мир, не мой город.

Я радовался, что я – был я, только без уродливой волосяной бородавки, которая мешала всё время бриться. Я это, ещё в больнице уяснил. Дома мне показались серыми, а дороги были грязными, в воздухе стоял запах железнодорожных вокзалов, это я ещё в своём мире заметил, что вокзалы во всех городах пахнут одинаково, оказывается, этот стандартный набор запахов распространяется на все измерения во вселенной. Вокзал пах вокзалом, пивная – пивом, а я – больницей. Сколько себя помню, я всегда пах лекарствами. Кажется, память начала восстанавливаться! Таксист видимо спешил, нервно переключал скорости передач на автомобиле перед каждым светофором. Он трогался с места, не ожидая, когда зажжётся зелёный свет, разрешающий движение. Эта нервозность передалась пассажирам, и таксист сделал ошибку, на повороте он не вписался в вираж и выскочил на встречную полосу, под колёса большого грузовика. Нас, от удара, выкинуло за дорожное ограждение, в знаменитое городское болото, названное Французским. Это то, что успела зафиксировать моя память. Было темно, но у меня ничто не

болело, я не понял, где я находился, пока Сармат не включил свет. Мы, наверное, умерли, или были на дне болота, из-за изгороди на меня смотрели маленькие бегемоты с крыльями. Значит, где-то недалеко была их мама: – подумал я. Сармат добавил яркости в светильник.

– Где мы?

Я услышал свой хриплый голос.

– Не знаю, похоже на ясли волшебной страны. Я здесь был, но совсем маленький, не помню ничего.

– А, как мы здесь оказались?

– Была авария такси, и амулеты выкинули нас в этот мир. Поверь, Савельевич, это не худший вариант. Лучше быть живым в яслях, для драконов, чем мёртвым в болотной жиже!

Я с ним согласился, что нам просто повезло. За окном была ночь, тёмная, волшебная. Бегемотики нас ели голодными глазами, но Сармат совсем не обращал на них внимания, он уступил мне лавку, а сам готовил себе постель на сеновале. Я вспомнил, что Сармат был родом из волшебной страны:

– Так это, и есть твой дом?

Сармат выключил свет, прикрутив фитиль, я раньше никогда не видел газовые фонари. Он понял мой вопрос.

– Нет, Савельевич, я городской житель, а это – деревня, Москва, кажется, называется.

Разбудило нас что-то невидимое, в окно пробивались первые лучи и небо только начало сереть, по комнате летали вёдра с сырыми окорочками, и весь этот конвейер пропадал за

изгородью, оттуда доносилось аппетитное чавканье. Сармат попытался завязать контакт с невидимками, но у него ничего не вышло, по количеству мелькающих вёдер, невидимок было не меньше трёх. Сармат не согласился с моими дедуктивными доводами.

– Невидимка может быть один, с шестью руками.

На выходе кто-то прыснул, подавив, вырывающийся смех. Через час, когда полностью рассвело, в комнату протиснулось лукошко, с деревенской свежей едой, запахло хлебом и парным молоком.

– Мне дети говорили, что в яслях гости, я по началу им не верила. Дети помогают малышей кормить. Вот, я вам покушать принесла. Меня зовут Светлица, я из клана волшебниц. А вы кто будете?

Сармат представился, и что из клана птиц потустороннего мира. Живёт в стране испорченного времени, заканчивает гимназию Гандз. Светлица к Сармату отнеслась уважительно, её удовлетворил статус гостя.

– А, это кто?

Хозяйка спросила за меня.

– А это? Это Савельевич, Борис Савельевич. Он из землян, хороший человек!

– Посеянный? – спросила Светлица.

Сармат отрицательно покрутил головой.

– Человек? В волшебном мире? Этого не может быть! Ты говоришь, что он из Земли? Из запретных миров? Ты, Сар-

мат, рождённый в волшебных мирах, знаешь лучше меня! Если вы появились из запретных миров, то пробой периметра обязательно будет зафиксирован на пульте контрразведки, и я согласно конституции волшебной страны, обязана доложить в совет о появлении нарушителя. – Можешь не спешить, Светлица! Мы в курсе. И Неясыть материализовался посреди комнаты, прижав Сармата к груди.

Сармат называл его дядей. Сначала дядя расспросил, ненавязчиво, племянника о нашем появлении в волшебной стране, а потом пришла и моя очередь отвечать на странные вопросы главы контрразведки содружества государств:

– Так вы говорите, что не обладаете ни одним способом перемещения между мирами? Так вы говорите, что не относитесь ни к одному клану и раньше в волшебных мирах никогда не были? Вы, Борис Савельевич, утверждаете, что являетесь человеком, и никогда не слышали о посеянных?

Я уже устал отвечать, отрицая всё и всяк. Я не мог понять, что хочет от меня эта птица-человек, явившаяся из воздуха. В чём он меня подозревает? Тогда Неясыть задал последний вопрос:

– Скажи человек! Мы с тобой полчаса общаемся. Откуда ты знаешь волшебный язык, если раньше никогда не бывал в нашем мире?

На этот вопрос я не смог ответить, даже у Сармата, от удивления, раскрылся рот. На этом, допрос закончился, и невидимые контрразведчики вбросили меня в клетку, как

животное, особо не церемонясь с моим неудобством. Для контрразведчиков я был обыкновенным шпионом, которого поймал глава контрразведки, и которого нужно вывести на чистую воду. Меня решено было переправить в столицу и сделать сканирование мозга. Эти невидимые гадюки сделали всё, как надо, даже амулет у меня отобрали и закрыли в сейф. Но они не смогли учесть одного – амулет вернулся к хозяину и не дал копать в его мозгу. Меня успели связать, обвешать всё тело датчиками и гипнотическим лучом лишить сознания. Я ничего не помню, очнулся я на пятом этаже, в незнакомом городе, от противного звонка во входную дверь. На пороге стояла девушка, лет шестнадцати.

– Дядя Денис, у меня задачка с производными, с ответом не сходится. Помогите решить, а то, пока вы были в больнице, я в троечники в классе переключалась.

Я на неё смотрел, как баран, на новые ворота. Я проглотил, что у меня новое имя, но то, что я великий математик... это уже чересчур. Девушка по-своему поняла мои колебания:

– Дядя Денис! А я вам полы бесплатно помою.

Это было всё! Я вовремя вспомнил, что видел компьютер, осталось вспомнить, как им пользоваться, тогда любая задача будет решаемая. Я попросил у девушки два часа времени, сославшись на то, что ещё не совсем восстановился после операции. Она пообещала прибежать с третьего этажа, со своей тряпкой и шваброй. Я, чуть не спросил:

– Зачем?

Компьютер сам включился, при моём приближении. Я, действительно, не помнил, откуда знал волшебный язык, я не помнил, как общаться с этим электронным чудом, но пальцы сами набрали условие задачи на мониторе, оказывается, я был не только компьютерным гением – хакером вселенной, но ещё непревзойдённым математиком. Потому, что компьютер ещё думал над решением задачи, а я уже записал ответ. Больше времени потратил на роспись решения. Я даже успел определить, где ошиблась девочка, и внести в компьютер объяснения по решению задачи. Моя память возвращалась ко мне: я компьютерщик, математик, полиглот, кто ещё? Какими способностями вас наделили Борис Савельевич? Ой – дядя Денис! Раздался звонок в дверь. Вместе с девочкой на пороге стояли Сармат с Неясытью. Я отдал соседке тетрадь с решённой задачей, больше её ничто не интересовало, как и всех старшеклассников, лишь бы решение с ответом сходилось, а то родители на танцы не пустят, или финансирование урежут. Уборку решили пока отставить, в связи с приходом гостей. Оба мужчины проследовали на кухню, сразу заметно, что они, не впервые в этой квартире. Сармат начал первым: – извинился передо мной за действия контрразведки. Дядя молча кивал головой.

– Пока разобрались, что к чему, как ты пропал. Мы тебя ещё быстро нашли, по следу от пробоя. Был бы шпионом, плакала бы наша контрразведка.

Наконец подал голос Неясыть:

– Всё понимаю! Даже то, что Грестарх передал тебе свой амулет Гандз, только одного понять не могу – откуда ты знаешь волшебный язык?

Я попытался объяснить, может быть мои объяснения кажутся не вразумительными:

– Не знаю! Не знаю я откуда у меня способности полиглота, не знаю я, откуда я разбираюсь в компьютерах, и откуда у меня способности к математике. Я до сих пор не понял, как очутился в волшебной стране, ещё меньше понимаю, как вернулся в этот мир. Это не мой мир. В моём мире меня все знают, как Бориса Савельевича, и живу я на третьем этаже, это даже Сармат может подтвердить. Здесь же меня зовут Денисом, и комната находится на два этажа выше. Дядя опять подал голос:

– Как? Как тебя зовут?

– Девочка с третьего этажа назвала меня дядей Денисом.

Оба гостя не смогли сдержать смех. Я не знаю, что я такого смешного сказал? Но Сармат оправился скорее:

– Мы прибыли в ваш мир Савельевич, чтобы принести свои извинения. Мы уже решили половину ваших вопросов, я думаю, нам стоит в дальнейшем к ним обратиться, но пока, вам нужно восстановиться после аварии. И ещё, я разгадал загадку своего отца, я догадался почему он указал на вас, и задолго до нашей встречи передал вам свой амулет Гандз. Я попрошу, Савельевич, не волноваться сильно от того, что

будут появляться новые способности и физиологически меняться черты лица.

Я уже начал замечать, что молодею, но после Междувременья, я перестал обращать внимание на преобразования. Поверьте, после того, как человек побывал чучелом, ему становится безразлично, как он выглядит или каким, его хотят видеть окружающие. У гостей, видимо было много работы дома, они, даже от предложенного чая отказались, попрощались и растаяли, здесь же, на лестничной площадке пятого этажа. И стало тихо, впервые, с момента, как я принёс клетку, оплетённую проволокой с чёрной птицей, и положил её на балкон. Меня все оставили в покое, я стал никому не нужен, даже пигалице с третьего этажа. Тишина! Какая благодать! Целый месяц меня никто не тревожил, а потом, как все с цепи сорвались. С семи часов утра, видимо, не понадеявшись на звонок, в дверь, кулаком стал тарабанить участковый:

– Проверка документов.

Проверил паспортные данные, извинился и стал стучать в соседнюю квартиру. Я знал, что жил на площадке один, в городе половина квартир пустых, и это в шестидесяти километрах, от Москвы. А наш этаж был социальным, жильё для инвалидов зарезервировано было. Участковый ушёл, я подождал на площадке, когда хлопнет входная дверь на первом этаже, всё-таки милиция – это к неприятностям. Дверь напротив открылась, оттуда вывалил мужик в стереонауш-

никах и с мокрой половой тряпкой в руке, он стоял ко мне спиной, и не поворачиваясь, спросил:

– Это ты стучал?

Он уже заканчивал мыть полы. Потом повернулся, с такой решительностью, резко, собираясь закатить скандал. И застыл, в позе мумии с раскрытым ртом:

– Грестарх?

Я не понял.

– Мы тебя давно похоронили. Ты же был на планете пиратов во время взрыва! Мы думали, что тебя разметало на атомы. В музее академии твоя фотография в чёрной рамке.

Я конечно рад, что у меня появился сосед, но он ошибался.

– Я не этот, как его, Гри... Гри.

Сосед выхватил мой паспорт из рук:

– Нет. Я не ошибся – ты Грестарх!

Блин! И где он такое вычитал? Он был хуже полицейского: сравнил мою фотографию в паспорте с моим лицом, крутился возле меня, как трюмо на шарнирах, и в фас, и в профиль. Смотрел на меня так подозрительно, я уже подумал, что это он полицейского на меня натравил. В конце концов сосед успокоился, вернул мне паспорт:

– А я, это, порядок решил навести. Так значит тебя Денис зовут? А я – это, Челстуг. Ой! Семён значит. Вот и познакомились.

Этот Семён посмотрел на меня такими глазами, как будто

я из его холодильника колбасу спёр. Станный сосед у меня, я, не удивляюсь, жильё то – социальное. Инвалиды тоже разные бывают. Меня только Челстугов на этаже не хватало, а для себя я решил, поменьше с соседом общаться, человек был явно со справкой, а таких у нас закон защищает. Они внесены в «Красную книгу», как переходная ветвь происхождения человека от обезьяны. Мне целую ночь снились какие-то птицы, ящеры. На этом приключения не закончились: на следующий день, без стука в дверь, в моей комнате появился Сармат. Блин!

– Здравствуй папа!

Сумасшествие, видимо болезнь заразительная, сначала этот Семён, потом Сармат. Я, на всякий случай, стал от него подальше.

– Какой я тебе отец? У тебя часть мозгов, наверное, в Междувременье осталась!

Сармат улыбнулся:

– Всё хорошо получается. Всего месяц прошёл, а такие сдвиги! Ты, Савельевич, давно на себя в зеркало смотрел?

Я пожал плечами, в зеркало я смотрю, когда бреюсь, а бреюсь я по воскресениям, раз в неделю. Сармат меня подвел к настенному зеркалу. Я был не я! Из зеркала на меня смотрело совсем чужое лицо.

– Блин! Вот влип – мир не мой, и город – хуже деревни, половина людей курит, половина жуёт семечки, и всё на ходу. Я не представляю, как жить с такой физиономией.

На меня смотрел относительно молодой человек, лет тридцати пяти, весь в веснушках и, абсолютно, рыжий. В детстве мне казалось, что именно так должны выглядеть бандиты. Сармат успокоил:

– Зато сейчас, ты на фотографию на паспорте похож. А больше ничего не появилось?

Я спросил:

– А что должно появиться?

– Не знаю. Лицо же восстановилось.

– Как восстановилось, ты хочешь сказать, что я раньше всегда был конопатым и рыжим, и мне до конца жизни придётся терпеть это уродство?

– Ну зачем так категорично? На Земле технологии красоты не стоят на месте, любой косметический салон сделает тебя неотразимым красавчиком, а насобираешь капитал, то добро пожаловать к косметологу, он посоветует тебе, какое выбрать лицо и к какому пластическому хирургу обратиться.

Сармат не мог без своего сарказма.

– Ну, ладно! Рано я прилетел, надо подождать ещё.

И Сармат пропал, просто, растворился в воздухе.

– Чего ждешь? Какие изменения?

В дверь постучал сосед. Для таких звонков не существует, наверное, этот Семён в полиции раньше работал?

– У вас соли не найдётся, а то пожарил Дениску, а послать нечем.

Я отдал ему целую пачку и пожелал приятного аппетита.

Он ещё и каннибал, как его – Челстуг. После обеда принесло соседку. Достала уже своими задачками. Самым последним позвонил сосед с первого этажа, попросил полтинник до зарплаты. Деньги у меня были в тумбочке, каждый раз, как почтальонша приносила пенсию по инвалидности, я, не считая, клал их в тумбочку, зная, что за месяц, проценты набегут. Мать меня приучила так. Стой! Откуда я это знал? С каждым днём воспоминаний прибавилось. И я вспомнил, не всё конечно, частично. Я вспомнил свою прошлую жизнь, в которой было место и моей жене Огневице, и Сармату, и Челстугу. А когда я, возвращаясь из магазина, поздно вечером, не захотел подыматься по ступенькам на пятый этаж, переместился с помощью амулета Гандз, по формуле воды, я понял, что это не фантазии, и несмотря на поздний час и темноту за окном, я постучал к соседу, всё равно у него дверной звонок не работал.

– С возвращением тебя, Грестарх!

Глава 31

Совет признал моё воскрешение, не без протекции трёх свидетелей: Сармата, Челстуга и Неясыти, но отказал мне в заслуженных льготах, пока я не предоставлю доказательство, что я не голем, не биоробот и не орудие колдовства. Если Сармат числился, как временно пропавший, то я, по мнению всех заседателей совета, был среди героически погибших. А так, как миссия моего нахождения на планете пиратов была тайной и глубоко засекреченной, то даже жену обошли

во внимании, и отказали ей в пенсии, в связи с гибелью мужа. Огневица держалась из последних сил, собирая всевозможные справки и обходя многочисленные конторы. Она это делала только из памяти к заслугам мужа. Её поразило то, что совет так быстро успел списать Грестарха, включив безотказный бюрократический аппарат, который Огневицу заставлял бегать по кругу и собирать всевозможные справки, характеристики, копии. Огневица устала. Она громогласно обвинила совет государств в смерти её мужа, а всех друзей – в предательстве, перестала контактировать со всеми и улетила в волшебную страну, где клан волшебниц был на её стороне. Огневица не захотела встречаться даже с королевой драконов. Сестра с мужем и многочисленным потомством обосновалась в запретных мирах – на Земле. Огневица не любила посещать Землю, эта планета напоминала о погибшем муже. Дэн, Дэн, Дениска! Она с Озорницей встречалась, только, на очередном Шабаше ведьм. Лианка давно вышла замуж, и жила так далеко в диких мирах, что вести оттуда шли годами, и часто не доходили, терялись по пути. Огневица держалась. Но весть о пропаже Сармата из стен гимназии Гандз, подкосила её. Огневица осталась одна, и окунулась в самое радикальное направление клана, которое требует полного отказа от всего: от друзей, от родственников, от подчинения законам совета государств. Огневица стала миссионером, и в этот же день покинула волшебную страну. Я только смог узнать, что послушница, по приказу настоятель-

ницы, отправлена в один из диких миров, но в какой – не известно. А диких миров у нас, больше, чем звёзд на земном небе. Сармат тоже не нашёл следов матери. Мы не знали где искать её, мы даже не знали её нового имени. С согласия жены, была стёрта её память, из женщины сделали «чистый лист», новое имя ей дали, по прибытию в дикий мир с алгоритмом задания миссионеру. Все нити были оборваны, исключали даже случайную встречу. Я подозреваю, что волшебницы, даже могли изменить её внешность. Я с ностальгией прошёлся по всем мирам, где мне приходилось бывать. Никого из моих знакомых не осталось. Королева драконов не захотела со мной встречаться, прошло слишком много времени, и она опасалась колдовства. Я понял, почему моя жена поступила так, почему она отгородилась от всего мира, и радовался тому, что совет не наложил запрета на мои перемещения. Мне тоже не хотелось никого видеть, мы договорились с сыном – он остаётся здесь, в нашем доме, в стране испорченного времени, а я вернусь на Землю, если будут какие новости, он знает где меня искать. Я же хотел найти Озорницу и её семью, может она что знает о сестре? Легче иголку найти в стоге сена, чем человека в запретном мире. Мне кажется, я испробовал все доступные мне методы поиска семьи Озорницы, только в этом мире у неё было совсем другое имя и даже фамилия по мужу, а я знаю только то, что её половинка на выхухоль похожа, и у меня нет никакой информации о её детях. А озорниц в этом мире, хоть пруд

пруд! К ним можно отнести всех женщин планеты. У меня ничего не вышло, хоть в полицию обращайся, или объявление в компьютерных сетях дать – Ищу Озорницу из клана волшебниц, с указанием примет, под которые подходил весь слабый пол Земли. Тогда я вспомнил про Неясыть, у контрразведки свои методы поиска. Я, через соседа, постарался связаться с названным дядей Сармата. Челстуг мне помог, и через неделю, у меня был адрес сестры жены, и я, чтобы не вызывать лишних подозрений, начал оформлять визу в Азербайджан. Озорница с семьёй жила на берегу Каспийского моря, а выхухоль по национальности оказался лезгином. Посёлок был не большой, весь пропахший морем и рыбой. Весть о том, что к красавице Лейле приехал муж её родной сестры, распространилась мигом. Каждый сосед считал своим долгом поделиться лучшим, что есть в его доме с семьёй Камалы, заодно и посмотреть на гостя. В рыбацкий посёлок редко заглядывали гости, меня здесь, почему-то отнесли к грузинам. Говорят, что такие рыжие, только в Грузии водятся, хотя к моему азербайджанскому языку претензий не было. Все жалели сестру Лейлы, посчитав меня некрасивым, честно признаться, мне тоже не нравилась физиономия на паспорте, не зря меня родители яичницей назвали. Неясыть, на время моей поездки к родственникам, остался со мной, со своими невидимыми агентами, он по вечерам прилетал поболтать. Сказал, что время в этой стране не спокойное, лучше будет, если он станет охранять меня. Слишком много

банд развелось, у них везде свои осведомители. Камаль уверял, что в посёлке спокойно, с утра он уходил с бригадой рыбаков в море, а по вечерам старался накормить меня пловом и шашлыком. Он не мог понять: как это грузин не пьёт вино и чачу, и совсем не ест мяса. Из меня так и не получился стопроцентный Грестарх, осталось что-то и от Савельевича. Я поменял всё, что можно было: страну, город, квартиру, но остался убеждённым вегетарианцем. Но, чтобы не обидеть хозяина, рис я съедал, а мясо делил между Неясытью и его агентами. Птица мне напомнила, что я и летать по мирам научился, благодаря каким-то чебурекам. Неясыть, как всегда, оказался прав, информация о моём приезде, быстро распространилась по округе, и кое-кто успел заинтересоваться ей и уже был готов план моего похищения. Только демоны успели доложить Неясыти. Глава контрразведки союза государств решил предпринять контрмеры и его штаб разработал свой план, внося коррективы в задумку бандитов. Посёлок рыбаков был маленький интернациональный, но дружный и мог за себя постоять. Бандиты не рискнули сюда сунуться, решили дождаться отъезда гостя, чтобы устроить засаду на железнодорожном вокзале. В Азербайджане живут очень милые люди, у которых очень коррумпированная власть. Бандиты успели всё скупить на вокзале, чтобы в нужное время не было на месте не полиции, не свидетелей, не старика, продающего мацони. Осталось узнать время отъезда гостя. Местная ребятня меня замучила вопросом:

– Когда ты уедешь отсюда?

Мне даже неловко стало, ещё неделя не прошла, как я приехал, а уже надоел всем, не успел даже в море покататься, как следует, а ещё хотел в горы съездить, никогда раньше на Кавказе не был. Но, пора и честь знать! Ничего я не узнал у Озорницы, она не знала, где находится её сестра. Сразу видно было, что женщина соскучилась за волшебным языком, за родным домом, за своим миром. Она не хотела меня отпускать, но надо, посёлок устал от моего присутствия, каждое утро у дверей стояла гурьба ребятишек с одним вопросом. Всё, я решился и наметил день отбытия. Вечером спланировал на ограду Неясыть:

– Когда ты уедешь отсюда, Яичница?

И этот! Достали уже все! Что я контрразведке плохого сделал? Неясыть никого не посвящал в свои дела, даже от меня скрыл покушение, чтобы не омрачать мой отдых. Я ещё не знал ничего, когда по посёлку прокатился слух, что рыжий грузин завтра уезжает, наконец. И откуда они все и всё знали? Надо, так надо, я не сопротивлялся, и готовился к отъезду. Но с завтрашнего дня события в этом месте стали развиваться не совсем так, как положено. Я ничего не знал о покушении, я ничего не знал о бандитах, ожидающих меня в засаде на железнодорожном вокзале. Вечером не вернулась бригада рыбаков с промысла, а обломки их баркаса прибило на берег, недалеко от посёлка. Целую ночь над домами стоял женский вой. В каждой семье не менее шестерых де-

тей, а муж – единственный добытчик. Поездку пришлось отложить. Я попросил Неясыть, негласно, принять участие в поисках рыбаков. Бедная птица, скривился, но не смог мне отказать, по закону клана, мы обязаны помогать друг другу. Неясыть не выдержал:

– Такое развлечение сорвалось!

Я особо не вникал в его дела. Он отдал распоряжение двум невидимым демонам, а сам, с неохотой, поднялся с ограды и растворился в ночи.

Угу! Ух-хуг!

Я увидел над морем силуэт птицы. Я вернулся в дом, чтобы успокоить Озорницу. Она вспомнила свои волшебные уроки: раскидала на столе карты, камни, ракушки, перья, выпустила двух живых лягушек, и начала гаданье. Всё говорило о том, что погибли люди от нападения какого-то монстра, но её муж жив, его и несколько человек прибило морем к острову. Озорница достала волшебное зеркало. Оно показало беспомощных людей, выброшенных морем на песчаную косу. Было темно, но в фосфорном свете моря было видно, что люди живы, только находятся без сознания. Агенты Неясыти нашли этот остров, он был небольшой и скалистый, рыбакам, можно было сказать, повезло, что их выбросило на эту косу, а не разбило о скалы. Каспийское море бурное, и часто бывает безжалостным к потерпевшим крушение. Не знаю, откуда, среди ночи, появились представители береговой охраны. Сестра жены пыталась им объяснить, где искать рыбаков.

В это же время, совсем в другом месте, дежурный по вокзалу ожидал поезда Баку-Москва. Он с нетерпением смотрел на часы. В его кармане шуршали свежие денежные купюры, ещё пахнувшие краской. Его задача была, после прихода поезда, чтобы никого не было на вокзале: не встречающих, не провожающих. Железнодорожник отработывал свои деньги. Он видел бандитов, сидящих в дорогой машине, они кого-то ждали, нервничали, ругались между собой. Поезд приходил по расписанию, поздно ночью, вокзал был пуст, дежурный знал, что на этот день не было продано ни одного билета в сторону Москвы, а из Баку, до нас, легче и дешевле добраться автобусом, да и быстрее будет. Вдруг на привокзальной площади раздался шум, приехал на ослике старик, торгующий мацони, догмой, пиндыром и другими молочными продуктами. Дед был старый, его предупреждали, чтобы не приезжал, но он, видимо, забыл. Ишак – умное животное, сам привёз деда. Из машины вылезли два амбала, и стали прогонять торговца. Старик сделал вид, что ничего не понял, зато всё понял ишак. Он, недолго думая, справил нужду под колёса автомобиля, грязным хвостом обмазал стекло «Бентли» и сбил зеркало заднего вида. От такой наглости боевики онемели и не знали за что хвататься: за пистолеты, или за животы. Потому что в кабине остался шеф, а осёл стал чесаться об открытую дверь и перекинул на главаря весь товар вместе с дедом. Блин! Шеф был весь в мацони, с пиндыром в зубах, на ушах висела догма. Старик, невозмутимо, сидел у него на

коленях, и требовал деньги за испорченный товар. Бандиты опомнились, и старику, вместе с ишаком было бы несдобровать, если бы не вмешались демоны. Они жалели об одном, что Неясыть не увидит комедию, которую они приготовили для похитителей. Демоны остались, почти без работы, старик с ослом, справились, и без них, с бандитами. Оба амбала стали оттягивать ишака от машины: один за хвост, другой за голову. Бедное животное подумало, что его разорвать хотят. Ишак испугался и начал орать, и звать на помощь. Блин! Демоны решили подыграть, и превратились в двуногих ослов с бейсбольными битами в руках, вместо копыт. У ишака при виде этих помощников, недержание кала случилось, бандиты вмиг позеленели от ослиного залпа. Потом начали твориться чудеса, демоны утверждали, что они не причём. Сначала у машины отвалилась дверь! На привокзальной площади стала такая тишина, что слышно было, как комар машет крыльями. Вы знаете, сколько стоит дверь у «Бентли»? Вот, и мы не знаем, только глава бандитов сразу прекратил визжать и подавился домашним сыром. Вместо платка он вынул из кармана несколько «Манат» и вытер холодный пот со лба. Деньги очутились в руках владельца ишака, он понял этот жест доброй воли со стороны главаря бандитов, как компенсацию за испорченный товар, слез с ног бакинца и пошёл в родной кишлак. Он знал, что ишак погуляет и тоже домой придёт. А машина продолжала рассыпаться на глазах: прожавели крылья, отвалилось дно, отпал руль и покатился по

дороге. Все бандиты смотрели на машину, как загнипнотизированные, они даже пропустили прибытие пассажирского поезда. Поезд постоял две минуты и пошёл, проводники даже двери не открывали, а бакинцы, с открытыми ртами смотрели на тающий «Бентли», у которого, вместо логотипа появилась надпись:

– «Зроблено в Україні. М. Запоріжжя».

– Блин! Запорожец, за полтора лимона баксов!

Шеф упал без сознания. Один из бандитов посмотрел на свалившегося в обморок босса:

– Во, люди деньги делают! Не то, что мы, вторую неделю какого-то грузина московского вылавливаем.

Демоны даже не трогали бандитов, бакинцы брели по столичной трассе, уже не пытались тормозить автомобили, машины старались пролететь мимо этой подозрительной группы людей, за которыми плёлся ишак. Ему было с бандитами по пути, осёл шёл по следам хозяина в свой кишлак.

Людей спасли. Не всех, только тех, которых нашли на острове. Большинство из них, пришло в себя. Полиция их допросила по пути к посёлку. Лейла добивалась у мужа:

– Что случилось в море?

У Камалья уже не было сил отвечать. Но, вокруг Лейлы собралось всё женское население посёлка, в эту ночь никто не спал. И Камаль сказал:

– Дэнгиз шайтан, Бабатур.

Женщины всего посёлка завывали и стали царапать свои лица и вырывать волосы:

– О, Бабатур!

От их рыданий несло такой безысходностью, как будто сама смерть стояла на берегу у посёлка. Полиция прониклась бедой людей, стала по домам разводить пострадавших. Для меня было много не понятного, но это была такая ночь, в которую лучше не задавать вопросов. Над посёлком, временами, светила полная луна, пробиваясь через плотное окружение туч, море начало штормить, вот и закончился бархатный сезон. По центральной поселковой дороге шёл ослик, ориентируясь на следы хозяина, кишлак был в горах за виноградником. Ослик каждый день ходит по этой дороге. На следующее утро, Камаль рассказал, про трагедию в море. У него дёргалось лицо и дрожали руки, чашка с чаем стучала по зубам. На открытом окне сидел Неясыть, его никто не видел, но я знал, что он там.

– Мы собрали сети, погрузили улов, и уже собирались домой, когда появился Бабатур, наш баркас был, как игрушка, между его ногами. Он заметил нас и ударами рук разбил и затопил судно. Я нырнул, и плыл под водой, пока хватало сил затаить дыхание. Когда я вынырнул, Бабатура уже не было, баркаса тоже, вместо баркаса плавали осколки от него и пустые металлические бочки, в которых мы держали солярку для двигателя. Бабатур не любит шум винтов и запах солярки.

– Бабатур – это кто?

Камаль опять заволновался, а когда он волнуется, сразу переходит на русский язык, ему кажется, что его так лучше поймут.

– Бабатур – это местное название, от стариков к нам пришло. Это было тогда, когда пророк Магомет, только начал ходить по аулам Кавказа. Старики на берегу моря нашли чудовище. Оно было огромным, и, наверное, очень сильным. Но море было сильней, оно убило и выкинуло труп чудовища на берег. Десять человек нужно поставить друг на друга, чтобы представить высоту этого монстра, а по толщине этот урод больше походил на кита. Лицо, у него не было лица, он был похож на горного козла и на сестру змеи одновременно, а на его голове был рог, острый большой рог. (Сестрой змеи на Кавказе называют рыбу и ящерицу). У чудовища было четыре лапы с тремя пальцами, связанными между собой перепонками, напоминающими ласты тюленя. На каждом пальце были саблевидные когти. Но особым отличием монстра был его многотонный хвост, который ему служил опорой при вертикальной стойке и ужасным оружием, в борьбе с врагами. Старики монстра называли Бабатур, рыбаки, живущие в других местах Каспийского побережья, называют его – Денгиз-шайтан. Рогатый чёрт.

– Морской чёрт, – поправила мужа Озорница.

– Да, да. Вот этот морской чёрт и потопил наш баркас.

Камаль подавился остывшим чаем, и закашлявшись, вы-

скочил из-за стола. Я его понимал. У рыбака был стресс. Ему нужно время, чтобы отойти от этого кошмара, чтобы начать всё сначала: в кредит купить баркас, набрать людей, на место погибших, и снова выходить в море, чтобы ловить рыбу. Другой работы в посёлке не было, а семью кормить надо.

Глава 32

Челстуг сидел надутый. Он уже всё знал, и знал, что его медицинская комиссия не пропустит, тормозить стал в стрессовых ситуациях, всего, какие-то наносекунды, но для руководителя это не допустимо. Его даже рядовым не взяли, он нервничал и огрызался на всех, хорошо, что к нам на пятый этаж никто не ходит. Я тоже старался лишний раз не тревожить Семёна, моё предположение о справке от психиатра оказалось пророческим, мне так и хотелось его подколоть, но лучше не надо! Неясыть тоже забраковали, контрразведка не дала добро, она не захотела находиться без руководителя, а совет отставку главного контрразведчика не принял. Во всём содружестве государств набиралась инициативная группа в научно-исследовательскую экспедицию в один из запретных миров. Все члены будущей экспедиции подбирались тщательно, и никто не знал критериев отбора. Предпочтение отдавалось особям, закончившим гимназию Гандз. Я чувствовал, что это мероприятие коснётся и моей семьи, и мысленно, распрощался на ближайшие годы с Сарматом. Сам я, даже и не мечтал попасть в экспедицию, хотя имел желание участвовать, но не надеялся на вызов.

– Слишком много нет: стар, не понятен и не надёжен.

Когда на моё имя пришёл вызов из совета, я думал сосед Сёма пошутил, потому, что вызов пришёл на Землю, на мой адрес, заказным письмом. Неясыть прилетел, тоже надулся:

– Я им всё приготовил, собрал материал, поднёс на блюдечке, а они...!

И Нелюдь против. Я посочувствовал начальнику контрразведки.

– Ты бы меня в курс дела ввёл – что за экспедиция такая?

– А ты что, не знаешь?

– Ну, конечно: живу на отшибе, новостями не интересуюсь! Всё Гриша, не ведаю, как тебя сейчас называть, перепуталось многое в этом мире, всё началось с нашей поездки в Азербайджан. Ты уехал домой, а нам с бригадой пришлось остаться, чтобы собрать не достающий материал о этих Бабатурах. Мы побывали во всех странах, находящихся на побережье Каспия, в легендах многих народов, в местных эпосах присутствует этот ящер. В Иране даже есть наскальные рисунки с его изображением, Армения не связана границами с Каспийским морем, но в архивах этого древнейшего из государств тоже есть упоминание о змееголовом существе. В России все сказки со змеем Горынычем. Везде ящер называется по – разному, но согласно коллективного портрета, он очень соответствует описанию Камаля. А когда мы расширили зону поисков, согласно свидетельствам очевидцев, то этих Бабатуров видели на всех морях и во всех странах све-

та. Ящеров видели даже исследователи Антарктиды, правда без таких трагических последствий, как в посёлке Озорницы. Эта информация заставила нас задуматься, мы передали всю информацию в аналитический отдел на Рузу, да, да он находится на той планете, где ты Гриша проходил обучение в академии. Аналитики открыли для меня много интересного про Каспий. Каспий озеро – ты знаешь, а знаешь ли ты, Гриша, что он за всё время своего существования, несколько раз мелел и менял свою форму. Все думали, что Каспий исчезнет, уступив место пустыне, но нет, море внезапно наполнялось и грозило смыть молодые города, построенные на побережье. В Баку есть башня – Гыз-галасы, она несколько раз, то выходила на берег, то пряталась опять в морской пучине. Несмотря на то, что Каспий находится в самом сердце материка и у всех на глазах, он слабо изучен. Рыбаки рассказывают, что в море есть такие места, которые все боятся посещать, в этих местах возникают ужасные круговороты, которые засасывают в себя всё, что находится в акватории большого водного пространства. Погибло много кораблей, останки которых находили совсем в других морях. Каспийское море считается мелким морем, есть места, где глубина моря, вдалеке от берега не превышает двух метров, от поверхности воды. Эта мель дрейфует по всему морю. Английские военные делали промер глубин в районе турецкого побережья и случайно наткнулись на сильнейшее течение.

В корабельном журнале осталась запись:

– Это река. Настоящая подводная река, шириной не меньше километра, весь мощный морской поток уходит глубоко под землю. В журнале были отмечены координаты находки. Но только конфигурация моря изменилась, и река пропала. Но, если существует река из моря, то, наверное, есть реки в море, за исключением Волги. А ещё, старые рыбаки знают, где в море можно брать пресную питьевую воду. Иногда в сети попадает такой улов, с такими видами экзотических рыб, которые никак не должны водиться в Каспийском море. Информация про Бабатура дошла до Нелюдя. Он вызвал меня в совет. Я рассказал про тебя, про твою поездку к Озорнице, про её мужа и про встречу с Бабатуром. Нелюдь вспомнил, как его впервые избрали председателем совета государств. Он был четвёртым председателем по счёту. Время было тяжёлое, страны утопали в гражданских войнах. Надо было создать крепкую армию, укрепить границы прекратить междоусобицу. В совете все голосовали «за», а в действительности оказывали сопротивление. Так и получилось с планетой водяных ящеров, они убили сборщиков налогов, они взорвали все запасы продовольствия и контейнеры с металлами.

Нелюдь подписал первый приказ о карательной экспедиции. Только на этой планете ни одного живого существа не осталось. Пропал весь народ, предпочтя, покинуть планету, чем платить дань союзу государств. Ящеры покинули родные воды, отравив всю планету. Никто не знал, куда они делись. Прошло несколько тысячелетий, по твоему описанию, ваш

Бабатур очень похож на водяного ящера. У председателя и возникла идея обследования Каспийского моря. Жалко мне не позволили участвовать. Ну, что ж, Денис-шайтан, может тебе повезёт! Неясыть пропал, он постоянно занят, постоянно в делах. В совете меня направили к председателю, там я встретился со своим сыном, его тоже вызвали. К Нелюди мы зашли оба, как одно целое – представители клана птиц из потусторонних миров. Нелюдь стоял у окна, и повернулся к нам лицом, когда мы вошли:

– Здравствуй, Грестарх!

Я пожал протянутую руку. Редко кто удостоивался такой чести. –

– Признайся, как тебе удалось воскреснуть, восстать из мёртвых?

Я обратил внимание на то, как постарел председатель.

– Все мы не вечны. Это, наверное, последнее задание, которое я вам даю лично. Вы оба обладаете оберегами Гандз, оба можете дышать в воде и принимать любую форму. Вы находитесь под защитой древних, и фактически бессмертны. У меня к вам будет просьба личного характера. Найдите, доставьте мне живым руководителя этих водяных ящеров. Я хочу посмотреть ему в глаза, что он думал, когда отдавал приказ на уничтожение последних особей моего народа. Я знаю, как вы меня называете, но я большую часть времени потратил на сообщество государств. Я потерял всё в борьбе за власть: семью, детей, свой мир, а эта болотная тварь убила

последнее – надежду на возрождение моего народа. Как бы я хотел быть среди вас! Найди мне Шешана, Грестарх!

Участников экспедиции набрали из разных миров, но среди них не было ни одного ящера, дракона или змея. В основном мы все были амфибиями и обладали многими свойствами, привитыми нам при обучении. Шёл жёсткий отбор, если комиссия сомневалась в чём-то или в ком-то, то устраивала соревнование и в команду попадал сильнейший, лучший. Конечно, нам с Сарматом – обладателям талисмана воды было легче справиться с соперниками, мы были, как вне конкурса, но иногда приходилось тоже не сладко. За полгода из нас слепили настоящую команду, учёные придумали небольшие подводные аппараты с водоструйным двигателем, учили всё, даже капризы ящеров. Нас разбили по специализациям: были спруты-телепаты, наше отделение отнесли к универсальным войнам, были силовики, технари, химики, невидимки-разведчики, минёры-сапёры, подводные пауки-снайперы, это была не экспедиция, а специальное подводное воинское подразделение. Нас ещё полгода тренировали, учили пользоваться подводными лодками. Тем, кто задавал много вопросов, старались объяснить спокойно и подробно, без эмоций. Чаще всего задавали вопрос, зачем водным существам нужны подводные лодки, заполненные той же водой, для балласта. Объясняю, для спрутов. Не нужно краснеть и проявлять нетерпимость. Подводная лодка защитит вас от перепада температур и гидроударов. Нам придёт-

ся двигаться в воде под землёй. А, вы уверены, что вас там не ожидают ловушки с перепадами температур, хитрые отводы от подводных вулканов, надо готовиться и к другим аномалиям, связанных с резким понижением температуры, как на Антарктиде. Кроме климатического оружия, ящеры в совершенстве владеют гипнозом, приборы на субмарине не дадут вам столкнуться со скалой, и наоборот, помогут найти проход в любой местности. Поймите, там, где мы идём, нас спасти некому. Поэтому надейтесь только на самих себя, и не отвергайте техническую помощь. Нам под водой не нужны вареные омары. Поняли меня? Ответы до всех доходили быстро, вскоре настало время, когда перестали задавать вопросы, и все задачи выполнялись слажено, все движения были отработаны до автоматизма. Мне нравилось, как подводные пауки тренируются во взятии языка, пеленая китов и других массивных животных. Это было смешно, у пауков получалось всё так удачно, что хотелось выйти за пределы наблюдательного пункта и вставить пустышку в рот ничего не понимающей куколке. Наконец, тренировки кончились, нам представили нашего руководителя, вернее руководительницу – это была Ундина из зелёного мира. В академии мы его прошли заочно, это был один из дружелюбных сообществу миров, весь в лесах, болотах с тёплым климатом и тёплыми морями. Эти миры нельзя воспринимать без доброй улыбки, они казались сказочными, в контраст нашей хищной жизни. В этих мирах водились не пуганные птицы и звери, здесь ни-

когда не было охотников и рыбаков. Самих же Ундин я ошибочно принимал за русалок, в волшебной стране их разум немного превосходил в развитии рыб. Нас познакомили с существом, закончившим две военные академии с отличием в разных странах, за плечами этой русалки было не одно выигранное сражение, и вообще, она больше походила на выдру и её тело было всё в шрамах. Я знал, что совет поставит руководить экспедицией лучшего, но почему-то думал, что это будет Гандза. Сармат их лучше знал:

– Нет, Гандзы не годятся, слишком умны и миролюбивы, Гандзы – это учёные, а не военные. Из Гандз плохой генерал, он любую войну в балаган превратит.

Обсуждать руководителя было не в наших правилах, да и не в наших интересах. Экспедиция уже выдвинулась в сторону Земли, учёные сняли защиту, для входа на территорию земной поверхности. Наш караван плыл по небу, низко над Землёй, создавая помехи для радаров. Недалеко от Астрахани была выбрана база, для сбора подводных лодок, здесь же были построены боксы для всего того, что не пригодилось бы нам в походе, но может полезным быть для ремонтов. База была замаскирована под воинский склад, охраняемый роботами. В районе подводных скал, в четырнадцати километрах от Астрахани, был построен базовый наблюдательный пункт для Ундины и её штаба, он был выполнен из металла и стекла, уходил на десять метров в глубину, над поверхностью воды было два этажа. С применением технологий волшебной

страны, доработанных на Рузе, это сооружение было невидимым для людей и приборов. Это место было указано на всех морских картах Каспия. Только сумасшедший мог направить своё судно на подводные скалы. А нам необходимо было сопровождать маленький скутер Ундины, на своей подводной лодке, именно в этот квадрат моря. Команды на всех субмаринах были поделены на пятёрки, в нашей подводной лодке, кроме меня с сыном, был один Гандза и два бронированных чудовища, похожих на морские огурцы. Я уже подзабыл некоторые уроки академии, честно, не знаю даже с какой планеты они попали на нашу подводную лодку. Командиром судна был Гандза, до экспедиции он преподавал в гимназии ботанику. Не знаю, чем руководствовалась комиссия при отборе, но командир и в жизни был полным ботаником. Если бы я тогда знал, как поможет ботаник экспедиции, всё-таки она была больше научной, а не военной. Огурцы оказались вполне компанейскими ребятами, они у нас выполняли функцию внешней разведки, а по вечерам травили анекдоты. Мы быстро привыкли друг к другу, общались между собой в ментале, редко переходили на волшебный язык, чтобы размять голосовые связки и не забыть, как звучат слова. Когда работаешь в команде, на подводной лодке, невозможно утаить свои мысли, мы были максимально открыты друг для друга. Руководителя экспедиции мы доставили в тайный штаб без происшествий. Я узнал, что из этого невидимого сооружения, можно было связаться с советом государств и

практически с любой из стран содружества, только я не мог понять, как реализовали эту связь, тем более она была обоюдная и без запаздывания, то есть, разговор вёлся, на баснословно далёких расстояниях, в режиме единого времени. Это было сложнее, чем с транспортировкой материи. «Ботаник» влез в мои мысли, стараясь объяснить: – Представь себе нить между мною и тобой. Если ты дёрнешь за конец нити, я увижу твоё движение?

– Несомненно, ведь другой конец нити у тебя.

– Правильно. Это случится сразу, то есть, ты передашь мне информацию, что ты жив. Этим методом на Земле пользуются водолазы. А теперь представь луч, между разными мирами, по этому лучу и проводится мгновенная связь, а принцип действия у неё такой же, как у сигнализации водолазов. Только техническое исполнение другое, любое возмущение в начале луча, немедленно отражается в его конце.

– Ну, у луча света тоже есть время?

– А, кто тебе сказал, Грестарх, что это световой луч?

Я уже в технологию не стал вникать, «Ботаник» мне объяснил главное – как это работает. Сборка подводных лодок шла к концу, все они были разделены между экипажами. Каждый экипаж был отдельной единицей нашей поисковой экспедиции, но по распоряжению Ундины, все лодки были пронумерованы и нас поделили на десятки. У каждого десятка был свой командир. Всю карту Каспийского моря разбили на квадраты. Началась наша основная работа, погрузи-

лась сразу вся флотилия, каждый десяток подводных лодок устремился к своему квадрату. Мы знали, что требовалось искать и как, только не знали где. Усложняло нашу работу ещё то, что море было сильно загрязнено. Чего здесь только не было – вся химическая система элементов. Я никогда не думал, что море так отравлено, его единственная кровеносная артерия – Волга, несла в своём течении столько мусора, что море просто не справлялось с его переработкой. Жаль, очень жаль, что люди относятся так к своей экологии! Но у нас была другая задача, и мы продолжали поиск, отмечая на картах подводного рельефа все мельчайшие шероховатости. Мы, не смотря на плохую освещённость постоянно вели съёмку дна, зная, что через неделю, всё поменяется. Древние говорили: нельзя в одну реку войти дважды, так и в Каспийском море – оно, как живое, каждый день наводило макияж, а за счёт своей небольшой глубины, после каждого шторма меняло лицо своего дна. Первым неожиданным открытием было, что в закрытом море-озере были свои течения, которые не понятно по каким принципам работали и постоянно меняли скорость и направление. Иногда эти течения были настолько сильными, что приходилось постоянно корректировать курс подводной лодки. Поначалу нам казалось, что мы нашли реку, и не трогая рули, не включая двигатель, просто плыли по течению. Но море играло с нами. Течение обрывалось, лодка останавливалась, а через время, её могло унести в любую сторону. К этому морю было тяжело

привыкнуть. Оно иногда приносило такие сюрпризы... Мы уже неделю бороздим один и тот же квадрат, казалось, что всё знаем про его причуды. Я заснул, вскоре ко мне присоединилась большая часть команды, зрелище одного и того же пейзажа морского дна, утомляет не хуже трудоёмкой физической работы. «Ботаник» посадил лодку на дно и дал возможность отдохнуть команде. С утра, мы планировали перейти в другой квадрат. Только у нас ничего не получилось, утром мы проснулись на острове, во множестве прогретых луж плавали головастики и вся морская мелочь. Лягушки в море не водятся, но судя по лужам, ночью, наверное, прошёл дождь, а морскую воду отогнало ветром. Так мы впервые встретились с Моряной. Моряна – это самый сильный и неприятный ветер на Каспии, он дует с моря на берег, выбрасывая всю морскую грязь вместе с водой. После Моряны весь берег Каспия покрыт мазутом в переплетении с песком и морской травой, по всему побережью раскиданы трупы испачканных нефтью чаек и задохнувшихся от деятельности человека, нерп. Всё это гниет и распространяет трупный запах. «Ботаник» вышел из подводной лодки, решил обследовать возникший, среди моря, остров. За командиром потянулись остальные – я с Сарматом.

– А вы знаете, на этом острове даже есть переходная растительность.

Нам это ни о чём не говорило.

– А, ещё, здесь много пустот, в которых прячутся лягуш-

ки и ящерицы-амфибии. Здесь даже есть ясли для черепах, правда самих животных я не видел, но полно скорлупы, от их яиц.

Мы с Сарматом смотрели друг на друга, как два барана. А осьминог, аж плясал от удовольствия, находя только ему понятные отличия этого острова. Гандза сделал заключение, что наш вынужденный отдых надолго, дня на три, пока не поменяется ветер и вода не вернётся на место. Судя по всем приметам, это явление сказочного возникновения острова в окружении морской стихии, имеет хронический характер. Сармат ещё слушал объяснение «Ботаника», а я пошёл к огурцам в лодку, им после купания в Каспии, не здоровилось. Вода слишком была солёной и ядовитой, а у нас, как назло, на базе никаких фильтров для них не было. Поэтому командир запретил для них все погружения и поместил в карантин, в бассейн с чистой речной водой, что им не мешало через пару дней веселить своими рассказами остальных членов нашей команды.

Глава 33

По вечерам ветер утихал, и вода частично возвращалась на место. Я выходил из лодки, мне понравилось прогуливаться по острову в эти часы. Вода, с гулом, заполняла донные пустоты, выравнивая причудливую поверхность, весь остров тонул в морской пене, но по неведомым законам волшебства – ни одна капля моря не коснулась острова. Остров оказался непотопляем, и вода стояла стеной вдоль её берегов. Где-

то, про подобное явление, я уже слышал, мне помнится, что люди раньше могли ходить по морскому дну, «аки, посуху». Меня это заинтересовало. Я был один на поверхности, сменив полчаса назад «Ботаника», обычно, я, не дожидаясь темноты, возвращался на лодку, к своим товарищам, надышавшись свежим воздухом, а этот раз решил задержаться, захотелось посмотреть, что будет ночью, когда мы спим. Волны, десятиметровой стеной нависли над маленьким участком суши, грозясь раздавить остров своей массой. Я не мог понять, какая сила удерживает эту воду? Остров оказался внутри водяного туннеля, как полянка в окружении холодных высоких гор. Ночью начали светиться камни – эти валуны, размытые морскими течениями и обросшие ракушками, стали излучать свет, как фонарики, устремляя свои лучи к небу. Это была тайна, чужая тайна. Не знаю, может быть я стал случайным свидетелем тому, что кто-то посылает сигнал помощи в далёкие миры, находящиеся за пределами этой вселенной, или же, это какое – то неизученное природное явление. Мне стало страшно, ужас сковал мой разум. И я, который считал, что ничего не боится, ибо прошёл, через жизненный ад, обманув даже смерть. . . . , я не помню, как оказался в лодке и мои спутники, с трудом заглушили мой крик, и привели меня в чувство. Я рассказал командиру о своих наблюдениях: и про море, про волны, и про свет, и про страх. Я больше не хотел выходить подышать, я старался любыми путями убраться подальше от этого неведомого острова. «Ботаник» поколдо-

вал над моей головой, сделав несколько касаний холодными противными щупальцами, и я провалился в сон. «Ботаник» добился своего: я всё забыл. Он попросил его взять с собой на остров, когда я готовился к вечерней прогулке. Мне показалась странной его просьба, я, как военный привык к тому, что командир не просит, а приказывает. А здесь – попросил! Вечером мы оба вывалились из шлюза подводной лодки, и я провёл командира по своим любимым местам на острове, откуда хорошо была видна атака моря, на фоне уходящего за горизонт солнца, отбрасывающего свои зловещие огненные языки на прибывающую воду. Остров застыл в окружении волн. «Ботаник», обычно, скрывал свои эмоции, и почти никогда не ругался, а здесь, при виде этого чуда, нарушающего все известные науке законы, глаза у Гандзы вылезли из орбит, как у рака, а ментал на полчаса заполнился сплошной помехой! Это не имело объяснения, мистика какая-то. Ночь охватила остров, сделав окружающий пейзаж ещё зловещей. Загорелись непонятным пламенем камни, освещая небольшой остров. Это пламя не имело тепла и не ранило рук, оно перемещалось вслед за пальцами, реагируя на статику тела. Командир засмеялся, окунув одно из своих щупалец в огонь, оно превратилось в факел – в несгораемый вечный факел.

– Огни Святого Эльма!

Заголосил «Ботаник», прихлопывая оставшимися щупальцами в такт своему перемещению. Вы никогда раньше не видели танцующих Гандз? Я тоже. Сармат появился, как

из воздуха и начал сбивать пламя с «Ботаника», сам, перепачкавшись в огне. В конце концов, это ему надоело, Сармат понял, что над ним смеются, постарался в море отмыться от пламени. Сармат зажѐг море. Это было незабываемое красивое зрелище;

– Остров, в окружении столба бело-голубого огня. А, мы стояли в самом центре, зачарованно наблюдая за явлением.

Где-то высоко в космосе, на МКС космонавт сделал запись в операционный журнал:

– Над Каспием наблюдался большой выброс газа, фотографии с горящим морем были переданы на землю.

Я не знаю, кто из нас опѐрся на каменный рычаг. Опять амулет спас нас с Сарматом от верной смерти, мы, уже, секунд двадцать, как чувствовали себя в невесомости, пока не поняли, что падаем, рядом с нами падала наша подводная лодка, стуча о стены этого вертикального туннеля, и издающая звуки, похожие на взрывы банок с закупоренными огурцами. Гандза парил над нами, превратив своё тело в природный парашют. Мы провалились под землю и летели в неизвестность. Я не понял. Если мы не попали в кем-то спланированную ловушку, с целью уничтожить нас – раз, и навсегда, то значит столкнулись с очередной загадкой моря. От Каспия можно было ожидать, чего угодно. Наконец, мы услышали падение лодки, и кажется ей тоже повезло: лодка упала в воду и ушла в глубину этого чудовищного колодца, окатив нас миллиардами брызг. Вдруг вода внизу стала уходить, вме-

сте с нашим судном, и нас троих засосало образовавшимся вакуумом. Нас выбросило, как из пушки в неведомый мир. Вокруг нас было море с зеленоватой тёплой водой. Из одного непонятого, неизученного мира, мы попали совершенно в другой. Мы ещё не успели осмыслить, что с нами произошло, не успели найти потерянную подводную лодку, как Сармат взлетел в воздух, как птица, к клану которых он принадлежит. А мне на голову свалился «Ботаник». Он до последнего не верил, что находится в воде и его спас осьминогов бог. Теперь, уже, мне командира пришлось приводить в чувство. Поиски подводной лодки ничего не дали, пока не всплыл один из огурцов и сказал, что лодка, всё же, развалилась на части, не выдержав последнего гидроудара. Прилетел Сармат, к нам подтянулся ещё один огурец. Да, лодка погибла в героической борьбе с неведомыми препятствиями, но осталась команда. «Ботаник» вспомнил, что он всё ещё является командиром экипажа, и отдал приказ двигаться на ближайший остров. Сармат с образа птицы, не стал обратно превращаться в человека, решил, что в данной ситуации, лучше быть дельфином. Он махнул ластом в направлении ближайшего небольшого островка, покрытого платанами и зарослями плюща или дикого винограда. Дельфин с криком, свечой взвился к облакам, совершив немыслимый пируэт от радости свободы движения, и, как торпеда, поплыл в сторону острова. Мы – старшее поколение, без особых эмоций, последовали за ним. Остров нас встретил обеими объятия-

ми, огурцы забрались в большой ручей, вытекающий из-под корней деревьев. «Ботаник» мигом определил наше местоположение:

– Мы в Турции! А это, наверное, Мраморное море. Я даже не знал, что есть такое.

Моя сказка растаяла на глазах, когда я увидел пограничный катер под турецким флагом, проследовавший мимо острова. Сармат наплавался, и снова принял привычную для всех форму.

– Откуда ты узнал, что это Турция? – обратился я к Гандзе.

– Я, же учитель, Грестарх, не получилось из меня профессор, но закончил я гимназию Гандз с удовлетворительным балом, твой сын подтвердит, что это похвально. Наши миры держатся на троечниках! Я хорошо изучил предмет, который преподавал. Такая растительность на островах, может быть только в Мраморном море, и на Земле. А Мраморное море находится в Турции. А, ещё, если Каспий имеет сообщение с кем-то, то, наверное, со своими соседями, по времени своего падения, мы дальше Турции улететь не могли.

Какие-то не интересные эти биологи, никакой фантазии, сплошной прагматизм! Мы так и не успели отдохнуть толком на морских курортах Турции, вскоре Сармат увидел три наши подводные лодки, вынырнувшие из глубины Мраморного моря. Сигналы можно было не подавать, они раньше заметили нас на радаре. К каждому члену экспедиции кре-

пился маяк к одежде, чтобы никто не вздумал потеряться. Нашу команду, впервые, за долгое время тренировок, разделили на части. Огурцов и «Ботаника» разобрали по лодкам, а мы с Сарматом решили воспользоваться своими амулетами, чтобы добраться до штаба Ундины. К нам присоединилось ещё два существа, обладающие амулетами Гандз, и мы, затерявшись среди стай перелётных птиц, косяком, полетели на Каспий, ориентируясь по вершинам Кавказа. Каспий был за горами. В штабе нас уже ждали. Ундина собрала все лодки возле базы, надо менять тактику. Несмотря на то, что благодаря нашим поискам, удалось установить связь между двумя морями с выходом в океан, через проливы Дарданелл, и с Чёрным морем, через Босфор, наша миссия считалась невыполненной. Мы так и не нашли следов ящеров, ни одного Дэнгиз-шайтана, ещё умудрились и подводную лодку потерять. Наши сведения о острове в центре моря, заинтересовали кого-то наверху. Ундину и «Ботаника» вызвали в совет. Я, уже знал, по личному опыту, в совет, просто так, никого не вызывают. Я, мысленно, пожелал Ундине – удачи, а «Ботаника», наверное, как свидетеля вызвали. Грядут перемены! Но меня в данный момент интересовал другой вопрос. Я уже знал, что подводный флот нашёл течение, уходящее под землю, и три подводные лодки рискнули разведать этот маршрут. С этими лодками мы и встретились в Турции. Меня интересовало, как субмарины вернутся назад в Каспий. Плоскостопы, которые совершали с нами перелёт, через Кавказ,

не могли никак отогреться, и закутанные в пледы, норовили натянуть на себя верблюжьи одеяла. На их родной планете, температура никогда не опускается ниже + 20. А в горах – холодно, снег лежит, лавины, ледники, а выше гор – вообще, кошмар. В их голове, даже ментал, выстукивал чечётку, под аккомпанемент зубов. Они оба не могли понять, что я от них хочу. Пока не сжалился один из штабных статистов:

– Лодки вернутся назад тем же маршрутом, которым проследовали в Мраморное море.

Я не понял. Все утверждали, что поток был настолько силён, что лодки, выбросило, как щепки, все думали, что их разорвут напоры воды, которые за время существования этих морей, пробили огромные туннели в скалах. Я не понимал, лодки не способны были преодолеть напор воды, со своими слабыми двигателями на водной реактивной тяге. У меня не укладывалось в голове. Статист, наверное, понял. К нему подключились и Плоскостопы, пытаюсь втолковать очевидное человеку с академическим образованием. Статист начал с прощупывания моих знаний:

– Вы, Грестарх, знаете принцип сообщающихся сосудов?

Я кое-что помнил – где-то, что-то вливается, где-то выливается.

– Хорошо. А помните, как работают водяные часы?

Я ничего не помнил. Никогда их не видел, впервые слышу, что такие есть.

– Хорошо! А песочные часы видели когда-нибудь?

Я не видел, но знал, что их переворачивать нужно, когда песок кончается.

– Отлично! Представьте себе два моря, связанные между собой подземными каналами, которые находятся на круглой планете. Что Земля вращается, хоть это вы знаете?

Я, утвердительно кивнул головой. Но, всё равно, ничего не понимал, в моей голове перемешалось всё: и песок, и вода, и подземные каналы с Бабатурами.

– Да! Тяжёлый случай!

Мне, честно, не хотелось выглядеть таким тупым. Стыдно было. У статиста опустили руки. Тогда он дал мне яблоко:

– Только есть его не спешите. Представь, что это Земля, а два маленьких жёлтых пятнышка, на поверхности фрукта – это моря: Каспийское и Мраморное. Землю ты вертишь своими руками, так, чтобы одно море было сверху другого. Между морями соединительные каналы. Если Каспий окажется сверху? Куда вода побежит по каналу?

– Понял! Всё так просто!

Статист улыбнулся:

– Всё гениальное просто. Командам лодок надо дождаться, когда Земля провернётся, и Мраморное море окажется сверху Каспийского! В подтверждение моих слов, три последние подводные лодки из нашей флотилии, подошли к причалу базы.

Я ушел довольный в кубрик для гостей. Сармат уже спал, ему снились горы и Мраморное море с зеленоватой водой. Я

положил яблоко в его тумбочку.

На базу начали прибывать новые существа, они надолго не задерживались, отмечались в журналах и исчезали в земном пространстве. Сармат сказал, что видел Неясыть. Появление главы контрразведки – это уже серьёзно. Вернулся «Биолог» его понизили в должности, за утерю подводной лодки, хоть его вина и не была доказана. Комиссия учла даже то, что весь экипаж был цел, и сильно не пострадал от «шуток» двух морей. Решение совета было однозначным: капитана субмарины понизили до руководителя экспедиционного отдела. «Ботанику» предложили заниматься только учёными. Его группа состояла из пятидесяти существ, включая военизированную охрану. У военных был свой командир, но все в группе подчинялись «Ботанику». Группе «Ботаника», и предстояло заняться загадками двух морей и всем непонятным, и не объяснимым попадающим на пути нашей экспедиции. В доке собирали плавучую лабораторию, для этой команды. Учёные жили недалеко от нашей базы, и отдельно. Руководство искусственно не давало нам общаться, чтобы исключить влияние на результаты научного обследования. «Ботаник» не знал ничего об Ундине, но судя по тому, что они не вернулись вместе, нам, видимо, придётся распрощаться с лесной красавицей. У аналитиков, в столице, тоже полетели головы. Под раздачу попал отдел, предложивший двигатели для подводных лодок, типа «механический спрут» – лодка передвигалась за счёт струи воды, создающей реактивную тягу.

Нелюдь предупреждал:

– Не надо ящеров считать болванами. До нас не дошла ни одна из их технологий, они уничтожили всё, но это не значит, что они обладали только примитивными орудиями труда, и по своему развитию, остались в каменном веке. Не знаю, как потомки оценят наши действия, но мне стыдно за созданное нами общество.

Мы считаем себя высоко грамотными, цивилизованными сущностями, добившихся больших результатов в миро построении..., но скажите мне:

– Кто видел в Каспийском море, хоть одного осьминога, каракатицу или кальмара? В этом море даже медуз больших нет. А тут, всё море шумит от ваших подводных лодок. Бабатуры вычислили вас мгновенно, и радуйтесь, что вы ещё живы, умники!

Мы на базе ожидали появления руководства, и ещё никто не знал, что нашу экспедицию разогнали заочно, не посчитавшись с её открытиями и достижениями в расшифровке тайн Каспия. Меня с Сарматом вызвали в совет, по реакции комиссии, укомплектованной научными светилами содружества, мы оказались главными виновниками неудач всей экспедиции, наши имена стояли рядом с Ундиной. Меня и Сармата отчислили из экспедиции, причислив, ошибочно, обеих, к жителям Земли.

– Я, то, вообще, родился в другом измерении, и зовут меня не Грестарх, а Борис Савельевич.

А Сармат родился в Волшебной стране, и является гражданином Мира испорченного времени! Нам запретили посещать Землю. Председатель сам затащил нас в свой кабинет, подальше от этой кровожадной комиссии. Мы начали громко возмущаться, всё сказанное против нас, это была неправда, наклёп. Нелюдь одним жестом заставил нас закрыть рты.

—Я знаю! Но, так надо.

Современники не простят нам провала. Итак, в кулуарах, при совете, слышатся смешки, про то, что мы тратим колоссальные средства на поиск мифических лягушек. Я не знаю, но все наши проекты кто-то сливает нашим врагам. Неясить наводнил весь совет своими шпионами, уже, под разными предложениями, мы убрали из совета земноводных. Многих отправили на пенсию, но утечка информации продолжается. В совет поступил протест дипломатов:

— Стало тяжело работать. Когда все и про всё знают. В дипломатии гласность не приветствуется.

К вам у меня лично претензий нет, я не думаю, что информатор находится в составе экспедиции. Группа вашего бывшего командира из Гандз, ты Грестарх, кажется называешь его «Ботаником», провела научные исследования на найденном вами острове. Вам удалось найти не законченные разработки по технологиям планеты пиратов. Никто бы не догадался, что они штампуют биороботов-убийц на запретных мирах. К туннелю эти пираты никакого касания не имеют, я даже допускаю, что они ничего не знали о его существо-

вании – это более древние сооружения. Но цеха, производящие роботов мы нашли, и мощные генераторы, создающие магнитное поле, для удержания моря вокруг острова – тоже, только кто-то из вас ухитрился запустить это производство, я понимаю, что у вас получилось не умышленно, и вы провалились в туннель не дождавшись, когда с конвейера пиратов начнёт сходить готовая продукция. Представьте физиономии учёных группы «Ботаника», когда в районе координат этого острова, их, встречало десятки тысяч Грестархов, которые не умели говорить, не умели ходить, не реагировали на сигналы, но, как дикие животные, старались напасть на пришельцев из Союза государств. Мне показывали видеозапись. Страшное кино! Эти роботы больше были похожи на бешенных кошек, с хищно раскрытыми пастьями, в которых полно мелких, но острых зубов. Я не спрашивал, что было дальше, знал, что всё на этом месте было уничтожено, вместе с туннелем и древними сооружениями. Нелюдь продолжил:

– Наверное, матрица пиратов опознала только твой образ, Грестарх. Мы не имели права рисковать, поэтому убрали всех похожих на людей из проекта.

Вы поняли, проект продолжает работать в подполье, негласно. Учёные продолжают исследование морей Земли, есть предположение, что все водоёмы планеты соединены между собой, и Земля, как мифологическая черепаха плавает на воде. Только поиск ящеров, придётся вести отделу Неясыти, это моя личная вендетта, поэтому я могу доверять

быть орудием моей мести только ему, принадлежащему к клану птиц, потустороннего мира. Это был последний наш разговор с председателем. Нет никого вечного в этом мире. Всё-таки нас отправили в ссылку, надеюсь до конца исследований на Земле. Мы с Сарматом оказались в своём имении, в Мире испорченного времени. На наши полёты был наложен запрет, словно подрезали крылья, и над нашими головами летали невидимые демоны – из шпионов Неясыти. Не знаю, как Сармат, у него здесь куча друзей – это его мир! Но мне хотелось просто отдохнуть. Я никому не говорил, но ещё продолжал двоиться, и мне приходилось выбирать между Денисом-Гристархом и Борисом Савельевичем. Мне нужно было спокойно подумать, про свою дальнейшую жизнь. Конечно эти запреты, ограничение на передвижение со стороны Совета, это может быть глупость. Сармат, с первого дня не принял это всерьёз, он также, как я, знал, как избавиться от демонов. Сармат родился, вырос в этом мире, его просто, невозможно было ограничить, что-то запретить. Он с друзьями, и пропадал на соседних планетах: то на рыбалке, то на пикнике, на столе валялись пригласительные на балы. Сармат был не женат, завидный жених! Я тоже, втихаря нарушал запрет, вызывал дракона и как на такси, летел на Рузу, на берег моря, там не было никого из моих друзей, но хорошо думалось. Если честно, мне хотелось, чтобы время вернулось назад – туда, где была Аква, Лана, королева драконов и мне казалось, что Лианка теребит меня за руку:

– Пойдём в дом, мама уже заждалась нас, караулит у ускорителя, но это был всего лишь ветер. Не Моряна, а лёгкий морской бриз.

Глава 34

Как всё продумано в природе: в этом водоёме водятся пиявки, которыми питаются рыбы, улитки, птицы, Рыб ловят хищники покрупнее – в том числе и дикари, которые, иногда, подкармливают пиявок. В этот раз не повезло нам, меня дикари выловили рядом с местом моей работы – возле кладбища. Я отвечала за его чистоту. Настоятельница ругалась, что я дикарей называю дикарями, после того, что я видела своими глазами, я не могу назвать их иначе. Эти злобные существа, полные хитрости и коварства вылавливали наших братьев за пределами замка, каждую неделю, и им доставляло удовольствие, потрошить мужчин на наших глазах. Потом эти варвары нанизывали их на вертела, и поджаривали на огне, применяя все местные специи. Над замком стоял дурманящий запах. В эти часы, я не знала, куда деться, запах доставал всюду, он проникал в каждую келью, в подвалы, им пропитывалась одежда и столовая посуда, от него нельзя было скрыться под одеялом, не хотелось ни есть, не пить. Ненавижу! А им нравилось, они бегали мелкими стаями вокруг огня и обсуждали очередной кулинарный шедевр. Гурманы, блин! А, когда в их руки попадало несколько мужчин, эти изверги устраивали конкурс поваров, и всё это сопровождалось шумом, криками, под музыку медных барабанов – Дэн,

дэн, дэн. Иногда праздник еды у этих дикарей продолжался неделями. Послушницы сходили сума, и их отправляли назад в волшебную страну, но часто, хорошо вооружённые конвои, постигала участь наших братьев. Иной раз приходилось молить судьбу о скорой смерти – такое было гостеприимство диких миров. Дикари, обычно не трогали женщин, считая их глупее и безопасней сильного пола. Однажды я помогала в лазарете знахарке, чтобы вырывать больной зуб дикарю, мальчик, лет шестнадцати, не проронил не одной слезинки. Я его спросила:

– Почему вы убиваете наших мужчин, но не трогаете нас? Знаете, что он ответил?

– Они вкуснее и толще.

Значит, если есть с чем сравнивать – дикари и женщинами не брезгают. Потом дикарь добавил:

– А, зачем. Я не хочу стать глупым и беспомощным. В лесу полно дичи, в реке рыбы. Всё племя надо мной будет смеяться, если среди моей добычи увидят женщину. С вас нет прока, и мясо вонючее, но хоть немного, но польза есть. Вот, зуб мне вырвали!

И с дикарской прямолинейностью и простотой поклялся, если, когда он решит съесть меня, то убьёт быстро, чтобы я не мучилась. Этот раз, нам тоже повезло, дикари не разжигали костёр, нас применили, как наживку для пиявок. Мы полночи сидели в этом вонючем болоте. Кто-то из вождей решил сходить на рыбалку. Утром нас облили какой-то жидкостью,

похожей на молоко, и соскребли с наших тел эту мерзость. Мы брели в свой замок, голые и злые, нас шатало от потери крови, как после хорошей вечеринки. И действительно глупые, нас даже не поймали, а загнали в это болото, как стадо баранов, дикарям только этого и нужно было.

Настоятельница дала нам три дня отдохнуть, а потом началось всё сначала – с утренней переключки. Имён у нас не было, все в этом замке назывались по цветам. Я была Бирюза, рядом со мной стояла Синь, с другой стороны Охра, были названия, которые с трудом вписывались в световую гамму – горчица, изморозь, янтарь, сумрак, пурпур. Настоятельница звали Кармин, и она просила, чтобы её называли только по имени, ей нравилось быть равной среди равных в нашей обители. Каждый из нас, в прошлой жизни, прошёл через боль: кто через измену, кто через смерть, кто через предательство. У многих отсутствовал стимул продолжения жизни, и все мы подписали вечный контракт с миссионерским орденом, мы поклялись своими душами в следовании его заветам, чтобы нести в мир светлое, разумное, живое семя знаний и делать его чище и добрее. И действительно мы были глупыми, как говорил тот дикарь. Владельцы ордена нас обобрали, как последних дурочек, замазав глаза лозунгами, мы сами, без гипноза, принесли к их ногам наши сбережения и всё ценное что хранилось в наших домах на чёрный день. И чёрный день настал, мы все, дали согласие на очищение, и нам частично стёрли память, заставив забыть всё плохое и

важное для нас. Теперь я Бирюза, я ничего не помню, я ничего не знаю, я ничего не умею, выполняю ту работу, которую поручает Кармин. Мне вменили в обязанности уход за кладбищем, я каждый день провожу среди могил, очищая их от травы, и отгоняю от могил собак дикарей, похожих на земных шакалов. Несколько раз орден пытался наладить обучение детей племени, посылая в наши ряды лучших учителей и наставников. Я знаю в каких могилах похоронены их обглоданные кости. Нас сюда послали специально, на съедение дикарям, мужчин в замке почти не осталось: последнего выманили хитростью – оставили грудного ребёнка перед входом в нашу обитель. Сирень наклонился и упал. Его убили пращей. Косточки этого осторожного послушника дикари подбросили на то место, где лежал младенец, это был последний работоспособный мужчина в нашей каменной обители. Кармин говорила, что раньше замок строили из дерева, благо леса кругом. Дикари боялись появляться в этих местах, строители могли и отпор дать. Но, как только замок был построен, а строители возвратились к своим семьям, дикари сожгли обитель, вместе с послушниками. Это было давно, но ветер до сих пор доносит запах гари, с той стороны, где раньше стоял деревянный замок. Тогда, орден, было принято решение – строительства замка из камня, сразу же возникли первые стычки с дикарями, кладбище появилось раньше, чем был построен замок. С момента своего появления, я на кладбище провела больше времени, чем в замке. Дика-

ри близко не подходили к замку и боялись кладбища больше смерти, я себя ощущала защищённой среди могил и камней, со странными надписями, похожими на заклинания колдунов. Это было моё царство, я знала здесь всё, я знала кто и где похоронен, я знала тайны двух склепов, я знала про убежище древних, которое я обнаружила случайно, гоняясь за ящеркой, попавшей на кладбище. По записям в книге судеб, у настоятельницы Кармин, в склепах были похоронены два учёных, отправленные в ссылку на эти земли. Никто уже не помнит их прегрешений, но склепы каждый учёный готовил для себя сам. Я, почти год провела в этой обители, прежде, чем решиться открыть плиту входа в склеп. Это не смешно, мы так же, как дикари, страшились мести покойников. Мои глаза долго привыкали к полумраку, когда я начала различать очертания предметов, то, почти в тот же миг потеряла сознание, увидев огромную крысу с блестящими глазами, вылезавшую из могилы, одна из её лап тянулась к моим ногам, и этот смех, вместе с писком... Когда я очнулась, крыса была на своём месте, но уже не смеялась. Я осмелела, дотронулась до животного. Это была кукла – умело сделанная копия крысы. Я испугалась куклы, мне самой стало смешно. На улице начало темнеть, я услышала, как меня кто-то зовёт из замка: – Бирюза! Бирюза! Я закрыла плиту склепа и побежала на зов. Меня звала соседка по келье, мы с ней почти не общались, имя ей досталось не звучное – Изумруда, и в столовой мы были с ней за одним столом. Девочка была немно-

го странная, слышала какие-то звуки, на волшебном языке говорила плохо, к таким людям все относятся с жалостью, но не мы. Нас плохо кормили, а соседка норовила у сидящих рядом спереть хлеб, и всё доносила про нас настоятельнице. Ей частенько перепадало от послушниц, за что и страдала большая часть общины, за наказанием здесь дело не стояло. Могли оставить без обеда, могли увеличить трудовую повинность, самое страшное наказание было, когда выставляли за пределы замка. Дикари любили поиздеваться над послушницами, как тогда, с болотом пиявок. Я знала о недостатках этой умалишённой, и старалась от неё держаться подальше. Но она меня выследила на кладбище, когда я вошла в склеп. Я провалилась сквозь стену и вздрогнула от ужасного крика, кричала Изумруда. Я поняла: она сунулась за мной, навстречу кукольной крысы, по удаляющему крику, я поняла, что надо выбираться, иначе, скоро здесь вся община будет. Я спрятала крысу за вращающейся стеной, поправила плиты на гробнице, закрыла склеп, и с тяпкой, обрабатывая соседнюю могилу, стала ожидать десант послушниц из замка. О, святой космос, они себя не заставили долго ждать, кто с цепями, кто с косой, две поварихи с черпаками, а настоятельница с сапогом и все замерли с открытыми ртами, наткнувшись на меня. Я, как ни в чём не бывало, продолжала обрабатывать могилу, уничтожая траву, и, как бы невзначай, обратилась к набежавшим:

– Вам, чего?

Настоятельница, в сердцах, сплюнула на землю:

– Сколько раз себя предупреждала – не слушать дуру! Где здесь крысы? Где мертвяки, съевшие Бирюзу? Где здесь волки, гнавшиеся за Изумрудой по пятам, вместе с крысами и костяными человечками?

Кармин расслабилась, сняв своим монологом напряжённость среди послушниц. Наконец, испуг с девчонок исчез, освободив место для юмора и шутих. Кладбище, конечно, не место для смеха, но эта Изумруда столько стресса наделала в общине! Вечером было продолжение спектакля. Изумруда, только увидела меня за столом в столовой, включила голосовую сирену и полетела в келью к настоятельнице. Оттуда её переправили в изолятор. На завтра пришёл конвой с продуктами, привезли новеньких послушниц, совсем девочки ещё, про Изумруду никто из нас, ничего больше не слышал. Девчонки говорили, что её в клетке увезли. Изумруда сделала неплохую антирекламу кладбищу – если раньше послушницы избегали его посещения, то после этого случая, они близко к нему боялись близко приближаться, им везде мерещились костяные человечки. А мне это было на руку, никто не мог помешать моим изысканиям. Мне торопиться было некуда, я старалась тщательно обследовать оба склепа. В склепе была пустая гробница с игрушечной крысой, одна из стен, вращалась, как флюгер, при надавливании на неё. За стеной был туннель. У меня не было ни фонаря, не факела, ни свечи, у меня нечем было зажечь огонь, я боя-

лась идти в темноту в ход под могилами, но у меня появилось место, где я могла спрятаться от всех, я нашла, как фиксировалась стена с обратной стороны, от склепа. Моё счастье, что звуки не проникали внутрь, иначе, я бы от малейшего скрипа, или плача шакала, бежала бы в замок, быстрее Изумруды. Мы даже были не глупыми, мы были тупыми, вместе с прошлым, из нашей головы стёрли и сообразительность. Ведь, каждый из нас мечтал покинуть это негостеприимное место, что даже, по-своему, завидовали дурочке. Но наш тормоз, нас и спас. Ордену не выгодно было возвращать послушниц, никто не должен знать, что творится на базах ордена в диких мирах, и где эти миры находятся. Назад, в содружество государств, конвой приходил налегке, без клеток и возврата. Но мы об этом ничего не знали и даже, не догадывались. Всегда кажется, что лучшее ждёт впереди – это называется мечтой, а то, что было хорошего раньше – это воспоминания, они уже никогда не повторятся. Меня тянуло в туннель за поворачивающейся стеной в склепе, но внутренний голос предостерегал, в этом месте было столько тайн, но, каждый сюрприз в темноте мог оказаться смертельным. Я ощупывала стены прохода в зоне ограниченной видимости, но тщетно, без особых результатов, какие-то непонятные борозды, ниши, проёмы и вентиляционные отверстия наружу, наверное, для притока воздуха, через эти отверстия был виден свет. Каждый раз, сделав шаг в сторону неведомого, я разворачивалась и убегала подальше от склепа. Этот раз, я

забралась за границу кладбища, до стены колючего кустарника с жёсткими маслянистыми листьями. Взгляд послушницы, уже привычно про скользил вдоль незнакомого места, надеясь зацепиться за что-нибудь съестное. Я увидела ящерицу, печь ящериц в глине, меня научили, ещё по прибытию в дикий мир. В этом месте не было змей, черепах и устриц, поэтому ящерицы считались деликатесом для послушниц. Я её пыталась поймать, но животное ускользало от моих рук, оно нашло проход в кустарнике и нырнуло в неглубокий овраг, я, увлечённая азартом охотника, кинулась за ней, не задумываясь о своей безопасности. Ящерица исчезла у меня под ногами, оставив меня в досаде, лишив добавки к обеденному меню. Я сделала шаг в сторону, и провалилась под землю вместе с мелкими камушками, обильно рассыпанными по этой округе. Яма была не глубокой, со дна был виден свет. Он был так близко – на расстоянии вытянутой руки, но я знала, что это был иллюзионный обман, и являлся следствием моего удара головой, при падении. Никто из послушниц не знал, где я нахожусь, и в случае моей пропажи, никто меня искать не будет. Три дня в столовой будут выставять мою пайку, и в случае, если я не найдусь сама, то настоятельница сделает запись в книге судеб и про меня забудут. Кружилась голова, я лежала на спине, на холодном каменном полу, и пыталась осмотреть место моего приземления. На удивление, я попала в огромный коридор, стены которого выложены мозаикой, на стенах были изображены рисунки, с косми-

ческими пейзажами, с причудливыми животными, с сочной яркой растительностью, по цвету, напоминающей кораллы. Я удивилась, было такое ощущение, что я попала в чужой затаённый мир, которому стало скучно, и он заманил меня ящерицей, чтобы предложить игру – по его правилам.

Глава 35

Я попыталась подняться, одна нога болела, но переломов и вывиха не было, наверное, ушиб. Голова ещё кружилась, я посмотрела на отверстие под потолком, сделанным моим телом. Я ещё легко отделалась, упав с пятиметровой высоты на каменный пол. Я заметила корни кустарника, сеть пересекающие этот проход, наверное, они и смягчили моё падение. Отсюда надо было выбираться, мне, как-то не хотелось ночевать в этом месте, похожем одновременно и на ловушку, и на тюрьму. Вернуться тем же путём. Как я попала сюда, мне, наверное, не удастся, и я, хромя, пошла по этому коридору в сторону слабого движения воздуха, сдувающего прядь волос с моего чувствительного уха. Коридор был освещён, архитекторы применили интересный способ освещения подземелья: под потолком находились отверстия, для попадания лучей света, которые веером рассыпались на встроенные, между керамикой, зеркала, и отображались по всему проходу. Я шла по туннелю, как актриса в свете рампы, как королева, отбрасывая множество теней в разные стороны. Я нашла выход, он скрывался за паутиной из пыли, видимо им давно не пользовались. Огромная, монолитная скала, пере-

крывала вход наполовину, скрывая этот туннель. Остальное, всё было в зарослях кустарника. Я, кое-как сориентировалась, и пробила нору в кустарнике, в направлении кладбища. Весь мой путь был залит слезами, от боли всего тела и от этих противных безжалостных колючек, которые норовили влезть под мои ногти. Нора вывела меня к влажному месту, где полно было улиток, и я вспомнила, как я голодна. На обед я опоздала, но за моим столом сиротливо ютилась моя пайка, дожидаясь свою грязную уставшую хозяйку. Повариха покачала головой, оценив мой вид, и протянула мне горбушку хлеба. Это было счастье. Наверное, так может выглядеть только счастье: с поджаренной корочкой, пахнущее тмином и какой-то местной травой. Я, как волчонок, спряталась в углу и не заметила, как проглотила весь остывший обед, боясь, чтобы у меня не отобрали хлеб. Мне казалось, что его было так много! За всё время нахождения в диких мирах, я впервые наелась. После обеда, я спряталась в склепе, за стеной и заснула, в этой тишине, в окружении могил, с мертвецами и костяными человечками. Мне приснился сон, как я смогу осветить тёмный туннель в склепе за стеной, он был таким страшным, что, даже сквозь сон, мне казалось, что там кто-то есть, кричит, чихает и что-то бурчит под нос, неразборчивое. Я проснулась, но боялась открыть глаза, мне казалось, что он на меня смотрит – тот, в темноте. Я решила, вылезла из склепа. Надо поискать зеркала, здесь тоже есть вентиляционные отверстия, если хочешь осветить туннель из склепа,

нужно перенять опыт космических пришельцев, и вообще, нужно, сначала узнать, что нам оставили братья по разуму, а потом уже что-то изобретать на своём кладбище. С этой мыслью я возвратилась в замок, и постаралась раствориться в его стенах, чтобы меня не припахали по приказу надзирательницы, моей задачей было найти оружие против колючек кустарника. И мне повезло, в одной из старых кладовок, я нашла ржавые садовые ножницы, я даже сама не ожидала о такой удаче. Вечером я напросилась в наряд на кухню, выдраила все сковородки, слив с них остатки жира и масла. Как раз хватило на то, чтобы моя находка от кисла, от ржавчины. Соседка по кровати говорила, что в эту ночь, я заснула сразу, не ворочалась и не стонала. Наверное, тебе снилось что-то хорошее, ты, Бирюза улыбалась во сне. Только утром моё везение кончилось. Начинался сезон дождей, и, сразу после переклички, наставница дала мне новый наряд, меня с новичками послали на укрепление башни. Девчушки, ещё видно не поняли, куда попали, они были с какой-то южной страны содружества, их диалект волшебного языка было тяжело разобрать, я особо и не прислушивалась, меня коробил их беспричинный смех. Они не замечают дикаря, стреляющего из лука по мишени, ему ничего не стоит поменять направление стрельбы, проверить меткость на послушницах. Я была не права, они, как раз обсуждали неудачную стрельбу лучника, сопровождая каждый его промах громким смехом, как специально, привлекая к себе внимание. Дикарь разозлился, те-

перь прячьтесь, где кто хочет. Я присела у стены, а хохотушки, наоборот, продолжали издеваться над лучником. Скоро стрелы стали мелькать всё ближе и всё прицельнее. Но дальше случилось необъяснимое – девушки стали ловить стрелы и складывать у своих ног, не забывая наградить парня парой колких эпитетов, понятных на всех языках вселенной. Стрелок оказался горячим, выпустив последнюю стрелу, он поломал лук, разбив его о скалу, и закинул пустой колчан в кусты, под насмешки проказниц. Я знала, что дикари мстительны и не прощают обид, предупредила новичков. Но, внутри себя, я была на их стороне – эти хрупкие девчушки оказались первыми, после моего появления в обители, кто смог дать отпор живодёрам. Я прониклась симпатией к новичкам. Поначалу, мне трудно было привыкнуть к их языку, но время, работа и терпение, стирает языковые барьеры, мне интересно было, откуда они прибыли, такие смелые? Девушки не скрывали, в их мире случился демографический взрыв, и несколько поколений в семьях рождаются одни девочки. Случился перекося населения, на одного мальчика, было десять девочек, и с каждым годом, этот межполовой барьер рос. Дошло до того, что в армии, в полиции, в парламенте, были одни женщины. У нас, каждая девушка, достигшая совершеннолетия, мечтает покинуть страну. Этой ситуацией и воспользовался орден. Они даже не тратили время на стирание памяти, в этом южном мире они создали моду, расписав дикие миры, как предел желаний каждой женщины. Во

всех кинотеатрах крутили фильмы про смелых аборигенов и об изобретательных неандертальцах, относившихся к женщинам с джентельменской учтивостью. Обычный гражданин сообщества государств, изначально проигрывал дикарям, во всём – в смелости, в манерах поведения, даже в уме. Девочки, наперебой, рассказывали мне сюжеты сериалов, как же не вязалась с жизнью эта ложь. Я слушала их рассказы и у меня внутри кипела злость: на себя, на нашу глупость, на орден, на союз государств, на совет, допустивший возникновение такой структуры как «Орден свободы». Мне, как никогда, хотелось вырваться отсюда, чтобы донести до вселенной правду о диких мирах, правду о ордене, деятельность которого была обширна и никем не контролируема. Мне не хотелось девочек лишать романтических иллюзий, жизнь она сама расставит свои знаки препинания, и в самое ближайшее время. Мне жаль было девочек, ведь здесь шанс выйти замуж был ещё ниже, чем на их планете. Дикарь может взять послушницу, только с одной целью, чтобы украсить праздничный стол, и угостить гостей блюдом из невесты – в этом есть особый шик. А нашей настоятельнице не нравится, когда я дикарей называю дикарями! Они есть не только в этом мире, они есть везде, в любом народе, в каждом человеке! Они скрываются за этикетом, рамками приличия, законом, положением, связями и богатством, но по своему характеру и сущности, глубоко внутри себя, остаются дикарями. Я хотела свои исследования на кладбище закончить до периода до-

ждей, но настоятельница, каждое утро меня ставила в наряд, на укрепление стен. У меня менялись напарницы, а работа не уменьшалась. Мы продолжали работать даже тогда, когда пошли холодные дожди. Дикари подбросили под ворота кости, это были останки не нашего народа, но всё равно, мы были обязаны их похоронить. Только тогда вспомнили про меня, когда нужно было выбрать место, вырыть могилу и найти каменную плиту, благо, что каменоломня была недалеко от кладбища, но мы боялись ходить в царство камня известняка, слоями из ровных плит, лежащего под землёй. В каменоломню часто заходили дикари. Я с настоятельницей обсудила положение, в котором мы оказались. Она мне посоветовала присмотреться к новому пополнению общины. – Эти южанки, Бирюса, из бывших военных, а эти пигалицы, которых я к тебе приставила на укрепление стены – со спецназа, они по своей дикости любого аборигена перещеголяют. Решено было похоронить неизвестных со всеми доступными нам почестями, в одной могиле. А насчёт каменной плиты на их могилу – что-нибудь придумаем. Настоятельница сама подтолкнула нас к созданию инициативной группы самообороны. Нам уже надоело быть агнцами. Дожились! Дикари нас обижают и не уважают. Не знаю, этого в фильмах, наверное, не показывают, но дикари в любом мире, понимают только язык силы. Они не боятся смерти, но нетерпимы к боли, и чем больше выпадет боли на их долю, тем они сговорчивей, и тем безопасней становится мир. В первую груп-

пу самообороны записалась вся молодёжь до двадцати пяти лет. Командиром, единогласно, выбрали меня, хотя какой из меня военный стратег? Девочки решили сами приготовить себе оружие. Кузницы у нас не было, но народ оказался изобретательней, чем я думала – они из поломанных половников и черпаков такие алебарды и пики сделали, что лучшим армиям современности не снились. Южанки решили луки сделать, чтобы на расстоянии противостоять женихам. Они попросили мне показать твёрдые породы деревьев. А я знаю, какие из них твёрдые, а какие нет? Показала всё то, что росло на кладбище и за его пределами. Девчонки выбрали всё то, что им понравилось, особо им колючий кустарник понравился, он был твёрдым и очень гибким. Начался сезон дождей, у нас работы стало меньше, я попросила настоятельницу, чтобы она, оружейниц освободила от нарядов. На изготовление луков тоже нужно много времени. Девочки обещали сделать самые качественные и лучшие – композитные луки. Я, честно, не имела представление, что это такое, пока одно из изделий наших спецназовок, не попало в мои руки. Вы знаете, оно казалось таким мощным и надёжным, что мне не хотелось возвращать его назад мастерице. Оно было лёгким и упругим, девушки подогнали каждый сегмент оружия, отполировав его так, что можно было в чёрном дереве увидеть отражение своего лица. А когда они провели пробные стрельбы, я поняла, что дикарям далеко до этих мастериц боя. Девочки очистили одну из многочисленных комнат

замка, под тренировочный зал, и начали тренировки. Я никогда раньше не была в цирке, но их тренировками руководила бывшая гимнастка, она любила повторять:

– Цирк – это боевое искусство!

Я бы так никогда не смогла. Девочки вытворяли такое! По вертикальным стенам бегали, по шесту на потолок забирались, что только, по воздуху не летали, вернее летали, но на маленькое расстояние. Пришло время, когда тренер доложила мне, что войны уже восстановились, пора их привлекать к операциям. Я решила не рисковать. Первой операцией была посещение каменоломни и добыча плит для кладбища. Девчонки начали делать волокуши. Вы знаете, что такое волокуша? Мне объяснили, это приспособление для транспортировки плит. Блин! У меня в голове, чтобы все живы остались и не попали в руки дикарям, а они думают, как камни перетаскивать будут. Мы выбрали тёмную безлунную ночь, накрапывал мелкий дождь, заготовили много факелов из пакли и жира. Девочки целую ночь работали в каменоломне, нам повезло, никто на нас не напал, плит заготовили впрок, на два года хватит. Не зря говорят, не загадывай на будущее, я не знала, что после сеанса дождей всё изменится в нашей жизни, мир перевернётся, нам даже придётся вступить в коалицию с нашими соседями-дикарями. Гимнастка стала моим заместителем, начальником штаба и главным военным комендантом нашего замка. Это она ввела караулы на стенах замка – наблюдение за условным противником и спо-

собы сигнализации и оповещения. Теперь никто не сможет приблизиться к замку незаметно, а тем более напасть, без боязни получить отпор. Она же и проводила учения среди послушниц. Правду говорят: – Спасение утопающих, дело рук самих утопающих. У меня даже гордость появилась за обитателей нашего замка. Мы выполняли всю работу, что давала нам настоятельница, укрепляли оборону, стали дисциплинированнее и сильнее. Мы перестали бояться. Страх ушёл сам собой, без сопровождения. Но дикари всё не нападали, и не нападали. Настоятельница больше нас всех провела в этом замке, она говорила, с тех пор, как первые миссионеры ордена появились в этой стране, аборигены убивали только мужчин, но никогда не нападали на женщин. Оказывается, у них была «обратная картина», в племени дикарей катастрофически не хватало женщин. Может и права настоятельница – дикари не совсем дикари. Я после дождей привела кладбище в нормальное состояние, девочки помогли мне установить надгробную плиту на могилу неизвестных и выбить надпись. Я не забывала и про свой проект – ножницами уничтожила колючки в кустарниковой норе, пробралась в инопланетное подземелье и нашла нишу с зеркалами. Я притянула в склеп зеркал, сколько смогла утащить за раз; раствор из глины и песка, я научилась делать, укрепляя стены замка. Я облепила зеркалами весь туннель, наощупь, только видимости это не добавило, не работала в склепе технология инопланетян. Из склепа я вылезла злая. Было обидно, столько труда, и всё

зря. У меня даже настроение упало. Я возвращалась в замок, как оплёванная, чувствуя, что потерпела поражение в борьбе с собой. Но, всё равно, надежда оставалась разобраться до конца, раскрыть тайну двух учёных. Никто не знал, почему один склеп имеет вход, но его могила пуста, не считая куклы с идиотским смехом, а второй склеп не имеет входа, и не имеет доступа к могиле. На обоих склепах нет ни одной надписи. И, только я знала про подземный туннель. Мне кажется, что этим туннелем соединены оба склепа, но зачем?

Глава 36

Сезон дождей, в этом мире, повторяется с цикличностью, один раз в три года, он длится чуть больше шестидесяти дней, и никто не знает почему так. Дождь идёт, не прекращаясь, превращая жизнь животных в мучение. Все птицы улетают высоко в горы, перед сезоном дождей, остаются только пещерники. В этом мире нет летучих мышей, их с успехом заменяют маленькие хохлатые птички, похожие на шарики пинг-понга. Пещерники питаются всей нечистью, плодящейся в подземелье. Звери тоже, как-то приспособились к дождям, в лесах почти не осталось живности. Только вдоль рек бродили бобровые медведи. Их плотины, вместе с подводным жильём смыло потоком воды. Наводнение нам не грозило, замок находился на горе, и с продуктами было всё в порядке, последний конвой был за две недели до начала сезона дождей. Вся округа стала заливаться водой, земля вокруг нашего замка, потихоньку, стала превращаться в остров, ди-

кари пятились от воды, давно покинув затопленные стойбища, и напоминая цыганские таборы, всё ближе, и ближе приближались к границам нашей обители. У них не было палаток, у них не было ничего, кроме промокших тентов, сплетённых из травы. Впервые, за много лет, в ворота замка постучал их вождь и попросил приюта для своего племени. Это было, что-то из рода, вон выходящего! Сам вождь унился перед женщинами, обратившись с просьбой, признав себя беспомощным и побеждённым стихией. Язык дикарей знала только настоятельница, она и вела переговоры с вождём, потребовав гарантию безопасности. Мы рисковали, открыв ворота для врага, зная про хитрость, лицемерие и подлость дикарей. Вождь переломил стрелу и острым кварцевым наконечником разрезал свою ладонь, пролив кровь на стол перед настоятельницей, это был жест дружбы, закон крови. Если кто нарушит этот договор, да будет убит племенем. Наши женщины-воительницы, экипированные, как амазонки, были всё время начеку, вместе с комендантом во время переговоров. Наконец, и настоятельница и вождь поднялись из-за стола, из нас никто не понял и слова, из их диалога. На столе осталась поломанная стрела и пятно, от пролитой крови. Комендант дала распоряжение открыть ворота. Дикари медленно входили во двор, крутя головами по сторонам. В племени были преимущественно мужчины, но вскоре, среди вошедших, я стала узнавать, и женщин, и детей. Все они, одетые в звериные шкуры, казались однородной бесполой

массой, с грязными лицами и хитрыми глазёнками, осматривающими всё вокруг. Я знала, что долгое присутствие «гостей» обязательно приведёт к конфликту. Психология дикаря отличается тем, что у них нет такого понятия, как благодарность. Есть злость, ненависть, месть, а благодарность – что это? Ты можешь протянуть руку тонущему дикарю, он откликнется на твою помощь, схватившись за спасение одной своей рукой, а в другой руке у него будет зажат нож, заточенный на тебя. Я переговорила с комендантом, чтобы патрули были всегда начеку, на всё время, пока гости находятся в замке. Мы договорились так, что при возникновении любого конфликта между нами и гостями, должна вмешаться одна из самых подготовленных воительниц, чтобы не дать разгореться конфликту, до состояния войны. Пора показать дикарям, кто здесь хозяин. Настоятельница водила вождя по замку, показывала достижение своей общины. А вечером она пригласила его на ужин с семьёй. Семьи у вожака не было. Не получилось как-то. Настоятельница неудачно пошутила: – У нас женщин много, и у вождя такого племени, ещё будет шанс найти свою вторую половинку. Дикари пока осматривались, расположившись под навесом на улице. Настоятельница поделилась с ними продуктами питания, копчёное мясо у племени было своё, и не смотря на непрекращающийся дождь, каждый день дикари выходили на охоту. Они вели себя на территории замка, непривычно тихо, старались не обращать внимания на прихожанок, пытающихся

наладить с ними контакт. Блин! Девчонки сами нарывались на инцидент, но закон крови останавливал любого горячего дикаря. Дикари, обычно, сидели у костров, поджаривая тушки каких-то неизвестных мне животных, похожих на опоссума, с ушами кролика, при приближении кого-нибудь из послушниц, дикари переходили к другим кострам. Меня это, даже бесить начало, вся моя философия рассыпалась, как карточный домик. Дикари нас избегали и старались, просто, не замечать. Это было до тех пор, пока наши амазонки сидели в засаде, но, видимо, им тоже надоело бездействие дикарей, они, нарушив дисциплину, во всеоружии, вышли во двор. Я ещё успела увидеть, как загорелись глаза у мужиков, при виде композитных луков наших воительниц. Их руки, сами, непроизвольно, потянулись к оружию этих странных женщин, с перевязанными грудями, одетых в доспехи из кожи буйвола, очень редкого животного для этих мест. Всю экипировку воительниц настоятельница заказала, через конвой. Теперь амазонки решили пофорсить перед молодыми дикарями, своими нарядами. Я сама, впервые видела это одеяние. Чертовки были, вне критики. Но они помнили, что в пределах замка, они прежде всего – войны, и на любые попытки дикарей дотянуться до оружия, ответили агрессивно. Права была настоятельница – эти южанки по своему характеру, ничем не уступали в дикости дикарям. Назревал конфликт, южанки раскидали грозных мужчин, как связки бананов по двору замка, выбросив их на дождь, охладить немного

пыл, и унять темперамент. Вот я и дождалась конфликта! Я уже думала – начнётся неуправляемая бойня, зная про горячий характер дикарей, но реакция вождя и слабой половины племени, была совсем неожиданной. Раздался смех! Особо изощрялась детвора, перекиривляя своих соплеменников, падающих носами в лужи. Было действительно смешно – четверо девушек, против двух десятков мужчин, с хорошо развитой мускулатурой, и со смелостью пещерного льва. Дикари валялись под дождём и не могли пошевелиться, пока комендант не пожалела поверженных, и раскрепостила их мышцы. Бедные мужики! Вернувшиеся нервные импульсы, в их тела, вызвали ещё одну волну смеха: дикари начали дёргаться, как клоуны, и их походка напоминала движение испорченного робота. Блин! Откуда у меня эти воспоминания? Я не помню, где родилась, не знаю, где жила, и ничего не помню о себе, зато помню цирк, помню роботов. Странно. Может со временем память восстановится? Детвора была в восторге от представления. Мужики заползли под навес и до самого конца сезона дождей их не было видно, иногда, только гонялись за малышнёй, перекиривляющих их движения. Девочки немного перестарались, за это получили втык от тренера, некоторых дикарей приходилось с ложечки кормить, как младенцев. Настоятельница закрепила послушниц за ними, в сезон дождей всё равно масса свободного времени, общайтесь, изучайте язык. Я не знала, что руководительница нашей обители, двадцать лет провела в плену у дикарей со-

седского племени, пока не погиб её муж, спасая дочь в реке от напавшего на их плот бобрового медведя. Девочка пропала, а фрагменты костей мужа, вместе с одеждой выкинула на берег река. По закону племени, женщина должна была умереть, чтобы удостоиться чести быть похороненной вместе с мужем, либо выйти замуж за соплеменника, если есть кандидат, желающий её. Кандидатов оказалось четверо. По закону племени они должны были воевать между собой, за владение женщиной. Про такие понятия, как любовь, дружба, верность, дикари даже не слышали, но женщина помнила, что это такое. Её ребёнка никто не искал, выжить в этом мире гораздо тяжелее было, чем умереть. Тем более беспомощному грудному младенцу. Пока вождь племени проводил бои среди претендентов, Кармин удалось убежать и набрести на конвой ордена, который спас дикарку. Орден строил каменный замок, а Кармин была в беспомытстве, её сжигала болотная трясучка, женщины ордена ухаживали за больной. И суждено было Кармин быть первой гостьей кладбища, она уже почти не дышала и была двое суток в беспомытстве, если бы с очередным конвоем не прислали в эти края двух сильных учёных, придумавших и сотворивших мир испорченного времени. Никто не мог понять, что это такое. Этим учёным запрещали заниматься наукой, за ними следили, как за врагами народа. Единственно, где они могли работать – это в лазарете, а когда состарились совсем, то строили для себя склепы на кладбище. Учёные и выходили нашу будущую

настоятельница, Кармин ещё помнила вкус горького лекарства, которое заставляли пить эти лекари с учёными степенями. Обычно молчаливая и строгая настоятельница, разговорилась сегодня, как никогда, может близость племени дикарей напомнило ей про эпизод её миссионерской жизни, про погибшего мужа, про потерявшуюся дочь. Я спросила её про учёных. Мне была не безразлична их судьба, меня интересовало, что случилось, если в склепе нет их трупов. Кармин думала о чём-то своём, её мой вопрос застал врасплох. – А, учёные? Нет, они не умерли, они пропали. Раньше вокруг замка не было дикарей, и на конвои никто не нападал, мы две недели искали пропавших людей, но бесполезно, после них осталось только два склепа и мои воспоминания. Учёные были достаточно стары, и в книге судеб записаны, как умершие – это для отчётности перед орденом, ну а про настоящую судьбу их, я тебе рассказала. Кармин попросила, чтобы амазонки больше не обижали мужчин. Вмешался вождь племени, по их законам, мужчина обязан смыть свой позор кровью врага, вы не являетесь нашими врагами, но пятеро самых молодых и горячих мужчин покинули племя. Я не усмотрел. Это плохо. Между племенами и так, шаткий мир, а молодёжь может притащить войну в наш дом. Вождь оказался прав, от молодёжи пострадали мужчины соседских племён. Свой позор дикари смыли кровью врага, только их следы не смог смыть даже непрерывный дождь. В сезон дождей война – табу для многих племён, получилось так, что

дикари нарушили запрет, и пока шли дожди, вождь пострадавшего племени, от налёта головорезов, прошёлся по соседям, заручившись поддержкой, чтобы наказать виновных. И, как только закончился сезон дождей, вместе с последней каплей влаги, упавшей на землю, посыпались стрелы на наши головы. Началась война за перекрой территорий и зон охоты. Нашему племени, как и нам, был вынесен приговор – мы должны умереть или навсегда покинуть замок. Пришло время испытания смертью. Дикари вместе с амазонками заняли ниши в стенах замка и хладнокровно расстреливали неприятеля. Я впервые увидела, как работают композитные луки ё бою – они поражали противника на далёком расстоянии от стен замка, были очень скорострельными и точными. Композитный лук – это было оружие массового поражения нашего мира, от него нельзя было спастись за кожаным или деревянным щитом, стрела, выпущенная умелой рукой амазонки, пробивала любой доспех, а красивые наконечники стрел из обсидиана пробивали человека насквозь, девочки умудрялись нанизывать на одну стрелу по несколько дикарей, такова была сила удара у композитного лука. Как только начались боевые действия, дикари, все, как один, и женщины и мужчины встали на защиту замка. Настоятельница попросила меня спрятать детей, если враги прорвутся внутрь замка, то детям, несдобровать, они будут первыми жертвами неприятеля. Против нас выступили, не менее десяти племён, таких же хитрых, сильных и подготовленных воинов,

как и люди нашего племени. Я поражалась хладнокровности наших девочек, раз за разом, откидывающих меткими стрелами валы неприятеля. За стенами замка солдат противника было так много, как муравьёв в муравейнике. Но мне уже некогда было смотреть, наши ряды защищавшихся тоже таяли, я подождала, когда возникнет, перерыв в обстреле наших позиций и увела детей на кладбище, где я их могла ещё спрятать. Я потащила эту притихшую банду в склеп, успев убрать страшную куклу. В склепе было достаточно места для укрытия народа и хорошая звукоизоляция, а ещё я знала, что дикари боятся заходить на места захоронения, и нас точно, здесь искать никто не будет. При любом исходе битвы, у нас есть шанс уцелеть. Дети сидели тихо, как мыши, боялись разговаривать и шуметь, некоторые из них, те, кто поменьше, беззвучно плакали, слезинки катились по их щекам, сверкая бисером, даже в полутьме. А я, не могла их даже успокоить, я, в отличии от настоятельницы, совершенно не знала языка дикарей. Лучики света проникали через вентиляционные отверстия, преломляясь в зеркалах, давали нам возможность ориентироваться в этом склепном туннеле и видеть друг друга. Детишки, инстинктивно отодвигались от тёмного продолжения туннеля, но хорошо, что эти дети ничего не знали о капризах и истерике, просто их так же, как и меня, пугал этот чернеющий проём. Напряжение последних часов сказалось и на моём здоровье, я даже не заметила, как отключилась. Проснулась оттого, что стало темнее и холоднее, дети нашли

страшную куклу, которая испугала меня при первом посещении склепа, и играли с ней, как и все дети вселенной, пытавшиеся уложить любимца. Бедная крыса, она за всё время своего существования никогда не удостоивалась такого внимания. Я выглянула из склепа, над кладбищем вечерело, над замком стояло пламя, видимо горел настил, служивший крышей, для дикарей, в сезон дождей, в небе подымалась круглая полная луна. В этом мире было две луны, одна была меньше и видна только днём, а эта красавица выходила из-за туч по вечерам, освещая всё окрест своим колдовским светом. Весь мир становился неестественным, пугающим, особенно страшными были голубые лица людей на кладбище, они казались ожившими покойниками. Когда я вернулась к детям, меня встретила приятная неожиданность – от лунного света, сработала технология инопланетян и зеркала засветились разными переливами во всём диапазоне светового спектра. Весь туннель осветился, детишки, с непривычки, старались прикрыть ладошками глаза. Если бы вы знали, сколько у меня было радости! Я осторожно, шаг за шагом, стала обследовать туннель, детишки шли за мной на расстоянии, проникшись моей осторожностью. Но, никаких каверз, никаких ловушек здесь не было, и никто страшный не живёт в этом подземном туннеле, он привёл нас вполне уютную комнату, со столом, стоящим посередине, и с удобными лавками, для сидения. На столе лежала доска с квадратами, на которой стояли вырезанные из дерева фигуры, они были обрабо-

таны тщательно с любовью и отполированы кожей и теплотой рук их создателя. Я знала, что это была настольная игра для двоих, но не могла вспомнить где я про это слышала. Неугомонная детвора, разгребла эти фигурки, как новую забаву для игр. Я им не мешала. Но то, что мне удалось найти за ширмой, повергло даже меня, ко мне опять вернулся кладбищенский страх: за ширмой были скелеты, маленькие скелеты животных и дикарей этого мира, ювелирно вырезанные из костей. Не знаю, чьи останки были применены для этого творчества, но это тоже были куклы, с привязанными к ним верёвочками. Марионетки, – вспомнила я. Странное увлечение было у этих учёных, я не сомневалась, что всё, что находилось в склепах принадлежало им, и они использовали эти склепы, точно так, как и я – они служили убежищем двум старикам от этого сумасшедшего дикого мира. Эта находка заставила меня вспомнить Изумруду с её костяными человечками, сомневаюсь, чтобы она могла смотреть сквозь землю, но что-то её напугало на кладбище, учёные вполне могли оставить какой-нибудь сюрприз на поверхности, среди могил. Сколько раз я ругала себя за трусость, вот и сейчас, только взгляну на эти скелетики, знаю, что это игрушки, поделки, а поджилки трусятся и по коже мурашки от страха бегают, волосы стоят дыбом и пропадает голос вместе с появлением мокроты ниже пояса. Я взяла один скелет за верёвочки, кажется это был скелет кошки – пещерного льва, или саблезубого тигра, и он запрыгал в моих руках, дети, от

неожиданности, в ужасе, шархнулись от меня. Я совсем забыла, что они рядом и видят все мои действия. Я прикрыла телом свою игрушку, и немного потренировавшись, показала им, как кошка гладит себя сама, и как пытается встать и не может, то голова не подымается, то нога отваливается, сопровождая свои картинки урчанием и мяуканьем. Детворе понравилось, их глазёнки засверкали, на лицах появились улыбки, они повторяли за мной мои слова и звуки, подключившись к игре. Я поняла, что между первобытным ребёнком и ребёнком из цивилизованного мира почти нет никакой разницы, моё предпочтение склонялось в сторону детей дикого мира – мне кажется, что они более адекватны, чем дети из нашей прошлой жизни. Всё-таки я права, память постепенно начала возвращаться ко мне, по-моему, у меня раньше уже были дети. На утро, я постаралась проникнуть в замок. Детей надо было чем-то кормить. Защитники ещё держались из последних сил, весь двор был завален трупами, и нашими, и чужими. В стенах замка появились проломы, в которые, запросто, могли пройти два дикаря, проломы тоже были завалены трупами. На моём пути мне встретилась одна из амазонок, собирающая стрелы во дворе. Её шатало от усталости, и она не могла говорить, по её шёпоту, я поняла, что наша настоятельница погибла, вместе с вождём племени. Я знала, где хранится запас съестного, первым делом я разнесла сыры и копчённое мясо защитникам на стенах крепости, их осталось мало, совсем мало, дикари, в отместку за потери

от композитных луков, применили против защитников замка отравленные стрелы. Тело человека, от малейшего пореза, начинало разлагаться, вонять и отваливаться частями, как у прокажённого или, как от укуса варана. Многие из наших не могли есть и умирали от ран. Из пяти амазонок, в живых осталось трое. Самая старшая из них сказала; Мы долго не продержимся, набери продуктов на несколько дней, спрячьтесь и сидите тихо, как мыши. Бирюза, спаси детей, чтобы наша гибель не была напрасной. Мне пришлось несколько раз возвращаться в кладовую. Двое старших мальчиков, заметили и путали мои следы. Мы пять дней провели в склепе. Когда я рискнула выйти на разведку, во дворе замка был конвой. Он пришёл с опозданием на три дня, помог разогнать горстку нападавших дикарей. Из нашего войска осталось всего пятеро – мать и дочь из дикарей, заменившие погибшую знахарку, одна амазонка и две послушницы. Люди из конвоя сносили трупы на кладбище, в одну большую яму, и смотрели на меня с неприкрытым ужасом, как я вытаскиваю живых детей из могилы. Некоторые неандертальцы держали в руках скелеты непонятных зверей, а у некоторых были деревянные слоны и лошади, в этом мире никогда не было похожих животных.

Глава 37

Конвоем руководила женщина лет сорока, одетая в мужскую одежду, в кожаных сапогах, и в шляпе с широкими полями. Она, не стесняясь, курила травку, прилаживалась к

фляге с «диким» коктейлем, и совсем не являлась символом подражания для молодёжи. Говорят, первыми адептами ордена были дети из приютов и детских домов, другие говорят иначе – орден зародился в тюрьмах, и первые послушники вышли оттуда, третьи кивали на уничтоженную планету пиратов. Во всех этих слухах была своя доля правды, в ордене были представители всех течений содружества государств. Никто не знал, кто руководил орденом, но орден решал проблему с неуравновешенными, потенциально опасными гражданами содружества, за все структуры власти союза, направляя их стремления в полезное русло и изолируя самих граждан от государства. Эта дама, маскирующаяся под мужика, говорила хрипловатым низким голосом и была, явно, из приюта. Она, именем ордена назначила новую настоятельницу замка – последнюю из амазонок, к нам добавилось ещё пятнадцать новых членов общины, в этой группе были и мужчины, это я ещё на кладбище заметила. Дикарки ушли из замка, вместе с детьми, детей никто не напрягал, они сами заявили желание жить племенем на земле отцов. Ушли все мальчишки, две девочки, остались в замке, они прилипли ко мне, амазонка и поселила их в мою келью. Девочки, по тихонько, начали осваивать волшебный язык, считавшимся базовым в нашей обители. Амазонка старалась их сильно не нагружать, а работы после войны было валом. Я попала в наряд на восстановление стен, ко мне прикрепили двух мужчин, я попросила ещё кого-нибудь в помощь, камни были тяжёлы-

ми и раствор из песка, мелкого известняка и глины, очень тяжело было замешивать после дождей. С новой партией послушниц, к нам попал настоящий врач, с дипломом и приличным образованием, единственным недостатком его было то, что доктор являлся мужчиной, и довольно-таки, симпатичным мужчиной. У него раз в неделю был осмотр всего состава замка, к нему выстраивалась длиннющая очередь с самого утра. Этот день осмотра – в нашем замке был выходным днём. Врач и забраковал мою помощницу из послушниц старого состава. Он сказал настоятельнице о её болезни. Впервые я увидела амазонку с таким глупым лицом: она и злилась, и улыбалась одновременно. Девушка была беременна. Блин! Амазонка допытывалась у неё:

– Как она смогла, когда успела?

Послушница отвечала ей:

– Стрелой принесло.

Жаль только, что её жених погиб! Девушку отправили в наряд по кухне. У нас, как в племени, некому было заниматься детьми, мои соседки – сорвиголовы, тоже большую часть времени проводили на кухне, помогали мыть посуду и искать специи для пищи, по всей округе. Я поняла их бесхитростные планы, они околачивались на кухне, в надежде, что перепадёт что-то вкусное от поваров. Кухарки баловали детей, в нашем замке их все любили. Амазонке доставалось больше всех, теперь уже не я, а она доказывала вновь прибывшим, что в диких мирах нет места романтике, здесь,

чтобы выжить, нужно пахать круглосуточно, в том числе и головой. Все новые послушницы были с севера содружества, с острыми ушами и немного заторможенными мозгами, как все северяне. Но им, с первого дня прибытия в замок, пришлось вступить в бой, а смерть злых дикарей развеяла все мечты о романтике. Им ещё повезло, что дикари были ослаблены, и никто не погиб из них. Про парней, с которыми мне пришлось работать, я знала мало, они представились, как кадеты, которых выгнали с последнего курса за какую-то провинность. У них единственных из всех нас, был пятилетний контракт с орденом. Про содержание контракта они молчали, как мы им все завидовали! В замке не приветствовалось любопытство, за работой некогда было заниматься расспросами. А зря! Эти послушники были не простыми ребятами – они были кадетами академии колдовства, а их маленькой провинностью было испытание формулы заморозки миров, они, чуть всех колдунов не превратили в сосульки, вовремя вычислили озорников. Им, можно считать, повезло, встретиться с рекрутерами ордена. И контракт был интересный – шпионить за всем, что происходит в замке, такой аудиторский надзор за всеми членами ордена. Как же им не нравилось месить раствор, для стен замка, но что поделаешь, контракт надо выполнять. Этих ребят раскусила амазонка, у неё был опыт общения с колдунами на своей планете. Я её спросила: Как ты определяешь, кто колдун, а кто нет? Настоятельница ответила:

– По запаху! Они пахнут гнилью и серой, как болотная зелёная вода в старых карьерных выработках.

Не знаю, может у меня, что с чувствительностью не так? Но однажды вечером я шла на кладбище и уже подходила к склепу, как заметила слежку за собой. Я решила разыграть немного шпионов, поделившись планами с соседками. Девочки были идеальными помощниками в моей затее, их никто не контролировал, и они были свободны всё время. Я им сказала, что хочу напугать мужчин, чтобы они не кичились своим бесстрашием. Девчонки поддержали меня, в ход была пущена вся наша фантазия. За мной следили, поэтому весь сценарий и режиссура «спектакля», легли на плечи детей, они же и были артистами и исполнителями наших планов. Девчонки даже успели провести репетицию. Они назвали одного из кадетов «суфлёром». Я им рассказывала про спектакли, про театр и жизни артистов, черпая информацию из уголков нестёртой памяти. Когда я поинтересовалась, что им понравилось из моих рассказов, они обе, не сговариваясь назвали суфлёра – он самый настоящий театральный шпион. И вот, настал день, когда дети доложили мне о готовности репертуара. Я легко скользила по кладбищу, среди могильных плит. Отбрасывающих тени от света луны, вдруг под ногами взрывается пакет, и всё кладбище окутывается дымом. Бирюза пропала из видимости «суфлёра». Но коварный шпион знает, где может прятаться этот «замковый цветок», он, слившись с могильной травой, крадётся к склепу, и осторож-

но, постоянно прислушиваясь, старается отодвинуть плиту. На него из могилы набрасывается полуметровая крыса с писком и с криком, леденящим сознание. Кадет, пробкой вылетает из склепа и бежит в сторону замка. Из-за могил начинают подниматься скелеты и протягивать руки к беглецу, откуда не возьмись, появляется Неясыть, или другая местная сова, со своим знаменитым криком:

– Уг-фу.

Кадет выхватывает пистолет и начинает палить во все стороны. Патроны у него быстро кончаются. Это уже было не по сценарию, шпион давит на курок пистолета, раз за разом, а он молчит. Ночной шум на кладбище разбудил гарпий, я знала, что у этих причудливых птиц было гнездовье в этом углу кладбища, когда – то они напугали и меня, но это было днём. Луна проскользнула между двух туч, и лучом голубого света наткнулась на потревоженную пару. Оба чудовища возникли перед колдуном, как из-под земли. Потом был мой выход, я, в образе утопленницы, плыла над могилами..., но это было уже лишнее. «Суфлёр» не реагировал ни на что, пускал слюни, улыбался, и говорил так:

– Гы, гы.

На звуки выстрела сбежались все послушницы с настоятельницей, но мы с девчонками уже сидели в своей келье и пили чай с баранками и хитрющими улыбками. Утром меня вызвала настоятельница к себе и сделала такой втык – за всё хорошее, и за спектакль тоже, но больше всего досталось за

то, что я подвергла девочек опасности. Я со всем соглашалась молча, и откуда она про всё узнала? Амазонка мне подала скелет аборигена с верёвочками:

– Сегодня, Бирюза, твой наряд на кладбище, приberi там хорошенько.

Я поняла, по всему кладбищу столько детских следов, это ночью их не было видно. Девочки прибежали, помогли собрать весь разбросанный театральный реквизит, потом мы закрылись в склепе и насмеялись от души. До самого вечера мы убирали мусор с кладбища и загребали следы. Руководительница конвоя возмущалась, что здесь у вас творится такое? Второго послушника в клетке вывожу за последние полгода. Руководительница конвоя не знала, что делать с контрактником. Конвой уезжал к границам дикого мира, под скрип колёс телеги, которую тянули неторопливые волю. Со всего багажа, на телеге, была клетка с безумным колдуном

– Гы, гы; Гы, гы; Гы, гы!

Второй кадет пропал, сам, без конвоя, наверное, включил знания, приобретённые в академии и остался должен ордену, не выполнив условия контракта. Без шпионов в обители дышать стало легче. Наставница каждый день воевала с северянами, она им была и за тренера, и за коменданта, и за военного начальника. Я удивлялась, как у неё терпения хватало разжевывать послушницам каждый манёвр. Девочки всё понимали, со всем соглашались, но стоило стреле просвистеть около уха, как они бросали оружие и старались убе-

жать с поста. Потом этих горе-воинов можно было найти где угодно: они прятались под кроватями, залезали в водослив, в кастрюли в столовой, и даже в туалете, приняв позу страуса – закрыв голову руками. Каждый раз амазонка зеленела, но успокаивалась, и начинала сначала:

– Да, поймите вы, не научитесь защищаться, тогда все умрут, и мы умрём.

Девочки опять все соглашались, кивали головами, но стоило их оставить одних на посту, как они тут же забывали про службу и гонялись за прилетевшим жуком, или, отставив в стороны алебарды, спускались за пределы замка, и собирали цветы для венков. Настоятельница пожаловалась, ничего у неё не получалось:

– Эти северянки настолько глупы и тупы, ещё и ужасно трусливы. Я не могу придумать наказание для них, они совершенно не понимают зачем я их мучаю. Из этих послушниц никогда не получится воинов.

Я предложила помощь, как раз, у гарпий птенцы появились – такие симпатюлечки! Стараются кусок мяса вырвать из вашего тела, или выклевать глаз. Но настоятельница отвергла моё предложение: – Хватит, двух придурков вывезли в клетке, ты хочешь, чтобы замок совсем без населения остался. Тогда мы привлекли единственного мужчину в нашей обители. Врач сказал, что трусость – это болезнь, но, к счастью, излечимая. Он порылся в своих лекарствах, и нашёл таблетки от трусости, которыми послушниц кормили, чуть

ли не принудительно. Это были чудо-таблетки, помогали с первого раза применения. Теперь девочки не обращали внимания на пение стрел, на страшных гарпий, они не боялись никого и ничего, пока действовали таблетки. Бояться стали мы с амазонкой. Неприятно видеть послушниц, танцующих на молниеотводе, натянутом по крышам, между двумя башнями замка. Девочки исправно несли караульную службу, но передвигались по зубцам стен, трёхметровыми прыжками. Создавалось такое впечатление, что они парят по кромке десятиметровой ограды. Мы, опять, пригласили доктора.

– Ну, я же говорил вам, что лекарство сильнодействующее, но имеется побочный эффект от их применения – потеря ощущения реальности и чувства самосохранения.

– Доктор! Они совсем лунатиками стали от вашего лекарства!

Решено было, продолжить тренировки послушниц, а таблетки давать только в момент опасности. Одной таблетки на целый день хватает, и они не вызывают привыкания.

– Хорошее лекарство! Надо будет ещё заказать.

Настоятельница отметила что-то в своём блокноте – напоминание для заявки, наверное. Девочки, и без таблеток, становились с каждым занятием всё сильнее, гибче, дисциплинированнее. Работы, по укреплению замка, стало меньше, и у меня появилось время, по вечерам выбираться на кладбище, чтобы продолжить свои исследования. Соседки – дикарки, уже тархтели на волшебном языке, всюю. Мотались по

всему замку, и в келью приходили только перед сном. Так что, мне никто не мешал. Я давно поняла, что туннель соединял два склепа, в которых было много интересного, но не было тел учёных. Туннель был единственным входом во второй склеп. В этом странном закрытом сооружении не было ничего интересного. Я пожалела время, что потратила на установку новых зеркал, чтобы добраться до второго склепа. Я была не права, этот склеп был не конечным, я случайно нажала на одну из плит гробницы, и она отъехала в сторону. Передо мной возник ещё один туннель, по движению воздуха внутри него, я поняла, что он ведёт наружу, и его необходимо исследовать днём. Я научилась, наощупь, передвигаться между склепами, не пользуясь лунной подсветкой. До обеда мне настоятельница дала другую работу, а после обеда я уже была в склепах и шла по последнему туннелю, найденному мной. Он меня вывел ко входу в подземелье инопланетян. Как я его раньше не заметила, вход в склепы был хорошо замаскирован. Меня обрадовала эта находка, как надоело воевать с колючим кустарником, мне казалось, что на месте обрезанной колючки, выросло три новых. Этот кустарник, наверное, учёные посадили, чтобы скрыть чужеродные катакомбы. Я видела их следы в комнате, со звёздным небом. Я, как и все женщины, была не терпима к боли и очень любопытна по характеру. Теперь мне ничто не мешает обследовать последний бастион – скрытую подземную базу инопланетян. Раньше я проходила мимо люков, чувствовала, что

ещё не готова впитывать в себя новую информацию, да и боялась угодить в расставленные ловушки, которые повсеместно находятся в подобных сооружениях. Спасать меня было некому, а посвящать кого-то в свои тайны я категорически не хотела. Я пробиралась по этим туннелям, которые освещались то луной, то звездой дикого мира, как будто читала увлекательнейшую книгу приключений. Это было так интересно! Мне нравится исследовать, находить что-то новое, неизведанное, волшебное. Мне казалось, что если мои секреты станут известны ещё кому-нибудь, то сказка кончится и я вернусь в этот замок – в мир рутины, зла и несправедливости. Если бы вы знали, как я ненавидела этот мир, в котором существовала только дурная бесполезная работа, в котором не было улыбок, а счастьем считался вкусный и сытый обед, в котором жизнь твоя ничего не стоит, и который ты не можешь покинуть, если даже очень хочешь. Мы здесь не живём, мы выживаем! Как я ненавидела этот Орден, создавший для нас условия для этого выживания. По их понятиям, по уставу этого Ордена – мы несём красоту, любовь и образование в дикие миры, мы созданы для того, чтобы жизнь в этом мире стала лучше. За это умирало несколько поколений миссионеров. Перед моими глазами стояли выпотрошенные мужчины на вертелах. Какая чушь! Орден выкинул нас в эти миры. Как живые консервы, чтобы разнообразить пищевую цепочку, для аборигенов. Я вспоминала девочек, погибших на стенах замка, их заманили романтикой, они бы-

ли так молоды, красивы и жаждали счастья и любви. В моей келье живут две маленькие девочки, они совсем не образованы, они не знают, что такое лицемерие и обман, может быть этому нам стоит их научить? Нам некогда здесь заниматься их образованием, да и не нужно им это. Это их мир, и пусть он будет особенным, не похожими на содружество государств, не нужно его превращать в шаблон, даже под «благие стремления» Ордена. Я расстроилась от собственной философии, и вернулась назад в склепы, надо было поторопиться в замок, на ужин. На этот раз, все в замке были взбудоражены, в моё отсутствие, приходил один из мальчиков-дикарей, его послала вождь племени. Границу нашего мира пересекла огромная армия синих людей, возглавляемых королевой. Они передвигаются на двурогах вервлюдобыках, завтра появятся в нашем месте. Племя нашло пещеры, в которых раньше жили медведи, женщина-вождь, предлагает нам спрятаться, никто не знает цели этой армии и планов их королевы. Вроде они никого не убивают, но их животные, хуже саранчи, уже съели пол мира, за три дня. Амазонка поблагодарила мальчика и женщину-вождя, но отказалась от предложения. Она уже встречалась с послами синей королевы. Армия просила проход через наши земли, и по возможности, помочь с фуражом. Настоятельница потребовала гарантий безопасности. На что послы ответили, что лучшей гарантией будет то, что королева, со свитой посетят ваш замок с дружественным визитом. Настоятельница вызвала ме-

ня в свою келью – опять мне предстояло прятаться с девочками и беременной послушницей в склепах. Такова наша судьба – для всех праздник, на кухне повара готовят различные яства, для приёма королевы. . . , но я понимала, что амазонка была права. Во всей вселенной, нет ничего опасней, благосклонности правителей. Армию мы услышали, прежде чем её увидеть, не знаю, зачем они научили верблюдобыков маршировать? Эти уродливые животные всё делали, маршируя и выдерживая такт. Почему все армии вселенной тяготеют к этой шагистике? Дрессировщики, блин! Животные, постоянно жевали, что-то отрывивали, и в воздухе стоял скрип от перетираемой травы. За этими горбатыми рогатыми монстрами не было видно людей, они выглядели синими пятнами на фоне этой марширующей стены, которая надвигалась сплошной волной, растянувшись до самого горизонта. Амазонка понимала, что королева Синего мира, просто, не считала их маленький островок, стоящий на пути её армии, достойным противником. Она считала этот мир диким, и, просто, из любопытства, решила нанести визит в эту женскую обитель. Ей было смешно, что в пещерных странах, которые ей приходится проходить со своей неизмеримой армией, есть женщины, построившие свой мир, разговаривающие на своём непонятном языке, и живущие в цитадели, среди племён варваров. Притом, они смогли напустить такой страх на дикарей, что от вопросов про замок, их начинало трусить. Королева не доверяла слухам, она не верила словам своих по-

слов, ей хотелось самой посмотреть на замок женщин.

Глава 38

Королева увидела замок, он стоял на горе, освещённый «Радостью жизни», так называлась звезда, дающая тепло. Это было красиво, но дико. Разве могут кого-нибудь спасти эти стены? Она передёрнула плечами:

– А, жить в камнях, как дикари в пещере? Чтобы отопить это строение, нужно много дров.

Королева, с детства, приучена экономить на всём. Она бы никогда не смогла бы жить в стенах этого замка, ей бы просто, не хватало воздуха, запаха травы и сена, дыма ночных костров. Королева не понимала, что такое осёдлость, Родина, границы. Она была королевой кочевого народа, для которого все эти понятия заменялись одним словом – путь (дорога). Это был секрет её племени. Её называли королевой Синего мира, но никто не догадывался, что нет никакого Синего мира, и весь народ, перед ней. Они переходили из мира в мир, из страны в страну, не брезгуя услугами дипломатии, а несговорчивых они сметали со своего пути, выполняя роль регулятора диких народов. У неё была целая свита учёных, врачей, военных начальников, были свои колдуны, астрологи, химики, предсказатели и кого только не было в её свите. Королеве не очень нравился этот народ, она терпеть не могла их споры, а некоторые изобретения учёных, её ставили в тупик. Но этот сброд, по всем странам, начал собирать ещё её дед, отец продолжил эту коллекцию, а она продолжала их де-

ло, её шпионы находили этих чудаков во всех мирах. Королеве нравилось потакать их прихотям: для художников находили краски и бумагу, даже был свой мастер, для изготовления холстов, для передвижной кузни находили метал и уголь, даже был свой механический горн. Работающий от силы ветра. У хирургов был самый современный инструмент, шаманы, вполне заменяли наркологов. Это было самое настоящее кочевое государство, которое первым в этих мирах, почти отказалось от применения тяжёлых шкур животных, здесь давно знали секрет производства тканей, и они шили свою одежду, на специальных устройствах, придуманных механиками. Синяя страна, синие люди – это тоже связано с текстилем, никто не знал, что от природной краски материи, из которой пошита одежда, синее всё, даже кровь. У них были телеги с колёсами, но они ими почти не пользовались, телеги были очень неудобны в перемещении, постоянно ломались, для них нужны были накатанные дороги, а они имелись не во всех странах. Королева вспомнила, как отец подарил ей в детстве кибитку, которую тянули два запряжённых цеклаха (кентавра). Маленькая принцесса жалела, что цеклахи долго не живут. Ей не попадался в пути этот народ, она даже не знала, где отец их взял, чтобы подарить ей на день рождения. После каждой победы, королева устраивала праздник для своих подданных. Это была её маленькая слабость, любовь к празднованию у неё осталось с детства, она старалась, чтобы всё проходило организованно и пышно, с помпезно-

стью. Были специальные люди, организовавшие эти торжества. На этот раз, никакого сражения не было, не считая мелких незначительных стычек, в этом мире победила дипломатия. Королева понимала, что праздник срывался. Она попросила, чтобы ей принесли приблизитель. Странный колдовской «глаз», выполненный в форме трубы, его отобрали у сумасшедшего старика, живущего в пещере, и делающего камни прозрачными. Когда королева, впервые, посмотрела в этот прибор, она упала со своего верблюдобыка на землю. Она не знала, что ощутила в этот момент, в языке их племени нет таких слов, чтобы описать это чувство. Это было колдовство, настоящее колдовство: – они три дня шли до горы и никак не могли дойти, а прибор показал гору совсем рядом. Это было и страшно, и интересно. Этот «глаз» приближал всё, на что не посмотришь. Королева не могла наиграться этим чудом. Когда она направила своих солдат, чтобы они нашли сумасшедшего старика, чтобы пополнить свою коллекцию учёных, того и след простыл, остался только этот прибор. Королеве захотелось посмотреть на замок поближе. Она рассматривала его, как диковинку – замок был похож на каприз ребёнка, решившего построить дом из камня для своих кукол. Королева отвлеклась в своих мыслях..., только куклы, почему-то были живыми. Королева увидела охранниц, парящих над стенами этого странного сооружения, и рассмеялась. Эти фурии в юбках, были точной пародией на её стражу, только осталось ей своих стражников научить танцевать.

То, что вытворяли эти лицедеи с оружием, было очень похоже на танец. Девушки его выполняли столь искусно, все движения были отточены и непринуждёнными, этим караулом можно было любоваться часами, под такт маршировки верблюдобыков. Слово балет в этих мирах было неизвестно, как и сам этот причудливый танец, похожий на песню без слов. На расстоянии эти движения замковой охраны напоминали серенаду глухонемых. Королеве понравилось увиденное. К воротам замка приближались королевские послы, чтобы обсудить условия приёма королевского кортежа. Королева отстранилась от окуляра, и вернула «глаз» пажу, стоящему рядом. У неё было прекрасное настроение. Разведчики привели пленников, эти дикари посмели оказать сопротивление её армии. Жертв нет, но есть сам факт неповиновения. Дикари подтвердили, что они дружат с обитателями замка, но не подчиняются их законам. Королева приготовилась к испытаниям пленников. Нет, их не истязали, не мучали, на пленных надевалась одежда синего война, и она, как лакмусовая бумага, определяла испытываемых, кто находится перед ними – свой или чужой, потенциальный друг, или враг. Потом появлялся шаман, и начиналась процедура посвящения в войны Синего королевства. Обычно, всех, не прошедших испытание, убивали. Среди дикарей не было взрослых, за исключением двух женщин. Женщины армии не были нужны, королева приказала отдать их в армейский гарем, там найдут им применение. Дети варваров казались смешными в одеж-

де взрослого воина, но здесь никто не смеялся, все наблюдали за изменениями у пленников. Всегда, первыми начали синеть глаза, только зрачок оставался прежним и не менял, ни цвет, ни форму. На этот раз, все пять мальчиков сопротивлялись изменениям. Палач уже приготовил орудие казни, но вмешался шаман, и запретил провести ритуал жертвоприношения богу пути. Он увидел то, что не увидел никто из наблюдающих, у пленников начали синеть ногти и язык. Шаман оказался прав, через пару часов, никто не мог отличить этих дикарей от воинов Синего королевства. Королева дала отмашку, и слуги забрали одежду у испытываемых. Ритуал был пройден, синие, голые мальчишки, жались друг к другу, руками закрывая посиневший стыд. В гареме шили одежду для пяти новых подданных королевства. Дикари уже не считались дикарями, их никто не связывал, не ограничивал в движении, им дали старшего – одного из бывалых воинов. Старший знаками предупредил, что лучше не убегать, их не примет стая дикарей, а новым преображённым войнам необходимо знать язык своего нового мира.

– Армия Синего государства ваш новый мир! И его королева – ваша мать! Она дала вам жизнь, еду и свободу! Да здравствует королева!

Мальчики ничего не поняли из сказанного этим злым дядькой, их одели, обули и отвели к одному из армейских котлов, в котором варилось мясо верблюдобыка. И пока дипломаты пытались знаками объяснить наставнице, как и где

положено встречать королеву, сама же виновница этого переполоха закрылась в своей юрте, перенеся встречу с женщинами замка, на утро следующего дня.

– Они хотят, чтобы мы встречу королевы, перенесли на улицу, за пределы замка. И, чтобы среди угощения не было никаких хмельных напитков и салатов, а все блюда, поданные на стол, пробовались нашими дегустаторами.

Девчонки зашумели. Настоятельница цыкнула и прикрыла языки местным сорокам:

– Так положено! Никто не говорит, что их королеву кто-то отравить хочет.

В дегустаторы единогласно записали врача. Он упирался, отнекивался, но против настоятельницы не пойдёшь – доктор, как никто подходил под эту должность.

– Хорошо, хоть дегустатором, а не виночерпием, а то, от этого матриархата, что угодно можно ожидать.

И доктор под язвительные шуточки послушниц, постарался, как можно быстрее, покинуть это помещение. Желание гостыи, это закон, рано утром, все шедевры замковых поварих лежали на скатертях, за пределами замка. Для каждого гостя была приготовлена специальная обеденная подушечка, а для доктора сделали подставку с лестничкой, все должны видеть работу дегустатора, перед тем, как блюдо подадут гостям. Наш доктор восседал на высоте, как волейбольный арбитр, у него были две помощницы, подносявшие еду для дегустации. Бедный доктор, мы на месяц вывели его со строя,

из-за переедания. Туалет был общий, поэтому эскулап решил сократить свой путь, через кладбище, но в первую же ночь нарвался на гарпий. После этого случая, гарпии, вместе с подросшими птенцами, защищали кладбище всей стаей от этой бородатой вонючки. Мы сидели в склепе и не видели, что происходит в замке и за его стенами, но война птиц с доктором происходила на наших глазах. Я не рискнула в неё вмешиваться, уж слишком злы были гарпии на доктора. Блин, умник! Жрал за весь табор, а делиться «съеденными деликатесами», к нам на кладбище бегают. Честное слово, я была на стороне гарпий. Ночью к нам прибилась две гостьи – дикарки из плена сбежали, охрана гарема гналась за ними, вплоть до кладбища, а потом убегали от него вдвое быстрее, оглашая всю окрестность дикими криками, это птенцы гарпий развлекались. Как тут удержишься, когда мясо само прибежало, как по заказу. Мне было интересно: что хоть в мире творится, а то, сидим в склепе, как мыши. Женщины, хоть плохо знали волшебный язык, но на пальцах смогли объяснить – ничего хорошего, всех ловят и ждут, когда посинеешь. Интересно, но не понятно! Утром мы все вскочили, с перепуга, звуки в склеп не проникали, мы проснулись от вибрации. Я выскочила в разведку – это тронулась армия Синей страны, верблюдобыки шли маршем, шаг в шаг, военные колонны, огибая замок, сплошным потоком переливались за границы нашего ареала. После ухода этой армии, осталась одна пустошь на месте её дислокации – ни травинки, ни листочка, ни

жучка, ни паучка, гарпии, возмущённо, пытались доказать мне, что в этом месте доктор успел побывать, он всё сожрал и вокруг замка везде его следы видны. Я не стала их переубеждать. Королева с кортежем медленно приближалась к замку, настоятельница, перед тем, как выйти навстречу госте, раздала охране по таблетке. Девочки, и так были возбуждёнными, а тут, приняв допинг, они стали похожи на многоруких, многоногих чудовищ. Они не ходили, не летали по двору нашей обители – они мелькали, как стрижи, перед дождём. На весь замок, всего три стражницы, а создавалось впечатление, что целый отряд, сплошной цепью, окружил это строение и внутри, и снаружи. Замок казался неприступной цитаделью. Наконец, целая группа слуг сняла богато украшенные носилки, на которых восседала королева на своём походном троне. Наши послушницы сделали хорошо заученный книксен, и сразу стали похожи на бройлеров, вылезших из барокамеры. Королева вылупилась на них, эти дамы так перекиривляли её верблюдобыков, что она не могла сообразить, это приветствие, или оскорбление. Она попыталась повторить телодвижение послушниц, и чуть не приземлилась на четыре точки, если бы её не успела подхватить наставница. Девочки, мигом, бросились рассаживать гостей, предлагая им подушки. Синий народ был в растерянности, послушницы совсем не разбирались в иерархии гостей. Стол то, предназначался для одной королевы, а не для её слуг. Они так и поняли, что подушки им подарили, они категорично отказывались садить-

ся за «столы», но тут вмешались дипломаты и дальнейший ритуал угощения гостей, проходил под их надзором. Послы всех рассадили, согласно походного полевого этикета своей страны, соорудив несколько столов отдельно от королевского: слуги в одном месте, знать в другом, все остальные – в третьем: это артисты, художники, историки, борцы. Бедный доктор! Королева пальцем показывала блюдо на столе, и слуга нёс его на разносе дегустатору. Доктор не успевал пережёвывать, а королева, как издевалась: после жирного окорочка, врачу тащили на пробу арбуз. Королева ела небольшими порциями, а норма у дегустатора не нормирована, рядом с ятаганами стояли два громилы и давились слюной, они бы с удовольствием снесли голову этому проглоту. После окончания приёма пищи, доктора унесли на носилках в лазарет. Королева была довольна обедом. Конечно, языковой барьер не дал насладиться общением. Королева подала сигнал и началось состязание борцов. Настоятельница долго не могла понять смысл игры: борцы, то валили друг друга, то пытались выбросить друг друга за пределы круга. Приёмы? Какие приёмы – дозволялось всё! Посол так и намекнул – всё включено. В конце концов, в середине круга остался один боец, он обращался к толпе и приглашал желающих испытать радость победы. На желающих почему-то не было, ни среди знати, ни среди слуг. «Амазонке» он показался толстым и неуклюжим, она бы сама ответила на спарринг, но положение обязывает – ей нельзя. Тогда она вспомнила про

свою стражу, поди замаялись от безделья. Наставница махнула рукой и перед ней выросла стена из неустрашимых воинов. Королева поняла, чего хотела владелица замка, ей самой интересно было, чего стоит эта женская охрана: с виду – худые, бледные, от ветра шатаются. Настоятельница объяснила подчинённым, что от них требуется, только просила сильно не усердствовать, относиться к гостю с жалостью и состраданием. Желаящими играть в эту интересную заморскую игру, согласился весь штат стражи. Пришлось тянуть жребий. Королева, не понимающе, наблюдала за этим ритуалом, потом сообразила – выбирают жертву.

– Да, «щас»! Жертва давно стоит в кругу. Выбирают палача.

Жребий достался самой молодой, самой стройной и самой трусливой из послушниц. Она была на десятом небе от радости, и была не прочь размяться с настоящим мужиком. Борец опешил, увидев свою соперницу в круге, над ним стали подшучивать комедианты, не отставала в колкостях и знать. Он бы отказался соревноваться с женщиной, но взгляд королевы был холоден и неумолим. Борец знал, что это значит. Мужчина пытался схватить соперника, но стражница проскальзывала между его рук, ещё и успевала нанести несколько не больных, но очень обидных для воина ударов. Девушке так понравилась эта живая игрушка! Она раз за разом убегала от толстяка, ждала, когда он совсем выдыхается. Зрители, почти все, болели за неё, и каждый просчёт борца, встреча-

ли громкими овациями и одобрительными возгласами. Иногда, она поддавалась борцу, ей было приятно ощущать себя в мужских объятьях, это добавляло столько адреналина в её кровь, было так горячо, потом она выскользнула из его рук, и начиналось всё сначала. Королева хохотала, она поняла, что девушка играет с её борцом, как кошка с мышкой. Это добавляло ей ещё больше настроения. Королеве понравился приём в замке. Ей было жаль этих людей, которые вынуждены жить в камне. Наверное, поэтому у них нет мужчин, и не слышно детских голосов? Сначала королева хотела оставить здесь пару толмачей, чтобы выучили этот странный язык каменных дев, но передумала. Её страна перемещается вместе с ней, она ответственна за свой народ, за животных. Учёные каждый раз прокладывают на картах маршрут так, чтобы он не пересекался с предыдущими. Больше трёх дней её страна не имела права быть на одном месте, животные и люди не должны голодать. Королеве хотелось бы ещё раз вернуться в это место, она знала, что этого не будет, по крайней мере – в этой жизни. Кorteж королевы догонял армию, всё больше и больше удаляясь от замка, вскоре мы перестали слышать музыку марширующих животных. Наконец, и мы вылезли со склепа. Дикарки побежали в свои пещеры, не захотели даже переговорить с настоятельницей. Какое же было удивление, когда в пещерах они встретили своих синих мальчиков. Дезертиры сидели у костра и ожидали, когда появится их вождь. Радость была неопиcуемой! Всё

племя опять было в сборе. Первым делом, женщина вождь погнала мальчиков в ручей, заставила их переодеться.

– И, чтобы никогда! Вы слышите? Никогда не одевали на себя эти колдовские синие одежды.

Женщина побрызговала, даже прикасаться к одеянию Си-ней страны, палкой отбросила его в костёр. Кладбище опустело, настала осень, даже гарпии покинули своё гнездо и улетели за горы. Постоянно дул ветер и ночи были холодными. Прежняя настоятельница говорила, что здесь нет зимы. Вернее, она есть, но без снегов и морозов. В этих местах много термальных источников, поэтому здесь всегда тепло. У дикарей в пещерах тоже было небольшое горячее озеро, из которого вытекали ручьи, и уходили, через расщелины скал, под землю. Теперь я понимаю, почему они не захотели оставаться в замке – там у них тепло, цивилизация! А, тут, каждый день готовь дрова для каминов и кухни. Настоятельница приказала привести замок в порядок, девочек у меня забрали, а на мне, как всегда: стены и кладбище. Со стенами работы было не много, так, косметический ремонт, а вот на кладбище – непочатый край. Я начала с пустого гнезда гарпий, за целый день и четверть могил не успела убрать. И этот ветер! На кладбище даже маленький ветерок ураганом кажется. Здесь всё продувается насквозь. На следующее утро, я начала уборку со склепов. Мне всегда казалось, что они более ухоженные – это пока порядок не начинаешь наводить. В самих плитах столько трещин образовалось, как раз – хо-

рошее гнездовье для разной нечисти. Я забралась в склеп, чтобы приготовить раствор, для заделки этих трещин, и что греха таить, хоть на время спрятаться от холодного ветра. В склепе днём темно, сумрачно у входа, тени какие-то непонятные скользят по стенам. Вдруг, у меня над ухом, кто-то закашлял и появился он – мертвец, худой, лысый с длинной белой бородой и с горящими широко раскрытыми глазами. Мы заорали оба. И орал, пока не охрипли.

– Ты кто?

– Я – Бирюза.

– Таких имён не бывает.

Ах, я совсем забыл, ты, наверное, из замка. Мертвец открыл шире проход, отодвинув входную плиту. Света стало больше, но мертвец в своих лохмотьях, стал ещё страшнее. У него был такой взгляд, как у сумасшедшего.

– А, ты кто? Покойник? Приведение?

Мертвец рассмеялся противным старческим смехом:

– Почти угадала. Я учёный. Это мой склеп.

Я закрыла глаза от страха:

– Вурдалаки вернулись!

И бросилась бежать. Только далеко я не убежала, споткнулась об одну плиту и со всего размаху, въехала головой во вторую. Очнулась от того, что кто-то поправляет компресс на голове. Вурдалак оказался вполне материальным и заботливым даже. Я из-за него обед прозевала. Голова гудит, как медный колокол, отстукивая «мелодию яичницы» – Дэн, дэн,

дэн. Откуда этот дед на голову мою свалился? Учёный подо-
ждал, пока я приду в себя, потом рассказал свою историю.

Глава 39

– Сначала это была шутка. Мы работали в институте вре-
мени, занимались хронографией, построением эпюр состоя-
ния кварцевых пульсаров, короче говоря, всякой ерундой из
которой состоит девяносто процентов рутинной работы вся-
кого учёного. В курилке мы немного развлекались, составля-
ли шуточные прогнозы на спортивные состязания, придумы-
вали различные невероятные истории, устраивали диспуты,
на счёт возможностей времени, спорили: возможно ли созда-
ние машины времени, на которой можно посетить, как про-
шрое, так и будущее, можно ли время повернуть вспять, или
заставить его галопом лететь вперёд, мгновенно младенцев
превращать в стариков. Для нас эта была игра, тренировка
абстрактного мышления..., но не для него. Коллега всегда
находился у окна, с блокнотом и карандашом. Он прислу-
шивался к нашим спорам, но никогда не вступал в диспуты,
ни с кем. Мы не знали с какого он отдела – институт боль-
шой, не знали, как его зовут, просто привыкли к его присут-
ствию, к тому, что он пишет какие-то формулы в своём блок-
ноте, что-то вычёркивает, что-то добавляет. У моего друга
сломались часы, сам механизм работал исправно, но стрел-
ки стояли на месте, на них была выработка, не дающая вза-
имодействовать с механикой. Вот тогда, впервые, меня по-
сетила гениальная идея о мире испорченного времени. Я бы

всю свою жизнь провел бы в лаборатории этого института, если бы мои глаза не встретились с глазами этого молчаливого парня. Тогда я понял, я нашёл своего единомышленника, который дождался меня после работы и за чашкой крепкого чая, в течении пяти минут смог мне доказать, что мир испорченного времени – не фантазия, его вполне реально создать, если применить те же самые законы времени, только смотреть на них нужно под другим углом. В этом мире не нужно растягивать время или сжимать, оно само будет регулировать себя. Потом коллега раскрыл свой блокнот и начал демонстрировать свои формулы. Я сначала подумал, что это розыгрыш, но, чёрт побери, парень был прав, осталось только создать это место, чтобы доказать себе, что мы на верном пути. С этой поры, мы стали действовать, как настоящие преступники. Я признался в суде: мы проводили свои эксперименты на полигоне института. Земля пустовала, никто её не использовал и не контролировал. Да, я признал то, что чтобы построить столицу нашего мира, мы воровали здания, сооружения, инфраструктуру в соседних мирах, даже бассейны и памятники, переводили и переносили в наш мир, как с кальки. И первых жителей мы обманули. Нет, то, что мы им обещали, всё мы предоставили: бесплатное жильё, места в детских садах, работа – вакансий валом. Но мы умолчали о главном – об условиях существования в новом мире. Для многих это был шок. Мне доказывали, что так жить нельзя. Страна существует около ста лет, попробуй коренному жи-

телю сказать, что их страна утопия и придумали её в туалете. Обидится, и даст в ухо. И он будет прав. Для аборигена страны испорченного времени, она самая лучшая во вселенной. Изю всех стран содружества государств, в этой стране стабильный прирост населения, жильё не успевает строиться, огромная очередь на покупку жилья и совет страны не успевает просматривать заявки на переезд из других миров. Три раза предпринимались попытки, вернуть страну в нормальное время, и три раза местное население их игнорировало. За период существования этого мира, сменилось три поколения. Молодёжь не мыслит, как можно жить иначе. Да, я согласен, что мы совершили преступление! Над нами было применено насилие – нас сослали на бессрочную каторгу в эти дикие миры. Не знаю, кто их создал, но только не мы. Нам запретили работать. Одно желание поддерживало нашу жизнь, мы любыми путями хотели вернуться в наш мир. И это желание осуществилось. Мы нашли эту базу. Это была лаборатория инопланетян или древних цивилизаций. Я видел на ней ваши следы, Бирюза. Ты тоже хочешь отсюда удрать? Я кивнула головой:

– Ага! Ты так и не назвался. Как тебя зовут, учёный?

– А, какая разница. Зови – дед.

– Слушай, дед, я из-за тебя прохлопала обед.

– Не из-за меня, а из-за своей глупости.

– Моя пайка на столе меня дожидается, я сбегая её принесу, мы поделим её с тобой, тоже небось голодный?

Дед кивнул.

– Там в лаборатории синтезатор пищи есть, я, как учёный знаю, что в нём всё правильно и законно. И пищу он такую выдаёт, любой ресторан позавидует. Только я брезгую, как подумаю, что по соседству кладбище находится, а ему безразлично, где базовые элементы брать, для белков, жиров и кислот. Сплошной маргарин!

Я побежала. Мне не терпелось дослушать окончание истории, и с этим дедом что-то делать надо будет, его же года три назад с довольствия сняли, и вообще, он по всем документам давно мёртв. Дед доедал мою пайку, у него дрожали руки и лицо сводило спазмами. Сразу было видно, наголодался вдосталь. Наконец дед насытился.

– А, дальше что?

– А, дальше? Ты не ходила по отсекам лаборатории?

Я отрицательно помотала головой.

– И в кунсткамеру не заглядывала?

– Нет. Я ничего не открывала, боялась ловушек.

– Молодец. Значит и ускорителя не видела, вернее это здесь выглядит, как ускоритель, а там..., а там, как портал.

Мы с другом и убежали из этого мира, с помощью ускорителя. Он первый, а я за ним. Только, видимо, во времени разошлись. Я вынырнул один, рядом никого. Я попал в тот самый мир, который создал. Мимо шли люди в различные стороны и брезгливо обходили меня. В своей робе каторжника, я был больше похож на бомжа. Спасибо, какой-то сле-

пой старик приютил, сказал:

– Будешь мне служить вместо собаки.

Утром он послал меня в магазин за продуктами. Вы, Бирюза, знаете, как в этой стране ходят по магазинам? Нет, не знаете? Я так и думал. Целый час я маршировал на тротуаре, не сдвинувшись ни на шаг. Пока не пробили часы на площади, начался час пик, как называют его местные. Клянусь! Я впервые об этом услышал. Это было совсем, не по нашему проекту! Мне нужно было перейти дорогу, чтобы попасть в этот магазин. Но толпа бегущих по дороге людей, смела меня, как тротуарный мусор, и увлекла за собой, ей наперерез бежала другая толпа, итак, меня перебросили несколько раз, и я потерялся, как спаниель-поводырь этого инвалида. В этот день я в магазин не попал, мне стыдно, но я собирал крошки для голубей и пытался найти этот портал, чтобы вернуться назад. Я, с трудом, его нашёл. В мире испорченного времени прошло пять дней, а здесь ты говоришь – три года? Дед покачал головой. Я пообещала поговорить с настоятельницей, может вместе что-нибудь придумаем. Чтобы не раскрывать секреты склепов и инопланетную лабораторию, решили придумать историю, что дед бежал из плена от троглодитов. Но это после того, как он мне покажет, где этот ускоритель и как он работает. Дед опять покачал головой, не верил, что у меня что-нибудь получится. Дед был стар, а я себя ещё молодой считала. У меня обязательно должно получиться. Дед выполнил условие сделки, я свела его к амазонке. Настоя-

тельница сказала, что в правах я его восстановить не могу, но если он согласится пожить в племени, и ты, Бирюза, сможешь договориться с вождём, то время от времени, я буду подкидывать продукты питания. Утром мы с дедом отправились к дикарям. Дед спрашивал:

– А, дикари его не съедят?

А то, он уже не прочь вернуться опять к троглодитам. Нет уж, к троглодитам я отправлюсь сама. Как только готова буду. Вождя я уговорила тем, что наставница обещала помогать, и волшебный язык вы лучше выучите. Но женщина вождь не соглашалась:

– Зачем он нам нужен старый и слабый?

Я добила её тем, что мы содержим двух девочек её племени, а они растут, и едят больше старика. Хорошо мы забережём деда, а вернём ваших людей. Вождь запротестовала, три мальчика едва способны их с дочерью прокормить, ну ладно, если настоятельница обещала помочь с продуктами... и мы ударили по рукам. Я объяснила деду, как только буду готова, то пришлю одну из девочек дикарок, чтобы он знал, что я жду у склепа. Мне страшно было отправляться в неведомое, хотелось, чтобы кто-то был рядом со мной, когда я вхожу в ускоритель.

Поджилки до сих пор трусились. Фу, как воняет здесь, на выходе из ускорителя! Я начала соображать, по-моему, я нахожусь в мусорном баке, вся моя одежда перепачкана томатной пастой и раздавленной килькой с сигаретными бычками.

От меня шёл стойкий шпротный запах.

– Где я?

Я попыталась вылезти из мусорного контейнера. Все коты, крысы и голуби от меня бросились наутёк.

– Блин! Не мог дед предупредить, я бы запасную одежду взяла.

Это ж надо так вход в портал замаскировать. Я опять услышала бой колокола, и двор ожил, вокруг меня бегали какие-то люди, не суетясь и целенаправленно, они бегали группами, по несколько человек, успевая по пути выкинуть мусор, дочистить зубы и допить утренний кофе. Я почти не видела лиц этого народа, они расплылись в движении. Потом все разделились на группы и со скоростью маршрутного такси, скрылись в разных направлениях. Я осталась одна, и худой, облезший кот, который с выгнутой спиной смотрел на возникший перед ним зомби-апокалипсис. Из-за угла выглядывал дворник. Он впервые видел, как в течении недели, второе страшилище вылезает из мусорника. Потом дворник успокоился: – Не буянят, и то хорошо. Может у них там гостиница? Пришлось возвращаться в дом, он забыл орудие своего труда – метлу. Вот возвращаться в дом – это уже было проблематично. Дворник видел, как возле мусорных баков пляшет чучело, пытающееся добраться до уличной лавочки. Первый час пик закончился. Начался обычный рабочий день в стране испорченного времени. Кошмар! У меня все волосы стояли дыбом, как у этого, потрёпанного жизнью кота. Я

полчаса, как в пантомиме, стараюсь уйти из этого места, рядом орёт кот, повисший в воздухе вниз головой, над головой, позеленевший сыр гоняется за вороной, на перекрёстке, из автобуса стали вываливаться люди и расходятся по домам, задом на перёд.

– За порцией второго утреннего кофе, – догадалась я.

В этой стране не потолстеешь! Аэробикой нам с котом пришлось заниматься почти час, потом опять зазвонил колокол, а кот, наконец, шмякнулся о землю. Но радоваться мне безмятежности моей жизни осталось пара секунд, меня подхватила толпа и понесла по улицам, к площади. Я едва успела зацепиться за лавочку, голуби, собирающие по площади крошки хлеба, постарались держаться подальше от этого огородного пугала. Потом всё повторилось, площадь и все улицы опустели, а голуби стали плевать хлебом, стараясь издали поразить меня, как главную виновницу происходящего. Я закрыла глаза. Я поняла, что очутилась в стране испорченного времени, но главное, что я вырвалась из объятий этого дикого мира. Я здесь, а отсюда и до Волшебной страны недалеко. Я успокоилась – я дома, и заснула крепким глубоким сном, организм утомился от переживаний. Проснулась оттого, что кто-то тормозит меня за плечо:

– Женщина, вам плохо?

Я открыла глаза, передо мной стоял молодой мужчина с бородкой. Его глаза расширились:

– Мама? Что ты тут делаешь? Как ты сюда попала? Как

нашла нас?

Блин! Столько вопросов? Я не узнавала парня. Ничто, абсолютно, не ёкнуло в моём сердце. Я знала, что у меня никогда не было и не может быть детей.

– Вы ошибаетесь молодой человек.

– Ну, если у вас нет на правой груди родимого пятна, похожего на бегущую мышку, тогда вы точно – Не Огневица!

Я тактично промолчала:

– Откуда он узнал про родимое пятно?

Но вслух сказала совсем другое, отреагировав на его бесстыдные слова:

– Я не Огневица, я Бирюза.

Но он уже всё понял. Парень попросил никуда не уходить, он вернётся за мной, и убежал, по обочине, вдоль тротуара, ограничивающего проезжую часть улицы. – Я, если и захочу уйти, то не смогу. Так, намаршировалась, с котом, возле мусорных контейнеров, и набегалась по городским улицам, что двигаться не хотелось. Вскоре молодой человек появился в сопровождении красивого седеющего мужчины с волевым лицом.

– Грестарх, – представился тот.

И мы, по обочинам, газонам, переступая через кусты цветущего розария, двинулись к парковой поляне. Потом Грестарх вызвал такси, и возле нас приземлилось два дракона, сверкающих в лучах дневного света. Я не знала, что на драконов не действовало колдовство страны испорченного вре-

мени. Молодой человек подал верёвочную лестницу и помог забраться в такси. Через несколько минут, мы приземлились на окраине города, в частном секторе. Это был красивый особняк, с парком, упирающимся в излучину широкой реки, с тропинками, ручьями и деревянными мостами, украшенными филигранной резьбой. За полем для гольфа, стоял сам дом. Я не могла глаз отвести от его украшений. Здесь всё: и бассейн во дворе дома, и фонтан, украшенный стаей лебедей, выполненных из ослепительно белого мрамора, и сам дом, начиная с перил и лестничных пролётов и заканчивая фигурами причудливых животных, всё говорило о хорошем вкусе хозяев этого особняка. Я не узнаю себя: оказывается, кататься на драконах – это привычно и обыденно, никаких чудес, а перед каменными фигурами я распустила нюни – они показались мне более волшебными, и затмили перед моими глазами всё остальное. Молодой человек взял меня под руку:

– Пойдём в дом, мама. В наш дом. В твой дом, – поправился он.

Для меня это было так непривычно – чужой человек называет меня мамой. Для Грестарха он был Сарматом. В жизни, я бы не дала такое имя своему сыну. Эти жители страны испорченного времени, явно ошибались. Я Бирюза, и никогда не была Огневицей. Странное имя! Похоже на название болезни, когда человек сгорает изнутри. Мне показалось, что инопланетная машина меня перебросила совсем

в чужой мир, в котором меня попутали с какой-то Огневицей. Мне нравился Грестарх, он казался таким надёжным и уравновешенным, такие мужчины всегда нравятся женщинам. Жаль, что женат. Это я определила по кольцу на правой руке. Я верила в то, что этот мир не сошёл окончательно с ума. Даже выходя из ванны, мне была предоставлена целая комната сменного белья. Это было так неожиданно! Я даже забыла спросить, про участь моей казённой хламиды. Я крутилась целый час перед зеркалом, испытывая терпение двух ожидающих меня мужчин.

– А, может, ну его! Прикинуть этой, как его – Огневицей. Много ли для женщины надо? У этих людей есть всё: богатство, власть, почёт, уважение..., только это не моё! Не могу я полюбить чужого ребёнка, да ещё с таким идиотским именем – Сармат.

У Грестарха тоже имя не ахти, но он то, хоть адекватный, не лезет ко мне со своими родственными амбициями и не называет меня Огневицей. Я не хотела замены, я не хотела обмана, ибо знала, что любой обман, хоть маленький, хоть большой, будет раскрыт. Мне хотелось поговорить с Грестархом наедине, рассказать ему всё, как есть. Он мужчина, он поймёт, и найдёт выход из создавшегося положения. А, ещё хотелось рассказать про Орден, про его ложь, про то, как он ворует людей, превращая их в шашлык для дикарей, про каторжников и глупых девчонок. Только то, что хочется, не всегда сбывается. Когда я вышла из ванного зала, мужчин не

было, на столе меня ждала еда. Я после замковой каши, почувствовала себя сказочной принцессой, если бы ещё были здесь невидимые слуги! Вдруг блюдо с жареной дичью поползло по столу, и в моих руках оказался, то ли рябчик, то ли фазан. Я чуть не подавилась от неожиданности. Невидимые руки завязывали салфетку на моей груди, а кружка с холодной родниковой водой, уже была передо мной.

– Вы кто?

Спросила я. Мой мозг разорвал ответ невидимых созданий:

– Вы называете нас демонами. У нас контракт с хозяином, который посетил жилище предводителя драконов, обладателя амулета Гандз.

Я поняла, что эти невидимки в гостях, только что они делают в этой комнате? Демоны прочитали мои мысли.

– Наш хозяин попросил присмотреть за комнатой, мы можем и поухаживать, если нужно.

– Так вы что, и в ванной за мной подсматривали?

На этот раз демоны оставили мозг в покое:

– Ага!

Раздалось со всех углов обеденной залы. Я ещё успела заметить, как покраснело в углу зеркало, от стыда. Мне захотелось швырнуть в этих невидимых шпионов рябчиком, но блюдо, с дичью, предусмотрительно выскользнуло из моих рук. Эти невидимки издевались надо мной. Кто-то хлопнул в ладоши, и демоны пропали. Я решила осмотреть особняк.

На стенах висели картины, они, наверное, были очень ценны для хозяина особняка, под каждой картиной была табличка с надписью. Я вчитывалась в волшебный язык, вспоминая грамматику. «Горный пейзаж» тёмного мира, «Трубочисты над крышами академии», Подарок королевы драконов на день рождение Лианки, картина называлась «Говорящая с водой». Я подняла глаза, с холста на меня смотрела женщина-осьминог, вдруг она моргнула и позвала за собой. Я сделала шаг, и очутилась на берегу моря, никакого осьминога не было, вместо осьминога на меня накинулись два чудовища, я уже попрощалась с жизнью, а они уже успели облизать меня всю, подставляя под мои руки, свои холодные носы.

– Дети! Нельзя! – Я услышала чей-то повелительный голос.

Я открыла глаза. Передо мной стояла женщина-дракон.

– Огневица? Дети узнали тебя.

Это была королева драконов, она знала Огневицу, но я не знала её. Странно, как эти чудовища не разорвали меня. Спасибо этой симпатичной рептилии. Я, как тот учёный, устала от этого мира, меня потянуло назад, там было хорошо, спокойно, а здесь для меня всё чужое. Я заплакала. Королева драконов обняла меня, ничего не говорила, рядом скулили два подросших щенка чудовища, оказывая мне моральную поддержку.

Глава 40

– Так ты говоришь, что Орден предпринял к тебе гипно-

тическую атаку, и заставил переписать на него всё твоё имущество?

Я молча кивнула головой.

– И у тебя есть документальные доказательства?

– Как я могу иметь доказательства, если я ничего не помню?

– Ты меня извини, Бирюза, но я буду называть тебя прежним именем – Огневица, мне так привычней. По логике получается, что они стёрли все твои воспоминания личного характера – ты не помнишь, как тебя зовут, не помнишь были ли у тебя муж, дети, ты не помнишь родственников, друзей, знакомых, но помнишь, что тебя обобрал Орден. Нонсенс! У тебя ничего не выйдет. Из твоего рассказа я поняла, что ты не вписалась в реальности своего мира. Не Орден тебя обобрал, а твой собственный мир тебя выкинул, как чуждый элемент. Ты стала представлять угрозу его организму. А, Орден? Он, наоборот, вписался в этот мир. Ты Огневица существуешь, ты есть, стоишь передо мной. Из тебя можно сделать что хочешь. А, Орден – это что-то аморфное, безликое, которое нельзя потрогать пальцами. Ты знаешь его отдельных членов, рабочих пчёл, несущих мёд, но не знаешь, кто стоит во главе этого улья. Этот Орден чем-то похож на Партию, Клан, которые имеют общепризнанных лидеров, их имена известны всему миру, а Орден предпочитает оставаться в тени. Я думаю, Орден не безгрешен, внутри него есть свои течения, борьба за власть, и скорее всего, из тебя хотели

создать оружие этой борьбы, вычеркнув из твоей памяти всё лишнее, оставив только то, что нужно им, а потом не рискуя использовать тебя в своей борьбе за власть, что-то им помешало, в чём-то они просчитались. Они отправили тебя подальше от границ содружества государств, в дикий мир. Нет Огневицы, нет проблем! Так появилась Бирюза. Согласно твоей исповеди, ты поняла, что с помощью Ордена, совет избавляется от неудобных. Это и ты, и учёные, и романтические дурочки, превратившиеся в армию амазонок, и много, много других, в которых власть увидела опасность для своего существования. Наш мир, яйценосных ящеров, тоже можно отнести к диким мирам, наша планета только недавно получила статус цивилизации, и перестала относиться к запретным. Находясь в анклаве сообщества государств, в самом центре вселенной, мы вынуждены были приспособливаться под мир, обогнавший нас в развитии. Иначе, мы бы не выжили, погибли. Мой народ никак не может отойти от последней войны с рыбами, а в местах кладки яиц, приходится держать усиленную охрану. У нас хорошо развит туристический бизнес, но последнее время охранники, всё чаще ловят заблудившихся туристов у наших перинатальных центров, хотя везде установлены карты маршрутов и запрещающие знаки движения. Что ж – таковы реалии цивилизации, туристы платят штрафы, увеличивая доход государства. Вот ты, Огневица, ничего не помнишь из своей прошлой жизни? Не помнишь меня, а ведь мы когда-то были подругами! Ска-

жи, ты пожила в диком мире, с его лишениями и недостатками, в постоянной борьбе за свою жизнь, встречалась с дикими народами, а потом вернулась в свой мир? Что тебя поразило больше всего? Я задаю этот вопрос тебе, чтобы найти ответ для себя: почему я не люблю посещать ваш мир?

Я постаралась быть до конца искренней:

– Я в шоке от такой цивилизации! Я хочу вернуться назад, в свой замок. Мне кажется, я потеряла что-то очень ценное, очень важное – я потеряла себя.

– Вот так и мы, и живём, к чему-то стремимся, куда-то движемся, не понимая, что счастье рядом, а мы слепы. Мы потеряли свою душу, а ищем кого-то виноватого.

Королева повторила слова Кармин – моей бывшей наставницы:

– Нельзя дикарей называть дикарями, все их поступки объяснимы и поддаются логике. В каждом из нас сидит дикарь, и мы от самого рождения, до смерти боремся со своей собственной дикостью.

– Поверь, Огневица! Цивилизация ещё хуже. Поступки цивилизованных людей не подлежат объяснению. Ты не помнишь. Хотя стирать память людей – это тоже дикость. Ты не помнишь никого: не меня, ни Акву, не Лану, не её щенков. Честно, я виновата перед тобой, перед твоими близкими, я не могла и предположить, что может такое случиться с твоей семьёй. И обвиняла своих друзей в бесчувственности. Я даже перестала общаться с вами. Я не понимала: вы знали,

что умерла Аква, пропала Лана, но как вы смогли забыть про её детей? Каждую неделю я королева, ещё недавно, дикого народа, находила время, чтобы посетить этот морской пляж и накормить малышей. Каждый раз я мечтала о встрече с вами, но бесполезно. Переступить через поверженного врага, через умирающего от голода котёнка, бросить в реку, выпавшего из гнезда птенца – это что, достижение цивилизации? Я виновата. Прости! Теперь ты поняла, что ваш мир содружества государств, ещё более дикий, чем тот из которого ты убежала. Прости. Мне уже пора. Служба! Да и тебе пора.

Щенки опять заскулили, предчувствуя расставание.

– Ты, вообще-то, как сюда попала?

Я рассказала королеве про картину на стене особняка, в стране испорченного времени.

– Да, интересно. Эта картина мне подарена моей подругой Аквой – «Говорящая с водой». Она нарисована ручьями волшебного источника; и рисунок, и сама Аква, были, как живые. Мне было больно всё это видеть, я знала, что Аквы уже нет, и никогда не будет. Я помню, что подарила эту картину твоей приёмной дочке – Лианке. Я не знала, что это портал, подчиняющийся магии воды, и законам Гандз. По их законам, да и по законам волшебных миров, всегда нужно уходить тем путём, которым вошёл. Если вошёл в дом, через дверь, будь добр, и выйди в эту дверь. Это, только у колдунов, можно войти в форточку, чтобы провалиться в подвал, или вылететь в трубу!

Королева подвела меня к тому месту на пляже, где она меня встретила. Мы не прощались. В воздухе слабо светилась рамка из-под картины – это был вход в портал. Один из щенков, как прочувствовал мои движения, прыгнул и растворился в морском воздухе, первым провалившись в портал. Я поспешила за ним, чтобы он в этом мире испорченно-го времени беды не наделал. И вовремя...

– Лана! Нельзя!

Два здоровых мужика оттягивают щенка от не успевшего преобразоваться оборотня. с крыльями птицы и клювом совы. Щенок, удовлетворённый эффектом своего появления, оставил эту полуптицу в покое, и скрутился в калачик вокруг моих ног. Оборотень спустился с потолка, и фыркая, преобразовался назад в человека, и ждал, когда отпадёт клюв.

– Грестарх! Это не Лана, а Лан!

У щенка поднялись уши, и он завилял хвостом – значит кличка ему понравилась. Я надеюсь, второго малыша королева драконов забрала в свой мир.

Неясыть появился в нашем доме неожиданно. Его вызвали с Земли в совет, возникли неотложные вопросы, которые необходимо было срочно порешать. Начальник контрразведки никогда не сидел на одном месте и везде был нужен. Но несмотря на свой плотный график работы, он всё же, нашёл время, чтобы посетить своего друга. Грестарх с Неясытью были ровесниками, да ещё с одного клана.

– Гриша! Я нашёл твою жену. Огневица в диких мирах.

Мы с Сарматом переглянулись.

– Я не поверил, что она там, сам слетал, убедился. Гриша!

Это она.

Я поблагодарил друга за заботу. В совете, мы, по-прежнему числились в изгнании, и любое передвижение за границы мира испорченного времени, было под запретом. Неясыть понимал, что проверить его слова невозможно. Мы подходили к гостиной. Огневица, наверное, успела принять ванну. Грестарх распахнул дверь:

– Ты говоришь, Огневица в диком мире? А, это кто?

Неясыть спросил:

– Где?

Гостиная была пуста, на столе остались объедки, но женщина пропала. Мы все кинулись её искать, даже демоны, но безрезультатно.

– Дружище! Может это старческий маразм? Галлюцинации? Не было никакой женщины?

Но Сармат подтвердил:

– Сам, лично, за руку привёл.

И демоны подтвердили:

– Да, была!

– Но куда тогда она могла пропасть? Нет следов ухода из дома, нет следов телепортации. И через канализацию она не исчезала, мои бы шпионы обязательно, что-нибудь унюхали. Ускорителем тоже никто не пользовался. Следы таинственной пропажи терялись в прихожей, возле картинной галереи.

Демоны приножились к каждой щели в полу, а мы, шатаясь от усталости, присели здесь же – на полу.

– Но она была же. Вот тут, была!

Неясыть старался успокоить друга. Вдруг появилось это чудовище, бедный гость подлетел к потолку, демоны разлетелись врассыпную. Но, что было дальше, вы уже знаете. Появилась Огневица, или Бирюза, или, кто его знает? У Неясыти поехала крыша:

– Одна – здесь, одна – в диких мирах? Ну, не знаю!

И Неясыть растаял в воздухе.

– Вызвали в совет, – догадался Грестарх.

– Кто это? – спросила Огневица.

Грестарх посмотрел на неё удивлённо:

– Да, так. Сосед за солью заходил.

Он подал сигнал сыну. Сармат давно обратил внимание на эти странности. Мы в своём доме оказались на правах гостей, боялись лишней раз пошевелиться; это чудовище – Лан, признавал только хозяйку и любое наше движение, сопровождал неприкрытым недовольством. Мы ждали, когда Огневица сделает первый шаг, чтобы Лан ушёл с прохода. А женщина, как застыла, ей нравилось испытывать наши нервы. Я узнал, да, я конечно узнал щенка Ланы, раньше они к нам приветливее относились, но прошло много времени, видимо они забыли наш запах. Время меняет и людей, и животных, в стране испорченного времени портятся все: и те, и другие. Наконец Огневица «проснулась», и мы все вышли

из приёмной в гостиную. Огневица поблагодарила за обед.

– А для собачки у вас ничего не найдётся?

Я, с Сарматом, наперегонки, бросились потрошить холодильник; – два холостяка – изгнанника, у нас даже кухарки не было. Мы натащили столько различных бутербродов с сырыми яйцами, с плесневелым сыром и ветчиной. У Лана были глаза, как тарелки – собака такое не ела. Огневица вздохнула тяжело, и попросила нас всё отнести на кухню. Лан поплёлся за ней, оставив нас без присмотра. Сармат сразу же смылся к друзьям, а я принял чисто мужскую позу, завалившись с газетой и чипсами на диване. Пока Огневица колдовала на кухне, превращая наши быстро усваиваемые продукты в респектабельный вид, меня опять потревожил Неясыть:

– Я, случайно, перчатки у вас не забыл?

Я его тормознул. Вечно он куда-то спешит.

– Скажи. А это наше изгнание, надолго?

– Ой, Гриша, не спрашивай! Задал ты нам работы! Связался я с тобой на свою голову! Из-за тебя, никак операцию на Земле закончить не могу.

Я не мог понять, в чём мы провинились? Я знал, что друг зря наговаривать не будет, но до меня не доходило, где я на Земле так напортачить успел? Но главному разведчику было некогда, он успел сказать, что объяснять – это долго, и не к чему. Попросил, не высовываться из этого мира, без надобности... и растаял. Бирюза, наконец-то дождалась, когда они с Гристархом остались наедине, не считая Лана. Пес наелся,

и после обеда дремал в зале, заняв, без преувеличения пол комнаты. Это мы его называем собакой за его доброту и отзывчивость к ласке, за то, что он легко поддаётся дрессировке, а в действительности, мы даже не знаем, что-за животное прибилось к нам. Лан больше походил на чудище из какой-то забытой сказки, чем на доброго шаловливого щенка, которым он был для нас. Разговор предстоял неприятный и долгий, я не любила лжи, мне предстояло объяснить этим двум гостеприимным и заботливым мужчинам, что они ошиблись – я не Огневица, они приняли меня за кого-то другого. Я говорила и говорила, Грестарх внимательно слушал меня, не перебивая, и спокойно пил чай. Меня выводило из себя это его спокойствие. Есть мужчины без комплексов, готовые выполнить любое твоё желание, есть мужчины, от которых веет надёжностью, силой, властью. Этот – спокойно пил чай! Я рассказала всё, я выговорила, он почувствовал это, но никакой реакции. Мне бы легче было, если б он крикнул, закатил истерику, обвиняя меня во лжи, в неблагодарности или ещё в чём-нибудь. Грестарх допил чай, и поставил пустую кружку на стол. Воцарилось какое-то тревожное молчание. Эта пауза затянулась до неприличия. Мужчина думал, переваривал мои слова, без переживания, без эмоций, как будто решал какую-то сложную многоходовую шахматную задачу. Лан тоже поскуливал во сне, вспоминая про свои собачьи невзгоды. Наконец, хозяин дома решил напомнить о своём присутствии, я уже успела забыть его голос. Помню, что при

нашей встрече он мне показался чарующим. Как же обманчива бывает внешность, и что я в нём хорошего нашла – красив и холоден, как лягушка.

– Так вы говорите Бирюза, что в наш мир попали случайным, из дальней вселенной, называемой дикими мирами?

Я кивнула головой, от этой «лягушки» можно было ожидать всего, но, если он мне сейчас начнёт устраивать проверку, и заставит на звёздном атласе показывать, где эти дикие миры находятся, честное слово, я ударю его чем-нибудь по голове.

– Интересно, очень интересно. Замечательно!

Не знаю, что он интересного и замечательного нашёл в моих словах?

– Я вас попрошу, повторить ваш рассказ в присутствии моего друга. Вы его уже видели: маленький, толстенький, дерганый весь, всё куда-то торопится.

– Это тот, что летал под потолком, при виде Лана.

– Да, да, тот самый. Вы так наблюдательны, Бирюза! А, пока не переживайте, поживите в нашем доме немного, сгладьте нашу холостяцкую жизнь.

Я посмотрела на обручальное кольцо, на его руке. Гристарх стушевался, покраснел и спрятал руку за спину:

– Ах, это? Это из прошлой жизни. Я ведь тоже не совсем тот, за которого меня все принимают..., и мужчина замолчал, предпочитая оставаться один на один со своей тайной.

Целых два месяца я наслаждалась жизнью в этом зате-

рянном раю, называемом миром испорченного времени. Я полюбила эту странную непонятную страну. Действительно, чтобы понять что-то, нужно полюбить это что-то, даже за его непонятность, за его сплошные загадки и кроссворды в каждом движении, в каждом изгибе дороги, за каждым углом зданий. Я приняла этот мир, а он меня, и мы вместе ходили по музеям столицы, в читальные залы, в консерваторию. Даже однажды попали на футбол. В том мире достаточно стакана газированной воды, чтобы целый матч наслаждаться вкусом освежающего напитка, и наблюдать, как мячи, один за другим выпрыгивают из ворот, и услужливый судья не успевает корректировать счёт матча. Я так и не поняла, где свои, а где чужие. В этом футболе свои правила! Я только помню, что счёт игры был ничейный, и последний гол вылетел из ворот, за полминуты до финального свистка. Вы не представляете, что творилось на трибунах! Правда файеры, с прочим мусором, на поле никто не швырял, зная, что мир, в любое время может ответить инверсией. Мне понравились футбольные болельщики, а ещё мне понравился дельфинарий. Но больше всего мне нравилось гулять по городу с Грестархом, с ним я не чувствовала того неудобства, как попав в этот мир, в день своего прибытия. Этот город был очень интересным, я уже привыкла никуда не торопиться, могла часами стоять на площади и рассматривать достопримечательности городской архитектуры, чтобы потом, в час пик, сориентироваться с направлением людского потока,

и выбрать для себя другой объект, для любования. За всю свою жизнь, я впервые себя почувствовала туристкой. Мне нравилось всё: мои гостеприимные хозяева, город, страна, но всё равно – это было не настоящее, я чувствовала, что я не дома, а в гостях. Я наслаждалась отдыхом, зная, что впереди меня ждёт долгая и кропотливая работа. Я уже приняла решение. Каждому человеку предстоит построить свой мир! Я помнила, что за пять дней, проведёнными учёным, в мире испорченного времени, в диких мирах прошло три года. Каждый мой день в гостях, всё больше и больше удалял меня от моей цели. Мы, ещё два раза, ходили гулять с Ланом на побережье моря на Рузе, но не королевы, ни брата Лана, мы не встретили. Недалеко от берега, целовались два осьминога, но они нас не замечали, и мы, старались им не мешать. Лан вспомнил запах моря, носился по берегу, в его глазах было столько счастья! Я, как и все, в этом доме, ждала появления Неясыти. Только никто не знал, где он находится и когда прибудет. И прибудет ли он вообще. Он занят, он всегда занят, даже не знает, что его ждут здесь с нетерпением. Блин! Разница между мирами уже перевалила за триста лет, я боялась опоздать со строительством своего мира, пока этот Неясыть порешает все свои дела, мир построится сам собой, и станет вполне цивилизованным! Грестарх смеялся:

– Не бойся! Долго ли разрушить построенное? А, на руинах, хоть Карфаген возводи.

Я не знала, что такое Карфаген, но слова мужчины меня

успокаивали. Хватит ещё на мою жизнь диких миров! И время ещё есть, для осуществления моей мечты, я ещё совсем не стара. Замуж? Вы смеётесь что ли? Хотя, если некоторым лягушкам растопить кровь, то можно и замуж! Неясыть появился среди ночи, грязный и уставший, он совсем не имел сил. Демоны утащили его в ванную комнату, волоком, как грязную половую тряпку. Они же и вымыли хозяина. Я опять покраснела, почувствовав этих невидимых слуг.

– Спать, только спать, – это были последние слова, что мы услышали от Неясыти в этот вечер.

Гость даже не реагировал на Лана. Щенок пытался его снова напугать, ему понравился человечек, летающий под потолком.

Глава 41

Я, как восточная принцесса, в который уже раз пересказывала свою историю. Все три мужчины, собравшиеся в этом особняке, были внимательными моими слушателями. Ах, да, я забыла – Дан тоже наострил уши. Если я сбивалась, или не могла ответить на заданный вопрос, подключался Грестарх. Он знал мою историю не хуже меня. Вопросов было мало, Неясыть, что-то записывал в блокнот, делал какие-то отметки. Я закончила свою исповедь, в комнате стояла тишина, но работа продолжалась, я чувствовала, как наэлектризовался воздух. Даже у Лана поднялась шерсть к потолку. Все думали, а Неясыть ещё успевал писать. Я не выдержала первой, выскользнула во двор. Мне не хватало воздуха. Лан после-

довал за мной: он был такой большой и интересный – пушистый и круглый! Когда мы вернулись в дом, не Сармата, ни Неясыти в доме не было.

– А, где остальные? – спросила я.

– Улетели, – ответил хладнокровный.

Я уже ничему не удивлялась, в этом мире мужчины всегда улетали, вместо того, чтобы оказывать внимание даме. Я подошла к Грестарху:

– А, дальше что?

– А, дальше, нужно ждать.

– Опять ждать?

– В стране испорченного времени нельзя спешить, лучше подождать.

Да, я это помнила:

– Кто спешит, тот марширует!

Ждать нам пришлось недолго, прилетел Неясыть и расставил все точки над и: с Сармата и Грестарха сняли все обвинения, все запреты. Следствие по их делу было прекращено, их восстановили в своих правах. Неясыть увидел вопрос в глазах своего друга: ни Грестарх, ни его сын ничего не понимали. Тогда он постарался объяснить эту историю, если на неё взглянуть глазами контрразведчика.

Нелюдь поручил мне найти убийц его клана. Я не буду рассказывать про войну с клонами Грестарха, их были миллионы. Планеты пиратов нет давно, но остались их секретные базы, на одной Земле мы нашли более восемнадцати

баз дубликаторов. Поверьте, это страшно уничтожать монстра, когда он выглядит, как твой лучший друг. Разговаривать с клонами невозможно, их делают по таким технологиям, что даже малейшие нюансы воспроизведены с поразительной точностью. Неясыть выложил на стол целую связку амулетов Гандз.

– Они не настоящие, они не работают, но какова точность исполнения.

Я клону задавал вопрос личного характера, ответ на который только мы вдвоём. Неясыть наклонился к Грестарху и что-то прошептал на ухо. Грестарх заулыбался. Клон ответил на этот вопрос. Технологии пиратов были настолько совершенны, что для них ничего не оставалось секретного в человеческой памяти. К сожалению, эти технологии нашли применение и в нашем мире, и от них никто не собирается отказываться. Неясыть посмотрел на Огневицу. Он повернулся к Бирюзе:

– Я произвел запрос по вашему делу. Доказать нарушение закона со стороны Ордена, нет возможности. Всё ваше имущество прошло через сотни рук, везде фигурируют настоящие документы, с настоящими подписями. Я думаю к вам не применили гипноз, а применили технологию пиратов. Мы можем восстановить вас в своих правах, если вы сможете предоставить справку, что вы не клон. Скажу прямо, в диких мирах найдено семь Огневиц, но слава космосу, они, так же, как вы, имеют претензии только к Ордену и совсем

не претендуют на восстановление своего доброго имени. Мы все живём в опасном мире, в страшное время. Скорее всего, Огневицы нет давно в живых, а клоны, по каким-то причинам забраковали. Над этим Орденом контрразведка работает давно, есть определённые успехи. Но только мы нащупываем цепочку руководства, как она обрывается, а в руки контрразведчиков попадают не основные виновники преступного синдиката, а их клоны. Но мы работаем и когда-нибудь выйдем на дубликаторы Ордена.

Меня немного удивила циничная характеристика Неясыти. Я ему, один на один сказал:

– Ну, так же нельзя! Зачем ты Бирюзе сказал, что она клон, копия, не настоящая?

Птица прищурился:

– Это не я, а ты сказал, что она не настоящая. Все клоны настоящие, как сёстры близнецы, ещё даже больше, у них даже отпечатки пальцев совпадают. Мы с тобой Гриша тоже не настоящие. Ты догадываешься об этом. Мы с тобой Гриша оборотни, признайся, это какая у тебя реинкарнация по счёту?

Я тактично промолчал.

– Как ты догадался, желтоглазый?

– Скажи, Гриша, ты помнишь, когда родился?

Я задумался.

– Неужели, пятьсот лет прошло? А, вроде недавно академию заканчивал, и для меня двенадцать лет показались веч-

ностью. Погоди – а Сармат, а Лианка?

– Сармат, как и мы, тоже оборотень. А Лианка – её давно нет в живых, ни её детей, не внуков, только правнуки доживают. Ты у нас грамотный, академию заканчивал, скажи, сколько живёт человек в этом мире?

–Ты имеешь ввиду мир испорченного времени?

– Гриша, не виляй, ты знаешь, что я имею ввиду!

– Ну, от силы, лет сто пятьдесят.

– Вот! Для таких, как мы и придумали этот мир испорченного времени, все нормальные люди не могут в нём жить, даже клоны его избегают, а для нас – он, как холодильник, мы в этом мире чувствуем себя как дома. Ты не замечаешь, Гриша, как много стало испорченных людей? И все стремятся обустроится здесь, а отдохнуть ездят в Москву, которая из деревни превратилась в мегаполис, и нет там уже деревянного моста, и самой реки Яузы нет с русалками и водяным, и шалаша твоего нет. Вместо шалаша там ресторан, Гриша. Я уже не стал расспрашивать про остальные похождения контрразведчика в Московии, мне как-то стало не интересно, нашёл ли Неясыть ящеров, или нет. Мне стало грустно и обидно.

На следующий день мы провожали Бирюзу. С помощью демонов, еле нашли этот секретный портал в дикий мир. Женщина обняла меня и Сармата и заплакала. Как сложна человеческая жизнь! Собака, первая среагировала на час пик, и растворилась в мусорном контейнере, Бирюса ушла не поворачиваясь. Мы все знали, что она больше никогда не

вернётся в этот мир.

– Борис Савельевич, проснись, приехали!

Блин! От Каширы до Чертаново, чуть больше полутора часов езды, а такое ощущение, что прошла целая вечность. Я открыл глаза, я не понял, как здесь очутился, и кто эта женщина, с бородавкой на носу, похожая чем-то на королеву драконов. Наверное, цветом кожи? Пассажиры двинулись к выходу единым потоком, подхватив меня, как в мире испорченного времени.

– Мужчина! Ну куда же вы?

Я обернулся, ко мне спешила Огневица, пытаюсь вернуть меня в наш мир. Она была такая красивая, как при первой нашей встрече.

– Мужчина! Вы палочку оставили.

И девушка сунула мне в руку трость, а сама устремилась по проходу, вслед за пассажирами, прибывшими на свою остановку. У меня закололо в сердце, и я вспомнил про больную ногу.

– Борис Савельевич, поспеши, электричка ждать не будет.

Я стоял на девятом этаже, в квартире жены, у окна. Она делала два дела одновременно: смотрела сериал, и разговаривала по телефону с подругой, обсуждая воскресную поездку на фазенду мужа. В окне была Москва, а за окном шёл дождь. У соседей мастер настраивал пианино – Дэн, Дэн, Дэн, пытаюсь мне о чём-то напомнить. Может быть о моей

квартире на третьем этаже, где у меня на балконе жил говорящий ворон? Или о моих друзьях, которые остались в стране испорченного времени? Но я знал, что это не мой мир, и что, когда-нибудь, без стука в дверь, ко мне прилетит Неясыть и скажет, что я нужен ему, совету содружества государств, или просто, что он соскучился и прилетел попить чаю. В хорошую погоду я выходил во двор, обычно, вокруг меня собиралась детвора и просила продолжения истории. Я просил их напомнить, на чём я остановился? На этот раз, мелкоты во дворе почти не было. Подбежала маленькая девочка с собакой на поводке, и задала вопрос:

– А, что случилось с Нелюдьё?

Простой бесхитростный детский вопрос открыл целую волну моих воспоминаний.

Меня вызвали в совет, Неясыть уже ждал в фойе здания. Он подхватил меня, чтобы я нигде не заблудился, и потащил в кабинет распорядителя. Здесь была куча народа. Все шумели и о чём-то спорили. Мне показалось, что в этом зале были представлены существа всех миров.

– Что случилось? – задал я вопрос другу.

Но он не отреагировал, его в этот момент это мало интересовало.

– Готовятся к выборам, – он буркнул мне под руку и потащил в левую комнату.

За столом сидел гриб, обыкновенный гриб, с двумя ногами, двумя руками и головой, прикрытой академической ши-

рокой шляпой.

– Знакомься. Это новый начальник контрразведки. А, это, тот самый предводитель драконов, о котором я вам рассказывал.

Гриб протянул мне руку, и я ответил на рукопожатие.

– Постой! А ты?

Неясыть улыбнулся:

– А я, в отставку, на пенсию.

– После дембельского аккорда, – подтвердил Гриб.

– Мы тебя, Грестарх, вызвали в помощь Неясыти. Осталось одно неприятное дело, которое он не успел закончить. Но это он тебе сам лучше объяснит. Это его предложение, тебя подключить к расследованию.

Я был в недоумении, когда проходили по коридору, я увидел чёрную траурную ленту на дверях председателя.

– Что случилось с Нелюдьё? – задал вопрос я Неясыти.

Контрразведке на Земле удалось найти следы пяти разных народов, в разных уголках мира, не связанных с Каспийским морем, но рептилий среди них не было. Учёным удалось найти связь со всеми водными бассейнами Земли: некоторые озёра, напрямую сообщались с океаном, а в скорости движения рек, была зависимость от расположения звёзд и планет, даже маленькая луна играла свою роль. Было сделано много открытий, но никаких следов Бабатуров. Когда закончили с базами клонов, Неясыть доложил председателю о провале своей операции:

– Нет здесь никаких ящеров! Осталась одна легенда о их пребывании. Даже следов этих Дэнгиз-шайтанов не нашли.

Нелюдь вышел из себя:

– Нет, говоришь? Ты об этом, вдовам в посёлке Озорницы расскажи!

Нелюдь сам отправился на Землю, без подстраховки и прикрытия. И он нашёл! В горах Турции, в одном из подземных пещерных озёр. Он нашёл и Шешана и весь его народ. Он ящерам поставил условие, что оставит клан в покое, если они выдадут ему вожака.

– Мне нужен Шешан, только Шешан – убийца моего народа и моих детей.

Ящеры вынесли Шешана к Нелюди. Вожак был стар, не мог сам передвигаться, даже разговаривал с трудом, его мысли терялись в ментале. Нелюди больше ничего не надо, было. Его вендетта исполнилась. Он что-то на ухо сказал ящере, и они оба пропали: с Земли, со Вселенной, из космоса. Прошло более трёх месяцев, в совете начались новые выборы председателя. Боюсь, что этот раз выборы продлятся несколько лет, уж слишком много претендентов на корону правителя! Грядут большие перемены, Денис! Неясыть знал, что я не любил, когда меня называют по земному имени. А, может быть, он так ругался? Не знаю. Размышлять особо было некогда, мы пересекли границу первого дикого мира. Мы шли по следам Ордена. Его «голову» контрразведка успела отрубить, остался «хвост». Неясыть говорил, что Орден пре-

вратился в вполне успешную структуру, не предприми мы сейчас меры – новая «голова» вырастет на шее этого «дракона».

– Не хотел бы я, чтобы Орден оказался вечной проблемой для совета содружества государств. Его щупальца, итак, проникли во все структуры власти, не успеваем обрубать. В каждом из диких миров были свои замки, крепости, посёлки, и все они подчинялись Ордену, все они зависели от него. Питание, оружие, медикаменты – кто-то продолжал управлять системами логистики, и мы с Неясытью знали, что нельзя вмешиваться в этот процесс. Неясыть, что-то отмечал в своих протоколах, вёл допросы свидетелей, а я... А, я понял, что дело безнадежно проиграно. Орден подготовил себе твёрдую почву и имел право на жизнь. Неясыть рассказал мне, что контрразведке удалось найти все центры клонирования на территории содружества, все они уничтожены, вместе с исходным материалом и существами, причастными к этому противозаконному процессу. А, вот с результатами этого клонирования нам приходится встречаться каждый день, во всех диких мирах. У нас создалось впечатление, что Орден дикие миры засыпал копиями: почти в каждом из миров была своя Огневица, доктор, учёные – создатели мира испорченного времени. Это то, что мы знали, мы не знали одного – был ли предел фантазии у того, кто руководил клонцентрами. Я иногда присутствовал на допросах, все они носили характер непринуждённой светской беседы.

У Неясыти всегда в запасе был одноразовый быстрорастворимый кофе, с обалденным запахом. Разведчик любил повторять:

– Ничто так не расхолаживает любое существо, как чашка крепкого горячего кофе!

Мне нравилось, когда Неясыть задаёт вопросы Огневице. Все Огневицы были похожи друг на друга, все они были настоящими, но мне, даже в теле Бориса Савельевича, хотелось найти свою жену. Бывшую жену Грестарха. У меня не было системы, я даже не знал, как? Просто интуитивно задавал один и тот же вопрос, каждой из Огневиц, в разных мирах:

– Я знаю, у вас стёрли память, вы растеряли всё своё имущество. Но может быть у вас что-то осталось от прошлой жизни?

Всегда я получал один и тот же ответ:

– Ничего!

Неясыть вычёркивал мир за миром, а в его списке их было на пять лет работы. Мы посетили мир нашей старой знакомой, которая и вывела нас на Орден. Лан повзрослел, вымастился, Огневица говорила, что в этом мире у него подружка появилась, Лан частенько мотается к морю и пропадает у неё. Так вот где родина волосатых драконов? Осталось только узнать, как они попали в наши миры:

– Как, как? По формуле воды, – предположил мой друг.

Огневица говорит: Лан строит здесь всех подряд. На дереве, перед замком сидел волшебник и орал благим матом:

– Уберите этого дракона, собаку, кусаку.

Неясыть заулыбался, а я вспомнил своего друга Сапожаку. Я спросил у Огневицы, какие ещё изменения произошли в её отсутствие, пока она была у нас в гостях, в мире испорченного времени? Она пожала плечами:

– Наставница сменилась. Ах, да! Я нашла запись в книге судеб замка. Королева кочевого народа оказалась дочерью нашей первой наставницы. Её, приёмным родителям, река принесла в подарок. Мы по рисунку на пелёнке вычислили это. Наставница сама его вышила, а пелёнка – это единственное, что осталось у девочки от матери.

Королева кочевого народа старается скорректировать маршрут государства так, чтобы иметь возможность пару часов посидеть на могиле матери. Я спросил у Огневицы, задав ей уже привычный мне вопрос.

– Ничего, – получил я в ответ.

Мы с Неясытью всё дальше и дальше углублялись в дикие миры. Наши находки оказались ещё интересней – пошли клоны наших правителей, я уже пять Нелюдей насчитал, двух Волхвов и других, которых я сам видел раз или два, за всю мою жизнь. Получалось, что Орденом руководили высшие эшелоны нашей власти, а мы с Неясытью вели следствие против себя самих. Не знаю, хотел ли так Нелюдь решить проблему возрождения своего клана, или как? Но мне эта дурная работа уже надоела. Я устал, налетался по диким мирам. Я обо всём сказал другу и о том, что я думаю

про разведку и наших руководителей, и вообще... Мне почудилось, что кто-то засмеялся, рядом в ментале. Нет, почудилось. Неясыть уговорил меня посетить ещё два мира для круглого счёта протоколов. У Неясыти были свои необъяснимые приметы. Ему казалось, что если количество протоколов заканчивается на ноль, то и само дело будет раскрыто с максимальным эффектом. Улик преступной деятельности ордена хватало, мы свою работу выполнили, не было смысла обследовать все дикие миры. Я уступил капризам Неясыти и пошёл у него на поводу.

– Скажите, у вас что-нибудь осталось от прошлой жизни? – задал я вопрос очередной Огневице.

Она пожала плечами, потом под халатом из своего потаённого карманчика, вытащила что-то завёрнутое в платок:

– Вот!

Дрожащими тонкими пальчиками развернула, раскрыла узелок и достала какую-то вещь. Когда она разжала кулачок, на её ладони лежал обыкновенный детский свисток. Она не знала, что это, она не знала откуда оно у неё появилось, но, когда она потянуло это к губам... я выбил свисток из её рук.

– Свистеть нужно только тогда, когда необходима срочная помощь.

Это выглядело так грубо и нетактично с моей стороны, у женщины, от обиды даже слёзы на глаза навернулись.

– Не свисти, денег не будет! – хотел сгладить неловкость Неясыть.

Но, только получился совсем другой эффект. У женщины эта вещь была самой дорогой в её жизни, она подняла с земли свисток и выскочила со здания.

– Это она!

Неясыть посмотрел на меня:

– Кто, она?

– Огневица!

– Я знаю.

Неясыть уложил протокол в свой канцелярский портфель.

– Ничего ты не знаешь! Это настоящая Огневица.

Это было последнее, что я помнил об этом мире. Я ничего не знал, что случилось с Корчегом и его приёмным братом Челстугом, когда мы прибыли в совет, шли выборы председателя, Неясыть побежал перед грибом отсчитываться, а я домой к себе – в мир испорченного времени. Друг соскучился, вечером прилетел, у пенсионеров времени – уйма! Я задал вопрос, просто так, для поддержания разговора:

– Кто там хоть лидирует на этих выборах?

– Не знаю, не наш. Кто-то из Литов с параллельного мира.

Я поднял глаза:

– Человек?

– Какой там? Дерево!

– Как дерево? Полный дуб что ли?

– Хуже. Из плотоядных. Страшный – хуже Нелюдя: вдруг что, кричит, всех пересчитаю, перемеряю и почковаться заставлю, вы ещё у меня попляшете, пупсики! Говорят, его вы-

борный штаб кто-то из наших возглавляет – из клана птиц. Тебе имя Пустельга ни о чём не говорит?

Я знал, что Неясыть телепат, а дудки тебе:

– Дзен, дзен, яичница! Ничего тебе не расскажу про Линею, не про своего друга Пустельгу, ни про его жену – Лою. Я знал, что только Ытхи смогут навести порядок, в этом содружестве государств – в империи колдунов и магов.